

Д.И.ГОЛЬДБЕРГ

**ВНЕШНЯЯ
ПОЛИТИКА
ЯПОНИИ
В 1941-1945 ГГ.**

Д. И. ГОЛЬДБЕРГ

**ВНЕШНЯЯ
ПОЛИТИКА
ЯПОНИИ
В 1941-1945 ГГ.**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1962

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа посвящена внешней политике Японии в период военных действий на Тихоокеанском театре, являвшихся составной частью, одним из звеньев второй мировой войны.

Широта избранной темы побудила автора ограничиться исследованием наиболее важных и наименее разработанных внешнеполитических вопросов указанного периода. К ним относятся прежде всего японо-советские отношения, в частности раскрытие причин антисоветского внешнеполитического курса Японии и подлинной сущности ее политики «нейтралитета» в отношении Советского Союза. В тесной связи с антисоветской политикой Японии рассмотрены японо-германские отношения, в частности показаны общность и единство внешнеполитических целей Японии и Германии как членов тройственного военно-политического блока агрессоров, добивавшихся насильственного передела мира и установления своего мирового господства. Значительное место отведено выяснению причин и целей внешнеполитического маневрирования Японии и закулисной деятельности ее дипломатии в 1943—1945 гг. Особое внимание уделено разоблачению японского «нового порядка» во временно оккупированных странах и фальсификаций, искажающих подлинный характер военно-политического союза агрессоров. Вскрыты подлинные причины возникновения и характер военных действий на Тихом океане, причины капитуляции Японии, в частности рассмотрен вопрос о действительной роли Советского Союза и Народно-осво-

бодительной армии Китая в завершении войны на Дальнем Востоке.

В той степени, какая необходима для более полного анализа главных внешнеполитических проблем, показана антивоенная борьба японских трудящихся.

Структура работы основывается на предлагаемой автором периодизации военных действий на Тихоокеанском театре второй мировой войны. Однако анализ военных операций выходит за пределы настоящей работы. Автор считает нужным лишь вкратце рассмотреть, как отражались изменения в военно-стратегическом положении Японии в различные периоды войны на внешней политике правительства, на внутреннем политическом и экономическом положении страны.

Г Л А В А П Е Р В А Я

ПОДГОТОВКА И РАЗВЯЗЫВАНИЕ ЯПОНИЕЙ ВОЙНЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ. АНТИСОВЕТСКАЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ И ПРОГЕРМАНСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ ЯПОНСКИХ ИМПЕРИАЛИСТОВ. ПРИЧИНЫ ВЫБОРА ЯПОНИЕЙ «ЮЖНОГО» НАПРАВЛЕНИЯ ВОЙНЫ

Агрессивный характер внешней политики Японии

Внешняя политика Японии после незавершенной буржуазной революции 1867—1868 гг., открывшей капиталистическую историю страны, носила особо агрессивный характер. Она была направлена против народов азиатского континента, в первую очередь против Китая и стран Южных морей, а также против России, а после Великой Октябрьской социалистической революции — против Советского государства.

Агрессивность внешнеполитического курса Японии на всех этапах ее капиталистического развития отнюдь не была свойственна японской нации и не является чертой, характерной для японского народа. Захватническая политика Японии, начавшаяся в 70-х годах XIX в., являлась порождением условий формирования японского капитализма.

Чрезвычайная узость внутреннего рынка, вызванная сохранением феодальных пережитков в экономике страны и низкой платежеспособностью трудящихся масс, породила внутренние противоречия японского капитализма, которые правящие классы Японии пытались разрешить путем агрессивной внешней политики. Не имея возможности сбывать на внутреннем рынке товары, производимые национальной промышленностью, господствующие классы Японии стремились насильственным путем захватить для них внешние рынки.

Благоприятным фактором, облегчавшим проведение колониальной экспансии, являлось выгодное географическое положение Японии — ее близость к азиатскому континенту. Это обстоятельство, а также отдаленность от азиатского материка и тихоокеанских владений западных соперников создавали особо благоприятные условия для осуществления Японией империалистической экспансии на Дальнем Востоке.

Захват островов Рюкю, экспедиция на Тайвань, грубое, насильственное вмешательство во внутренние дела Кореи в 70—90-х годах XIX в. — таковы первые акты колониальной экспансии капиталистической Японии. Важной вехой на этом пути явилась первая японо-китайская война 1894—1895 гг. Это была первая в новой истории Японии захватническая, несправедливая война, ставившая целью закабаление народов Кореи и Китая и создание базы для развертывания агрессии на азиатском континенте, а в последующем — на Тихом океане.

Начав экспансию против корейского и китайского народов, когда территориальный раздел мира приближался к концу, молодой японский капитализм явно спешил захватить возможно больше колоний и укрепить свою экономическую мощь для подготовки новых актов агрессии против народов Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, для превращения Японии в могущественную колониальную империю.

В результате первых двух войн — против Китая в 1894—1895 гг. и России в 1904—1905 гг. — Япония превратилась в колониальную державу, взявшую на себя роль «жандарма Азии», роль душителя свободы и поработителя соседних народов. Она превратилась в государство, насаждавшее жестокий колониальный гнет и применявшее крайне тяжелые методы эксплуатации народов азиатского континента.

В период между японо-китайской войной 1894—1895 гг. и первой мировой войной 1914—1918 гг. Япония превратилась в страну современного монополистического капитализма¹. В процессе перерастания японского домонополистического капитализма в монополистический быстрыми темпами шло сращивание банковского капитала

¹ Подробнее см. *Д. И. Гольдберг*, К вопросу о характерных чертах становления монополистического капитала в Японии, «Вестник Ленинградского Университета» № 8, 1957 г., стр. 179—193.

с промышленным капиталом и с полуфеодальным помещичьим землевладением, причем централизация капитала происходила быстрее, чем концентрация производства. Большую роль стали играть такие монополистические объединения, как Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, Ясуда, Сибусава и другие.

Становление японского монополистического капитализма происходило в условиях закрепления феодальных пережитков, полуфеодальной эксплуатации крестьянства, полукOLONиальной эксплуатации рабочего класса, в условиях чрезвычайной узости внутреннего рынка, низкой платежеспособности трудящихся масс и сохранения монархии как оплота феодальных пережитков в экономике и политической структуре страны, как средоточия всех реакционных антинародных сил. Все это содействовало усилению и обострению внутренних и внешних противоречий. Пытаясь найти выход из этих противоречий, японский империализм все больше усиливал свою агрессивную колониальную политику и уже в годы первой мировой войны 1914—1918 гг. активно включился в борьбу за передел мира. «Быстрее всего, — писал В. И. Ленин, — растет капитализм в колониях и в заокеанских странах. Среди них появляются *новые* империалистические державы (Япония)»¹.

Японские империалисты крайне враждебно встретили Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Начав в 1918 г. интервенцию, они рассчитывали отторгнуть советскую территорию до озера Байкал, превратить Японию в могущественную континентальную и колониальную державу и вместе с западными империалистическими государствами восстановить в России помещичье-буржуазный строй.

Превращение империалистической Японии в великую державу и вступление ее в борьбу за передел мира вызвало обострение межимпериалистических противоречий, в первую очередь японо-американских, которые с тех пор стали главными противоречиями на Тихом океане. Несмотря на противодействие западных держав территориальным претензиям Японии, ей удалось на Парижской конференции добиться получения мандата Лиги наций на бывшие германские владения в Тихом

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 22, стр. 261.

океане: Маршалловы, Марианские и Каролинские острова. Статьи 156—159 Версальского договора санкционировали передачу Японии морской базы Цзяочжоу, захваченной Германией в конце XIX в., и германской концессии в Шаньдуне.

Сложившееся равновесие сил Японии и США на Тихом океане было временным и таило в себе новое обострение японо-американских империалистических противоречий; попытка разрешить их на Вашингтонской конференции (1921—1922 гг.) не увенчалась успехом. Соглашения, подписанные на конференции (договор девяти держав, договор четырех держав об островных владениях на Тихом океане, договор пяти держав об ограничении морских вооружений), а также расторжение англо-японского союзного договора 1902 г., вынужденный отказ Японии от Шаньдуна и возвращение его Китаю — все это явилось сильным ударом по внешнеполитическим позициям японского империализма на Дальнем Востоке. Вместе с тем в Вашингтоне империалисты США, Англии, Японии и Франции предприняли попытку сговориться о совместном ограблении Китая.

1922—1931 годы представляют полосу дальнейшего углубления японо-американских противоречий. В это же время японские империалисты усиленно готовились к развязыванию войны на Дальнем Востоке с целью передела колоний и сфер влияния в Восточной и Юго-Восточной Азии и на Тихом океане. Они настойчиво стремились расшатать, а затем и ликвидировать Версальско-вашигтонскую систему, мешавшую осуществлению их агрессивных планов.

Важной составной частью захватнических планов Японии являлась скорейшая ликвидация договора девяти держав о территориальной целостности и неприкосновенности Китая для того, чтобы облегчить захват его богатств и превращение в японскую колонию. В целях реализации генерального стратегического плана японского империализма, сформулированного в «меморандуме Танака», правящие круги Японии организовали в 1927—1928 гг. две «Шаньдунские экспедиции» и убийство правителя Маньчжурии Чжан Цзо-лина, попытавшегося сменить прояпонскую ориентацию на западную. Вопреки ограничениям, установленным Вашингтонской конференцией, Япония стала возводить укрепления на мандатных

островах. В 1930 г. на Лондонской морской конференции она добилась выгодного для нее пересмотра соглашения пяти держав о морских вооружениях.

Форсирование японской агрессии находилось в тесной связи с обострением внутренних противоречий японского капитализма, нашедшим выражение в «финансовом кризисе» 1927 г. и в разразившемся во второй половине 1929 г. экономическом кризисе¹.

**Антисоветская политика японских империалистов
и роль японо-германского военно-политического блока.
Укрепление маньчжуро-корейского военно-промышленного
плацдарма**

В обстановке крайнего обострения внутренних противоречий японские империалисты, стремясь найти выход из кризиса, усилили подготовку к новой мировой войне. Острые этой подготовки было направлено против Советского Союза и Китая. Первоочередным объектом японской агрессии на континенте Азии явился Северо-Восточный Китай (Маньчжурия)², имевший большое стратегическое и экономическое значение. Его соседство с Северным Китаем и Внутренней Монголией облегчало вторжение Японии в эти районы Китая и подготовку большой японо-китайской войны, а близость к Советскому Союзу позволяла превратить его территорию в военно-промышленный плацдарм против СССР.

Антисоветская политика являлась важнейшей основой внешнеполитической стратегии японских империалистов. Как показывают материалы Токийского процесса, в частности допросы главных военных преступников и свидетелей (Хирота Коки, Окава Сюзэй, Канда Масатанэ, Миякэ Мицухару, Кавабэ Торасиро и др.)³,

¹ О «финансовом кризисе» 1927 г. и экономическом кризисе 1929—1931 гг. в Японии см. *Осима Киёси*, Нихон кёкосирон (История кризисов в Японии), т. 2, Токио, 1957, стр. 227—389.

² В дальнейшем Северо-Восточный Китай именуется Маньчжурией согласно документам и источникам, использованным в книге. На этой территории с 1931 по 1945 г. существовало марионеточное государство Маньчжоу-го, созданное японскими империалистами.

³ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 15633, 48727, 49328. В данной работе ссылки на «Стенограмму Токийского процесса» обозначены порядковой нумерацией страниц и способом, принятым в Центральном Государственном Архиве Октябрьской революции: (ЦГАОР): № фонда, описи, дела и листов.

правлящие круги Японии разрабатывали планы завоевания не только Северо-Восточного Китая, но и Сибири. Важное значение придавалось развертыванию шпионско-диверсионной деятельности против СССР и провокациям на КВЖД, имевшим целью вооруженный захват дороги и подготовку военного нападения на СССР. Планы нападения Японии на Советский Союз были разработаны в течение 1928—1931 гг. Важнейший из них, план «Оцу»¹, предусматривал высадку главных японских сил на побережье восточнее Владивостока с целью оккупации Советского Приморья. Наряду с ним существовали более широкие планы захвата советских территорий до озера Байкал². Эти планы находились в тесной связи с подготавливавшейся японскими правящими кругами оккупацией Северо-Восточного Китая и предусматривали создание «независимого» дальневосточного государства на огромной территории от реки Лены до Берингова пролива³.

Антисоветский курс правящих кругов Японии еще более усилился после оккупации Северо-Восточного Китая⁴. Японская военщина рассчитывала использовать территорию этой части Китая как плацдарм для захвата Приморья, Забайкалья и Сибири⁵. Захват Северо-Востока Китая означал образование на границе с СССР дальневосточного очага новой мировой войны и усиление борьбы Японии за ликвидацию Вашингтонских соглашений, за передел мира.

Наиболее отчетливо антисоветский курс проявился в позиции японского правительства в связи с предложением правительства СССР (декабрь 1931 г.) заключить советско-японский пакт о ненападении. Правительство Японии всячески саботировало это предложение, выдвигая совершенно неприемлемые условия. Оно требовало, в частности, отвода Советских Вооруженных Сил от гра-

¹ «Оцу» — циклический знак, означающий «Б», т. е. второй.

² «Стенограмма Токийского процесса», 49361, 49362, 49375; ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 229, л. 241; д. 275, л. 35—41, 63—65, 91—92, 124—133; д. 482, л. 845, 846.

³ «Гоминь гунбао», 24. XI. 1931.

⁴ Об образовании дальневосточного очага войны см. *Г. Н. Севостьянов*, *Активная роль США в образовании очага войны на Дальнем Востоке (1931—1933)*, М., 1953.

⁵ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49329—49330.

ниц с Кореей и Маньчжурией¹. В феврале 1933 г. японское правительство окончательно отклонило предложение СССР заключить пакт о ненападении. Это находилось в прямой связи с общим усилением агрессивности внешней политики Японии, в особенности антисоветского внешнеполитического курса. Японские правящие круги предпочитали «сохранить за собой свободу действий»². Они выдвигали наглые требования отвести советские войска из района, простирающегося до Байкала, разоружить Владивосток, продать Японии «за приемлемую цену» Северный Сахалин и Советское Приморье, а также санкционировать «свободный», т. е. хищнический, лов рыбы в советских территориальных водах³.

Укрепление позиций реакционных кругов после февральского путча 1936 г. в Токио и обострение политического положения в Европе способствовали усилению враждебной Советскому Союзу политики правящих кругов Японии. Форсировалась разработка планов военного нападения на СССР. 7 августа 1936 г. совещание пяти министров приняло решение утвердить так называемые «Основные принципы национальной политики», которые предусматривали «ликвидацию угрозы с севера, со стороны Советского Союза, путем здорового развития Маньчжоу-го и укрепления японо-маньчжурской обороны»⁴. Планы военной кампании 1936 г. предусматривали не только захват Советского Приморья, считавшегося направлением главного удара, но и Северного Китая, а также оккупацию Монгольской Народной Республики⁵, территория которой рассматривалась как плацдарм для вторжения в Забайкалье.

Проводя подготовку нападения на СССР, японские империалисты специальное внимание уделяли Квантунской армии, которой отводилась роль авангарда в анти-

¹ *Хиратакэ Дэндзо*, Сорэн кёкуто коккё (Дальневосточная граница Советского Союза), Токио, 1941, стр. 6—7.

² «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49364 (из доклада военного атташе Японии в Москве Кавабэ в генеральный штаб от 14 июля 1932 г.).

³ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7457—7458, 7531, 7884, 7987; «Ёмиури», 7. I. 1935; «Дзидзи», 11. I. 1935; «Мияко», 26. III. 1935.

⁴ «Нихон сирё сюэй» (Сборник материалов по истории Японии), Токио, 1956, стр. 575.

⁵ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 4830, 7833, 49192, 49397; ЦГАОР, стр. 7867, оп. I, д. 275, л. 202; д. 482, л. 874.

советской войне, а также оборудованию маньчжуро-корейского плацдарма. В течение 1932—1937 гг. количество дивизий Квантунской армии увеличилось с 2 до 6, число солдат и офицеров — с 50 тыс. до 271 тыс. Усилилось и оснащение этой армии: количество танков — с 40 до 439, орудий — с 300 до 1193, боевых самолетов — с 180 до 500¹. Кроме того, в распоряжении Японии находились войска в Корее, марионеточные армии Маньчжоу-го и Внутренней Монголии. Большое внимание уделялось строительству укрепленных районов в Северо-Восточном Китае, направленных против СССР², а также строительству в этой части Китая и в Корее авиабаз, аэродромов, посадочных площадок, железных и шоссейных дорог, большая часть которых имела стратегическое значение.

Стремясь добиться скорейшей реализации своих антисоветских планов, японские правящие круги вступили на путь создания военно-политического блока с гитлеровской Германией. Переговоры по этому поводу велись между Японией и Германией в течение 1933—1936 гг. Их объединяли: общее стремление ликвидировать Версальско-вашигтонскую систему; согласованная линия в вопросе о разрыве с Лигой наций; враждебная агрессивная политика в отношении СССР; *единство* внешнеполитических целей и средств борьбы за передел колоний и сфер влияния, за установление мирового господства стран фашистского блока.

Японо-германские переговоры завершились 25 ноября 1936 г. подписанием «антикоминтерновского пакта» и дополнительного секретного соглашения³. Участники

¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7531.

² Только в течение 1934—1937 гг. на протяжении 150 км границы было построено 7 укрепленных районов, имевших 300 долговременных фортификационных военных сооружений (там же, стр. 7552—7553).

³ Подробно о японо-германских отношениях накануне второй мировой войны см.: *Д. И. Гольдберг*, Японо-германские отношения в 1933—1936 гг., «Вестник Ленинградского Университета» № 20, 1956 г., стр. 150—159; *Д. И. Гольдберг*, Японо-германские отношения в связи с войной в Китае (июль 1937 г. — сентябрь 1938 г.), «Ученые записки ЛГУ», Серия востоковедческих наук, № 282, 1959 г., вып. II, стр. 80—106; *Л. Кудашев*, Из истории японо-германских отношений накануне второй мировой войны, Сб. «Межимпериалистические противоречия на первом этапе общего кризиса капитализма», Соцэпгиз, 1959, стр. 182—270. Тексты «антикоминтерновского пакта» 1936 г. и допол-

«антикоминтерновского пакта» ставили целью под флагом борьбы против коммунистической идеологии создать враждебный Советскому Союзу военно-политический блок и координировать антисоветские действия на международной арене. Пакт 1936 г. находился в полном соответствии с антисоветским внешнеполитическим курсом и прогерманской ориентацией правящих кругов Японии.

Японо-германский союз был обращен также против Китая и западных империалистических держав, подтверждением чего являются военные действия в Китае и на Тихоокеанском театре, развязанные Японией в 1937—1941 гг.

Японо-германское соглашение значительно обостряло межимпериалистические противоречия как в Европе, так и на Дальнем Востоке, оно означало усиление опасности возникновения новой мировой войны. Заключение пакта явилось важным звеном в процессе формирования германо-японо-итальянской военно-политической коалиции и имело в виду в первую очередь укрепление отношений Японии с Германией как основы будущего тройственного союза. «Организаторы военных блоков, — говорил Н. С. Хрущев в отчетном докладе ЦК КПСС XX съезду партии, — уверяют, будто они объединяются для обороны, для защиты от «коммунистической угрозы». Но это — сплошное лицемерие. Из истории известно, что империалистические державы всегда прибегали к сколачиванию военных блоков, когда они замыслили передел мира»¹.

Летом 1937 г., вскоре после вторжения в Северный Китай и во Внутреннюю Монголию, японские империалисты начали войну за захват всего Китая. Она знаменовала очередной этап в осуществлении агрессивных планов установления господства японского империализма на Дальнем Востоке. Вместе с тем нападение на Китай представляло серьезный шаг на пути развязывания правящими кругами Японии совместно с германскими

нительного секретного соглашения см.: «Стенограмма Токийского процесса», стр. 5934—5936, 5937, 5958—5959; «Нихон сирё сюээй», стр. 582—583.

¹ Н. С. Хрущев, Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии 14 февраля 1956 года, Госполитиздат, 1956, стр. 20.

империалистами второй мировой войны и являлось новым проявлением углубления общего кризиса мировой капиталистической системы. Японские правящие круги рассматривали японо-китайскую войну как подготовку агрессии против Советского Союза, как необходимое условие реализации плана «Оцу». После начала войны японское правительство приняло решение об увеличении численности и продлении срока службы солдат Квантунской армии. Штаб этой армии разработал план сооружения в течение 1938—1939 гг. новых укреплений на маньчжуро-советской границе¹. Особое внимание было уделено оперативным планам нападения на Владивосток².

Завершив концентрацию вооруженных сил, японские милитаристы предприняли 29 июля 1938 г. вооруженное нападение на советскую территорию в районе озера Хасан. Это нападение было тесно связано с планами антисоветской войны японского генерального штаба и ставило своей целью захват Владивостока в стратегическом отношении района близ Владивостока с последующей оккупацией Советского Приморья. В ходе боевых операций, которые продолжались до 11 августа 1938 г., японские вооруженные силы потерпели тяжелое поражение. Тем не менее японские правящие круги не отказались от своей агрессивной и авантюристической политики в отношении СССР.

Игнорируя уроки Хасана, японские империалисты совершили нападение на территорию МНР в районе реки Халхин-Гол. Военные действия, происходившие в этом районе в течение мая — августа 1939 г., закончились еще более сокрушительным поражением Японии, чем во время боев у озера Хасан.

Агрессивными действиями японские империалисты стремились не только сковать СССР на Дальнем Востоке и проверить готовность Советского Союза к отпору агрессорам, но и втянуть его в длительную и изнурительную войну. Эти действия японских правящих кругов встречали одобрение и поддержку союзников Японии из фашистского лагеря и их мюнхенских покровителей.

¹ «Стенограмма Токійского процесса», стр. 48669.

² «Foreign Relations of the United States, 1937. The Far East», vol. III, Washington, 1954, p. 562—566.

Разгром японских вооруженных сил у озера Хасан и на Халхин-Голе имел большое международное значение. Был нанесен сокрушительный удар по международной реакции, по антисоветским планам поджигателей войны, стремившихся втравить Советский Союз в войну с Японией. Советский Союз показал, что он способен дать эффективный отпор агрессорам и может не только обеспечить мир и безопасность на Дальнем Востоке, но и возглавить коллективный фронт противодействия фашистским агрессорам. Разгром японо-маньчжурских войск у озера Хасан и на Халхин-Голе имел большое значение и для Китая: он явился активной поддержкой китайскому народу в его справедливой борьбе за свободу и независимость родины, против японских оккупантов.

Сокрушительное поражение на Халхин-Голе заставило правящие круги Японии отложить осуществление плана сосредоточения главных японских сил в восточной части Маньчжурии для последующего захвата Владивостока, Хабаровска и для оккупации всей Приморской области¹. Осуществление этого плана намечалось на 1939 г. Наличие параллельного плана захвата указанных стратегических пунктов советского Дальнего Востока, развивавшего основные положения плана «Оцу», свидетельствовало о *неизменности антисоветского внешнеполитического курса Японии*, о его еще большем усилении по мере приближения угрозы возникновения второй мировой войны.

Таким образом, японские правящие круги планировали насильственными средствами расширить границы японской колониальной империи за счет Китая, Советского Союза и Монгольской Народной Республики.

**Антикитайская и антисоветская направленность
политики «дальневосточного Мюнхена».**

**Враждебная политика Японии по отношению к СССР
после начала второй мировой войны.**

Сформирование блока фашистских агрессоров

Важным средством развязывания новой мировой войны являлась мюнхенская политика правящих кругов Англии, Франции и США, стимулировавшая расширение

¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 8096.

агрессии как на Западе, так и на Дальнем Востоке. Правящие круги западных держав, поощряя агрессоров, проводили опасную для дела мира политику. Они оказали им неоценимую помощь в образовании важнейших очагов новой мировой войны, в ускорении сроков ее возникновения.

Япония в максимальной степени использовала политику «дальневосточного Мюнхена». Эта политика сложилась в течение 1931—1941 гг., когда особенно обострились империалистические противоречия в борьбе за передел колоний и сфер влияния в Азии и на Тихом океане. Один из основоположников политики «дальневосточного Мюнхена», автор лживой формулы «конструктивного примирения»¹ с Японией, Джозеф Грю, отмечал, что экономические санкции против Японии толкнул ее на новые завоевательные акции, а потому предлагал США идти на максимальные уступки.

Американские и английские монополии продолжали снабжать Японию дефицитным военно-стратегическим сырьем и готовыми материалами, не делая различия между агрессором и его жертвой. Так, импорт Японии из США и Британской империи составил: в 1937 г. — 73,9%, в 1938 г. — 71,6% и в 1939 г. — 73,3% ее общего ввоза из-за границы². Дипломатическим выражением политики попустительства агрессии японских империалистов явилось англо-японское соглашение Крейги — Арита (24 июля 1939 г.), признавшее «особые нужды» Японии в Китае³.

Острые политики «дальневосточного Мюнхена» направлялось не только против Китая; ее главное существо было антисоветским, так как западные державы ставили целью сколачивание единого антисоветского фронта, провоцирование войны между Японией и Советским Союзом. Политика умиротворения японских милитаристов, проводившаяся правящими кругами Англии, Фран-

¹ *J. C. Grew, Report from Tokyo. A Message to the American People, New York, 1942, p. 38; W. Neumann, The Genesis of Pearl Harbor, Philadelphia, 1945, p. 30.*

² *Tsuru Shigeto, Essays on Japanese Economy, Tokyo, 1958, p. 235.*

³ Текст соглашения Крейги — Арита от 24 июля 1939 г. см. *H. M. Vinacke, A History of the Far East in Modern Times, New York, 1941, p. 609—610.*

ции и США, лишь способствовала развязыванию новой мировой войны.

Возникновение второй мировой войны поставило перед правящими кругами Японии ряд важных, неотложных проблем: вопрос об отношении к событиям на Европейском театре, о выполнении ее обязательств по «антикоминтерновскому пакту» и в особенности вопрос о политике в отношении Советского Союза.

На начальном этапе первого периода войны (сентябрь 1939 г. — июнь 1940 г.) правящие круги Японии проводили политику невмешательства в войну Германии против Англии и Франции, официально провозгласив политику «нейтралитета». Она имела цель замаскировать истинные агрессивные планы Японии, чтобы приступить к их осуществлению в наиболее благоприятный момент развития международных событий и наилучшим образом подготовиться к активизации своей политики на Дальнем Востоке и Тихом океане.

Второй этап первого периода второй мировой войны (июнь 1940 г. — июнь 1941 г.) характеризуется значительной активизацией империалистической экспансии Японии в Юго-Восточной Азии и в районе Южных морей (Индокитай, Таиланд, Индонезия), толчком к которой послужила капитуляция Франции. Острая внутривнутриполитическая борьба различных конкурирующих групп японской монополистической буржуазии по вопросам темпов, направления и сроков развертывания агрессии сопровождалась выдвиганием на первый план крайне реакционных группировок японских монополистов, усилением агрессивности во внешней и реакции во внутренней политике страны. Выражением этих процессов явились вторжение Японии в Индокитай, заключение ею тройственного союза с Германией и Италией, новые попытки японских правящих кругов закончить войну в Китае. Во внутренней политике они нашли воплощение в принятии «новой политической структуры», означавшей установление в Японии фашистского режима, и «новой экономической структуры». Все это явилось одним из проявлений обострения общего кризиса мировой капиталистической системы, ее паразитизма и загнивания.

Приготовления Японии к новой войне сопровождались интенсивной экономической подготовкой, усиленной милитаризацией экономики (преимущественное развитие

тяжелой промышленности, производства вооружения, накопление больших запасов военно-стратегических материалов). В течение 1936—1941 гг. выпуск промышленной продукции возрос в 2,5 раза, в том числе: машиностроительной и инструментальной — в 5,4 раза, металлургической — в 2,7 раза, химической — в 2,4 раза¹.

Расширение экспансии Японии в южном направлении вызвало новое обострение межимпериалистических противоречий, в особенности японо-американских. Это отнюдь не означало отказа ее правящих кругов от антисоветского и прогерманского внешнеполитического курса, характерного и для первого периода второй мировой войны. Японское правительство продолжало готовить войну против СССР, увеличивая численность и техническое оснащение Квантунской армии и продолжая оборудование маньчжуро-корейского плацдарма. В течение 1937—1940 гг. на протяжении 300 км советско-маньчжурской границы было построено 800 различных долговременных военных сооружений².

Показателем продолжения антисоветского внешнеполитического курса, который оставался ведущим в действиях правительства Японии, а также его прогерманской ориентации являлись японо-германские переговоры (весна 1939 г.) об усилении «антикоминтерновского пакта», о превращении его в тройственное соглашение. Эти переговоры завершились подписанием 27 сентября 1940 г. тройственного военно-политического союза между Германией, Италией и Японией³. Учитывая печальные итоги Хасана и Халхин-Гола, японские империалисты считали возможным развязать новую войну против СССР лишь при условии объединения и координации сил с Германией и Италией. На различных совещаниях ведущих министров летом 1940 г. были приняты решения

¹ «Тайхэй сэно сюкэцурон» (Завершение войны на Тихом океане), Токио, 1958, стр. 257.

² «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7552—7553.

³ Тройственный пакт включал секретные статьи; кроме того, было подписано еще дополнительное секретное соглашение. См.: *J. C. Grew, Ten Years in Japan*, New York, 1944, p. 333; «Стенограмма Токийского процесса», стр. 16749, 49001—49002; ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 275, л. 248. Официальный текст тройственного пакта см. «Известия», 28 сентября 1940 г.

об укреплении союза с этими странами, о придании ему антисоветской направленности¹.

Параллельно с переговорами об укреплении фашистской коалиции корректировался план «Оцу». Главная цель его по-прежнему заключалась в оккупации Советского Приморья с захватом на первом этапе Владивостока, Имана, Благовещенска и других городов и на втором этапе — Северного Сахалина, Петропавловска-Камчатского, Николаевска-на-Амуре, Комсомольска и Советской Гавани². С целью реализации этого плана производились дальнейшее укрепление маньчжуро-корейского военно-промышленного плацдарма, увеличение численности и технической оснащенности Квантунской армии. Общая ее численность в течение 1937—1941 гг. увеличилась в 4 раза, количество артиллерийских орудий — свыше чем в 4 раза, число танков — свыше чем в 2,2 раза, самолетов — в 3 раза³. В Маньчжурии и Корее увеличивалось количество авиабаз, расширялась вместимость казарменного фонда, складов боеприпасов, форсировалось строительство железных и автомобильных дорог, вдоль маньчжуро-советской границы возводились новые укрепленные районы⁴.

Летом 1940 г. японское правительство согласилось начать с СССР переговоры о заключении пакта о нейтралитете. Пакт был подписан 13 апреля 1941 г. Заключение пакта о нейтралитете с Японией явилось победой миролюбивой внешней политики СССР, направленной на обеспечение мира и безопасности на Дальнем Востоке.

Иные цели ставили перед собой правящие круги Японии. Потерпев поражение у Хасана и Халхин-Гола, они пошли на подписание пакта с СССР из тактических соображений. Руководствуясь лишь агрессивными антисоветскими планами, они рассматривали пакт как *временный тактический маневр*. Главная цель Японии заключалась в том, чтобы, усыпив бдительность Совет-

¹ Хаттори Такусиро, Дайтоа сэно дзэнси (Полная история великой восточноазиатской войны), т. I, Токио, 1956, стр. 55—57; «Нихон сирё сюэй», стр. 577.

² «Стенограмма Токийского процесса», стр. 8096—8098, 23373—23374.

³ Там же, стр. 7531, 23194, 23555—23556.

⁴ Иноуэ Итидзи, Дайтоа кэйкэн-но хокубо кэйрин (Управление северным районом сферы соприкосновения великой Восточной Азии), Осака, 1942, стр. 84.

ского Союза и введя его в заблуждение относительно своих действительных целей, замаскировать подготовку вероломного нападения на СССР. «Никакой японский премьер-министр или министр иностранных дел,— заявил японский министр иностранных дел Мацуока во время пребывания в Берлине (март—апрель 1941 г.), где он вел переговоры о совместной политике Японии и Германии в отношении СССР,— не сумеет заставить Японию остаться нейтральной, если между Германией и Советским Союзом возникнет конфликт. В этом случае Япония принуждена будет... напасть на Россию на стороне Германии. Тут не поможет никакой пакт о нейтралитете»¹. Мацуока заверил Риббентропа, что «Япония всегда была лояльным союзником, который целиком и полностью отдаст себя общему делу»². Однако расторгнуть советско-японский пакт о нейтралитете и выступить на стороне Германии Япония рассчитывала в наиболее благоприятных для нее условиях. Такими условиями должен был явиться отвод большей части советских войск с Дальнего Востока на Запад в случае нападения Германии на СССР.

Подлинные антисоветские цели, которые правящие круги Японии пытались замаскировать пактом о нейтралитете с СССР, особенно отчетливо проявились после нападения гитлеровской Германии на СССР. Об этом свидетельствуют многочисленные заявления Мацуока, отражавшего интересы наиболее агрессивных групп японских монополистов, сторонников антисоветского и прогерманского внешнеполитического курса. В них содержался призыв к отказу от политики нейтралитета и к немедленному нападению на Советский Союз, единственной руководящей основой внешней политики Японии объявлялся тройственный пакт³. Уже 24 июня 1941 г.

¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7955, 49381. (Курсив наш.) О том, что японское правительство уже тогда знало о подготовке Германией нападения на СССР, свидетельствует Коноэ Фумимаро. См. «Коноэ Фумимаро ко-но сюки. Усиварэси сэйдзи» («Дневник князя Коноэ Фумимаро. Проигранная политика»), Токио, 1946, стр. 37—38, 39.

² «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7939, 49380.

³ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7956, 7959, 10036, 41572, 41573, 49351, 49382; «Коноэ Фумимаро ко-но сюки», стр. 83; *Хаттори Такусиро*, Дайтоа сэнсо дзэнси, т. I, стр. 144—148; *Togo Shigenori*, The Cause of Japan, New York, 1956, p. 50.

императорская ставка приняла «Основную программу государственной политики империи в связи с изменениями в международной обстановке», центральное место в которой заняло разрешение «северной проблемы» с применением вооруженной силы¹, т. е. захват Японией советских территорий на Дальнем Востоке. Эта программа легла в основу решения совещания руководящих государственных и военных деятелей, состоявшегося в Токио 2 июля 1941 г.² Это решение стало генеральным документом внешнеполитической стратегии Японии после нападения Германии на СССР.

Вскоре после нападения Германии на СССР японский генеральный штаб разработал так называемый план «Кантокуэн», или «Особые маневры Квантунской армии». По свидетельству генерал-лейтенанта Кусаба Тацуми на Токийском процессе, название «Кантокуэн» являлось не чем иным, как «шифрованным названием плана войны против СССР»³. Это был план внезапного нападения на Советский Союз, разработанный с учетом происшедших на мировой арене изменений. В соответствии с планом «Кантокуэн» в Японии летом 1941 г. была проведена мобилизация для пополнения Квантунской армии: в ее распоряжение было направлено 300 тыс. человек, две новые дивизии и различные специальные части, а также большое количество самолетов и танков. Для проведения боевых операций генеральный штаб сформировал три фронта, детально разработав направления ударов и очередность действий вооруженных сил на советской дальневосточной территории⁴. Более того, были разработаны детальные планы по управлению советскими территориями, намеченными к оккупации японскими войсками.

В Японии и в северо-восточной части Китая усилилась антисоветская пропаганда. Помимо этого, японские

¹ *Хаттори Такусиро*, Дайтоа сэно дзэнси, т. I, стр. 143; *Тояма Сигэки*, *Имаи Сэйити*, *Фудзивара Акира*, Сёваси (История периода Сёва), Токио, 1959, стр. 197.

² *Хаттори Такусиро*. Дайтоа сэно дзэнси, т. I, стр. 149—152; *Асида Хитоси*, Дайнидзи сэкай тайсэн гайкоси (Дипломатическая история второй мировой войны), Токио, 1960, стр. 266—267.

³ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 8169.

⁴ Там же, стр. 8128—8134, 8168—8169, 23316—23317.

власти развернули широкую и всестороннюю помощь Германии в ее войне против СССР. Они систематически передавали ей ценные сведения о Советском Союзе, всячески стесняли советское торговое судоходство, препятствуя получению Советским Союзом необходимых материалов для ведения войны против Германии. Армейские генеральные штабы Японии и Германии заключили особое соглашение о координации совместных подрывных действий против СССР¹. Стремясь укрепить блок фашистских агрессоров и усилить его антисоветскую направленность, Япония и Германия 25 ноября 1941 г. продлили «антикоминтерновский пакт» на новый пятилетний срок. Одновременно к этому соглашению присоединились: Румыния, Болгария, Дания, Словакия, Хорватия, Финляндия и нанкинское «правительство» Ван Цзин-вэя². В протоколе указывалось, что единые интересы и цели участников пакта настоятельно требовали «тесного сотрудничества против общего врага»³, под которым подразумевался Советский Союз. Этим дело не ограничивалось. В конце 1941 г. военное министерство и министерство колоний Японии разработали план, в котором имелся раздел под названием «Будущее советской территории». В нем говорилось, что *«Приморье должно быть присоединено к Японии, район, прилегающий к Маньчжурской империи, подлежит включению в сферу влияния этой страны, а Транссибирская железная дорога должна быть поставлена под полный контроль Японии и Германии, причем Омск будет пунктом разграничения между ними»*⁴.

Правящие круги Японии, таким образом, и после заключения пакта о нейтралитете проводили исключительно *враждебную* политику по отношению к Советскому Союзу. Лживо декларируя на словах действительность советско-японского пакта о нейтралитете, они на деле грубо его нарушали.

¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 33992.

² Там же, стр. 6046.

³ «Documents on American Foreign Relations», vol. IV, July 1941 — June 1942, Boston, 1942, p. 201—202.

⁴ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7406, 49358. — Курсив наш.

**Причины выбора Японией «южного» направления
военного удара и отсрочки нападения
на Советский Союз**

В течение полугода — с момента нападения Германии на СССР и до возникновения военных действий на Тихоокеанском театре (июнь — декабрь 1941 г.) — в правящих кругах Японии происходила острая внутривнутриполитическая борьба по вопросу о том, куда должен быть направлен первоочередной удар: на север (против СССР) или на юг (против США и Англии)¹. В итоге эта борьба завершилась выбором «южного» направления.

Главной причиной, обусловившей выбор «южного» направления, был риск выступления против Советского Союза, который вел героическую борьбу против немецко-фашистских захватчиков и развеял миф о «непобедимости» гитлеровской армии. Это заставило японских империалистов отсрочить реализацию плана «Кантокуэн». Упорное сопротивление Советской Армии на Советско-германском фронте — главном театре второй мировой войны — поколебало первоначальную уверенность японских империалистов в возможности осуществления Германией «молниеносной войны» против СССР. Уже 4 сентября 1941 г. германский посол в Токио Отт доносил Риббентропу следующее: «Ввиду сопротивления, оказываемого русской армией такой армии, как немецкая, японский генеральный штаб не верит, что Германия сможет достичь решающего успеха в войне против России до наступления зимы. Сюда также присоединяются воспоминания о номонганских событиях (бои в районе Халхин-Гола. — Д. Г.), которые до сих пор живы в памяти Квантунской армии». Поэтому, доносил Отт, «императорская ставка недавно приняла решение отложить на время действия против Советского Союза»². Таким

¹ Шредер в своей работе пишет, что после нападения Германии на Советский Союз в Японии обсуждались три курса политики: а) нападение на СССР, б) продвижение на юг и в) возобновление попыток достичь соглашения с западными державами, в особенности с США (*P. W. Schroeder, The Axis Alliance and Japanese-American Relations, 1941, New York, 1958, p. 48*).

² «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7971—7972; ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 275, л. 279.

же образом оценивал Отт перспективы сопротивления Советской Армии в другом донесении, направленном Риббентропу ровно через месяц. Германский посол сообщал, что военного выступления Японии «против дальневосточной армии (СССР. — Д. Г.), которая все еще считается сильной в боевом отношении, нельзя ожидать раньше весны. Упорство, которое проявил Советский Союз в борьбе с Германией, показывает, что даже нападением Японии в августе или сентябре месяце (1941 г. — Д. Г.) нельзя открыть дороги в Сибирь в этом году»¹. 17 ноября 1941 г. японский посол в Берлине Осима передал германскому правительству, что «нападение на Владивосток, а также любое продвижение в направлении озера Байкал в это время (зима 1941—1942 гг. — Д. Г.) невозможно и придется благодаря сложившимся обстоятельствам отложить выступление до весны (1942 г. — Д. Г.)»².

Вынужденная отсрочка военного нападения Японии на СССР является заслугой и советской дипломатии. Потерпели банкротство расчеты на внешнеполитическую изоляцию и окружение СССР. Советской дипломатии удалось предотвратить создание единого антисоветского фронта капиталистических государств. Правящие круги Англии и США оказались вынужденными объединиться с Советским Союзом в антифашистской коалиции.

Выбор Японией «южного» направления для первоочередного военного удара явился отражением объективной закономерности развития исторического процесса. В ходе японо-американских переговоров в Вашингтоне (март — декабрь 1941 г.) отчетливо проявились острота и непримиримость антагонизма между двумя главными тихоокеанскими соперниками. Противоречия между ними, таившие в себе источник крупного военного конфликта, в действительности оказались сильнее противоречий между Японией и СССР. Вместе с тем японские империалисты рассчитывали использовать «мюнхенские» тенденции правящих кругов США и Англии, их готовность

¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7969, 49354; ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 482, л. 838.

² «Стенограмма Токийского процесса», стр. 41575; ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 275, л. 33.

заключить компромиссное соглашение на антисоветской и антикитайской основе.

Правящие круги Японии, предпочитая сначала начать военные действия на Тихом океане, рассчитывали, что владения Англии, США и Голландии окажутся более легкой добычей, чем дальневосточные территории Советского Союза. Поэтому они намеревались сокрушительным ударом в ходе намечавшегося тихоокеанского «блицкрига» захватить богатые владения своих соперников, пополнить новыми ресурсами свой военно-промышленный потенциал и ограниченные запасы военно-стратегических материалов. Вслед за этим они планировали совершить нападение на Советский Союз, выбрав для этого подходящий момент. «Скажите (правительству Германии. — Д. Г.), — говорилось в инструкции японского министерства иностранных дел послу Японии в Берлине Осима, — что, *двигаясь сейчас на юг, мы вовсе не имеем в виду ослабления нашего давления на Советский Союз* и что, если Россия завяжет более близкие отношения с Англией и США и будет нам сопротивляться, применяя враждебные действия, *мы готовы повернуться против нее со всей своей мощью*. Однако в настоящий момент нам выгоднее двигаться на юг, и на некоторое время мы предпочли бы воздержаться от прямого движения на север»¹.

Н. С. Хрущев в беседе с главным редактором японской газеты «Асахи симбун» Хироока говорил: «И если Япония напала на США, а не на нас, то это было сделано по расчетам генерального штаба Японии — имелось в виду сперва разгромить Китай и США, а затем обрушиться на Советский Союз, когда мы будем обессилены в войне против гитлеровской Германии»².

Следовательно, принятие решения о первоочередности «южного» направления военного нападения никак не означало, что правящие круги Японии отказывались от антисоветского внешнеполитического курса и военного нападения на СССР. С момента нападения Герма-

¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7974; ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 275, л. 280. — Курсив наш.

² Н. С. Хрущев, За прочный мир и мирное сосуществование, Госполитиздат, 1958, стр. 99.

нии на Советский Союз политика Японии в отношении социалистического государства становилась все более враждебной по сравнению с политикой, проводившейся до начала Великой Отечественной войны. Об этом свидетельствуют данные об увеличении к концу 1941 г. численности и технической оснащенности Квантунской армии, лучшей части японских вооруженных сил; ей отводилась роль тарана в антисоветском походе, который должен был начаться в благоприятных условиях развития войны на Советско-германском фронте.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ТИХООКЕАНСКОМ ТЕАТРЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (7 декабря 1941 г. — 19 ноября 1942 г.)

Периодизация военных действий на Тихоокеанском театре

Военные действия Японии на Тихоокеанском театре занимали важное место во внешнеполитических планах ее правящих кругов, в планах установления японского «нового порядка» на обширных просторах азиатского континента и бассейна Тихого океана.

Исследование важнейших проблем внешней политики Японии в годы военных действий на Тихоокеанском театре, объективное и глубокое понимание событий 1941—1945 гг. требуют установления правильной их периодизации.

Военные действия на Тихоокеанском театре являлись составной частью второй мировой войны, одним из ее фронтов. Нападение Японии на США и Англию знаменовало территориальное расширение второй мировой войны. Поэтому в периодизации военных действий на Тихоокеанском театре исходными и определяющими являются такие переломные события, как великое Сталинградское сражение, капитуляция Германии, а также вступление Советского Союза в войну против Японии, представлявшие важнейшие периоды второй мировой войны и оказавшие огромное воздействие на положение на Дальнем Востоке¹. Развитие событий на Советско-

¹ Предлагаемая периодизация военных действий на Тихоокеанском театре не может, естественно, полностью совпадать с периодизацией Великой Отечественной войны. Не претендуя на ее закончен-

германском фронте, главном и решающем театре второй мировой войны, и обусловленное им положение на Европейском театре определяло изменения в соотношении сил воюющих стран на Тихом океане и предопределяло переход от одного периода к другому.

Однако было бы неправильным ограничиваться одним указанным принципом, исходящим лишь из коренных, переломных событий на Советско-германском и Европейском фронтах. Такая периодизация была бы односторонней, неполной и не учитывала бы внутренних закономерностей и особенностей военных действий на Тихоокеанском театре, присущих только им.

Вместе с тем следует учитывать и тот факт, что не существовало обособленных, изолированных европейской, африканской и тихоокеанской «войн». Операции на этих фронтах являлись составными частями единого процесса — второй мировой войны, подразделявшейся на различные театры военных действий.

Правильная, научно обоснованная периодизация военных действий на Тихоокеанском театре возможна лишь при условии сочетания анализа важнейших событий как на Советско-германском и Европейском фронтах, так и на Тихоокеанском театре. Только такое сочетание позволяет учитывать общее и частное, общие объективные закономерности и их частное, специфическое, проявление.

Базируясь на этом принципе, мы предлагаем при рассмотрении внешней политики Японии во время военных действий на Тихоокеанском театре исходить из следующей их периодизации¹: 1) *первый период* (7 декабря 1941 г. — 19 ноября 1942 г., т. е. от нападения Японии

ность и признавая ее условный характер, автор считает приводимую периодизацию наиболее целесообразной для исследования внешней политики Японии в 1941—1945 гг.

¹ Японские прогрессивные авторы «Истории войны на Тихом океане» подразделяют военные действия на Тихоокеанском театре на два периода: первый период (дзэнки) — с середины 1940 г. до начала 1943 г. и второй период (гоки) — от начала 1943 г. до августа 1945 г. («Гайхэй сэнсоси», т. III, Токио, 1953, стр. 249; т. IV, Токио, 1953, стр. 189). Эта периодизация, с нашей точки зрения, неприемлема, так как она охватывает довоенный период и не учитывает значения важнейших событий на Советско-германском фронте, их влияния на ход военных действий на Тихом океане.

на Пёрл-Харбор¹ до начала наступления Советской Армии на Сталинградском фронте), который делится на два этапа: начальный (7 декабря 1941 г. — май-июнь 1942 г.) и второй (июнь 1942 г. — 19 ноября 1942 г.); 2) *второй период* (19 ноября 1942 г. — 9 мая 1945 г., т. е. от начала наступления Советской Армии под Сталинградом² до капитуляции гитлеровской Германии), разделяющийся на начальный этап (19 ноября 1942 г. — ноябрь-декабрь 1943 г.), второй этап (январь 1944 г. — июнь-июль 1944 г.), третий этап (июнь-июль — ноябрь-декабрь 1944 г.) и четвертый этап (ноябрь-декабрь 1944 г. — 9 мая 1945 г.); 3) *третий, последний период* (9 мая — 2 сентября 1945 г., т. е. от капитуляции Германии до окончания второй мировой войны), состоящий из первого этапа (9 мая — 9 августа 1945 г.) и заключительного этапа (9 августа — 2 сентября 1945 г.).

Как это показано в настоящей работе, великое Сталинградское сражение определило перелом в военных действиях и на Тихоокеанском театре, переход их во второй период; капитуляция Германии предопределила коренные изменения в положении на Дальнем Востоке, переход военных действий на Тихом океане в последний период; вступление СССР в войну против Японии создало условия для сокращения сроков окончания военных действий на Тихоокеанском театре, для завершения японо-китайской войны и второй мировой войны в целом.

Разделение каждого из трех периодов военных действий на Тихоокеанском театре на этапы проводится с учетом особенностей, специфических черт, характерных для них, оно позволяет определить и те важнейшие события на Европейском театре, которые оказали воздействие на ход военных действий на Тихоокеанском фронте. Последними событиями начального этапа первого периода являлись сражения в Коралловом море, приведшие к срыву японского десанта в порту Морсби (о. Новая Гвинея), и у атолла Мидуэй (май — июнь 1942 г.). Эти сражения означали прекращение наступления японских вооруженных сил в южном направлении. Критерием конца второго этапа явились отказ Японии

¹ Здесь, как и во всей работе, мы придерживаемся научной транскрипции названия Пёрл-Харбор (Pearl Harbor), принятой в «Морском атласе», М., 1950, и «Атласе мира», М., 1954.

² Ныне Волгоград.

от планов удержания Гуадалканала и решение эвакуировать японские войска с острова. Первый этап второго периода начинается с наступления Советской Армии под Сталинградом и отказа Японии сохранить за собой Гуадалканал и заканчивается крупными сражениями в районе Гилберта и Новой Британии, в частности уничтожением японских гарнизонов на островах Макин и Тарава (ноябрь — декабрь 1943 г.); второй этап завершается развертыванием первого Филиппинского сражения, падением Сайпана, Тиниана и Гуама, отставкой кабинета Тодзё, совпавшими с открытием второго фронта в Европе (июнь — июль 1944 г.); третий этап заканчивается началом второго Филиппинского сражения, в результате которого американские войска высадились на островах Лейте и Миндоро, и очищением Индии от японских войск (октябрь — декабрь 1944 г.); четвертый этап завершается окончанием войны в Европе (9 мая 1945 г.). С этого времени начинается первый этап третьего, последнего периода войны, заканчивающийся вступлением Советского Союза в войну против Японии; заключительный этап данного периода завершается окончанием второй мировой войны.

Несмотря на некоторую дробность предлагаемой периодизации военных действий на Тихоокеанском театре, она, по нашему мнению, позволяет более глубоко оценить важнейшие исторические события на Советско-германском и Европейском театрах с точки зрения периодизации второй мировой войны в целом, она дает возможность выделить наиболее важные военные события войны Японии против США и Англии, определяющие ее внутреннюю периодизацию и оказавшие влияние на внешнюю политику Японии.

**Нападение Японии на Пёрл-Харбор и другие американские, английские и голландские владения.
Объявление Соединенными Штатами и Англией войны Японии. Присоединение новых стран к антифашистской коалиции**

Война Японии против США и Англии началась нападением Японии на Пёрл-Харбор и другие американские, английские и голландские владения, важные в стратегическом и экономическом отношении (Филип-

пины, Малайя, Индонезия, Гуам, Уэйк, Мидуэй) ¹. Захват этих территорий и установление неограниченного господства японских империалистов на Дальнем Востоке и в Тихоокеанском бассейне являлись главной целью войны ².

8 декабря 1941 г. президент США Рузвельт обратился с посланием к конгрессу, в котором просил конгресс объявить состояние войны с Японией «с момента неспровоцированного и подлого нападения 7 декабря 1941 г.» ³. В тот же день совместное заседание сената и палаты представителей приняло резолюцию, объявившую состояние войны между США и Японией. Президенту поручалось использовать все сухопутные и морские силы, а также ресурсы страны для ведения войны против Японии ⁴.

Вступление США в войну против Японии, а затем против Германии и Италии означало новое значительное расширение масштабов второй мировой войны. Война стала действительно всемирной. Соединенные Штаты окончательно включались в антифашистскую коалицию и стали участником войны против германо-японо-итальянского блока.

8 декабря, в день объявления войны Японии, военное министерство США дало директивное указание генералу Макартуру и другим командующим привести в действие план «Рейнбоу-5» в части, касавшейся Японии ⁵.

В тот же день английский посол в Токио Крейги по поручению своего правительства передал японскому

¹ «The War 1939—1945», London, 1960, p. 275—288.

² О японском плане военных действий на Тихоокеанском театре см. *Р. Шеррод и Накано Горо*, Тайхэйё сэнсо (Война на Тихом океане), т. I, Токио, 1956, стр. 14—15; «Кампании войны на Тихом океане». Материалы комиссии по изучению стратегических бомбардировок авиации Соединенных Штатов, М., 1956, стр. 4; *E. B. Potter*, The Navy's War against Japan. A Strategic Analysis. «United States Naval Institute Proceedings» № 8, 1950, p. 828; «Хироку Дайтоа сэнси» («Секретные записи по истории великой восточноазиатской войны»), т. I, Токио, 1954, стр. 237; *S. E. Morison*, The Rising Sun in the Pacific War 1931—April 1942, vol. III, Boston, 1948, p. 126; *W. Lord*, Day of Infamy, New York, 1957, p. 220.

³ «Peace and War. United States Foreign Policy 1931—1941», United States Department of State, Washington, 1943, p. 839—840.

⁴ «Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Japan: 1931—1941», vol. II, Washington, 1943, p. 795.

⁵ См. *М. Мэтлофф и Э. Снэлл*, Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941—1942 гг., М., 1955, стр. 64—65, 102.

правительству ноту, объявлявшую состояние войны между Англией и Японией¹.

9 декабря правительство Китая объявило о состоянии войны с Японией, а 10 декабря — с Германией и Италией². Однако объявление войны носило в значительной мере декларативный характер. Лидеры чанкайшистской клики продолжали пассивную войну с Японией, рассчитывая на то, что отныне англо-американские союзные силы примут на себя главную тяжесть ведения войны против Японии. Поэтому чанкайшистское военное командование и не намечало активных наступательных операций против Японии, несмотря на то что с началом военных действий на Тихоокеанском театре международное положение Китая улучшилось и создались благоприятные условия для нанесения поражения японской оккупационной армии в Китае. Одновременно клика Чан Кай-ши предпринимала новые тайные попытки сговора с врагом и готовилась к разгрому сил китайской демократии, руководимых коммунистической партией.

Несмотря на двуличную политику чанкайшистской клики, объявление войны Японии означало присоединение Китая к антифашистской коалиции, объединение его сил со всеми свободолюбивыми народами, ведущими справедливую борьбу против фашистского гнета. Оно имело большое моральное и политическое значение в борьбе за свободу и независимость Китая.

В войну против Японии в первые дни вступили Голландия и Франция, ряд латиноамериканских стран (Гондурас, Гаити, Коста-Рика, Сальвадор, Доминиканская республика, Никарагуа, Гватемала, Куба, Панама), а также Южно-Африканский Союз, Польша, Чехословакия, Австралия, Новая Зеландия. Порвали отношения с Японией Мексика, Колумбия, Египет и Норвегия³.

Таким образом, в антифашистскую коалицию, сложившуюся к концу 1941 г. в составе СССР, Англии и США, вошли Китай, английские доминионы и ряд дру-

¹ Текст ноты см.: *W. S. Churchill, The War Speeches, vol. II, London, 1952, p. 130.*

² Декларации об объявлении Китаем войны Японии, Германии и Италии см. «*Documents on American Foreign Relations*», vol. IV, July 1941 — June 1942, p. 541—542.

³ «*Chronology of the Second World War*», Royal Institute of International Affairs, London, 1947, p. 92, 93.

гих государств. Образование и дальнейшее расширение антифашистской коалиции являлось объективной необходимостью, вызванной жизненными интересами борьбы против фашистской Германии, ее союзников и сателлитов.

Несколько позднее, 1 января 1942 г., в Вашингтоне была подписана декларация 26 государств, к которой присоединился и Советский Союз. Декларация отмечала, что объединившиеся нации ставят перед собой цель вести борьбу «против диких и зверских сил», стремящихся подчинить своему господству весь мир, и призывала к использованию всех их ресурсов против членов тройственного союза, для достижения полной победы над врагами, для защиты жизни, свободы и независимости, для сохранения человеческих прав и справедливости; каждое правительство брало обязательство «не заключать сепаратного перемирия или мира с врагами»¹.

Однако в действительности осуществления этих благородных целей искренне и последовательно добивался лишь Советский Союз. Что касается правящих кругов США и Англии, то они преследовали свои корыстные империалистические интересы и, как показали факты, не стремились к полному разгрому германского фашизма и японского милитаризма, рассчитывая сохранить после войны очаги реакции в Европе и на Дальнем Востоке.

Соглашение Японии и Индокитая от 9 декабря 1941 г. Капитуляция Таиланда

Сразу же после начала военных действий на Тихоокеанском театре японские империалисты предприняли различные военные и дипломатические меры в целях сохранения инициативы и достижения решающего успеха в войне.

9 декабря 1941 г. японские военные власти в Индокитае подписали с главой французской колониальной администрации Деку новое местное военное соглашение «О совместной обороне Индокитая», явившееся разви-

¹ «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами», вып. XI, Госполитиздат, 1955, стр. 44—45. Декларацией от 24 сентября 1941 г. правительство СССР заявило о присоединении к Атлантической хартии, подписанной Рузвельтом и Черчиллем 14 августа 1941 г. (там же, стр. 41—43).

тием ранее подписанного соглашения между Францией и Японией. Во второй статье соглашения указывалось, что индокитайские власти гарантируют общественный порядок на всей территории Индокитая в течение всего периода военных операций японских вооруженных сил, причем японские военные власти соглашались «в случае необходимости» сотрудничать с ними. Статья третья предусматривала предоставление властями Индокитая японской армии всех средств для передвижения войск, их снабжения и для сооружения военных укреплений. Совместная «оборона» Индокитая имела в виду выделение каждой из сторон соответствующих сфер для «обороны»: южная часть отводилась японской армии, северная часть — индокитайской армии. В тех же случаях, когда японские и индокитайские войска будут находиться в одном секторе, предусматривалось подписание специального соглашения в целях организации общей «обороны» в местах, наиболее подходящих для нее. Наряду с этим договор от 9 декабря 1941 г. имел в виду заключение специальных соглашений о взаимном сотрудничестве в вопросах противовоздушной и береговой обороны, морской и воздушной навигации, использования средств транспорта и связи, оборудования, людских ресурсов, борьбы со шпионажем и контроля над печатью¹.

Соглашение от 9 декабря 1941 г., заключенное в условиях начавшейся войны против США, Англии и Голландии, завершало полное военное и политическое подчинение Индокитая империалистической Японии. Предоставление кликой Петэна территории Индокитая в полное распоряжение японских военных властей, как обычно, лицемерно маскировалось интересами «совместной обороны» индокитайской территории и «уважением французского суверенитета». В действительности же Япония получала возможность неограниченно использовать в войне материальные и людские ресурсы Индокитая. Соглашение между Японией и Индокитаем представляло новый акт капитуляции правящих кругов Франции, способствовавший развертыванию войны Японии против США и Англии.

¹ «Viet-Nam's Fight against Fascism (1940—1945)», Viet-Nam Delegation in France, Information Service, Paris, 1948, p. 31—32.

Еще за неделю до нападения на Пёрл-Харбор японские империалисты приняли меры к полному подчинению своим целям соседнего с Индокитаем Таиланда, который рассматривался как важный плацдарм для развертывания военных операций в Малайе и Бирме. 1 декабря японский посол в Бангкоке Цубоками Тэйдзи предложил правительству Таиланда заключить союз с Японией или по крайней мере дать согласие на прохождение японских войск через территорию Таиланда. 7 декабря командующий японскими силами Южного района генерал Тэраути приказал своим войскам пересечь границу и вступить на территорию Таиланда¹. Одновременно японский посол в Бангкоке предъявил правительству Пибунсонграма ультимативное требование: пропустить японские войска через территорию Таиланда в направлении Малайи. Пибунсонграм отдал своей армии распоряжение не оказывать сопротивления японским войскам. Кабинет министров Таиланда, собравшийся на чрезвычайное заседание, после длительных дебатов принял японский ультиматум². Таким образом, Таиланд оказался первым из государств, капитулировавших в войне против Японии.

Его капитуляция явилась прямым следствием политики «дальневосточного Мюнхена», проводившейся накануне войны правящими кругами Англии, США и Франции.

Стремясь юридически обосновать свои агрессивные действия, японское правительство 21 декабря 1941 г. подписало с Таиландом договор «о союзе»³. Он формально провозглашал взаимное уважение суверенитета и независимости договаривающихся сторон, оказание друг другу военной, экономической и политической помощи в случае конфликта с третьей державой, отказ обеих сторон от сепаратного заключения перемирия или мира в случае вступления в войну. Договор дополнялся секретным протоколом, который точно определял взаим-

¹ F. C. Jones, *Japan's New Order in East Asia. Its Rise and Fall 1937—1945*, London — New York — Toronto, 1954, p. 345.

² J. L. Christian and Ike Nobutake, *Thailand in Japan's Foreign Relations. «Pacific affairs»* № 3, 1942, p. 195.

³ Касима *Мориноскэ*, Тэйкоку-но гайко то Дайтоа кёэйкэн (Дипломатия (японской) империи и сфера процветания в великой Восточной Азии), Токио, 1943, стр. 84—85.

ную помощь обоих государств в войне против США и Англии.

Навязанный Таиланду «союзный» договор позволил командованию японских вооруженных сил разместить на таиландской территории крупные гарнизоны, установить полный контроль над аэродромами, железными дорогами и портами страны. В результате территория Таиланда оказалась превращенной в плацдарм для военных действий против Бирмы, Малайи и Южного Китая, в плацдарм, способствовавший успеху японских вооруженных сил в начальной стадии военных действий на Тихом океане.

25 января 1942 г. правительство Таиланда объявило войну Англии и США¹.

**Итоги наступления японских вооруженных сил
на начальном этапе первого периода военных действий
на Тихом океане (7 декабря 1941 г. — май-июнь 1942 г.)**

На начальном этапе первого периода военных действий на Тихом океане японские вооруженные силы провели ряд успешных наступательных операций. Им удалось захватить Сянган (Гонконг), Гуам и Уэйк, Филиппинские острова, оккупировать Малайю и Сингапур, захватить Индонезию и близлежащие острова, вторгнуться на территорию Бирмы, добиться успеха в сражении в Яванском море.

Успех, достигнутый на первом этапе военных действий, позволил японским империалистам захватить обширную территорию стран Южных морей, важных в стратегическом и экономическом отношении, площадью 4 242 тыс. кв. км, с населением 204 млн. человек (с оккупированными районами Китая — 9 801 тыс. кв. км, с населением около 400 млн. человек)², и обеспечить господство своего военно-морского флота и авиации в юго-западном районе Тихого океана.

Наступление японских вооруженных сил в начальной стадии военных действий на Тихоокеанском театре свидетельствовало о тщательной подготовке Японии к нападению на США и Англию и о явной беспечности и не-

¹ F. C. Jones, *Japan's New Order in East Asia*, p. 346.

² «The International Year Book 1943», New York, 1943, p. 344.

подготовленности к войне англо-американских союзников, располагавших в своих владениях на Тихом океане совершенно недостаточным количеством войск и в особенности самолетов, а также необходимых резервов. Совместные планы ведения союзниками войны против Японии, разработанные на конференции «Аркадия», в частности создание объединенного австралийско-английско-голландско-американского командования (ABDA)¹, разделение (март 1942 г.) Тихоокеанского театра на юго-западную и тихоокеанскую зоны во главе с генералом Макартуром и адмиралом Нимицем, образование Тихоокеанского военного совета не оказали ощутимого влияния на военные действия против Японии в их начальной стадии.

Причина военной неподготовленности США и Англии на Тихом океане во многом объяснялась антисоветской политикой их правящих кругов, их стремлением направить японскую агрессию против Советского Союза для того, чтобы путем провоцирования военного столкновения между Японией и СССР ослабить оба государства и сохранить свои колониальные владения на Дальнем Востоке.

Враждебность к национально-освободительному движению колониальных народов со стороны правящих кругов США, Англии, Франции и Голландии определила их боязнь вооружить народы колоний для отпора японскому агрессору, что могло бы оказать большое воздействие на исход сражений на Тихоокеанском театре.

**Итоги военных операций на втором этапе
первого периода военных действий
на Тихоокеанском театре (июнь — ноябрь 1942 г.)**

Сравнительная легкость осуществления операций японских вооруженных сил в первые месяцы войны и упрямая вера правящих кругов Японии в скорое завершение тихоокеанского «блицкрига» привели к тому, что в начале марта 1942 г., вскоре после падения Сингапура, императорская ставка приняла «Генеральный план дальнейшего ведения войны». В нем указывалось на необходимость «использовать плоды... первых побед» для

¹ ABDA — сокращенное обозначение: Australian-British-Dutch-American.

проведения наступательной стратегии в целях достижения быстрой победы над англо-американским блоком¹. Для реализации «Генерального плана» были предприняты военные операции: сражение у атолла Мидуэй (3—6 июня 1942 г.), закончившееся поражением японских сил, десантные операции Японии на островах Кыска и Атту, в западной части Алеутских островов (7—8 июня 1942 г.), операции в районе Соломоновых островов (август — ноябрь 1942 г.).

Как ни значительны были успехи японских вооруженных сил в первые месяцы военных действий на Тихоокеанском театре, они стали возможны только благодаря временному превосходству Японии над силами своих западных соперников и оказались преходящими². Хотя военной мощи США и Англии на первом этапе был нанесен значительный удар, Япония не смогла решить исход войны в свою пользу и тем более осуществить тихоокеанский «блицкриг».

Уже в мае 1942 г. наступательные операции японских вооруженных сил почти прекратились. Япония исчерпала возможности дальнейшего продвижения. Об этом говорили итоги крупного сражения между японскими военно-морскими силами и союзным флотом в Коралловом море (4—8 мая 1942 г.). Они оказались для Японии неблагоприятными. О том же свидетельствовал ход и исход операций по реализации «Генерального плана», определивших характер второго этапа первого периода военных действий на Тихом океане; они показали временный, непрочный характер успехов вооруженных сил Японии, достигнутых на начальном этапе войны.

Стремительное наступление, осуществленное одновременно в различных частях юго-западного района Тихого океана, привело к тому, что японские силы оказались разбросанными на огромных просторах Тихоокеанского театра, их коммуникации растянулись, значительно

¹ *Kase Toshikazu, Journey to the «Missouri». A Japanese Diplomat's Story of How His Country Made War and Peace*, New Haven, 1950, p. 104—105 (далее: *Kase Toshikazu, Journey to the «Missouri»*).

² Хассель в своих мемуарах признает проблематичный характер первых японских успехов, достигнутых, по его мнению, в большой степени благодаря внезапности нападения Японии на США и Англию («*The von Hassel Diaries 1938—1944. The Story of the Forces against Hitler inside Germany as recorded by Ambassador Ulrich von Hassel*», London, 1948, p. 207).

увеличился разрыв с основными базами японских островов. Все это создало трудности в оказании систематической помощи наземным войскам и замедлило дальнейшее продвижение японских экспедиционных сил. Японское командование оказалось не в состоянии предпринимать дальнейшие наступательные операции прежними темпами и в запланированных масштабах. Однако японские вооруженные силы еще не перешли к стратегической обороне и пытались, хотя и с незначительными результатами, проводить отдельные активные операции на некоторых участках Тихоокеанского театра. Наступил момент, когда вооруженные силы Японии уже не могли больше продолжать наступательные действия, на которые они были способны в первой стадии войны. Но американо-английские силы еще не были в состоянии захватить инициативу и начать широкое и эффективное контр-наступление. Они смогли осуществить лишь некоторые поенные операции. На Тихоокеанском театре военных действий сложилось временное равновесие сил.

Второй этап первого периода военных действий на Тихоокеанском театре (июнь — ноябрь 1942 г.) явился началом утраты японскими вооруженными силами стратегической инициативы и перехода ее к американо-английским союзным силам. Временные факторы отходили в прошлое, и на сцену выступили постоянно действующие факторы, решившие исход войны.

Соединенные Штаты и их союзники тем временем накапливали силы для того, чтобы подготовить переход в контрнаступление против Японии, захватить стратегическую инициативу и уже не упускать ее до окончания войны.

Главным фактором, облегчившим изменение в соотношении сил на Тихоокеанском театре и позволившим Соединенным Штатам получить необходимое время для развертывания военно-промышленного потенциала, явилось героическое сопротивление Вооруженных Сил Советского Союза на решающем и главном театре второй мировой войны — на Советско-германском фронте. Именно на этом фронте создавались условия для коренного перелома в войне в пользу антифашистской коалиции. События, развертывавшиеся на этом фронте, оказывали прямое влияние и на Тихоокеанский театр. Важным фактором, подготовившим изменение в соотношении

сил воюющих сторон на этом театре, являлась и освободительная борьба народов оккупированных Японией стран, в особенности китайского народа.

**Экономические и политические мероприятия Японии
в первый период военных действий
на Тихоокеанском театре**

Начавшаяся война Японии против США и Англии поставила перед японскими правящими кругами ряд проблем экономического и политического характера. Прежде всего внимание было обращено на решение проблемы обеспечения ведения войны с такими мощными противниками, как США и Англия. Пришедшее к власти осенью 1941 г. правительство Тодзё занялось проведением ряда экономических мероприятий.

Главное внимание уделялось развитию тяжелой промышленности, в особенности производству самолетов, танков, военных и торговых кораблей.

В условиях интенсивных морских и воздушных сражений большое значение приобрел выпуск самолетов. Однако производство их в Японии далеко отставало от потребностей войны и от уровня самолетостроения в Соединенных Штатах: в 1941 г. в Японии было выпущено 5088 самолетов и в 1942 г. — 8861 самолет¹; в Соединенных же Штатах производство самолетов соответственно достигло 19 300 и 47 836 машин, или в 3,7 и 5,5 раза больше, чем в Японии. Производство танков и других боевых машин в 1942 г. составило в Японии 3202 единицы, в том числе 1165 средних и легких танков, тогда как в Соединенных Штатах было выпущено около 24 тыс. танков².

Расширение масштабов морских сражений и стремление удержать оккупированные территории в районе Южных морей требовали увеличения строительства военных, а также торговых кораблей: в 1942 г. было по-

¹ «USSBS, The Effects of Strategic Bombing on Japan's War Economy», Washington, 1946, p. 222; *Мория Фумио*, Нихон сикхонсюги хаттауси (История развития японского капитализма), Токио, 1958, стр. 275.

² *W. H. McNeil, America, Britain and Russia. Their Cooperation and Conflict 1941—1946*, London — New York — Toronto, 1953, p. 229 (далее: *W. H. McNeil, America, Britain and Russia...*).

строено и введено в строй военных судов водоизмещением 186,4 тыс. т и торговых судов водоизмещением около 662 тыс. т¹, тогда как в Соединенных Штатах фактически было построено торговых судов общим водоизмещением свыше 8 млн. т².

Ведущее место в японской экономике по-прежнему занимали крупные монополии, являвшиеся подлинными хозяевами Японии и определявшие ее внутреннюю и внешнюю политику. «Большая четверка» — концерны Мицуи, Мицубиси, Сумитомо и Ясуда — контролировала преимущественно отрасли тяжелой промышленности, в особенности производство вооружения.

Одним из важнейших источников извлечения японскими монополиями высоких прибылей являлось ограбление колоний и временно оккупированных территорий, в особенности Индонезии, Малайи и Индокитая. Японские промышленники захватили оловянные рудники и каучуковые плантации в Малайе. Концерн Мицубиси стал монопольным обладателем индокитайских фосфатов, в его распоряжение перешли также судостроительные верфи в Сингапуре. Медные рудники на Филиппинах и судостроительные верфи в Сянгане стали собственностью концерна Мицуи³. Захват районов, богатых оловом, каучуком, нефтью, фосфатами и продовольствием, позволял Японии в первые годы войны пополнять быстро уменьшавшиеся запасы военно-стратегических материалов и продовольственных ресурсов. Немалую роль в ограблении оккупированных стран играл выпуск банкнот, производимый Банком развития стран Южных морей. В течение 1942 г. в обращении находилось: в Малайе — 143,5 млн. сингапурских долларов, в Борнео — 4,7 млн. сингапурских долларов, на Яве — 56,7 млн. гульденов, на Суматре — 25,8 млн. гульденов, в Бирме — 137 млн. рупий, на Филиппинах — 105,5 млн. песо⁴.

¹ «USSBS, The Effects of Strategic Bombing on Japan's War Economy», p. 27; «The Japan Year Book 1946—1948», Tokyo, 1949, p. 422.

² «Сирё Нихонси» (Материалы по истории Японии), т. 2, Токио, 1958, стр. 234; W. H. McNeil, *America, Britain and Russia*., p. 229.

³ «Вторая мировая война 1939—1945 гг.». М., 1958, стр. 372.

⁴ А. И. Динкевич, *Военные финансы Японии (1937—1945)*, М., 1958, стр. 80.

Широкое развертывание производства всех видов вооружения, усиленная эксплуатация рабочих и всех трудящихся Японии, ограбление народов старых колоний и временно оккупированных стран — все это приносило японским монополиям высокие прибыли: в 1941 г. они составили 4,8 млрд. иен, а в 1942 г. увеличились до 5,3 млрд. иен¹. Чистая прибыль компаний в одной лишь обрабатывающей промышленности достигла в 1942 г. 3,9 млрд. иен (в 1941 г. — около 3,8 млрд. иен)². Согласно балансовым отчетам за первое полугодие 1942 г., чистая прибыль компаний, связанных с производством средств войны, достигла 68%³.

С началом военных действий на Тихоокеанском театре роль японских монополий в экономике и политике страны значительно усилилась. Это нашло свое выражение в государственном «контроле» над важнейшими отраслями промышленности и внешней торговли, означавшем еще большее подчинение монополиям государственного аппарата. Основными органами военного-экономического контроля оставались «контролирующие ассоциации», создание которых началось еще до военных действий на Тихоокеанском театре на основе «новой экономической структуры»; они передавали в руки ее инициаторов и владельцев концернов командные позиции в экономике Японии. В конце 1942 г. действовало 12 «контролирующих ассоциаций» в каменноугольной промышленности, в машиностроении, в частности в точном машиностроении и электромашиностроении, в металлургии, в цементной промышленности, в отрасли, производящей железнодорожное оборудование, а также во внешней торговле⁴.

Процесс создания «контролирующих ассоциаций» сопровождался слиянием акционерных компаний, действовавших в различных отраслях промышленности. В течение 1942 г. имело место 411 случаев слияния компа-

¹ *Иноуэ Киёси, Судзуки Сёси*, Нихон киндайси (История современной Японии), Токио, 1957, стр. 436; «Тайхэйё сэносси», т. IV, стр. 88.

² «Тайхэйё сэносси», т. III, стр. 78.

³ *Хани Горо*, История японского народа, М., 1957, стр. 199.

⁴ *A. Grajdanzev*, Japan's Economy since Pearl Harbor, «Far Eastern Survey», June 14, 1943, p. 119—123.

ний, суммарный капитал которых превышал 3,2 млрд. иен¹.

Для контроля над продовольственными запасами и распределением продуктов была учреждена специальная инспекция. Согласно закону, принятому парламентской сессией в начале 1942 г., в функцию инспекции входило создание жесткого режима потребления продуктов питания гражданским населением.

С каждым днем войны, требовавшей большого напряжения всех ресурсов, материальных и людских, экономическое положение трудящихся Японии ухудшалось, все больше выявлялся недостаток продовольствия и предметов первой необходимости.

Японское правительство направляло всю финансовую политику страны на удовлетворение нужд войны. Значительная часть национального дохода и в первую очередь доходов трудящихся поглощалась военными расходами: в 1941/42 бюджетном году чрезвычайные военные расходы составили 18 млрд. иен, или 66% общих государственных расходов².

Японские монополисты, подчинившие себе государственный аппарат, использовали парламент для якобы «общенародного» одобрения политики правительства Тодзё. Правительство стремилось полностью подчинить себе парламент, сделать его своим орудием, приспособить к нуждам ведения агрессивной войны и проведения реакционной внутренней политики. Не будучи зависимым от парламента, созданного и функционировавшего на основе конституции 1889 г., правительство тем не менее считало целесообразным и необходимым заручиться поддержкой парламента. Таким путем оно хотело облегчить осуществление антинародных и агрессивных целей японских «дзайбацу» в новых условиях начавшихся военных операций на Тихоокеанском театре. Более того, правительство неоднократно обращалось к послушному ему парламента за одобрением своей политики на протяжении всей войны.

Ровно через месяц после 77-й предвоенной парламентской сессии, 16—18 декабря 1941 г., заседала 78-я чрезвычайная сессия японского парламента. В ее задачу

¹ «Тайхэйё сэнсоси», т. III, стр. 227.

² Хаттори Такусиро, Дайтоа сэно дзэнси, т. 8, Токио, 1956, стр. 235.

входило утверждение срочных правительственных мероприятий для обеспечения войны против западных соперников Японии. Идеологи «молниеносной войны» назвали 78-ю сессию «парламентом великой победы»¹.

Рассмотрением и утверждением новых экономических мероприятий занималась и следующая, 79-я, сессия парламента (26 декабря 1941 г. — 26 марта 1942 г.). Сессия утвердила в общей сложности 84 правительственных законопроекта и в том числе военный бюджет Японии на 1942/43 г. Значительное внимание было уделено финансовым и политическим мероприятиям в странах Южных морей. Министр финансов Кая Окинори предложил организовать специальный Банк по развитию стран Южных морей. Выступая 23 января 1942 г. на заседании бюджетной комиссии нижней палаты, премьер-министр Тодзё подчеркнул, что на данной стадии войны, когда решается вопрос о построении «сферы процветания» в Восточной Азии, особое значение приобретает обеспечение Японии ресурсами, необходимыми для завершения войны, в частности ресурсами стран южного района².

Происходившие в экономике страны изменения, вызванные войной, не могли не оказать влияния на состав и положение рабочего класса Японии. Интенсивное развитие тяжелой промышленности, в особенности производства вооружения, и непрерывное свертывание невоенных отраслей промышленности привели к тому, что уже в 1942 г. в тяжелой промышленности было занято 68% общей численности рабочих³. Увеличилась и концентрация рабочих. Одновременно усиливалось относительное и абсолютное обнищание пролетариата, разорение трудящихся города и деревни. Японские монополисты под предлогом «регулирования труда» создали военно-каторжный режим для рабочих. Был увеличен рабочий день, заработная плата «заморожена» на одном уровне без учета повышения цен на предметы потребления.

¹ *Кояма Хиротакэ, Асада Мицутэру, Нихон тэйкокусюгис. Дайсанкан. Нихон тэйкокусюги-но хокай (История японского империализма. Том 3. Крах японского империализма), Токио, 1960, стр. 209.*

² *Цугия Такао, Нихон кэйдзайси-но тисики (Очерк истории японской экономики), Токио, 1954, стр. 230.*

³ *Дж. Б. Коен, Военная экономика Японии, М., 1951, стр. 302.*

Индекс реальной заработной платы в 1941 г. составлял 84% уровня 1937 г.¹

Частые мобилизации в армию для пополнения экспедиционных сил в Китае, на Тихом океане и Квантунской армии обострили недостаток в квалифицированной рабочей силе, что заставило японское правительство принять срочные меры. Ранее изданные законы — об ограничении приема на работу (апрель 1939 г.), об ограничении приема на работу молодежи и подростков (март 1940 г.) — уже не соответствовали новым условиям. Еще в ноябре 1940 г. правительство издало закон о запрещении самовольного ухода с предприятий, а 10 января 1942 г. ввело в действие измененный закон о контроле над рабочей силой, устанавливавший порядок, при котором лица, имеющие специальность или же техническое образование — мужчины от 14 до 60 лет и женщины от 14 до 40 лет, — не имели права поступить на работу без ведома «Бюро учета профессий», которое являлось регулирующим правительственным органом².

С марта 1942 г. вступил в действие новый закон о трудовой мобилизации, предоставивший правительству право мобилизовывать лиц мужского и женского пола с 12 до 70 лет для работы в любой отрасли промышленности и в любом районе Японии вне зависимости от постоянного местожительства. Закон о «трудовой мобилизации» значительно ухудшил положение основной массы рабочих. Каждый рабочий считал работу по мобилизации горем не только потому, что оказывался вынужденным жить в отдалении от дома, но и ввиду минимально ограниченной заработной платы: 1,6 иены (40 американских центов) для мужчин и 1 иена (25 центов) для женщин в день³.

Опасаясь серьезных политических последствий внутри страны, японское правительство в течение 1942 г. уделяло большое внимание «духовной мобилизации» рабочих. 1 октября 1942 г. губернаторам префектур была разослана директива⁴, предлагавшая всячески содействовать деятельности так называемой «Патриотической ассоциации труда», в задачу которой входило поднять

¹ «Тайхэйё сэнсоси», т. III, стр. 88.

² «Токио нити-нити», 26 июля 1942 г.

³ A. Roth, *Dilemma in Japan*, Boston, 1945, p. 224.

⁴ «Ёмиури-хоти», 1 октября 1942 г.

«патриотический дух» среди промышленных рабочих, обеспечить «сотрудничество» труда и капитала в целях мобилизации национальных ресурсов, а также «улучшить здоровье и жизненные условия народа». Японские монополии стремились использовать эту ассоциацию для обеспечения высокой интенсификации труда рабочих и убедить их в необходимости поддержать все мероприятия правительства.

Все правительственные меры по усилению государственного «контроля», трудовой и «духовной» мобилизации были проведены в интересах монополистической буржуазии. Они свидетельствовали об единстве целей всех групп правящих кругов Японии, заинтересованных во всеобщей мобилизации материальных и людских ресурсов для ведения агрессивной войны.

Правящие классы Японии всеми средствами стремились подавить сопротивление народных масс политике войны и реакции. Была развернута шовинистическая пропаганда, ставившая целью отравить сознание трудящихся. Кроме того, был осуществлен ряд мероприятий для обеспечения тыла. В изданном летом 1941 г. «Обзоре чрезвычайных мер для сохранения общественного порядка» главное внимание уделялось подавлению деятельности коммунистов и левых элементов. Особое место в «Обзоре» отводилось студентам и японским рабочим, в особенности рабочим военной промышленности, а также завербованным китайским и корейским рабочим¹.

Политика репрессий против антивоенного движения еще больше усилилась с приходом к власти Тодзё, который занял также и пост министра внутренних дел (он занимал его до 17 февраля 1942 г., когда его сменил Юдзава Митио). Как заявил Тодзё на Токийском процессе, он занял пост министра внутренних дел потому, что «столкнулся с грозными тенденциями, предвещавшими внутренние беспорядки».

С началом военных действий на Тихоокеанском театре японская полиция усилила репрессии против сторонников антивоенного движения, представителей прогрессивной интеллигенции, революционно настроенных рабочих и произвела массовые аресты коммуни-

¹ «USSBS, The Effects of Strategic Bombing on Japanese Morale», Washington, 1947, p. 233.

стов¹. На второй день войны правительство Тодзё арестовало по всей Японии три тысячи человек, выступавших против войны². Репрессии коснулись также и профсоюзов³.

В декабре 1941 г. на 78-й парламентской сессии был принят чрезвычайный закон, ограничивающий свободу слова, печати, собраний и создание обществ⁴.

Наряду с проведением экономических мер и подавлением антивоенного движения правительство Тодзё осуществило также ряд политических мероприятий, имевших целью обеспечить тыл для ведения Японией военных операций на Тихоокеанском театре и продолжения войны против китайского народа. Эти меры были рассчитаны на закрепление военных успехов, достигнутых в начальной стадии войны против США и Англии.

Прежде всего Тодзё имел намерение создать более однородный парламент, послушный при любых условиях и целиком выполняющий волю правительства. В конце января 1942 г. кабинет министров сообщил о назначении новых парламентских выборов на 30 апреля. Вслед за этим, 18 февраля, правительство создало специальную организацию по рекомендации кандидатов в нижнюю палату, образованную по согласованию с находившейся под контролем правительства «Ассоциацией помощи трону» («Тайсэй Ёкусанкай»), которая и обеспечила избрание в парламент угодных Тодзё и его клике депутатов.

¹ *Мория Фумио*, Нихон сихонсюги хаттацуси, стр. 265; «USSBS, The Effects of Strategic Bombing on Japanese Morale», p. 233.

² *A. Roth*, Dilemma in Japan, p. 155; *R. Swearingen* and *P. Lan-ger*, Red Flag in Japan, International Communist in Action 1919—1951, Cambridge, Massachusetts, 1952, p. 72. Несмотря на то что Свиринжен и Лэнжер специализировались на антикоммунистической деятельности, мы считаем возможным использовать приводимые ими важные и впервые опубликованные документы министерства внутренних дел Японии. Эти документы опровергают утверждения о якобы полном разгроме Коммунистической партии Японии в годы второй мировой войны и подтверждают рост антивоенных настроений среди различных социальных слоев населения Японии.

³ В 1941 г. в стране насчитывалось, по официальным данным, всего лишь 11 профсоюзов, объединявших 895 человек («Japan Year Book 1949—1952», Токуо, 1953, p. 605).

⁴ *Кояма Хиротакэ*, *Асада Мицутэру*, Нихон тэйкокусюгиси, т. 3, стр. 209.

Выборы 30 апреля 1942 г. впервые в истории Японии прошли без участия политических партий. Всю подготовку к выборам осуществила «Ассоциация помощи трону», вследствие чего выборы получили название «Ёкусан сэнкё» («выборы Ёкусан») ¹. В результате большая часть депутатов нижней палаты оказалась избранной по списку «Ассоциации». Из 466 депутатов 381 человек ² (около 82%) был рекомендован «Ассоциацией», 7 человек было избрано от фашистской организации «Тохокай», 4 — от различных групп и лишь 74 «прочих» прошли по так называемому «свободному списку» ³. Характерно, что только 199 депутатов были избраны впервые, 247 избирались ранее, 20 депутатов являлись членами парламента с его основания ⁴.

Целью проведения парламентских выборов в разгар военных успехов Японии были ликвидация последних остатков парламентской оппозиции и усиление диктаторской власти самых реакционных кругов японских монополий. Генерал Тодзё пытался превратить парламентские сессии в шовинистические манифестации в честь агрессивной, захватнической войны.

Как уже говорилось выше, в стране был принят закон «О чрезвычайном контроле за словом, печатью, собраниями и организациями». Помимо введения системы специальных разрешений на организацию собраний и обществ, закон предусматривал получение разрешений на существование уже действующих организаций. В результате свыше половины из 500 таких обществ не получили санкцию на продолжение своей деятельности ⁵.

20 мая 1942 г. с одобрения Тодзё было основано Политическое общество содействия трону («Ёкусан сэйдзикай») во главе с Абэ Нобуюки — отставным генералом и бывшим премьер-министром. Во главе Общества находился комитет, состоявший из 29 человек: по 12 пред-

¹ *Тояма Сигэки, Имаи Сэйити, Фудзивара Акира, Сёваси*, стр. 210.

² *Кониси Сиро*, *Киндай сякай. Синнихонси тайкэй* (Современное общество. Серия истории новой Японии), т. 6, Токио, 1957, стр. 425; «Сирё Нихонси», стр. 231.

³ «Сирё-ни-ёру Нихон-но аюми» («Материалы по истории Японии»), т. 4, Токио, 1957, стр. 243.

⁴ «Тайхэйё сэнсоси», т. III, стр. 207.

⁵ Там же, стр. 204—205.

ставителей от каждой палаты парламента и 5 — от различных кругов¹.

Создавая «Ёкусан сэйдзикай», Тодзё исходил из необходимости образования сильной политической организации для обеспечения успешного завершения войны и поддержки правительства. Он рассчитывал с помощью этой организации разрешить внутренние противоречия среди различных конкурирующих группировок монополистов, связанные с распределением военных заказов и сфер колониального грабежа на оккупированных территориях. Кроме того, в связи с тем что война принимала затяжной характер, Тодзё стремился приобрести поддержку возможно большей части этих группировок и ослабить критику политики правительства как со стороны могущественных «дзайбацу», так и со стороны парламента.

Программа и устав «Ёкусан сэйдзикай» предусматривали сплочение политических сил всей страны на базе «основных принципов» японского политического строя в целях доведения войны до победного конца, создания «сферы процветания» в Восточной Азии и построения «нового порядка» во всем мире. Программа имела также в виду в тесном контакте с «Ассоциацией помощи трону» «развить и поднять на должную высоту движение содействия управлению страной» и создать «парламент помощи трону» («Ёкусан гикай») ².

В отличие от «Ассоциации помощи трону» «Политическое общество содействия трону» являлось парламентской организацией, занимавшейся исключительно областью парламентской политики, подготовкой и проведением избирательных кампаний. Созданием Общества правящие круги намеревались сохранить хотя бы видимость парламента, фактически находившегося под контролем правительства.

В состав «Политического общества содействия трону» при его организации вошло 900 человек, представлявших различные группы правящих классов. В каждой префектуре создавались местные отделения Общества. К открытию 80-й чрезвычайной сессии парламента, заседавшей 27—29 мая 1942 г., все мелкие политические

¹ «Тайхэйё сэносси», т. III, стр. 207.

² Там же, стр. 208.

организации объявили о своем роспуске. На самой сессии многие члены нижней палаты заявили о вступлении в «Политическое общество содействия трону».

Вскоре после образования «Политического общества содействия трону», 10 июня, кабинет министров принял решение о полной реорганизации и изменении функций «Ассоциации помощи трону». Отныне ее основной задачей объявлялось «руководство всенародным движением помощи трону в области идеологического руководства нацией, в укреплении экономики военного времени». Особое внимание уделялось проведению шовинистической пропаганды среди населения.

Создание через семь месяцев после образования «Ассоциации помощи трону» «Политического общества содействия трону», объединившего представителей различных слоев правящих классов и членов бывших политических партий «Сэйюкай», «Минсэйто» и других групп, являлось несомненным свидетельством того, что «новая политическая структура» оказалась несовершенной и неспособной дать нужные результаты. Учрежденная в целях фашизации государственного строя и облегчения мобилизации людских и материальных ресурсов для подготовки большой и «молниеносной» войны против США и Англии, «новая политическая структура» не смогла решить эти задачи. Несмотря на значительные успехи японских вооруженных сил в начальной стадии военных действий на Тихоокеанском театре, планы «молниеносной войны» потерпели крах, и Япония очутилась перед лицом длительной, затяжной войны. Дальнейшее продолжение изнурительной для японской экономики войны диктовало правительству Тодзё необходимость гораздо большего привлечения представителей бывших политических партий, распущенных или самораспустившихся, в новую политическую организацию, которую оно под той же маской оказания помощи трону намеревалось приспособить к нуждам ведения войны.

Попытки кабинета Тодзё усовершенствовать «новую политическую структуру» и усилить «новую экономическую структуру» отражали интересы японских монополистов, еще больше подчинивших себе государственный аппарат.

Таковы основные экономические и политические мероприятия правительства генерала Тодзё, ставившие

целью мобилизацию всех материальных и людских ресурсов, а также японского «духа» для политического и экономического обеспечения авантюристической войны, для победоносного ее завершения.

**Мероприятия Японии по строительству
«нового порядка» на оккупированных территориях
в первый период военных действий
на Тихоокеанском театре**

Наряду с экономическими и политическими мероприятиями внутри страны японское правительство приступило к построению «нового порядка» на оккупированных территориях. Осуществлению этой цели подчинялись различные мероприятия японских властей, которые стали проводиться в особенности после падения Сингапура, когда казалось, что военные действия на Тихоокеанском театре должны «молниеносно» завершиться в пользу Японии.

В конце апреля 1942 г. японский кабинет министров принял решение о мобилизации сырьевых ресурсов, распространявшееся на все оккупированные территории. Реализация этого решения поручалась частным компаниям. В целях проведения указанного плана были ликвидированы все прежние банки, которые действовали на территории оккупированных стран. Это открыло большие возможности для активизации влиятельнейших банков Японии, принадлежавших концернам Мицуи, Мицубиси, Сумитомо. Значительную роль стал играть созданный в марте 1942 г. полуправительственный Банк развития стран Южных морей с капиталом в 100 млн. иен, который имел 32 филиала¹. В задачи этого банка, которому отводилось центральное место в оккупированных Японией странах, входили выпуск «военных денег» и финансирование различных японских предприятий, создаваемых для эксплуатации сырьевых ресурсов захваченных районов. Выпуск «военных денег», осуществленный японскими властями под предлогом реорганизации валютной системы стран «восточноазиатской сферы», ставил целью обеспечить форсированное ограбление

¹ А. И. Динкевич, Военные финансы Японии (1937—1945), стр. 72, 76; Мория Фумио, Нихон сихонсюги хаттацуси, стр. 266.

богатств указанных стран. Эксплуатация захваченных Японией сырьевых ресурсов оккупированных стран Южных морей носила характер хищнического грабежа, так как японские власти меньше всего заботились об инвестициях капиталов на длительный срок и проведении каких-либо реконструктивных работ. Ввиду прогрессирующего истощения накопленных запасов в условиях превращения войны в затяжную японские интервенты стремились вывезти в Японию и использовать на месте для нужд армии как можно больше военно-стратегического сырья и продовольствия. Из стран, временно оккупированных Японией, вывозились: уголь, железная руда, олово, нефть, бокситы, медь, свинец, каучук, рис.

Однако серьезным тормозом на пути захвата богатых ресурсов Малайи, Индонезии, Индокитая, Филиппин и других стран являлся недостаток тоннажа японского торгового флота, который оказался не в состоянии обеспечить доставку большой массы сырья из стран Южных морей в Японию ввиду эффективных действий подводных лодок и авиации союзников, наносивших большой урон японскому торговому флоту.

Японские оккупационные власти приступили к осуществлению на захваченных территориях ряда мероприятий, неразрывно связанных с планами закрепления этих территорий в составе колониальной империи Японии. Они были рассчитаны на то, чтобы привлечь на свою сторону местные помещичье-буржуазные круги и использовать их для управления оккупированными странами, удержания населения этих стран в покорности и обеспечения хищнической эксплуатации их богатейших ресурсов. С помощью коллаборационистов японские оккупанты надеялись добиться выступления захваченных ими стран в войне на стороне Японии.

Достичь всего этого японское правительство намеревалось путем предоставления оккупированным странам «самоуправления» и даже «независимости». В речи на 79-й парламентской сессии Тодзэ высказал намерение Японии предоставить странам, которые станут сотрудничать с Японией в построении «сферы процветания», «независимость» по типу Маньчжоу-го¹.

¹ W. H. Elsbree, *Japan's Role in Southeast Asian Nationalist Movements 1940 to 1945*, Cambridge, Massachusetts, 1953, p. 28, 29, 42.

Вскоре после захвата Индонезии, 7 марта 1942 г., приказом японских военных властей (гунсэйкан) вместо прежней структуры управления, созданной голландцами, были учреждены департаменты: общих дел, внутренних дел, финансов, юстиции, общественных работ, экономики, контроля и пропаганды. Одновременно был издан приказ о запрещении всех общественно-политических организаций и митингов на территории Индонезии¹.

Наряду с этим стали подготавливаться различные административные реформы. В сентябре 1942 г. подверглось реорганизации и управление Индонезией, в результате которой появились новые округа и новые административные центры. Кроме того, вся судебная система на территории Индонезии была реорганизована по японскому образцу.

Стремясь создать прочную политическую опору среди помещичье-буржуазных элементов Индонезии, японские империалисты решили выделить особо остров Яву, в эксплуатации богатств которого они были крайне заинтересованы. В 1942 г. оккупанты пообещали яванцам «автономию» при условии полного изгнания «белых» империалистов из японской «сферы процветания»². Имея в виду добиться поддержки «автономии» среди местного населения, которое они стремились убедить в наступлении «новой эры», японские власти создали в октябре 1942 г. организацию, назвав ее «Культурное движение Явы». В декабре того же года они пообещали учредить в ближайшем будущем новую организацию под названием «Патриотическое общество лидеров Явы», в члены которого намечались прояпонски настроенные коллаборационисты³. Оккупанты предполагали превратить это общество в базу «независимого» движения.

Острову Ява предоставлялось право «местного самоуправления». В органы «местного самоуправления» помещичье-буржуазные круги острова могли направить 70 своих представителей, которые были обязаны обеспечивать проведение мероприятий, необходимых японским военным властям.

¹ F. C. Jones, *Japan's New Order in East Asia*, p. 371; «Стенограмма Токийского процесса», стр. 12182.

² P. E. Eckel, *The Far East since 1500*, New York, 1950, p. 710.

³ A. J. Grajdanzev, *Japan Co-prosperity Sphere*, «Pacific Affairs», September 1943, p. 317.

Японское командование провело ряд военных совещаний, на которых обсуждался вопрос о непосредственном привлечении оккупированных стран к участию в войне на стороне Японии. К числу таких совещаний относится конференция, происходившая 9—12 апреля 1942 г. с участием представителей Малайи и Индонезии. На ней обсуждались вопросы, связанные с дальнейшим ходом военных действий на Тихоокеанском театре.

Особое внимание японские империалисты уделяли координации военных действий стран индокитайского полуострова. С этой целью 7 августа 1942 г. в Бангкоке состоялось совещание представителей Японии, Таиланда (Сиам) и Индокитая.

Мероприятия японских интервентов в Бирме во многом напоминали меры, осуществленные на Яве, Суматре и в Малайе. Здесь японские власти попытались использовать буржуазного деятеля Ба Мо, известного своими антианглийскими настроениями¹. 1 августа 1942 г. он возглавил гражданское управление, подчиненное японским военным властям. Весьма характерно, что министерства обороны и финансов в правительстве Ба Мо стали японцы. Японские интервенты полностью контролировали железные дороги, таможни, большую часть отраслей тяжелой промышленности, денежное обращение и создали собственный полицейский аппарат, в котором бирманские чиновники занимали лишь низшие должности².

На Филиппинах японские империалисты нашли опору среди части руководителей партии «Националист». Еще в разгар боев, в январе 1942 г., японские военные власти создали «Исполнительную комиссию» Филиппин во главе с Варгасом³, бывшим секретарем президента Кэсона. Она состояла из следующих департаментов: сельского хозяйства и торговли, финансов, внутренних дел, юстиции, просвещения, здравоохранения и общественного благосостояния, общественных работ. Руководителями департаментов были назначены видные деятели партии «Националист» (Лаурель, Акино, Ректо и др.). При

¹ В некоторых изданиях, вышедших в послевоенный период, делаются попытки представить Ба Мо как друга народа и честного патриота (см. *Maung Maung Phe*, *Burma in Crucible*, Rangoon, 1954).

² P. E. Eckel, *The Far East since 1500*, p. 706—707.

³ Там же, стр. 712.

каждом департаменте находились советники и помощники из японцев. Во главе провинций в качестве губернаторов стали прояпонски настроенные лица. Руководители департаментов «Исполнительной комиссии» и губернаторы подчинялись генеральному директору японской военной администрации¹.

Японские военные власти подавляли проамериканские партии и проводили жесткую политику японизации Филиппин. 17 февраля 1942 г. командующий японскими войсками на Филиппинах запретил употреблять английский язык и объявил государственным языком японский².

Важным орудием японской оккупационной политики на Филиппинах являлась организация «Калибапи», или «Ассоциация услуг новых Филиппин». Созданная в декабре 1942 г., она по своим целям напоминала фашизированные организации «Ёкусанкай» в Японии, «Сехэхой» в Маньчжоу-го и «Синьминхой» в Северном Китае. Японские военные власти хотели единой организацией «Калибапи» заменить старые политические партии, обеспечить экономическое развитие Филиппин в выгодном для японских монополий направлении, использовать ее для подавления сил внутреннего сопротивления, в особенности партизанских районов³. Кроме того, «Калибапи» поручалось заняться предварительной разработкой устройства будущих «независимых» Филиппин⁴.

Японским военным властям удалось добиться и поддержки католической церкви, которая стала сотрудничать с «Исполнительной комиссией» Варгаса. Жестоко угнетая филиппинцев, японские оккупанты по примеру своих предшественников — американских колонизаторов — широко рекламировали подготовку провозглашения «независимости» Филиппин.

Японские империалисты пытались вовлечь в войну против США и Англии и другие оккупированные ими страны. Как было указано выше, Таиланд, капитулиро-

¹ F. C. Jones, *Japan's New Order in East Asia*, p. 361.

² «Модан ниппо» (Современный ежедневный вестник), 1 мая 1942 г.

³ F. C. Jones, *Japan's New Order in East Asia*, p. 361.

⁴ Японские власти доказывали, что союз «Калибапи» якобы являлся руководящим центром «народного» движения за создание «новых» Филиппин (*A. J. Grajdanzev, Japan Co-prosperity Sphere*, p. 317).

вавший перед Японией на другой день войны, объявил 25 января 1942 г. войну США и Англии и таким образом стал участником блока фашистских агрессоров. Это повлекло за собою подчинение вооруженных сил Таиланда командованию японской армии. С целью оказания военной помощи Японии в Таиланде создавался «национальный корпус обороны».

Вслед за этим был предпринят ряд мер, рассчитанных на подчинение экономики Таиланда интересам японского империализма. В апреле 1942 г. в Токио прибыла экономическая миссия Таиланда, которая вела переговоры по внешнеторговым вопросам. В конце того же месяца было заключено японо-тайландское соглашение о паритете иены и бата¹. В результате японские оккупационные власти захватили в свои руки контроль над внешней торговлей и финансами Таиланда и несколько позднее стали усиленно вывозить из этой страны каучук, олово и рис, устанавливая по своему усмотрению цены на все предметы вывоза. Японские монополии, в особенности концерн Мицубиси, захватили господствующие позиции в экономике Таиланда.

Установление контроля японских монополий над экономикой Таиланда сопровождалось дальнейшим политическим подчинением его Японии. В апреле 1942 г. специальная военная миссия Таиланда вела в Токио переговоры «по поводу присоединения к идеалам великой Восточной Азии». Летом того же года Япония направила в Бангкок ответную «миссию доброй воли» во главе с Хирота Коки. Приезд японской миссии был использован для официального выражения «дружбы и сотрудничества» между обеими странами. Во время пребывания Хирота в Бангкоке премьер-министр Таиланда Пибунсонграм вручил ему письмо на имя Тодзё с приглашением посетить Таиланд.

Укрепление отношений между Японией и правящей кликой в Бангкоке нашло выражение в назначении в конце июня посла Таиланда в Маньчжоу-го, в признании Таиландом 7 июля правительства Ван Цзин-вэя, в заключении 11 июля в Сайгоне соглашения о демаркации тайландо-индокитайской границы².

¹ F. C. Jones, *Japan's New Order in East Asia*, p. 347.

² Там же, стр. 348—349.

Стремясь окончательно подчинить себе Таиланд, правительство Тодзэ предоставило ему через японский банк заем в сумме 200 млн. нен. В итоге экономическая зависимость этой страны от Японии усилилась еще больше.

Правительство Таиланда открыто сотрудничало с японскими оккупантами и оказывало им всемерную помощь. В первую годовщину со дня объявления войны США и Англии оно заявило о своем намерении продолжать войну на стороне Японии «до победного конца».

Японские империалисты пытались полностью подчинить своим интересам и экономику Индокитая. Оккупационные власти стремились обеспечить вывоз из Индокитая большого количества риса и важного военно-стратегического сырья. С этой целью между Японией и властями Индокитая 18 июля 1942 г. было подписано соответствующее торговое соглашение¹. Оно, как и многие другие подписанные Японией с рядом оккупированных стран Южных морей соглашения, базировалось на неэквивалентном обмене и ставило целью обеспечить ограбление захваченной французской колонии.

Осуществлением мер по созданию «нового порядка» на оккупированных территориях до ноября 1942 г. занимались японские военные власти. Затем было решено перейти к гражданскому управлению захваченных стран, для чего учредить централизованный руководящий орган.

1 ноября 1942 г. по инициативе Тодзэ в составе правительства было создано министерство по делам Восточной Азии (Дайтоасэ). Его возглавил Аоки Кадзуо. В состав министерства входило четыре бюро: общих дел, по делам Маньчжурии, по делам Китая и Южного района².

Образование министерства по делам Восточной Азии произошло после острых столкновений в правительстве в течение января — октября 1942 г. между премьер-министром Тодзэ и министром иностранных дел Того, являвшимся противником создания нового органа. Того мотивировал свою позицию тем, что отныне японская дипло-

¹ «Contemporary Japan», August 1942, p. 1266.

² F. C. Jones, H. Borton, B. R. Pearn, *The Far East 1942—1946. Survey of International Affairs 1939—1946*, London — New York — Toronto, 1955, p. 92; R. Bersihand, *Histoire du Japon des origines a nos jours*, Paris, 1959, p. 404.

матия будет вынуждена разделить свои функции между двумя независимыми министерствами: по делам Восточной Азии и иностранных дел. Изъятие из ведения министерства иностранных дел вопросов, связанных с взаимоотношениями Японии со странами Восточной Азии, по мнению Того, «нарушит единство японской дипломатии», вызовет подозрение у населения этих стран, ущемит их «национальную гордость» и создаст препятствия на пути их сотрудничества с Японией¹. В действительности же предложение Тодзё о создании специального министерства Восточной Азии вызывало возражения части правящих кругов, опасавшихся усиления влияния других группировок монополистов, добивавшихся установления полного контроля над оккупированными странами и над важной сферой деятельности министерства иностранных дел. В результате столкновения с Тодзё Того оказался вынужденным уйти в отставку, хотя разногласия не носили принципиального характера².

Образование особого министерства Восточной Азии ставило целью максимально способствовать установлению в оккупированных странах под флагом строительства «нового порядка» господства японских империалистов, ускорить превращение этих стран в колониальные владения Японии.

Замедление темпов наступления японских вооруженных сил и усиление сопротивления американско-английских сил на Тихоокеанском театре заставили правительство Тодзё принять срочные меры к закреплению позиций на оккупированных территориях. Оно попыталось с помощью министерства по делам Восточной Азии разработать целую серию военных, политических и экономических мероприятий, рассчитанных на получение непосредственной помощи со стороны марионеточных властей в захваченных странах для войны против США и Англии и на максимальное использование в этой войне материальных и людских ресурсов стран Юго-Восточной Азии и Южных морей.

Подготовке реализации указанных целей были подчинены поездки руководящих военных и политических дея-

¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 37755—37757; см. также *Togo Shigenori, The Cause of Japan*, p. 250—251.

² См. по этому вопросу главу пятую данной книги, стр. 304—305.

телей Японии в оккупированные страны и решения японского парламента.

В конце 1942 г. в страны Южных морей выехал в инспекционную поездку бывший командующий Квантунской армией генерал Хондзё. Он посетил Сингапур, Яву и Суматру. По возвращении в Токио, 22 ноября, Хондзё выступил с речью, в которой подчеркнул необходимость всеми мерами содействовать увеличению добычи нефти и получению высокого урожая сельскохозяйственных продуктов, крайне необходимых для продолжения войны. В тот же день марионеточные власти Индокитая подтвердили свое намерение оказывать всестороннюю помощь Японии в войне против США и Англии.

Таким образом, первый период военных действий на Тихоокеанском театре, после захвата ряда стран Юго-Восточной Азии и района Южных морей, характеризуется проведением в жизнь японскими оккупантами ряда военных, политических и экономических мероприятий, направленных на пополнение быстро истощавшихся запасов военно-стратегических материалов. Мероприятия японских империалистов в оккупированных странах (Бирма, Таиланд, Индокитай, Малайя, Индонезия, Филиппины) имели целью создать из местных помещичье-буржуазных кругов политическую опору своего господства. С этой целью были организованы «автономные» и «независимые» марионеточные правительства, контролируемые японскими военными властями.

Однако японские империалисты с первых же дней военных действий на Тихоокеанском театре встретили упорное сопротивление колониальных народов, поднявшихся на борьбу против новых угнетателей. Антияпонская освободительная борьба народов оккупированных Японией стран явилась одним из важных факторов, обусловивших временный, преходящий характер успехов японских вооруженных сил на начальном этапе военных действий¹.

¹ Подробно об освободительной борьбе народов оккупированных Японией стран см.: *Г. Ефимов*, Очерки по новой и новейшей истории Китая. М., 1951; *Г. И. Левинсон*, Филиппины вчера и сегодня, М., 1959; *В. С. Руднев*, Очерки новейшей истории Малайи, М., 1959; *У Ну*, Бирма под японским игом. Картины и портреты, М., 1955; *В. Ф. Васильев*, Путь к независимости, Сб. «Бирманский союз», М., 1958; «Современный Таиланд», М., 1958; *Катаяма Синкити*, Нампо миндзоку ундоси (История национально-освободительного движения

ЯПОНО-СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ТИХООКЕАНСКОМ ТЕАТРЕ. ПОДГОТОВКА ЯПОНИЕЙ НАПАДЕНИЯ НА СССР

Отношение Японии к СССР после нападения на США и Англию

Несмотря на возникновение военных действий на Тихом океане, на необходимость максимального напряжения материальных и людских ресурсов не только для нужд этих операций, но и для войны в Китае, японские империалисты не изменили своих планов вероломного нападения на Советский Союз. Правящие круги Японии отдавали себе отчет в том, что сопротивление Советской Армии на фронте войны против гитлеровской Германии отвлекает силы союзников Японии по «оси» и позволяет США и Англии использовать фактор времени для подготовки контрнаступления на Тихоокеанском театре. Осуществляя рассмотренные выше экономические и политические мероприятия, японские империалисты исходили не только из интересов обеспечения войны против США и Англии, но и имели в виду при определенных благоприятных условиях внезапно начать войну против Советского Союза. В телеграмме от 6 декабря 1941 г., направленной японским министерством иностранных дел послу в Берлине Осима за день до нападения на Пёрл-Харбор, говорилось: «Мы предпочли бы не допустить вооруженного столкновения с Советской Россией, пока стратегические обстоятельства позволяют это»¹.

После возникновения военных действий на Тихоокеанском театре правительство Тодзё продолжало занимать в отношении Советского Союза враждебную позицию. В японской буржуазной прессе, например в журнале «Гэккан Росия» («Современная Россия»), доказывалось, что в мире происходят «две великие исторические войны: одна война — в Европе между Германией и Ита-

в странах Южного района), Токио, 1942; *H. Pollit*, 20-th Anniversary of the Malayan Communist Party, «World News and Views». July 14, 1951, p. 307—308; «Viet-Nam's Fight against Fascism (1940—1945)», p. 26—28; «Viet-Nam National United Front», Viet-Nam General Information Service, 1951.

¹ «Hearings before the Joint Committee of the Investigation on the Pearl Harbor Attack», 79th Congress, 1-st Session, part 12, Washington, 1946, p. 245 (в дальнейшем: «Hearings»).

лией, с одной стороны, и Англией, США и СССР — с другой., и другая война — в Азии, ведущаяся здесь много лет во главе с Японией против империалистических сил Англии и США, за построение «новой сферы процветания»¹. Тем самым японские империалисты пытались искусственно разорвать западный и дальневосточный фронты второй мировой войны, обосновать свою враждебную позицию в отношении Советского Союза, имевшего, по их мнению, отношение лишь к войне против Германии и Италии.

Вся политика правящих кругов Японии строилась на том, чтобы вступить в войну против Советского Союза тогда, когда немецко-фашистские войска добьются наконец решающих успехов на Советско-германском фронте, которые могли бы предрешить скорое победоносное завершение войны и создать выгодные условия для активных действий Японии. При этих обстоятельствах японские империалисты рассчитывали выступить на стороне Германии и таким образом, «малой кровью», захватить дальневосточные территории Советского Союза.

Стремясь завуалировать эти коварные планы и намерения, правящие круги Японии считали необходимым и после нападения на США и Англию нередко заявлять о своей «верности» пакту о нейтралитете с СССР. Наиболее часто к этому прибегали официальные представители правительства. Выступая на 78-й парламентской сессии и касаясь японско-советских отношений, Того лицемерно заявил, что отношения Японии и СССР продолжают базироваться на пакте о нейтралитете. Вместе с тем он подчеркнул, что правительство не изменило своей позиции в отношении «обеспечения безопасности на севере»². На следующей чрезвычайной парламентской сессии, 23 января 1942 г., когда разработка новых планов нападения на СССР шла полным ходом, Того, желая замаскировать антисоветскую политику правящих кругов

¹ «Дайтоа сэно то Сорэн-но доко» (Великая восточноазиатская война и позиция Советского Союза), «Гэккан Росия», март 1942, стр. 18.

² Речь Того на 78-й сессии парламента см. «Тэйкоку гикай», стр. 79—81; *Хасэгава Сатоси*, Нитибэй кайсэн-но синсо (Правда о возникновении войны между Японией и США), Токио, 1943, стр. 237—243.

Японии, также утверждал, что отношение Японии к СССР основывается на пакте о нейтралитете¹.

Что касается Советского Союза, то он строго соблюдал пакт о нейтралитете и стремился в условиях войны против гитлеровской Германии находиться в добрососедских отношениях с Японией и урегулировать возникавшие спорные вопросы. Одним из них являлся вопрос о продлении конвенции о рыболовстве, который для Японии имел большое значение. В итоге переговоров 20 марта 1942 г. был подписан протокол о пролонгации конвенции 1928 г. до 31 декабря 1942 г.²

Вопреки официальным декларациям о верности советско-японскому пакту о нейтралитете по мере достижения вооруженными силами Японии новых успехов в начальной стадии военных действий на Тихом океане японская реакционная пресса усиливала антисоветскую пропаганду. Призывы присоединить советские дальневосточные территории к восточноазиатской «сфере процветания» стали часто раздаваться как по радио, так и в прессе, что свидетельствовало о двуличной игре правительства Тодзё. Так, например, в газете «Джэпэн таймс энд адвертайзер» была опубликована статья с крикливым заголовком: «Марш великой Восточной Азии», в которой содержались призывы присоединить Восточную Сибирь к «сфере процветания». Этой же теме посвящались и многочисленные монографии, имевшие целью идеологическую подготовку населения Японии к войне против Советского Союза и выполнявшиеся по заказу воинствующих реакционных элементов, жаждавших расширения японской колониальной империи за счет разрешения так называемой северной проблемы, т. е. за счет СССР. В качестве примера можно привести вышедшую в 1942 г. книгу генерал-лейтенанта Иноуэ Итидзи под названием «Управление северным районом сферы процветания великой Восточной Азии». В книге подчеркивалось значение экспансии Японии в северном направлении и утверждалось, что центр «обороны Японии находится в северной части континента». Иноуэ

¹ *Сугавара Масакадзу*, Кондзи гикай то тайсо мондай (Нынешняя парламентская сессия и вопрос об отношении к Советскому Союзу), «Гэккан Росия», март 1942, стр. 32.

² «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы», т. I, М., 1946, стр. 225—226.

писал, что «северная континентальная проблема» благодаря «маньчжурскому инциденту» разрешена лишь частично, и, так как вся свыше чем 2600-летняя история Японии, по его мнению, пронизана «угрозами», якобы исходившими с севера, он недвусмысленно намекнул на возможность изменений в будущем взаимоотношений Японии и Советского Союза. Он призывал как можно скорее установить «новый порядок» (синтицудзё) в северной сфере (хокубокэн) ¹.

Главная цель книги Иноуэ Итидзи и ей подобных заключалась в оправдании военных действий, которые вела Япония в Китае и на Тихоокеанском театре, в оправдании колониальной политики японских правящих кругов, жаждавших установления «нового порядка» в Восточной Азии, а также в попытке доказать необходимость выступления Японии против Советского Союза для окончательного устранения «северной угрозы», которой в действительности, как известно, никогда не существовало.

Пересмотр старых и разработка новых планов антисоветской войны

Несмотря на официальные заверения о якобы нормальных японо-советских отношениях, правящие круги Японии не только усилили антисоветскую пропаганду, но и занялись корректировкой прежних планов нападения на СССР и разработкой новых. Они исходили из того, что вынужденное отступление Советских Вооруженных Сил в глубь страны в начальный период войны против Германии и успехи японских вооруженных сил в начальной стадии войны против США и Англии являются благоприятным фактором для форсирования антисоветской войны.

Как и прежде, ближайшей целью был захват Приморской области и Восточной Сибири. Так, в «Первоначальном проекте создания сферы процветания великой Восточной Азии», составленном 27 января 1942 г. Институтом тотальной войны, в различные «зоны» указанной сферы включались Восточная Сибирь и Приморская область, причем подчеркивалось, что последняя должна войти в состав японской империи «по возмож-

¹ *Иноуэ Итидзи, Дайтоа кёэйкэн-но хокубо кэйрин, стр. 3.*

ности в ближайший срок»¹. В другом совершенно секретном проекте института, озаглавленном «Программа тотальной войны первого периода. Строительство Восточной Азии», составленном 18 февраля 1942 г., по поводу войны против СССР и захвата его территории говорилось: «В случае войны с СССР использовать стратегическую обстановку на главных театрах войны противника и отдаленность от основных оперативных баз, делать максимально сильным первый удар, быстро уничтожить наличные силы и части усиления противника, стремиться к разрешению военного конфликта в короткий срок и затем, захватив важные районы, вести затяжную войну»².

Эта программа нанесения СССР первого сильного удара, уничтожения советских армий, захвата богатых ресурсов Советского Дальнего Востока для последующего ведения затяжной войны была положена в основу плана войны против Советского Союза, разработанного правительством Тодзё на 1942 г.

Решение вопроса о вступлении Японии в войну против СССР правящие круги Японии по-прежнему связывали с положением на Советско-германском фронте, за которым они пристально наблюдали. Не случайно поэтому в упоминавшемся выше «Генеральном плане дальнейшего ведения войны» (март 1942 г.) говорилось о необходимости детальной разработки наступательной стратегии и реализации ее в надлежащее время в соответствии с ходом военных операций на Советско-германском фронте³.

Стратегические планы развертывания войны против Советского Союза на 1942 г., как и прежде, разрабатывались генеральным штабом Японии совместно со штабом Квантунской армии. Они детально предусматривали распределение японских вооруженных сил и направление их ударов.

План войны Японии против Советского Союза в 1942 г., как и план 1941 г., носил наступательный характер и имел цель осуществить внезапное нападение. Он предусматривал сосредоточение в северо-восточной ча-

¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7348, 32010; ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 275, л. 81—82.

² Там же, ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 275, л. 84.

³ *Kase Toshikazu, Journey to the «Missouri»*, p. 104.

сти Китая около 30 пехотных дивизий (914 тыс. человек), 2 танковых (500 танков) и 4 авиационных дивизий (800 самолетов), 15 пограничных гарнизонов (около 50 тыс. человек), 9 отдельных охранных отрядов (около 12 тыс. человек), а также армии противовоздушной обороны и войск Маньчжоу-го¹.

Наличие планов нападения Японии на СССР подтвердили на Токийском процессе бывшие генералы японской армии — Мураками Кэйсаку, Сёдзима Рюдзо, Мацумура Томокацу и Кита Сэйити.

Согласно показаниям Мураками Кэйсаку, в 1942 г. существовал план нападения на Советский Союз с маньчжурского плацдарма. В целях его осуществления был увеличен состав Квантунской армии, проложены новые шоссейные и железнодорожные пути, построено около 200 аэродромов и склады боеприпасов, закончено строительство танкового, автомобильного и авиационного заводов в Мукдене и завода взрывчатых веществ в Ляояне². Начальствующий состав Квантунской армии готовился к непосредственным военным действиям против СССР. Так, на конференции начальников штабов соединений Квантунской армии, губернаторов и вице-губернаторов провинций Маньчжоу-го, происходившей в марте 1942 г., в разгар успехов японских вооруженных сил в юго-западном районе Тихого океана, начальник штаба Квантунской армии заявил, что «необходимо усиление мер по созданию обстановки, непосредственно отвечающей потребностям подготовки армии к военным действиям»³.

По плану генерального штаба армии, как показал Сёдзима Рюдзи, главные силы сосредоточивались в Восточной Маньчжурии: часть сил в районе Сунью, другая — в районе Хайлар. Предусматривалось образование нескольких фронтов. В ходе наступательных операций японские войска должны были оккупировать Северный Сахалин и Петропавловск-Камчатский. План 1942 г. предусматривал взаимодействие сухопутной армии с военно-

¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 8099, 23307, 23375—23376, 49377; ЦГАОР, ф. 7867, оп. I, д. 229, л. 225, 283; д. 230; л. 21; «Вторая мировая война 1939—1945 гг.», стр. 787.

² «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7576.

³ «Мансю нити-нити», 13 марта 1942 г.

морским флотом, задачи которого оставались теми же, что и в плане 1941 г.¹

Согласно показаниям генерал-майора Мацумура Томокацу, директива генерального штаба о плане войны Японии против СССР на 1942 г. включала следующие вопросы: а) общие задачи Квантунской армии, б) распределение сил и в) частные задачи отдельных фронтов и армий. В качестве общей задачи директива намечала захват Советского Приморья². Распределение сил предусматривало участие в войне против СССР 1-го и 2-го фронтов и 6-й армии. 1-й фронт включал четыре армии (2-ю, 3-ю, 5-ю и 20-ю), состоявшие из 15 пехотных и 2 танковых дивизий. Кроме того, действия левого фланга 1-го фронта должна была обеспечивать отдельная пехотная дивизия, находившаяся в г. Цзямусы. 2-й фронт имел две армии в составе семи дивизий. В 6-ю армию предполагалось включить четыре дивизии. Помимо того, в резерве главнокомандующего Квантунской армией должны были находиться три пехотные дивизии и 2-я авиационная армия в составе четырех авиационных дивизий.

Общая цель плана 1942 г. определила задачи отдельных фронтов и армий³. Армии 1-го фронта получили следующие задачи: 2-я армия — наступать из района Яньцзи на Южно-Уссурийский район, 3-я армия — наступать из района Дуннин на г. Уссурийск, 20-я армия — вести наступление из района западнее озера Ханка, 5-я армия — наступать из района Хутоу на Иман, имея в виду перерезать коммуникации с севера на юг. Основной задачей фронта являлся захват Владивостока.

Армиям 2-го фронта ставились следующие задачи: 4-я армия должна была занять позиции около Сунью, армия, номер которой в плане не был указан, — занять

¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 8099—8100.

² Свидетель на Токийском процессе Танака Синъити показал, что японский план нападения на СССР в 1942 г. имел в виду «уничтожить воздушные силы русских на территории Советского Дальнего Востока и в особенности Приморского края» («Стенограмма Токийского процесса», стр. 23338—23340).

³ Это же подтвердил в своих показаниях Касахара Юкио (там же, стр. 23192—23193).

⁴ Согласно показаниям Мацумура Томокацу, план войны против СССР на 1942 г. был подписан главнокомандующим Квантунской армией генералом Умэдзу, начальником штаба этой армии генерал-лейтенантом Касахара и начальником оперативного отдела полковником Тамура.

оборону около Хэйхэ и сдерживать наступление «Советской Амурской армии».

6-й армии ставилась задача занять оборону по Хинганскому хребту против «Советской забайкальской армии» с целью обеспечить наступательную операцию 1-го фронта¹.

Генерал Кита Сэйити показал на Токийском процессе, что проведение в жизнь плана войны 1942 г., предусматривавшего захват всего Советского Дальнего Востока до озера Байкал, делилось на четыре стадии. В первой стадии наступления 4-я армия и Н-ская армия 2-го фронта производят на границе с СССР маневры и периодическим обстрелом советской территории создают впечатление перехода в наступление, имея задачу сковать в этом районе советские войска и в случае перехода их в наступление сдерживать их. 6-я армия должна была сдерживать советские войска, если они попытаются перейти в наступление с Читинского направления.

Тем временем армии 1-го фронта переходят в наступление на Приморском направлении и, координируя свои действия с японскими военно-морскими силами в Гензане (Вонсане), окружают и занимают Владивосток. Этой операцией намечалось завершение первой стадии наступления, основная цель которой сводилась к оккупации всего Советского Приморья, к обеспечению «безопасности» собственно Японии и промышленных районов Северо-Востока Китая «от воздушных налетов советской авиации из районов Приморья».

После успешного окончания первой стадии наступления намечался переход ко второй стадии. Она имела в виду оставление части сил в Приморье для закрепления на оккупированной территории, тогда как главным силам 1-го фронта предстояло повернуть на север и двигаться вдоль линии железной дороги на Хабаровск. Предполагалось, что одновременно армии 2-го фронта начнут наступление из Хэйхэ и близлежащих районов, форсируют Амур, захватят города Благовещенск и Свободный, перережут Сибирскую железнодорожную магистраль, а затем главными силами повернут на восток к Хабаровску. Здесь армии 1-го и 2-го фронтов, координируя свои действия, должны были «зажать» Красную

¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 8141—8144.

Армию с двух сторон, вступить в решительный бой и захватить Хабаровск.

Вслед за второй стадией следовал переход к третьей стадии наступления. По взятии Хабаровска армиям 2-го фронта надлежало быстро изменить направление на запад для дальнейших наступательных операций против Забайкалья. Японское командование намеревалось направить главные силы 2-го фронта вдоль Сибирской железной дороги к Чите. 6-я армия, координируя свои действия с главными силами 2-го фронта, должна была пересечь границу в районе станций Маньчжурия и Трехречье и двинуться к Чите с юга. Захватом города Читы и его окрестностей планировалось закончить третью стадию наступления.

Наконец, четвертая стадия наступления предусматривала завершение захвата Забайкалья до озера Байкал.

Помимо того, план 1942 г. предусматривал военные действия и против Монгольской Народной Республики. Имелось в виду использование Аршанского отряда (численностью в одну дивизию) и корпуса механизированных частей из Северного Китая для прикрытия левого фланга 2-го фронта и одновременного наступления в восточной части Монгольской Народной Республики с захватом Улан-Батора.

Таковы содержание и направленность детально разработанного по отдельным стадиям плана войны против СССР на 1942 г.¹ Осуществление этого плана возлагалось на Квантунскую армию, которой вменялось в обязанность действовать в соответствии с общими стратегическими задачами генерального штаба. Во исполнение указанного плана по приказу Тодзё в июле 1942 г. в Маньчжурии были сформированы два штаба: штаб Северного фронта в городе Цицикаре под командованием генерал-лейтенанта Анами Корэтика и штаб Восточного фронта в городе Муданьцзяне под командованием генерал-лейтенанта Ямасита Томоюки.

Образование двух фронтов в Маньчжурии было также связано с *планами координации действий Японии и Германии, направленных против СССР*. Однако свое выступление Япония по-прежнему связывала с положением на Советско-германском фронте, с определенными успехами

¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 8128—8133.

немецко-фашистских войск. Как только немецко-фашистские войска заняли Ростов, генерал Ямасита срочно прибыл в Маньчжурию, чтобы встать в нужный момент во главе крупных сил Квантунской армии, сконцентрированных вдоль границы с СССР и ожидавших сигнала для антисоветского похода¹.

Как показывают материалы Токийского процесса, японское правительство, учитывая положение на Советско-германском фронте, намечало лето 1942 г. как наиболее вероятный срок для нападения на Советский Союз. К тому времени численность Квантунской армии превысила 1 млн. человек. Кроме того, в Северном Китае находилась 200-тысячная армия в качестве ближайшего резерва Квантунской армии на случай развертывания военных действий против Советского Союза.

Концентрация крупных японских сил на территории Северо-Востока Китая и Кореи в условиях наступательных операций на Тихоокеанском театре, тем более непрерывное увеличение их численного состава и усиление технического оснащения неопровержимо свидетельствовали о том, что *Советский Союз оставался главным объектом агрессивных планов Японии*. Концентрация японских вооруженных сил на указанных территориях отчетливо показывала намерение Японии открыть военные действия против СССР в благоприятный для нее момент развития военных событий на Советско-германском фронте.

Японские империалистические планы управления советскими территориями, намеченными к оккупации

Японские империалисты, готовившие войну против Советского Союза после нападения на США и Англию, не ограничивались разработкой стратегических и подробных оперативных военных планов. О реальности их антисоветских намерений свидетельствовали и детальные планы управления советскими территориями, намеченными к оккупации в ходе войны против СССР.

Такого рода документы готовились в генеральном штабе Японии и в штабе Квантунской армии. Нака-

¹ W. Root, *The Secret History of the War*, vol. II, New York, 1945, p. 341.

нуне и в начале операций на Тихоокеанском фронте в окончательной разработке планов военного управления оккупированными советскими территориями приняли участие военное министерство, министерство колоний и «Исследовательское общество государственной политики» («Кокусаку кэнкюкай»). Это Общество было создано под руководством барона Окура Киммоти и Яцуги Кадзуо, финансировалось правительством, крупнейшими монополиями Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, концерном ЮМЖД и Корейским банком («Тёсэн гинко»), крайне заинтересованными в захвате и ограблении советских дальневосточных территорий.

Еще в октябре 1941 г. Исследовательское общество организовало специальный комитет по подготовке мероприятий административного управления. Военное министерство передало ему в качестве директивных указаний два документа — «Сущность будущих мероприятий в различных районах Южных морей, захваченных в результате войны в великой Восточной Азии» и «План управления территориями, входящими в сферу процветания великой Восточной Азии», в которую включался и Советский Дальний Восток.

Второй из указанных планов получил одобрение военного министерства и министерства колоний в декабре 1941 г. Помеченный грифом «совершенно секретно», он предусматривал присоединение к владениям японской империи Приморской области, районов, прилегающих к Маньчжоу-го, а также других советских территорий до озера Байкал¹. Вопрос о районах Сибири и будущем всей советской дальневосточной территории предполагалось разрешить на базе *японо-германского соглашения*.

После взятия японскими войсками Сингапура появились новые совершенно секретные «планы» оккупации советских территорий и управления ими, тесно связанные с планами войны Японии против СССР. В упоминавшейся выше «программе» Института тотальной войны от 18 февраля 1942 г. предусматривалось установление оккупационного режима в намеченных к захвату Приморской, Хабаровской и Читинской областях, в Бурят-Монголии, а также в городах Владивостоке, Николаевске-

¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 49371.

на-Амуре, Петропавловске-Камчатском, Советской Гавани и других¹. Мероприятия, намеченные для управления Сибирью, имели в виду: введение на оккупированной территории японской военной администрации; отмену всех советских законов; принудительное переселение советских жителей; закрепление основных жителей Северного Сахалина в качестве рабочей силы на разработке рудных богатств «в целях внедрения мощи Японии».

К этому же времени Исследовательское общество государственной политики составило «Временный план, касающийся границ сферы процветания великой Восточной Азии и ее структуры». Отправной предпосылкой этого документа был захват немецкими фашистами европейской части СССР и японскими империалистами — Сибири. Авторы плана разрабатывали вопрос о том, как не пропустить в Сибирь — в японскую «сферу» — славян, которых Германия будет теснить из европейской части России, и как осуществить переселение в Сибирь японских колонистов².

Как показал на Токийском процессе бывший директор Института тотальной войны генерал-лейтенант Мураками Кэйсаку, институт получил от премьер-министра Тодзё задание разработать проект системы управления территориями Восточной Азии, намечавшимися к оккупации японскими войсками. Институт разработал и опубликовал в 1942 г. «Планы управления Сибирью, включая также Внешнюю Монголию». Они содержали правила, которыми предлагалось руководствоваться японским оккупационным властям. Наиболее характерные из них гласили: «Все старые законы и указы должны быть объявлены недействительными. Вместо них будут проводиться в жизнь простые, но сильные военные приказы. Под могущественным руководством японской империи местному населению в принципе не будет разрешаться участвовать в политической жизни. В случае необходимости будут созданы органы самоуправления низшей инстанции. На эти территории будут посланы японские,

¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7410; ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 83, 290.

² Там же, стр. 7410, 49372; см. также М. Ю. Рагинский, С. Я. Розенблит, *Международный процесс главных японских военных преступников*, М. — Л., 1950, стр. 251.

корейские и маньчжурские колонисты, если в этом возникнет необходимость с точки зрения экономики и национальной обороны.

Если потребуют обстоятельства, будет проведена в жизнь принудительная эмиграция местного населения.

Нашей целью должно быть внедрение нашей мощи, и для этого мы должны приложить все силы, не опускаясь при этом до так называемой отеческой опеки»¹.

В других разработках Института тотальной войны предусматривалось присоединение к японской «сфере процветания» Приморской области Советского Союза и восточной части Сибири².

Таким образом, обе организации — Институт тотальной войны и Исследовательское общество государственной политики — занимались разработкой вопроса об управлении оккупированными советскими территориями, чтобы вооружить японскую армию необходимыми инструкциями на случай войны Японии против СССР и захвата советских дальневосточных территорий.

Весьма характерно, что правители Японии намеревались использовать уже имевшийся у них опыт оккупационного режима для распространения его на дальневосточную территорию Советского Союза. С этой целью Тодзё и Умэдзу направили весной 1942 г. в страны Южных морей группу офицеров во главе с генерал-майором Икэда Сумихиса — начальником пятого отделения штаба Квантунской армии, которое занималось разработкой оккупационного режима для советских областей, намеченных к оккупации японскими войсками. Результатом этой поездки явилась разработка проекта плана военной администрации в оккупированных областях, который включал следующие моменты: «Администрация», «Поддержание мира и порядка», «Организация промышленности», «Денежное обращение», «Средства связи и транспорт»³, т. е. важнейшие вопросы управления и экономики.

¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7435—7436, 49372—49373.

² Там же, стр. 32010.

³ Там же, стр. 31933—31934, 37136—37137, 37149—37154, 42050, 49373.

Командование Квантунской армией представило указанный проект на утверждение генерального штаба, координировавшего разработки и планы различных организаций, занимавшихся вопросами управления советскими дальневосточными территориями, на которые претендовали японские империалисты.

Все упомянутые проекты установления оккупационного режима на территории СССР являлись несомненным свидетельством действительного существования планов нападения Японии на Советский Союз в первый период военных действий на Тихоокеанском театре.

Оборудование японскими империалистами маньчжуро-корейского военно-промышленного плацдарма

Реальность планов нападения Японии на Советский Союз в 1942 г. подтверждали также военные приготовления в Маньчжурии (Северо-Восток Китая) и меры, предпринятые для оборудования маньчжуро-корейского военно-промышленного плацдарма в целом.

Японские империалисты продолжали осуществлять меры по строительству на территории Северо-Востока Китая и Кореи военно-промышленной базы, могущей обеспечить развертывание крупных сил Квантунской армии на случай войны против Советского Союза. Они добивались повышения добычи угля, железной руды, выплавки чугуна, стали и алюминия. Особое внимание уделялось строительству и улучшению железнодорожных и шоссейных путей, увеличению числа военных складов и казарменного фонда, а также строительству и переоборудованию укрепленных районов на маньчжуро-советской границе. Все эти меры по оборудованию маньчжуро-корейского плацдарма имели, таким образом, явно антисоветскую направленность.

О подготовке войны против Советского Союза свидетельствовало и увеличение численности и вооружения Квантунской и корейской армий. Если в 1940 г. Квантунская армия насчитывала 460 тыс. солдат и офицеров, то к 1 января 1942 г. ее численность достигла 1,1 млн. человек, входивших в состав 17 пехотных дивизий и 5 отдельных бригад (во всей японской сухопутной армии насчитывалось 2,1 млн. человек в составе 56 дивизий и

25 отдельных бригад)¹, и, следовательно, составляла половину японской сухопутной армии. Кроме того, необходимо учесть, что по численности и техническому оснащению усиленная дивизия Квантунской армии почти в 2 раза превосходила обычную пехотную дивизию мирного времени, насчитывая примерно 25—30 тыс. человек против обычных 13—16 тыс. человек².

Особое внимание по-прежнему уделялось усилению оснащённости Квантунской армии танками, артиллерией и авиацией. На 1 января 1942 г. на вооружении Квантунской армии находилось: 1000 танков, 5000 орудий и 1500 боевых самолетов, тогда как во всей японской сухопутной армии находилось 2260 танков, 12 270 орудий и 5000 боевых самолетов³, причем в распоряжении Квантунской армии находились отборные танковые, артиллерийские и авиационные части японских вооруженных сил. В подготовляемой японскими империалистами войне против Советского Союза, помимо Квантунской армии, намечалось использовать и японскую армию в Корее и во Внутренней Монголии. Численность японских войск в Корее достигла летом 1942 г. 135 тыс. человек, т. е. в 4,4 раза больше, чем в 1931 г.; на их вооружении находилось 800 орудий, почти в 2,7 раза больше, чем в 1931 г.; около 200 самолетов, почти в 3 раза больше, чем в 1931 г.⁴

Важное место в военных приготовлениях к нападению на СССР занимало также накопление запасов продовольствия для армии⁵.

Специальное внимание уделялось увеличению числа боевых кораблей японской Сунгарийской речной военной

¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7531, 19905, 49374.

Общая численность японской сухопутной армии приведена нами в тексте по данным демобилизационного бюро, занимавшегося после окончания войны ликвидацией дел военного министерства («Стенограмма Токийского процесса», стр. 8198—8199, 9074—9076). По данным «Комиссии по изучению стратегических бомбардировок авиации Соединенных Штатов», общая численность японской сухопутной армии составляла в 1942 г. 2,4 млн. человек («USSBS, The Japanese Wartime Standard of Living and Utilization of Manpower», Washington, 1947, p. 81, 133; «USSBS, The Effect of Strategic Bombing on Japan's War Economy», p. 107).

² «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7535—7537; ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 99.

³ Там же, стр. 7531, 19905.

⁴ Там же, стр. 37105—37106.

⁵ Там же, стр. 49374.

флотилии: за 1937—1942 гг. она увеличилась в 3,5 раза, в ее составе находилось 98 кораблей.

Значительно увеличив численность и усилив техническое оснащение Квантунской армии и армии в Корее, японские империалисты недвусмысленно угрожали привести их в действие против Советского Союза. Об этом свидетельствует рост числа нарушений японскими войсками государственной границы СССР: в 1940 г. таких случаев было 59, в 1941 г. — 136, в 1942 г. — 229. Количество нарушений советских границ японскими самолетами в 1940 г. составило 56, в 1941 г. — 61 и в 1942 г. — 82 случая¹.

Концентрация крупных вооруженных сил Японии на границе с Советским Союзом, непрерывное увеличение их численности и технической оснащенности, а также провокационные нарушения советской границы создавали исключительную напряженность на дальневосточных рубежах СССР. Эти факты подтверждали существование планов антисоветской войны и после возникновения военных действий на Тихоокеанском театре, планов внезапного нападения на СССР в благоприятный момент развития событий на Советско-германском фронте. Своей враждебной политикой в отношении Советского Союза японские империалисты оказывали существенную помощь гитлеровской Германии.

**Провокационные попытки империалистической Японии
блокировать СССР. Потопление японскими
вооруженными силами советских торговых судов**

После возникновения военных действий на Советско-германском, а в особенности на Тихоокеанском фронте, японские империалисты неоднократно предпринимали попытки нарушить нормальные советско-американские экономические отношения и блокировать СССР. Японская печать и радио стали демагогически заявлять, что отправка горючего и других материалов из США в СССР через Владивосток якобы противоречит японским интересам и направлена против Японии. Более того, японский министр иностранных дел Тодзё сделал послу СССР в Токио заявление, в котором утверждалось, что провоз

¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 2975.

из Соединенных Штатов во Владивосток вблизи японской территории материалов, закупленных СССР в США, создает для Японии затруднительное положение ввиду ее отношений с Германией и Италией. Он недвусмысленно угрожал, что Японии «трудно будет сохранить нынешнюю позицию на долгое время»¹. Советское правительство отвергло грубое вмешательство Японии во внутренние дела нашего государства и в его взаимоотношения с США.

Вся эта кампания в Японии имела целью прервать морские коммуникации СССР на Дальнем Востоке. Она свидетельствовала о том, что Япония не хотела допустить сближения Советского Союза с Соединенными Штатами и получения им какой-либо помощи для облегчения борьбы против фашистской Германии. Тем самым японские империалисты хотели оказать и *действительно оказывали существенную помощь гитлеровской Германии.*

С самого начала войны против США и Англии Япония причиняла большой урон советскому торговому судоходству на Дальнем Востоке, нарушив тем самым свои обязательства соблюдать нейтралитет. Японские военно-морские силы не только задерживали советские торговые суда, но нападали и топили их, явно нарушая общепризнанные нормы международного права. Японское правительство закрыло для судоходства проливы, соединяющие открытые моря. Оно объявило Сангарский пролив, представляющий наиболее удобный и кратчайший путь для советских судов, следующих через Тихий океан, «морской оборонительной зоной»². Советским судам предлагалось пользоваться проливом Лаперуза, который в течение трех месяцев в году закрыт льдами и значительно удлиняет маршрут, а также южными проливами, весьма опасными ввиду близости к районам военных действий на Тихоокеанском театре. *Принудительное установление неудобных и опасных маршрутов являлось составной частью враждебной, антисоветской политики японских империалистов.*

¹ «Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» (в дальнейшем: «Переписка...»), т. I, М., 1957, стр. 389.

² «Кампо», 8 декабря 1941 г. (Извещение военно-морского министерства Японии № 38):

В результате в южных проливах были потоплены «неизвестными» подводными лодками советские суда «Ангарстрой», «Кола» и «Ильмень».

Потопление и противозаконная задержка советских торговых судов участились после возникновения войны против США и Англии. 14 декабря японские вооруженные силы, занявшие полуостров Коулун, подвергли артиллерийскому обстрелу советские суда «Кречет», «Свирьстрой», «Сергей Лазо» и «Симферополь», которые стояли на ремонте. Несколько дней спустя японская авиация потопила советские пароходы «Перекоп» и «Майкоп». В первой половине 1942 г. были незаконно задержаны пароходы «Сергей Киров», «Двина» и «Ингул». Многие задержанные военными кораблями советские суда были отведены в японские порты и находились там под незаконным арестом длительное время¹.

Добиваясь ухудшения советско-американских отношений, японские империалисты стремились использовать противоречия, имевшиеся между участниками антифашистской коалиции. Этой цели были подчинены различные живые сообщения японской прессы. Так, газета «Токио нити-нити» опубликовала сообщение о том, что какой-то «представитель советского посольства» был якобы в числе иностранных представителей, поздравивших 16 февраля 1942 г. японскую императорскую ставку по случаю падения Сингапура². Это ложное и провокационное сообщение японской газеты было опровергнуто ТАСС³.

Советский Союз не поддавался ни на какие провокации. В сложной и трудной обстановке он спокойно и уверенно проводил свою миролюбивую внешнюю политику, стремясь точно выполнять обязательства по советско-японскому пакту о нейтралитете.

**Внешнеполитические просчеты японских империалистов
в отношении Советского Союза.**

**Вынужденное признание правящими кругами Японии
жизнеспособности Советского государства**

Несмотря на широкие масштабы военных приготовлений Японии к нападению на Советский Союз, тщатель-

¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 8026—8027, 8037—8052.

² «Токио нити-нити», 17 февраля 1942 г.

³ «Известия», 22 февраля 1942 г.

ную разработку оперативных планов, оборудование маньчжуро-корейского плацдарма и антисоветскую пропаганду в печати и в парламенте, японские империалисты все же не решились развязать антисоветскую войну и в 1942 г.

Начиная войну против США и Англии, реакционные правящие круги Японии упрямо исходили из того, что в ходе войны против Германии Советский Союз неизбежно будет обессилен и обескровлен. Более того, военные и политические лидеры рассчитывали на скорое поражение СССР, на осуществление гитлеровского плана «молниеносной войны». Японские империалисты были уверены в победе фашистской Германии, с помощью которой они хотели облегчить осуществление своих собственных агрессивных целей. Им чудился легкий захват советских территорий на Дальнем Востоке, поскольку они предполагали вступить в войну против СССР в самый тяжелый для него период борьбы с гитлеровским разбойничьим империализмом.

Вместе с тем японские империалисты рассчитывали на «молниеносную войну» и на Тихоокеанском театре, полагая, что успешная война обеспечит Японию стратегическим сырьем и значительно укрепит ее военно-промышленный потенциал, необходимый для ведения большой и длительной войны на азиатском континенте. Перенеся сроки выступления против СССР на 1942 г., японские империалисты надеялись совершить нападение в более благоприятной обстановке, с наибольшими шансами на успех и с наименьшими для них потерями.

Однако все эти расчеты правящих кругов Японии оказались построенными на авантюристической внешнеполитической стратегии: на переоценке своих сил и недооценке сил противника, на зыбкой почве теории «молниеносной войны», оказавшейся мифом.

Наиболее трезвые политические деятели Японии стали приходить к этому выводу уже летом 1942 г., когда Советские Вооруженные Силы продолжала героическую борьбу¹, а японские вооруженные силы на Тихо-

¹ Через несколько дней после нападения Японии на Пёрл-Харбор английская газета «Таймс», оценивая значение Советско-германского фронта для хода операций на других театрах второй мировой войны, писала: «Россия... является главным театром войны. Там находится основная часть немецкой армии. От этой громадной силы за-

океанском театре оказались вынужденными постепенно прекращать наступательные операции.

Японские империалисты убеждались в крахе расчетов гитлеровской Германии на быстрое, «молниеносное» завершение войны против Советского Союза, устоявшего благодаря преимуществам советского общественного и государственного строя в единоборстве с гитлеровской Германией. Необходимость более осторожного подхода к вопросу о начале войны против СССР диктовалась и провалом японских планов «молниеносной» войны против США и Англии. Перспектива длительной и затяжной борьбы на Тихоокеанском театре военных действий вызывала у наиболее трезвых японских военных и политических деятелей серьезные опасения за ее исход, а параллельная война против СССР грозила полным банкротством планов империалистической Японии.

Героическое сопротивление Советских Вооруженных Сил, а затем и их успехи в войне против германского фашизма оказали определенное воздействие на некоторых политических деятелей и буржуазных авторов, которые по-иному стали оценивать Советское государство. На страницах японской буржуазной прессы можно было встретить весьма характерные признания. Так, например, Куроки Синъитиро, неоднократно выступавший на страницах журнала «Гэккан Россия» («Современная Россия»), дал высокую оценку итогам первого года Великой Отечественной войны Советского Союза. Он писал: «Скоро исполнится год войны между Германией и Советским Союзом. Развернувшееся непосредственно после начала войны молниеносное наступление немецкой армии *обещало как будто быстрое окончание войны на Востоке.* Однако в связи с *упорным сопротивлением Красной Армии, сумевшей быстро оправиться от первого внезапного удара и перестроить свои ряды, эти расчеты не смогли осуществиться.* Автор писал, что немецкая армия, как 130 лет назад армия Наполеона, оказалась вынужденной приостановить свое продвижение. «В результате,— продолжал Куроки,— *создалось такое положение, как будто германская и Красная Армия поменя-*

вят все другие действия Германии и ее союзников... («Times», December 10, 1941). К такому же выводу стали приходиться и правящие круги Японии.

лись местами: наступающие стали обороняющимися, а обороняющиеся — наступающими. Самый фронт был повернут наоборот, а именно с Востока на Запад».

Подводя итог первого года Великой Отечественной войны, Куроки писал, что, несмотря на первоначальное отступление Советской Армии, СССР политически окреп благодаря подъему патриотических чувств народа, его самоотверженности и готовности, как и прежде, бороться с иностранными поработителями¹.

Аналогичные оценки можно было встретить и на страницах других буржуазных общественно-политических журналов, имевших широкое распространение в Японии. Так, другой автор, Судзуки Гомин, признал в своей статье в журнале «Кайдзо» крах немецкого «блицкрига» против Советского Союза. Он писал: «В самом начале войны между Германией и Советским Союзом появились различные теории: «Закат Москвы в три недели», «Молниеносный разгром Красной Армии» и т. п., но все они оказались несостоятельными».

Судзуки Гомин приводил перечень элементов, которые, по его мнению, в совокупности составляют высокую военную мощь Советского Союза. Он писал: «Военная мощь СССР складывается из Красной Армии, которая имеет прочную организацию и современное вооружение, из политической прочности и силы советского строя, патриотизма советского народа, огромных экономических ресурсов, высокой промышленной мощи и обширной территории»².

Подобного рода вынужденные трезвые оценки источников сил Советского Союза способствовали пересмотру антисоветских планов японских правящих кругов на 1942 г. и отсрочке их исполнения до более благоприятного момента. Японские империалисты признавали большой риск антисоветской авантюры, которая могла закончиться для них сокрушительным разгромом.

Таким образом, под влиянием героической борьбы Советских Вооруженных сил на фронте войны против Германии японские империалисты оказались вынужден-

¹ Куроки Синъитиро, Сорэнкоку найдзэсэй-но тэмбо. Докугун сайкосэй то Совэто сэйкэн-но уммэй (Обзор внутреннего положения Советского Союза. Новое наступление германской армии и судьба Советской власти), «Гэккан Росия», июнь 1942 г., стр. 8, 14. — Курсив наш.

² «Кайдзо», июль 1942 г. — Курсив наш.

ными отложить нападение на Советский Союз и признать свои просчеты в отношении перспектив второй мировой войны и потенциальных возможностей СССР, его военной и политической мощи.

ЯПОНО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ТИХООКЕАНСКОМ ТЕАТРЕ

**Подготовка и заключение 11 декабря 1941 г.
нового тройственного пакта
между Японией, Германией и Италией**

Непосредственно накануне войны против США и Англии и вскоре после ее возникновения державы фашистской коалиции стремились укрепить свои взаимоотношения на основе общности и единства внешнеполитических целей, в первую очередь антисоветских.

Выражением этого явились новые тройственные военно-политические соглашения, подписанные 11 декабря 1941 г. и 18 января 1942 г.

Будучи убежденными в победе гитлеровской Германии во второй мировой войне, правящие круги Японии предприняли ряд мер для укрепления отношений со странами фашистского блока, а также с восточноазиатскими союзниками для дипломатического обеспечения войны против США и Англии.

Ввиду марионеточного характера государства Маньчжоу-го и нанкинского правительства Ван Цзин-вэя привлечение их на сторону Японии в качестве союзников в войне против США и Англии не представляло каких-либо затруднений.

8 декабря 1941 г. по указаниям фактического правителя Маньчжоу-го — командующего Квантунской армией генерала Умэдзу, являвшегося одновременно послом при правительстве Маньчжоу-го, — был опубликован манифест императора Пу И о поддержке Японии в войне против США и Англии. Одновременно правительство Маньчжоу-го обратилось с призывом к населению об оказании помощи Японии.

В опубликованной по этому поводу декларации говорилось о необходимости «совместной обороны» Японии и Маньчжоу-го, о помощи Японии материальными и людскими ресурсами, о «едином порыве самопожертвования

всех слоев населения», об укреплении его морального духа¹.

На следующий день, 9 декабря 1941 г., Маньчжоу-го объявило войну США и Англии.

В первый же день войны секретным циркуляром из Токио правительству Ван Цзин-вэя предлагалось в случае объявления Японией войны Англии и США сохранить тесные отношения и полное сотрудничество с Японией².

Оба вышеприведенных документа весьма характерны. Они служили новым подтверждением того, что и правительство Маньчжоу-го и нанкинское правительство являлись послушными марионетками японских правящих кругов и находились в полной зависимости от Японии.

Японские империалисты главное внимание уделяли обеспечению военной поддержки со стороны Германии и Италии. Еще 30 октября 1941 г., в разгар подготовки военных операций на Тихоокеанском театре, Комитет по координации действий обсуждал вопрос о сотрудничестве с Германией и Италией в случае возникновения войны против США, Англии и Голландии, в частности об усилении действий против американских военных и торговых кораблей в Атлантическом океане, чтобы сковать силы западных держав в районе Британских островов; рассматривался также вопрос о возможности наступления немецких и итальянских войск на Ближнем Востоке и на Индию, об усилении нажима Германии на Англию³.

Незадолго до нападения Японии на Пёрл-Харбор, с 18 ноября 1941 г., велись переговоры о подписании нового тройственного соглашения фашистских государств. Обсуждался вопрос о позиции держав в случае вступления Японии в войну против США и Англии, об исключении каких-либо переговоров стран фашистской коалиции о сепаратном мире. Германия и Италия дали обещание оказать Японии военную поддержку в той борьбе, которую она предполагала начать в ближайшее время на Тихом океане⁴.

¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 38274—38275.

² «Hearings», part 12, p. 251.

³ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 11929, 11930, 41996—41997.

⁴ Там же, стр. 9310, 16751.

Переговоры продолжались в Берлине и Риме, причем Осима¹, Сиратори и Риббентроп прилагали усилия к тому, чтобы максимально укрепить союз агрессоров накануне войны против США.

По срочному заданию министра иностранных дел Того японский посол в Риме Сиратори во время аудиенции у Муссолини 3 декабря 1941 г., ссылаясь на обязательства тройственного пакта 1940 г., просил Италию объявить войну Соединенным Штатам, как только начнется японо-американская война. Одновременно он предложил подписать соглашение, которое предусматривало бы обязательства сторон не заключать сепаратного мира. Чиано сделал по этому поводу следующую запись в своем дневнике: «...Сенсационный ход со стороны Японии. Посол попросил аудиенции у Муссолини и зачитывает длинное заявление о ходе переговоров Японии с Америкой, заканчивающееся указанием, что они оказались в тупике. Затем, ссылаясь на соответствующую статью пакта трех держав, он просит, чтобы Италия объявила войну Америке немедленно после начала военных действий, и предлагает подписание соглашения о том, чтобы не заключался сепаратный мир»². Муссолини ответил Сиратори, что Италия окажет Японии всемерную поддержку как военную, так и материальную, указав, в частности, на то, что итальянский флот будет стремиться запереть английский флот в Средиземном море. 5 декабря 1941 г. Риббентроп передал Осима первый проект

¹ Гитлеровская клика высоко оценивала усилия японского посла Осима, настойчиво предлагавшего японскому правительству выступить против Советского Союза. Геббельс в своих мемуарах 23 апреля 1942 г. записал, что Осима в действительности был одним из выдающихся приверженцев политики держав «оси» («The Goebbels Diaries 1942—1943», New York, 1948, p. 181). Захариас сообщает, что Осима, прибывший в Германию в 1936 г., был близок к «дальневосточному Лоуренсу» — генералу Доихара и к другим влиятельным сторонникам планов завоевания Японией мирового господства, что он в своей прогерманской ориентации руководствовался «почти болезненным увлечением Гитлером», что фактически Осима стал «больше нацистом, чем японцем» (E. M. Zacharias, *Secret Missions. The Story of an Intelligence Officer*, New York, 1946, p. 188).

Учитывая заслуги в укреплении японо-германского союза, Гитлер 14 декабря 1941 г. наградил Осима большим крестом ордена «Германского золотого орла» («Нюрнбергский процесс», т. II, М., 1958, стр. 747; «Стенограмма Токийского процесса», стр. 41637).

² «The Ciano Diaries 1939—1943», New York, 1946, p. 414.

договора трех держав. В мотивировочной части проекта указывалось на необходимость заключения нового соглашения с целью «отражения опасности», якобы угрожавшей существованию трех народов.

В статье первой проекта говорилось, что в случае возникновения войны между Японией и США Германия и Италия будут немедленно считать себя в состоянии войны с Соединенными Штатами и будут вести эту войну всеми имеющимися в их распоряжении вооруженными силами. Аналогичным образом поступит и Япония в случае возникновения войны между Германией и Италией, с одной стороны, и Соединенными Штатами — с другой.

Вторая статья предусматривала обязательство в случае совместной войны Германии, Италии и Японии против Соединенных Штатов не заключать сепаратного мира или перемирия без обоюдного соглашения трех держав. Державы «оси» соглашались принять на себя подобное обязательство также в случае войны между Японией и Англией.

В статье третьей указывалось на необходимость сохранения настоящего соглашения в строжайшей тайне, однако отмечалось, что договаривающиеся стороны обнародуют в той форме, в какой они сочтут нужным, обязательства, записанные в статье второй, как только Германия, Италия и Япония окажутся в состоянии войны с США и Англией или же с обоими этими державами.

Наконец, статья четвертая определяла срок действия договора той же продолжительностью, что и тройственное соглашение от 27 сентября 1940 г., и немедленное вступление его в силу с момента подписания¹.

Таков был проект нового тройственного соглашения, предложенный Германией Японии 5 декабря 1941 г. В тот же день Риббентроп довел его до сведения Муссолини, обратив особое внимание на статью вторую проекта — на обязательства сторон не заключать сепаратного мира после вступления Японии в войну против США и Англии².

Японское правительство, получив проект соглашения, направило Осима 7 декабря срочную телеграмму, в ко-

¹ «Hearings», part 35, p. 685.

² Там же, стр. 686.

торой выразило полное согласие с предложением Германии и высказало уверенность в том, что, если возникнет война между Японией и США до формального подписания нового тройственного соглашения, Германия и Италия немедленно выступят на ее стороне¹.

8 декабря Осима передал срочной телеграммой в Токио текст тройственного соглашения, выработанный в результате переговоров в Берлине. В его преамбуле говорилось о «непоколебимой решимости» держав тройственного соглашения не складывать оружия, пока их совместная война против США и Англии не будет доведена до полной победы. Статьи первая и вторая более коротко, чем в проекте от 5 декабря, формулировали обязательства о совместном ведении войны всеми средствами до победного конца и о незаключении без обоюдного согласия сепаратного мира или перемирия. Статья третья включила новый момент: обязательства Германии, Италии и Японии тесно сотрудничать и после победоносного окончания войны в целях установления «справедливого нового порядка», т. е. для совместного порабощения народов. Статья четвертая, как и немецкий проект, предусматривала вступление в силу договора одновременно с его подписанием².

В тот же день, 8 декабря, Осима направил в Токио секретную телеграмму о своей встрече с Риббентропом. В ней сообщалось, что японский посол выразил от имени правительства желание, чтобы Германия и Италия сразу же опубликовали формальные декларации об объявлении войны Соединенным Штатам. Еще до официального объявления Германией войны Соединенным Штатам, утром 8 декабря, Гитлер отдал приказ по военно-морскому флоту производить нападения на любое встретившееся американское судно³.

Приказ Гитлера означал фактическое объявление Германией войны Соединенным Штатам и выражал намерение гитлеровской клики максимально использовать вступление Японии в войну в интересах всего

¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 6662—6663, 41585.

² «Hearings», part 35, p. 687, 688.

³ «Trial of Major War Criminals before the International Military Tribunal, November 14, 1945—October 1, 1946», vol. V, Nuremberg, 1947, p. 9—10; *W. S. Churchill, The Second World War*, vol. III, London, 1952, p. 547.

тройственного союза¹. Этим объяснялась поспешность, какую проявили германские и японские дипломаты в завершении переговоров о заключении нового тройственного военного союза, который рассматривался всеми его участниками как средство ускорения их победы над американо-английской коалицией во второй мировой войне.

Фашистское правительство Италии одобрило нападение Японии на США и Англию и высказалось за скорейшее заключение нового тройственного военно-политического соглашения. Сразу же после нападения Японии на Пёрл-Харбор состоялся ночной телефонный разговор между Риббентропом и Чиано, во время которого германский министр выразил свое полное удовлетворение этой акцией Японии. Чиано сделал в своем дневнике пометку о том, что он не менее, чем Риббентроп, счастлив получить сообщение о военном выступлении Японии².

9 декабря 1941 г. Того направил Осима ответную телеграмму, в которой содержался японский вариант текста тройственного союза, лишь в некоторых формулировках расходившийся с немецким проектом³. На следующий день из Берлина были переданы германский и итальянский варианты договора. Вопрос о подписании нового тройственного пакта стал предметом обсуждения на заседании Тайного совета 10 декабря, на котором было решено еще крепче связать Японию с тоталитарными государствами. 10 декабря 1941 г. министерство иностранных дел Японии направило в Берлин Осима телеграмму, в которой говорилось: «По рекомендации Тайного совета император дал согласие заключить пакт между Японией, Германией и Италией. Вы уполномочиваетесь подписать его и приложить печать»⁴.

Согласование различных вариантов пакта трех держав завершилось 11 декабря 1941 г., когда текст договора был подписан представителями Японии, Германии и Италии.

¹ «Нападение Японии на Пёрл-Харбор, — писал в «Истории войны» Жак Дарси, — имело большие последствия для Германии». (*J. Darcy, Histoire de la guerre septembre 1939 — août 1945, Paris, 1946, p. 157*).

² «The Ciano Diaries», p. 416.

³ «Hearings», part 35, p. 691—692.

⁴ Там же, стр. 691.

В окончательном тексте договора говорилось, что правительства трех держав будут «совместно вести войну» против США и Англии до полной победы всеми имеющимися в их распоряжении средствами; заключение перемирия или мира с этими государствами считалось возможным только при условии полного и взаимного согласия участников пакта; договор предусматривал тесное сотрудничество их после победы в войне для установления во всем мире «нового порядка», причем конкретные условия этого сотрудничества подлежали уточнению «в соответствующий благоприятный момент»¹.

В тот же день, 11 декабря 1941 г., во исполнение достигнутого соглашения Германия и Италия объявили войну Соединенным Штатам.

Новый союзный договор носил отчетливо агрессивный, империалистический характер. Он ставил целью консолидировать силы германо-японо-итальянского блока в войне против англо-американского блока, обеспечить победоносное завершение войны в свою пользу и завершить передел мира на базе грабительского «нового порядка» в Европе и Азии, вытеснив своих соперников и конкурентов из сфер «старого порядка». «11 декабря прошлого года, — писала «Правда», — был подписан тройственный пакт между Японией, Германией и Италией и даны взаимные обязательства не только совместно вести до конца войну против Великобритании и Соединенных Штатов и не заключать сепаратного мира, но и после того, как война закончится победой, — сотрудничать самым тесным образом «в духе тройственного пакта»².

Японские империалисты, рассчитывавшие на «молниеносный» характер войны, придавали договору от 11 декабря большое значение, поскольку он имел в виду укрепить военно-политический блок фашистских агрессоров, осуществить эффективную взаимопомощь в ходе войны. В подписании договора нашли отчетливое выражение авантюристическая стратегия Японии и ее соратников по грабежу, упрямая вера в неизбежность скорой

¹ Текст тройственного пакта от 11 декабря 1941 г. см. «Сэйсэн госяюэн» («Пять лет священной войны»), Токио, 1942, стр. 140—141.

² «Правда», 13 апреля 1942 г.

победы тройственного блока. Весьма характерно в этом отношении выступление премьер-министра Японии Тодзё в связи с подписанием нового тройственного военно-политического соглашения. Тодзё выразил глубокое удовлетворение укреплением союза Японии, Германии и Италии. Он высказал убеждение в неизбежности победы германо-японо-итальянской коалиции¹.

Заключение пакта от 11 декабря 1941 г. свидетельствовало о *единстве* внешнеполитических целей агрессивного блока, о стремлении Японии, Германии и Италии установить реальную *координацию* всех своих сил в новых условиях войны и обеспечить действия участников пакта по единому плану. Сигэмицу, выступая на следующий день после подписания пакта, говорил, что договаривающиеся стороны «решительно приняли на себя обязательство *вести общую войну до победного конца*»². Одновременно, 12 декабря, на совещании у Гитлера по военно-морским вопросам с удовлетворением отмечалось, что «успешное вмешательство Японии» значительно улучшило положение в Атлантике, что союзники оказались вынужденными направить часть своего флота из Атлантики на Тихий океан³.

Подписывая пакт с Японией о ведении совместной войны против США и Англии и незаключении с ними сепаратного мира, Гитлер рассчитывал на еще большее укрепление союзнических и дружественных отношений с Японией и высоко оценивал ее роль как члена фашистской коалиции. В политическом завещании Гитлера, записанном Мартином Борманом, говорится: «Япония же для нас будет всегда союзником и другом. Эта война показала, что ее нужно еще больше уважать»⁴.

Значение тройственного пакта от 11 декабря 1941 г. заключалось также в том, что его участники договаривались по достижении победы обеспечить послевоенное сотрудничество для закрепления нового передела мира, для установления своего мирового господства.

¹ «Асахи», 13 декабря 1941 г.

² «Стенограмма Токийского процесса», стр. 6671—6680, 41585. — Курсив наш.

³ «Fuehrer Conferences on Matters Dealing with the German Navy, 1939—1945», «Brassey's Naval Annual 1948», edited by H. G. Thursfield, London — New York, 1948, p. 274.

⁴ «Le Testament Politique de Hitler». Notes recueillies par Martin Bormann, Paris, 1959, p. 111—112.

Новое тройственное соглашение Японии, Германии и Италии от 18 января 1942 г.

Успехи, достигнутые Японией в начале военных действий на Тихом океане, явились стимулом для подписания нового военно-политического соглашения фашистских государств, для дальнейшего укрепления их агрессивного союза.

Переговоры по этому вопросу начались в первых числах января 1942 г., когда Осима сообщил Гитлеру, что он уполномочен своим правительством приступить к переговорам с МИД Германии по поводу важнейших политических и экономических вопросов, связанных с совместным ведением войны.

Во время начавшихся 2—3 января 1942 г. бесед Осима заявил Риббентропу, что переговоры об экономическом сотрудничестве должны вестись «параллельно с переговорами о военном сотрудничестве»¹ в развитие тройственного пакта, подписанного 11 декабря 1941 г. В переговорах приняла участие и фашистская Италия.

В результате переговоров, которые вели главным образом представители генеральных штабов Германии, Японии и Италии, генерал Кейтель, адмирал Номура Наокуни и генералы Бандзай и Маррас 18 января 1942 г. в Берлине подписали дополнительное (к соглашению от 11 декабря 1941 г.) военное соглашение². Как гласил его текст, оно было заключено для обеспечения «действенного сотрудничества в целях возможно скорого уничтожения военной силы противника». Статья первая предусматривала объединение всех сил трех держав для достижения окончательной победы на всех полях сражений. Статья третья имела в виду установление «нового порядка» после окончания войны.

В развитие соответствующих статей тройственного пакта 1940 г. о разделении мира на сферы «нового порядка» соглашение фашистских агрессоров предусматривало разграничение зон военных действий для

¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 37906, 37912, 41558, 41587.

² Сообщение императорской ставки о заключении 18 января 1942 г. нового тройственного военного соглашения см. *Исида Бунсиро* (сост.), *Сёва дайзикэнси* (История важнейших событий периода Сёва), Токио, 1955, стр. 616.

каждого из его участников¹. Японии были предоставлены воды восточнее 70° восточной долготы до западного побережья американского континента, а также сам американский континент, Австралия и острова, расположенные в близлежащих водах (Индонезия, Новая Зеландия и др.). Кроме того, в японскую зону входил азиатский материк восточнее 70° восточной долготы, т. е. огромная территория от Уральского хребта на восток до побережья, включающая Сибирь и Советский Дальний Восток. Германии и Италии отводились воды западнее 70° восточной долготы до восточного побережья американского континента, сам американский континент, Африка и территории, расположенные в близлежащих водах (Исландия и др.). Кроме того, в их зону входили Ближний Восток, Средний Восток и Европа западнее 70° восточной долготы, т. е. огромная территория, лежащая к западу от Уральского хребта.

Распределение зон военных действий между участниками тройственного соглашения от 18 января 1942 г. ставило целью рассредоточить вооруженные силы США и Англии и сохранить постоянную угрозу дальневосточной границе Советского Союза, продолжая держать на маньчжуро-советской границе крупные силы, готовые к нападению на СССР в момент, наиболее выгодный державам тройственного блока. Вместе с тем зональное распределение сопровождалось обязательствами сторон оказать друг другу помощь в случае, если создастся угрожаемое положение в каком-либо из упомянутых районов военных операций. В соглашении предусматривалось, что в случае концентрации крупных англо-американских морских сил в районе Атлантики Япония направит часть своего флота для оказания помощи военноморскому флоту Германии и Италии; в случае создания аналогичного положения на Тихом океане часть германского и итальянского флота должна быть послана на помощь Японии². Другими словами, державы фашист-

¹ Л. Кудашев, Из истории японо-германских отношений накануне второй мировой войны, Сб. «Межимпериалистические противоречия на первом этапе общего кризиса капитализма», стр. 268—269.

² F. C. Jones, H. Borton, B. R. Pearn, The Far East 1942—1946, Survey of International Affairs 1939—1946, London—New York—Toronto, 1955, p. 98.

ской коалиции договаривались о взаимодействии и согласованности в проведении военных операций против американско-английского блока.

Кроме того, соглашение предусматривало взаимный обмен военной информацией, сотрудничество в планировании и ведении экономической и психологической войны¹.

На основе соглашения от 18 января 1942 г. стали разрабатываться общие оперативные планы и устанавливаться основные пункты военного сотрудничества. В официальном сообщении по поводу подписания соглашения трех фашистских государств говорилось, что оно формулирует основные принципы стратегии «против общего врага»². Оно ставило целью координировать военные операции против США и Англии, закрепить успехи Японии на начальном этапе первого периода военных действий на Тихом океане и обеспечить агрессорам новые победы.

Тройственное соглашение от 18 января 1942 г. имело явно антисоветское острие. Договариваясь с Германией и Италией относительно разграничения зон действий, японские империалисты рассчитывали воспользоваться этим соглашением для реализации плана войны против СССР, намеченного на 1942 г.

Японо-германские переговоры о вступлении Японии в войну против Советского Союза

Правящие круги Японии, продолжая проводить враждебную СССР политику, держали в курсе гитлеровскую клику относительно своих планов военного нападения на Советский Союз. Правительство Тодзё информировало Германию о своих планах 1942 г. и обещало при определенных условиях выступить против СССР.

¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 41593, 6681—6686.

² «Стенограмма Токийского процесса», ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 192, л. 107—108.

Гитлер, выступая 30 января 1942 г., всячески приветствовал укрепление союзных отношений с Японией и Италией. Пытаясь замаскировать действительные цели нового тройственного соглашения, Гитлер утверждал, что он хотел вступить в тесные отношения с Италией и Японией («Der Großdeutsche Freiheitskampf», Bd. III, Reden Adolf Hitlers vom 16 März 1941 bis 15 März 1942, München, 1944, S. 196, 199).

Гитлеровская клика прилагала все усилия к тому, чтобы ускорить военное нападение Японии на Советский Союз. С этой целью обильно расточались лесть и похвала по поводу военных успехов японских вооруженных сил на начальном этапе операций на Тихоокеанском театре. В политическом завещании Гитлер откровенно признается: «Жаль, что она (Япония. — Д. Г.) не вступила в войну против России в тот же день, в который вступили мы...»¹ Однако немецкие фашисты рассчитывали на вступление Японии в войну против Советского Союза, надеясь, что первые успехи ее вооруженных сил ускорят этот акт.

Гитлеровские дипломаты в своих донесениях подтверждали факт военных приготовлений и наличие планов нападения Японии на Советский Союз. Германский посол Отт в начале 1942 г. телеграфировал в Берлин о том, что, судя по конфиденциальным данным, проводятся военные приготовления против России. Он передавал мнение влиятельных кругов о том, что после занятия порта Дарвин Япония обратит оружие против России и захватит Владивосток, Приморье и Северный Сахалин.

После падения Сингапура, которое казалось многим руководящим деятелям Японии симптомом окончания войны против США и Англии, между Японией и Германией были продолжены переговоры относительно вступления Японии в войну против СССР, в ходе которых обсуждались конкретные объекты военного нападения. Переговоры велись в Берлине между Осима и Риббентропом.

23 марта 1942 г., во время беседы Осима с Риббентропом, обсуждался вопрос о выступлении японских вооруженных сил против Владивостока и в направлении озера Байкал. Осима заявил, что такое выступление «будет иметь колоссальное значение». Он просил передать германскому правительству, что приложит все силы к тому, чтобы продвижение в восточную часть Сибири состоялось в течение 1942 г., поскольку «такая возможность уже больше не повторится».

Наряду с этим в беседе был затронут вопрос о заключении между двумя странами широкого экономиче-

¹ «Le Testament Politique de Hitler», p. 112.

ского соглашения, предусматривавшего, в частности, экономическую взаимопомощь. Осима отметил, что Япония делает все от нее зависящее, чтобы облегчить доставку в Германию различных товаров из «богатых сырьем районов Южных морей». Вместе с тем он заявил, что Германия должна сделать все возможное для доставки в Японию военных материалов и оборудования для заводов. Японский посол обратился к германскому правительству с просьбой о предоставлении Японии кредита в сумме 1 млрд. иен сроком на 3 года и краткосрочного кредита в сумме 50 млн. иен для обеспечения наиболее неотложных поставок Германии¹.

Ряд документов гитлеровских дипломатов подтверждает, что вопрос о нападении Японии на Советский Союз являлся важнейшим предметом японо-германских переговоров. Так, в меморандуме видного чиновника МИД Германии Вейцекера, датированном 21 апреля 1942 г., отмечалось, что Осима продолжал свою деятельность, убеждая свое правительство «напасть на русских в Восточной Азии». Таким путем он предполагал ликвидировать создавшееся «неестественное положение, при котором Япония поддерживает дружеские (?) отношения с русским противником, с которым Германия ведет яростную борьбу»².

В ходе переговоров между Японией и Германией важное место занимали вопросы экономического сотрудничества. К 9 мая 1942 г. Осима и Риббентроп подготовили текст экономического соглашения, отразившего намерения обоих государств установить господство над всеми ресурсами мира. Соглашение имело в виду обеспечить экономическое сотрудничество двух «сфер процветания», предусмотренных тройственным пактом 1940 г., и в конечном счете привести к объединению их в единое целое. Всем участникам тройственного пакта предоставлялись взаимные преимущества во всех областях экономики каждой из «сфер». Восстановление экономических отношений с вражескими странами после окончания войны объявлялось возможным лишь по взаимному согласию обеих сторон³.

¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 37906—37907, 37946, 41560, 41561.

² Там же, стр. 37958—37959, 41576.

³ Там же, стр. 41562—41564.

В то же время во взаимоотношениях Японии и Германии немалую роль играли вопросы технического сотрудничества. Стремясь ускорить военное нападение Японии на СССР, Германия оказывала ей важную военно-техническую помощь. Летом 1942 г. в Токио был направлен полковник Нимоллер. В его задачу входило объединение немецких инженеров, находившихся в Японии, и оказание помощи японским инженерам в налаживании и усовершенствовании производства вооружения. Были предоставлены также технические консультации в монтаже радарных установок и в организации противовоздушной обороны японских городов¹.

Переговоры о военно-техническом сотрудничестве являлись составной частью вопроса об открытии «второго фронта» на Советском Дальнем Востоке, которое рассматривалось Германией как условие успешного завершения войны против СССР.

Поэтому Германия делала неоднократные попытки убедить Японию в необходимости военного выступления против СССР. Об этом свидетельствует телеграмма Риббентропа послу в Токио Отту от 15 мая 1942 г.² В телеграмме говорилось: «Без сомнения, для захвата сибирских приморских провинций и Владивостока, так жизненно необходимых для безопасности Японии, никогда не будет настолько благоприятного случая, как в настоящий момент, когда комбинированные силы России предельно напряжены на европейском фронте. При этих условиях создается следующее положение: 1) если японские данные о русских вооруженных силах в Сибири точны и она (Япония) способна справиться с сопротивлением русских во Владивостоке и проникнуть в Сибирь в направлении озера Байкал, то такая операция будет иметь очень большое значение для дальнейшего развития войны. Япония не может избежать угрозы своему тылу со стороны русских приморских провинций, поэтому лучше, чтобы она пришла к решению о нападении на Владивосток возможно раньше. Совершенно ясно, что настоящий промежуток времени используется русскими в сотрудничестве с американцами единственно с целью

¹ F. C. Jones, *Japan's New Order in East Asia*, p. 405.

² «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7985—7986, 7990, 49356, 49384; ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 284; д. 482, л. 840.

укрепления приморских районов и создания авиационных баз, которые составят угрозу для Японии. Поэтому, чем скорее будет произведен удар на Владивосток, тем менее будет сделано в смысле этой подготовки...»

Мотивируя необходимость скорейшего нападения Японии на Владивосток, Риббентроп указывал, что скопление советских сил на Дальнем Востоке облегчает «бремя» Германии, поскольку «русско-японский конфликт» может возникнуть в любое время. Он отметил важность военных приготовлений Японии для нападения на СССР, «поскольку во всяком случае Россия должна держать войска в Восточной Сибири в ожидании русско-японского столкновения»¹. Вместе с тем Риббентроп предлагал Японии предпринять наступление «в каком-либо другом направлении, например на Индию или Австралию, дабы *действенно участвовать в совместном ведении войны*» (курсив наш. — Д. Г.), если она не приведет нападения на Владивосток.

Телеграмма Риббентропа Отту от 15 мая 1942 г. является документом, проливающим свет на японо-германские отношения в связи с вопросом об отношении к Советскому Союзу. Она показывает, что японские империалисты продолжали проводить враждебную СССР политику, а немецкие фашисты добивались координации действий с силами своего дальневосточного союзника.

Те же вопросы «синхронизации» антисоветских действий являлись предметом дальнейших переговоров в Берлине. Характерной в этом отношении была другая беседа Риббентропа с Осима, состоявшаяся 24 июня 1942 г. Гитлеровский министр подчеркнул значение, которое имеет 1942 год для совместных действий обеих стран против общего врага. В этом заявлении сказалось стремление гитлеровской клики как можно скорее добиться решающих успехов до открытия второго фронта в Европе. Поэтому Риббентроп отметил, что надо воспользоваться положением, сложившимся в 1942 г., применить смелую стратегию, «энергично атаковать противника и совместными действиями окончательно вывести его из войны».

Осима ответил, что японские вооруженные силы ведут подготовку к тому, чтобы в соответствии с дей-

¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7990.

ствиями Германии «тоже предпринять операцию большого масштаба». Он подчеркнул, что вооруженные силы Японии готовят «свои дальнейшие операции по определенному плану и в назначенное время они вновь выступят». В заключение беседы Риббентроп заявил, что Германия в этом году «будет дальше наступать и он уверен, что Япония последует ее примеру...»¹

Заверения Осима находились в тесной связи с антисоветским внешнеполитическим курсом правительства, с его планами развязывания войны против СССР, намеченными на 1942 г. Летом этого года премьер-министр Тодзё в беседе с германским послом в Токио Оттом заявил, что Япония является «смертельным врагом СССР» и Владивосток представляет якобы «постоянную угрозу для Японии с фланга». Он отметил, что в ходе войны между СССР и Германией безусловно создастся благоприятная возможность устранить эту угрозу с помощью Квантунской армии, располагающей лучшими войсковыми частями².

Одновременно те же вопросы подверглись обсуждению во время беседы Осима с Риббентропом, состоявшейся 30 июля 1942 г. Во время беседы германский министр обратился к Осима с предложением о вступлении Японии в войну против Советского Союза. На это посол ответил, что Япония должна последовать примеру Германии, поскольку ей «представилась исключительно благоприятная возможность нанести удар русским», и руководители японских вооруженных сил придерживаются аналогичной точки зрения³.

**Авантюристический план соединения вооруженных сил
Японии и Германии в районе Персидского залива
или Индии**

Во время японо-германских переговоров летом 1942 г. обсуждался также план совместных действий, имевших целью соединение вооруженных сил Японии и Германии в районе Персидского залива или Индии. Этот план исходил из упрямой веры держав тройственного союза

¹ ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 231—232.

² «Стенограмма Токийского процесса», стр. 38423.

³ Там же, стр. 41577—41578.

в победу «молниеносной войны», в их победу во второй мировой войне.

Наиболее реакционные и агрессивные круги японских монополистов придавали большое значение реализации авантюристического плана соединения японских и германских армий, рассчитывая установить разграничительную линию «сфер влияния» обеих держав.

Соединение вооруженных сил Японии и Германии намечалось произвести в результате прорыва гитлеровских войск на Средний Восток, а японских войск в Индию. План предусматривал встречное наступление по маршруту Кавказ — Иран — Индия — Бирма¹, причем военно-морским силам обеих держав предстояло перерезать коммуникации между Австралией² и Суэцким каналом. Немцы, пишет Захариас, «планировали встретить японскую лавину где-то на территории Индии»³.

Японские и германские империалисты намечали в качестве наиболее вероятной даты осуществления своего плана лето 1942 г. Выбор этой даты был далеко не случаен. Немецко-фашистские войска пытались в это время прорваться в Закавказье и затем развить стремительное наступление на юг, через территорию Ирана, оккупация которого входила в планы немецко-фашистского командования. Наступление войск Роммеля в направлении к Суэцкому каналу должно было замкнуть клещи на Ближнем Востоке, после чего намечалось развить наступление на Индию⁴. Это продвижение предполагалось синхронизировать с действиями японских вооруженных сил, которые, добившись значительных успехов на Тихоокеанском театре на начальном этапе военных действий, вторглись на территорию Бирмы и даже восточной части Индии и развернули морские бои в Индийском океане, чтобы изолировать Англию от Индии, Австралии и Новой Зеландии.

Угроза прорыва немецко-фашистских войск на Средний Восток, к Черному морю, к советским тылам на Кавказе и японского продвижения через территорию Индии

¹ «Тайхэйё сэносси», т. IV, стр. 4.

² Гитлеровская клика предлагала Японии начать выступление не только против Индии, но и против Австралии.

³ E. M. Zacharias, *Secret Missions. The Story of an Intelligence Officer*, p. 213.

⁴ W. Leahy, *I was there*, New York, 1950, p. 148.

ставила целью дезорганизовать силы противников фашистской коалиции. План прорыва был рассчитан не только на соединение вооруженных сил Японии и Германии, но и на объединение ресурсов обоих государств для обеспечения победы во второй мировой войне.

Японо-германский план имел явную антисоветскую направленность: выход армий агрессоров к Персидскому заливу мог бы прервать южный путь, по которому доставлялись необходимые Советскому Союзу товары из Англии и США; это было равнозначно блокаде СССР с запада, которую Япония пыталась осуществить с востока.

Таким образом, германский и японский генеральные штабы намеревались осуществить огромные «стратегические клещи» для того, чтобы разгромить своих противников и установить мировое господство Германии и Японии. Это был явно авантюристический план: японские и германские империалисты переоценивали свои силы и недооценивали силы противников. Построенный на зыбкой почве, он в конце концов оказался неосуществимым. Гитлеровские войска были остановлены, а японские не смогли развить наступления через территорию Индии, прекратили операции в Индийском океане и отказались от движения к Персидскому заливу.

Невозможность установления координации вооруженных сил Японии и Германии для соединения в районе Индии или Персидского залива объяснялась положением на Советско-германском фронте. Как показывают многочисленные материалы Нюрнбергского и Токийского трибуналов, координация совместных действий между двумя партнерами тройственного союза была сорвана Советскими Вооруженными Силами, которые в войне против гитлеровской Германии наносили ее армии удар за ударом, подготавливая условия для коренного перелома в Великой Отечественной войне и во всей второй мировой войне в целом.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ ВО ВТОРОЙ ПЕРИОД ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ (19 ноября 1942 г. — 9 мая 1945 г.)

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВТОРОГО ПЕРИОДА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ТИХООКЕАНСКОМ ТЕАТРЕ (19 ноября 1942 г. — декабрь 1943 г.)

**Международное значение Сталинградской битвы.
Оценка в Японии побед Советской Армии. Их влияние
на ход военных действий на Тихом океане**

Великое сражение на берегах Волги оказало огромное воздействие на весь ход международных событий. Оно представляло начало коренного перелома не только в ходе Великой Отечественной войны, но и в ходе второй мировой войны в целом.

Исход этой битвы заставил правящие круги империалистической Японии иначе оценить перспективы второй мировой войны и пересмотреть свои планы нападения на СССР. Авторы «Истории войны на Тихом океане» справедливо пишут, что победа Советской Армии зимой 1942/43 г. «явилась тяжелым ударом не только для Германии, но и для Японии и Италии», что в это время «впервые по-настоящему пошатнулась вера японской военщины в силу германской армии». Отмечая влияние этой победы на положение на Тихоокеанском театре, авторы этого труда правильно пишут, что она «способствовала возвращению Макарура на Филиппины, откуда он бежал в Австралию, преследуемый японской армией»¹.

¹ «Тайхэйё сэнсоси», т. IV, стр. 11.

Когда в Японию пришли известия о Сталинградском сражении, в министерстве иностранных дел было создано срочное совещание, которое пришло к весьма неутешительным для тройственного блока выводам. Участники совещания согласились, что весеннее наступление немцев (1943 г.) не может быть успешным. Более того, силы держав «оси» будут постепенно уменьшаться, тогда как объединенные силы союзников (СССР, США и Англии) будут возрастать. Поэтому возможность победы Германии считалась сомнительной. На основании такой оценки международного положения совещание пришло к выводу, что Япония должна изменить свою внешнюю политику до того, как Германия потерпит поражение¹.

Японская буржуазная печать накануне и в дни этого решающего сражения уделяла много внимания оценке военно-промышленного потенциала Советского Союза и перспективам развития событий на Советско-германском фронте. В ряде статей указывалось на вред недооценки военной мощи Советского государства. Многие авторы были вынуждены высоко оценивать боевую мощь СССР и прочность Советского государства, которое определялось как «необыкновенное» и не имеющее себе равных. Канки Ёсима в статье «Результаты летнего наступления» писал: «Каждому из нас ясно, что со времени начала войны с Германией Советский Союз перенес тяжелые удары... Кроме того, принимая во внимание ожесточенность боев, Красная Армия также понесла огромные потери. Можно сказать, что если бы это было обыкновенное государство, то оно, очевидно, давно бы уже потерпело полнейший крах. Однако *в настоящее время в Советском Союзе нет ни малейших признаков краха*»².

Японские военные специалисты высоко оценивали возможности советской авиации и производственной мощности авиазаводов СССР. Сиба Сэндзи в статье «Современное положение советской авиации» писал: «*Советская авиация, сражающаяся теперь на Восточном фронте, имеет много самолетов... Действительно, это какая-то сказочная страна, которая, несмотря на огромные потери, продолжает подбрасывать все новые и но-*

¹ Kase Toshikazu, Journey to the «Missouri», p. 67; F. C. Jones, Japan's New Order in East Asia, p. 409.

² «Рикугун гахо» («Иллюстрированный журнал армии»), ноябрь 1942 г. — Курсив наш.

вые самолеты из тыла. Необходимо признать, что Советский Союз действительно великая страна, и только такая страна способна на подобные дела»¹.

Влиятельные органы японской буржуазной прессы, в том числе и официозной, констатировали храбрость и упорство Советской Армии, сумевшей не только противостоять немецко-фашистским войскам, но и нанести сокрушительные удары. Обозреватель Оно Синдзо на страницах официозной газеты «Ниппон таймс» писал: «Не так давно Германия предприняла наступление огромных размеров с целью занять ключевую позицию на нижнем течении Волги. Однако ее войска были побеждены храбрым и упорным сопротивлением Красной Армии». Автор отмечал далее, что качества, проявленные Советской Армией в боях с гитлеровцами, и военно-экономическая мощь СССР характерны для Советского государства с самого начала войны против Германии. «К началу германо-советской войны, — писал Оно, — Советский Союз оказался страной, полностью вооруженной как в экономическом, так и в военном отношениях»².

Переломное значение сражения на берегах Волги, в котором был нанесен сокрушительный удар гитлеровской Германии, для дальнейшего хода второй мировой войны признавали и другие японские авторы различных журнальных статей и монографий, посвященных Советско-германскому фронту и Советскому Союзу.

Муто Садаити в статье «Как будет развиваться советско-германская война», опубликованной в апреле 1943 г., писал, что самой большой трагедией за последнее время явилось уничтожение 250 тыс. немецких войск в смертельных боях во время наступления Советской Армии в январе 1943 г.³

Хадзимэ Такэо в своей книге «Германо-советская война и Советский Союз» также признал огромное значение Сталинградской битвы для всего хода войны и мировой истории. Он писал, что оборонительные бои Советских войск с превосходящими по численности

¹ «Рикугун гахо», сентябрь 1942 г. — Курсив наш.

² «Nippon Times», July 12, 1943. — Курсив наш.

³ «Хинодэ», апрель 1943 г.

силами противника *«явились кульминационным пунктом в германо-советской войне...»*¹

Наступательные операции Советской Армии в зимнюю кампанию 1942/43 г. привели к новым поражениям гитлеровской армии. В течение января — февраля 1943 г. советские войска освободили Моздок, Нальчик и Краснодар. Началось освобождение Донбасса и был отвоёван Курский плацдарм. В январе 1943 г. прорвана блокада Ленинграда. В феврале — марте 1943 г. линия фронта отодвинулась на большое расстояние от Москвы.

Японские империалисты были крайне озабочены поражениями гитлеровской армии, непобедимость которой не вызывала у них ранее никаких сомнений. Эти поражения побудили правительство Тодзё направить в марте 1943 г. в Берлин миссию во главе с начальником 2-го отдела генерального штаба генерал-майором Окамото Киёфуку *«для изучения способности Германии к сопротивлению»*².

Новые успехи Советских Вооруженных Сил, знаменовавшие начало массового изгнания врага с территории Советского Союза, вызвали новые отклики в Японии. Реакционная газета *«Ёмиури-хоти»* писала: *«За последнее время натиск наступления Красной Армии значительно усилился. Со времени Сталинградской битвы военная ситуация на Восточном фронте не позволяет Германии предаваться оптимизму. С того времени ожесточенное контр наступление Красной Армии продолжается почти непрерывно, причем натиск ее усиливается с каждым днем»*³. Ряд обозревателей порицал ошибочность недооценки сил Советского Союза и переоценки сил Германии, неправильность расчетов на быструю ее победу. Так, обозреватель газеты *«Токио майнити»* Маэсиба писал: *«Мы знали, что, как бы ни была сильна Германия, она не могла рассчитывать на быструю победу, поскольку ей противостояла монолитная Россия. Откуда берутся силы у Советского Союза? Во всех странах мира имелась тенденция недооценивать боевую мощь России. И это неверно. В результате Октябрьской*

¹ *Хадзимэ Такэо*, Досо сэнсэ то Сорэн (Германо-советская война и Советский Союз), Токио, 1943. — Курсив наш.

² *«Тайхэйё сэнсоси»*, т. IV, стр. 11.

³ *«Ёмиури-хоти»*, 26 марта 1943 г. — Курсив наш.

социалистической революции *экономическая и политическая система России была усовершенствована*»¹.

Победа Советской Армии в битве под Курском привела к окончательному краху наступательной стратегии немецко-фашистской армии, она потрясла до основания гитлеровскую военную машину, гитлеровская армия была поставлена перед неизбежной катастрофой.

Японская буржуазная пресса также признала важное значение Орловско-Курской операции и нарастание наступательных ударов Советской Армии. Пытаясь объяснить провал гитлеровского наступления летом 1943 г., газета «Асахи» писала: «Особенностью летней кампании этого года является тот факт, что Советы предприняли наступление. Опыт прошлых двух лет германо-советской войны показывает, что летом немцы переходят в наступление, в то время как зимой Советы предпринимают контратаки. Однако этим летом Советы перешли от оборонительной стратегии к наступлению. Этот факт показывает, что *боевой мощью Советского Союза нельзя пренебрегать... Германо-советская война приняла новый оборот*»².

Подобного рода оценки военно-экономической и политической мощи Советского Союза отражали точку зрения наиболее здравомыслящих представителей правящих кругов Японии.

**Планы военных операций США и Англии
на Тихоокеанском театре
(конференция в Касабланке, первая Квебекская,
первая Каирская, Тегеранская
и вторая Каирская конференции)**

Коренные изменения на Советско-германском фронте позволили США и Англии приступить к разработке планов военных операций и координации действий на Тихоокеанском театре. Эти планы стали предметом обсуждения ряда военных совещаний и конференций.

14—24 января 1943 г. вблизи Касабланки (Марокко) состоялась конференция премьер-министра Англии Черчилля и президента США Рузвельта, в которой приняли

¹ «Токно майнити», 28 июня 1943 г. — Курсив наш.

² «Асахи», 29 июля 1943 г. — Курсив наш.

участие начальники штабов обеих стран (условное обозначение конференции «Симбол»). США внесли на рассмотрение конференции предложение о расширении масштабов операций против Японии¹. В результате обсуждения положения на Тихоокеанском театре военных действий было решено провести операции на Алеутских островах с дальнейшим наступлением союзных войск в направлении от Мидуэя до Трука и Гуама; имелось также в виду продвижение в Индонезии и вторжение из Восточной Индии в Бирму, чтобы освободить ее (операция «Анаким») и проложить через север Бирмы сухопутную дорогу в Китай².

Информируя Советское правительство об итогах конференции в Касабланке, Рузвельт и Черчилль в своем послании 27 января 1943 г. сообщали, что «мы (США и Англия. — Д. Г.) должны поддерживать достаточное давление на Японию, чтобы сохранить инициативу на Тихом океане и на Дальнем Востоке, поддерживать Китай и воспрепятствовать японцам распространить свою агрессию на другие театры...» В послании далее сообщалось о намерении союзников увеличить масштабы операций в Бирме, изгнать японцев из Рабаула (о-в Новая Британия), чтобы снова открыть путь снабжения Китая и затем развить успех в общем направлении на Японию. Предусматривалось также увеличение союзных военно-воздушных сил в Китае³.

В итоговом коммюнике конференции отмечалось, что между правительствами США и Англии достигнуто соглашение по поводу военных планов и мероприятий, которые должны быть предприняты во время кампании 1943 г. против Германии, Японии и Италии⁴.

Однако из-за англо-американских противоречий, которые отчетливо проявились на конференции в Касабланке, не была достигнута договоренность о действительной координации военных операций союзных вооруженных сил против Японии. Черчилль пытался возложить главное бремя войны против Японии на Соединенные

¹ М. Мэтлофф и Э. Снэлл, Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941—1942 гг., стр. 441.

² «Тайхэй сэносси», т. IV, стр. 15, 49; Р. Шервуд, Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца, т. 2, М., 1958, стр. 351.

³ «Переписка...», т. II, стр. 51.

⁴ «Правда», 28 января 1943 г.

Штаты. На конференции он заявил о готовности дать официальное обещание в том, что лишь после разгрома Германии все ресурсы и людские силы Британской империи будут брошены в последнее наступление на Японию¹.

В мае 1943 г. в течение двух недель в Вашингтоне состоялась новая встреча Рузвельта с Черчиллем (ее условное обозначение «Трайидент»), во время которой продолжалось обсуждение вопросов ведения войны против Германии и Японии².

На этом совещании было решено продолжить подготовку к проведению операции «Анаким», в частности десантных операций на западном побережье Бирмы. В отношении операций на Тихом океане участники совещания договорились приступить к изгнанию японских войск с Алеутских островов, захватить Маршалловы и Каролинские острова, а также оставшиеся позиции японских войск на Соломоновых островах, архипелаге Бисмарка и Новой Гвинее. Кроме того, имелось в виду расширение операций американских подводных лодок и усиление налетов на японские линии коммуникаций американской авиации, базирующейся на авианосцах³.

4 июня 1943 г. Рузвельт сообщил Советскому правительству решение Объединенного комитета начальников штабов об основной стратегии союзников. В решении, в частности, указывалось, что главный упор делается на «ослабление военной мощи Японии путем поддержания неослабного давления на нее и на проведение тех признанных осуществимыми мер, при помощи которых можно удержать Китай в войне в качестве эффективной силы и в качестве базы, с которой можно проводить операции против Японии»⁴.

11—24 августа 1943 г. состоялось новое совещание (условное обозначение «Квадрант») Рузвельта и Черчилля в Квебеке (первая Квебекская конференция). На нем обсуждался вопрос о координации действий

¹ Р. Шервуд, Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца, т. 2, стр. 366.

² Там же, стр. 402.

³ Там же, стр. 409.

⁴ «Переписка...», т. II, стр. 66.

союзников на Тихом океане¹, в частности план дальнейших военных операций против Японии. Была достигнута договоренность о создании объединенного военноморского флота союзных сил. Представители Англии вновь подтвердили согласие перебросить часть своего флота на Тихий океан, усилить воздушные бомбардировки японских островов и развернуть наступление в юго-западной части Тихого океана в более крупных масштабах, чем оно производилось ранее.

Кроме того, было решено реализовать планы освобождения Бирмы, которые обсуждались в Касабланке и Вашингтоне, создать объединенный англо-американский штаб под командованием английского адмирала Маунтбэттена и начать контрнаступление из двух районов — из Северной Бирмы и с морского побережья Западной Бирмы².

Вопрос о дальнейших наступательных операциях против Японии в условиях новых поражений ее вооруженных сил на Тихоокеанском театре продолжал быть предметом обсуждения ряда конференций в конце 1943 г. Так, вопрос об основных направлениях наступательных операций против Японии обсуждался на Каирской конференции (22—26 ноября 1943 г.). Это обсуждение было вызвано серьезными разногласиями, возникшими в Объединенном комитете начальников штабов. Группа Маршалла — Арнольда из генерального штаба американской армии поддерживала план Макартура — Стилуэлла, которые считали первоочередной задачей изгнание японских вооруженных сил с азиатского континента. Чан Кай-ши настаивал на проведении наступательной операции в Бирме («Анаким»), считая, что сначала следует освободить Бирму, а затем уже Северный Китай и Маньчжурию. В этом сказалось его намерение переложить центр тяжести операций на союзные англо-американские силы и, главное, стремление продолжать показную, пассивную войну против Японии и поиски компромиссного мира с нею.

Черчилль считал первоочередной задачей захват Сингапура и Сянган. Он был сторонником плана группы

¹ «Documents on American Foreign Relations», vol. VI, July 1943 — June 1944, Boston, 1945, p. 224—225.

² W. S. Churchill, *The Second World War*, vol. V (Closing the Ring), London, 1952, p. 72—87.

Кинга — Нимица, которая отдавала предпочтение действиям военно-морского флота и считала его решающей силой, способной нанести поражение Японии. Наряду с этим Черчилль всячески добивался ослабления позиций США на Азиатском и Тихоокеанском театрах военных действий, стремясь облегчить восстановление после окончания войны прежних позиций во временно захваченных Японией английских колониях и сферах влияния.

После ожесточенных споров на Каирской конференции было принято решение о наступлении в Бирме¹. Объединенный комитет начальников штабов одобрил в принципе «Общий план разгрома Японии», который предусматривал отправку на Тихий океан соединения английского флота и начало его операций лишь в июне 1944 г.² На Каирской конференции были подтверждены два основных оперативных направления наступательных действий американских вооруженных сил. Юго-западной группировке генерала Макартура надлежало продвигаться вдоль северного побережья Новой Гвинеи к Филиппинским островам. Адмиралу Нимицу поручалось наступление через центральную часть Тихого океана в направлении внутреннего кольца обороны, прикрывавшего подступы к собственно Японии³.

Важнейшим документом, подписанным 27 ноября 1943 г. на Каирской конференции, явилась совместная декларация ее участников, опубликованная 1 декабря 1943 г. В ней говорилось о решимости трех держав вести все усиливающиеся наступательные операции против Японии с целью освобождения всех оккупированных ею территорий⁴, в частности возвращения Маньчжурии, Тайваня и Пескадорских островов Китайской республике. Одновременно провозглашалось, что поработенная Корея «в должное время» станет свободной и независимой. Целью дальнейших военных операций против

¹ «Тайхэй сэнсози», т. IV, стр. 21.

² W. S. Churchill, The Second World War, vol. V, p. 509.

³ Ч. Николс, Г. Шоу, Захват Окинавы, М., 1959, стр. 20.

⁴ На 7 декабря 1943 г. под контролем Японии находилась территория площадью в 4 млн. кв. миль; по решению Каирской конференции должно было остаться лишь 158 783 кв. мили («Prelude to Infamy». Official Report on the Final Phase of U. S. — Japanese Relations October 17 to December 7, 1941, Washington, 1943 (данные приведены на обложке).

японских вооруженных сил объявлялось достижение безоговорочной капитуляции Японии.

Как показали события послевоенного времени, американские правящие круги грубо нарушили эти обещания. Более того, уже в то время США совместно с чанкайшистами разрабатывали планы борьбы против национально-освободительного движения китайского народа.

Участники Каирского совещания втайне обсуждали вопрос о развертывании гражданской войны в Китае, в частности был решен вопрос о предоставлении Соединенными Штатами оружия и займов чанкайшистской клике, которые были использованы в течение 1946—1949 гг. против Народно-освободительной армии и для подавления народной революции в Китае.

В основу работы второй Каирской конференции, проходившей в начале декабря 1943 г., были положены важнейшие решения только что закончившейся Тегеранской конференции, на которой было принято решение об усилении фронта борьбы против японских захватчиков. Участники конференции пересмотрели некоторые решения первой Каирской конференции. Рузвельт, в частности, официально заявил об отказе осуществить обещанные Чан Кай-ши две операции в Юго-Восточной Азии: в Северной Бирме (операция «Тарзан») и десантную операцию на Андаманских островах в Бенгальском заливе (операция «Бакканир») ¹.

Принятые союзниками на международных конференциях и совещаниях в 1943 г. решения, как и интенсивность операций американско-английских сил на Тихоокеанском театре, находились в прямой связи с успехами Советской Армии в Великой Отечественной войне против немецко-фашистских оккупантов.

**Итоги операций на начальном этапе
второго периода военных действий
на Тихоокеанском театре**

1943 год явился важной вехой в истории второй мировой войны не только в Европе, но и на Тихоокеанском театре. Решающие события на Советско-германском

¹ Р. Шервуд, Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца, т. 2, стр. 496, 497.

фронте создали благоприятные условия для нанесения поражения итало-немецким вооруженным силам в Северной Африке и на Средиземном море (осень 1942 г. — май 1943 г.). Они сделали возможной высадку и наступательные операции американско-английских войск в Италии (июль — декабрь 1943 г.) и содействовали изменению соотношения сил на морских коммуникациях в Атлантике.

Успешное контрнаступление Советских Вооруженных Сил вызвало существенные изменения в японо-германо-итальянском военно-политическом блоке. 25 июля наступил конец диктатуры Муссолини. Через пять дней после высадки союзных сил на Апеннинском полуострове, состоявшейся 3 сентября, Италия капитулировала, а 13 октября объявила войну Германии.

Капитуляция Италии в свою очередь оказала большое влияние на положение Японии. Она способствовала дальнейшему усилению изоляции Японии на международной арене, военное и экономическое положение которой ухудшалось как вследствие поражений японских вооруженных сил на Тихоокеанском театре, так и в результате поражений ее германского союзника на Советско-германском фронте. Перспектива остаться наедине, лицом к лицу, со своими империалистическими соперниками на Тихом океане, становившаяся с каждым месяцем все более реальной, серьезно тревожила правящие круги Японии.

В то же время американско-английские силы получили возможность перейти в контрнаступление на Тихоокеанском фронте и наращивать удары по Японии. Тяжелые поражения гитлеровской армии на берегах Волги и в районе Курска явились началом заката и японской «непобедимой» армии. Японские вооруженные силы быстро утрачивали господство на море и в воздухе, а вскоре окончательно потеряли стратегическую инициативу и вынуждены были перейти к обороне. В течение 1943 г. американские войска захватили Соломоновы и Алеутские острова, а также острова Гилберта, заставили японцев эвакуировать важный район Буна — Гона (Новая Гвинея). Англо-американские вооруженные силы приобрели в центральной части Тихого океана важные опорные базы для последующего развертывания наступательных операций в центральной части Тихоокеанского

бассейна против японских войск на Маршалловых и Каролинских островах. Успехи англо-американских сил в южном и юго-западном районах Тихого океана позволили устранить угрозу японского вторжения в Австралию, обезопасить морские коммуникации с США, установить контроль почти над всеми островами в Коралловом море и восточной частью Новой Гвинеи, создать благоприятные условия для нанесения новых поражений Японии. Этому способствовали также крупные потери японского торгового флота, составившие с момента нападения на Пёрл-Харбор до конца 1943 г. 3 213,1 тыс. т¹.

Японский «новый порядок» во временно оккупированных странах

Оказавшись вынужденными перейти к стратегической обороне, японские правящие круги приступили к осуществлению ряда чрезвычайных мероприятий военного, политического и экономического характера как внутри страны, так и на оккупированных территориях. Цель их заключалась не только в пополнении непрерывно истощавшихся запасов военно-стратегических материалов. Правящие круги Японии изыскивали средства для того, чтобы обеспечить за японским империализмом безраздельное господство в оккупированных японскими войсками странах Восточной, Юго-Восточной Азии, а также на островах Тихого океана; с этой целью они стремились добиться перелома в ходе военных действий на Тихоокеанском театре.

Потребность в проведении различных военных, политических и экономических мероприятий вызывалась также и тем, что невыполнение обещаний предоставить оккупированным странам право самостоятельно устраивать свою судьбу после ликвидации колониального управления Англии, США и Голландии могло осложнить установление господства японского империализма на захваченных территориях, без которого нельзя было

¹ «Сирё Нихонси», т. 2, стр. 234. По другим данным, потери японского торгового флота с начала военных действий на Тихом океане до конца сентября 1943 г. составили 859 судов водоизмещением 3 867,2 тыс. т (L. Morton, Japanese Policy and Strategy in Mid-War, «United States Naval Institute Proceedings» No. 2, 1959, p. 57).

обеспечить ограбление их ресурсов. Кроме того, намеченные мероприятия были рассчитаны на полное подчинение оккупированных стран экспансионистским планам Японии и превращение их в ее сателлитов в войне против США и Англии.

В политическом и военном плане эти мероприятия сводились к предоставлению оккупированным районам фиктивной независимости или прав местного самоуправления и созданию из местного населения «добровольческих армий обороны», или «отрядов обороны», которые японские правящие круги намеревались использовать против наступающих англо-американских сил.

Осуществляя намеченные мероприятия, в особенности во второй период военных действий на Тихоокеанском театре, японские правящие круги ставили перед собой задачу сколотить из числа сателлитов восточноазиатский блок под эгидой Японии и, окончательно вытеснив с Тихого океана своих империалистических соперников, установить безраздельное господство японского империализма на Дальнем Востоке и в бассейне Тихого океана.

Программа восточноазиатского блока и его состав были детально разработаны к началу военных операций на Тихоокеанском театре. Основной целью программы были: захват чужих территорий, установление на них японского оккупационного режима, уничтожение всех демократических свобод и в конечном счете обеспечение неограниченного господства японских монополий.

Вопрос о составе восточноазиатского блока подвергся дальнейшей разработке осенью 1942 — летом 1943 г. 12 октября 1942 г. Тайный совет с участием Тодзё, Хосино и Судзуки обсудил этот вопрос. В своем выступлении Тодзё заявил, что в «сферу великой Восточной Азии» подлежат включению помимо Японии, Маньчжоу-го и Китая Индокитай, Таиланд, Малайя, Филиппины и различные острова Южных морей. Кроме того, было подчеркнуто, что данный состав не является стабильным и в дальнейшем расширится по мере захвата новых территорий.

В январе 1943 г. имперское совещание приняло решение об ускорении приготовлений, имевших целью провозглашение «независимости» Бирмы и Филиппин,

которые должны были входить в японскую «сферу процветания»¹.

В дальнейшем, в мае 1943 г., «Общество исследования государственной политики» («Кокусаку кэнкюкай») расширило территориальные границы «сферы процветания», включив в ее состав районы восточной части СССР (включая озеро Байкал), Внешнюю Монголию (Монгольскую Народную Республику), Синьцзян, Тибет, Цинхай, а также Алеутские острова и Аляску².

Таким образом, японские империалисты не собирались ограничиться захваченными территориями, а намеревались продолжать развертывание агрессии и порабощение других народов. Путем создания из захваченных территорий японской колониальной империи они хотели полностью и навсегда вытеснить из «восточноазиатской сферы» своих соперников и создать здесь исключительные условия для эксплуатации колониальных народов.

Однако ухудшение военно-стратегического положения Японии, переход англо-американских сил в контрнаступление и все возрастающая угроза потерять страны, захваченные на начальном этапе военных действий на Тихоокеанском театре, заставили японское правительство принять ряд чрезвычайных мер.

Среди правительственных мероприятий немалое место занимали поездки руководящих государственных деятелей в оккупированные страны и решения парламентских сессий, направленные на сохранение японской колониальной империи.

Правительство Тодзё направило в район Южных морей министра по делам Восточной Азии Аоки Кадзуо. Во время поездки в апреле — мае 1943 г. Аоки посетил Сянган, Кантон, остров Хайнань, Сайгон, Ханой, Бангкок, Рангун, Пенанг, Палембанг, Сурабайю, Макаassar, Манилу и Давао. Поездка предусматривала ознакомление с положением в Индокитае, Таиланде, Бирме, Индонезии, на Филиппинах и сбор необходимых сведений для подготовки решения о политике Японии в оккупированных странах. Вслед за этим, в конце мая 1943 г., главная ставка и имперское совещание одобрили «руководя-

¹ W. H. Elsbree, *Japan's Role in Southeast Asian Nationalist Movement 1940 to 1945*, Cambridge, 1953, p. 47; *Кояма Хиротакэ и Асада Мицутэру*, Нихон тэйкокусюгиси, т. 3, стр. 211.

² «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7411.

щие принципы политики в великой Восточной Азии», предусматривавшие проведение конкретных мероприятий в оккупированных странах «в целях завершения (японской) империей великой восточноазиатской войны»¹.

Состоявшаяся в середине июня 1943 г. 82-я чрезвычайная сессия парламента обсудила предложения правительства Тодзё, связанные с ухудшившимся военным положением Японии. В своих выступлениях на парламентской сессии Тодзё заявил, что военная ситуация, внешнее и внутреннее положение Японии с каждым днем становятся все серьезнее, а потому назрела необходимость принять срочные меры в отношении восточноазиатских наций. Демагогически заявляя, что целью Японии являлось якобы освобождение всех азиатских наций от англо-американского рабства, Тодзё предложил принять ряд мероприятий для усиления тесного сотрудничества Японии с ее сателлитами на основе принципа: «вместе жить, вместе процветать либо вместе погибнуть». Главное существо его практических предложений состояло в том, чтобы предоставить Бирме и Филиппинам «независимость», а острову Ява — права местного самоуправления. Парламентская сессия утвердила указанные предложения.

Вскоре после окончания парламентской сессии в район Южных морей выехал премьер-министр Тодзё. В период с 30 июня по 12 июля 1943 г. он посетил Таиланд, Индокитай, Малайю, Яву, Суматру, Борнео, Сингапур и Филиппины. Поездка Тодзё ускорила реализацию решений 82-й парламентской сессии. Главной задачей миссии японского премьер-министра были подготовка провозглашения «независимости» оккупированных Японией стран и достижение соглашения о присоединении их к японскому восточноазиатскому блоку, а также обеспечение систематических поступлений военно-стратегических материалов, необходимых Японии для продолжения войны против США, Англии и Китая и подготовки войны против Советского Союза. В итоге Тодзё подписал ряд важных для Японии соглашений с некоторыми марионеточными прояпонскими правительствами.

Подготовка осуществления различных административных реформ в оккупированных странах Южных

¹ *Асида Хитоси*, Дайнидзи сэкай тайсэн гайкоси, стр. 473—475.

морей и предоставления им прав «местного самоуправления» или «независимости» началась вскоре после того, как на Тихоокеанском театре наступило временное равновесие сил. Мероприятия японских военных властей ставили целью облегчить управление захваченными территориями, создать политическую опору среди помещичье-буржуазных кругов и с их помощью обеспечить хищническую эксплуатацию богатейших ресурсов оккупированных стран. Многолетнее колониальное угнетение населения этих стран западными империалистическими державами правящие круги Японии стремились заменить своим не менее жестоким колониальным режимом, однако замаскированным лживыми декларациями об «общности» и «совместном с Японией процветании» азиатских народов.

Учитывая экономическое и стратегическое значение острова Ява, японские империалисты всячески рекламировали предоставленное ему право «местного самоуправления». Они пытались создать у населения острова и всей Индонезии впечатление «дружественного» к ним отношения. Это должно было облегчить эксплуатацию материальных и мобилизацию людских ресурсов бывшей голландской колонии. С помощью помещичье-буржуазных кругов они намеревались получить значительную компенсацию за фиктивное «местное самоуправление».

5 сентября 1943 г. командующий японскими войсками в Индонезии генерал-лейтенант Харада объявил об организации на Яве «Центрального совещательного совета» как руководящего органа самоуправления индонезийцев в составе 43 членов, из которых 23 назначались японским командующим, 18 избирались местными органами самоуправления и 2 назначались султанами¹. Поскольку большинство обеспечивалось за японскими интервентами, этот орган и стал служить их империалистическим интересам. Поэтому естественно, что вскоре после организации упомянутого «совета» японские военные власти потребовали от него создания новых вооруженных сил, проведения мобилизации рабочей силы в целях увеличения производства вооружения и ускоренного развития военной экономики. «Централь-

¹ W. H. Elsbree, *Japan's Role in Southeast Asian Nationalist Movement 1940 to 1945*, p. 85.

ный совет» обсудил и одобрил мероприятия, направленные на сотрудничество с японскими империалистами¹. По примеру Японии в соответствии с ранее данным обещанием была основана «Патриотическая ассоциация Явы» («Джава Хококукай») ².

Тем же приказом от 5 сентября 1943 г. японские военные власти ввели на Яве местные органы самоуправления, состоявшие из 10—30 членов, одна половина которых назначалась губернаторами, а другая «избиралась» старостами деревень³. Были предприняты меры и на острове Суматра. Здесь в конце сентября 1943 г. под руководством японских властей образовались «комитет бдительности», «добровольческий корпус обороны» и «полицейский корпус».

Однако японские империалисты воздерживались от предоставления всей Индонезии «самоуправления» или «независимости». Административные реформы и «местное самоуправление», введенные японскими властями, носили весьма ограниченный характер. Как Ява и Суматра, так и все оккупированные страны Юго-Восточной Азии и Южных морей ставились под прямой контроль японской военной администрации, имевшей специальные гражданские отделы.

Для усиления колониальной эксплуатации японские оккупанты стремились использовать индонезийскую буржуазно-помещичью верхушку. С этой целью местной буржуазии и помещикам в марте 1943 г. было разрешено создать свою организацию «Объединение народных сил», известную под сокращенным названием «Путера»⁴. Японские военные власти своей лживой пропагандой пытались также создать у индонезийского населения впечатление, что японский «новый порядок» якобы имеет цель освободить Индонезию от голландского гнета, что японцы — братья индонезийцев — несут им свободу. Особое внимание японские интервенты обратили на индонезийскую молодежь, намереваясь использовать ее

¹ P. E. Eckel, *The Far East since 1500*, p. 710.

² V. A. Ubani, O. K. Durrani and M. Moein, *Indonesian Struggle for Independence*, Aundh, 1946, p. 116.

³ W. H. Elsbree, *Japan's Role in Southeast Asian Nationalist Movement 1940 to 1945*, p. 85.

⁴ Полное наименование «Poesat Tenaga Rakjat», или в современной транскрипции «Pusat Tenaga Rakyat».

для защиты «нового порядка», подавления национально-освободительного движения в Индонезии и оказания помощи Японии в случае вторжения союзных сил. В сентябре 1943 г. они создали на Яве «Добровольческую армию (союз) защитников родины», известную под сокращенным названием «Пета»¹; ей вменялось в обязанность осуществлять «оборону» совместно с японскими вооруженными силами. Согласно приказу, «Добровольческая армия» подчинялась командованию японских войск на острове Ява. Однако организаторы этой армии не смогли использовать ее ввиду явной политической неблагонадежности.

Японские военные власти, имея в виду свои колонизаторские цели, подвергли реформе и управление Малайи. Здесь, как и в других оккупированных странах, реформа имела цель создать политическую опору среди помещичье-буржуазных элементов и с их помощью организовать захват богатейших ресурсов колонии. Японцы объединили Стрейтс-сэттльментс с федерированными государствами Малайи в единую административную систему, которая управлялась гражданскими чиновниками, прибывшими из Японии. Под руководством японской военной администрации было создано специальное бюро по делам султаната для того, чтобы подчинить султанов влиянию японских империалистов. Султаны возглавляли созданные в каждой провинции «Бюро религиозных дел»².

В 1943 г. японские военные власти, выполняя свое обещание о предоставлении Малайе «самоуправления», создали так называемые «консультативные советы» и ввели институт «советников» в Сингапуре и в провинциях Малайи³. Как члены «консультативных советов», так и «советники» тщательно подбирались самими японцами. По их указанию стала создаваться и малайская «добровольческая армия». Стремясь обеспечить нормальную работу промышленных предприятий, плантаций и рудников, японские интервенты организовали также «трудовые отряды»⁴.

¹ Полное наименование «Пембела танах айр».

² F. C. Jones, *Japan's New Order in East Asia*, p. 382.

³ Там же, стр. 384.

⁴ P. E. Eckel, *The Far East since 1500*, p. 708—709.

Японские империалисты сделали Сингапур центром «движения» за создание «Свободной Индии» («Азад Хинду»), в октябре они образовали марионеточное правительство во главе с японским агентом Субхас Чандра Боссом¹, которое через три дня объявило войну США и Англии. Одновременно из индийцев, проживавших в Малайе, стала формироваться «Индийская национальная армия» («Азад Хинду Фаудж»)², которой вменялось в обязанность сражаться за империалистические интересы Японии³.

Стремясь закрепить «новый порядок» в Бирме, японские империалисты старались всеми мерами замаскировать оккупационный режим. Тодзё, выступая в конце января 1943 г. на парламентской сессии, заявил, что цель Японии заключается в том, чтобы сделать Бирму «независимой».

В марте 1943 г. глава марионеточного правительства Ба Мо прибыл в Токио якобы для выражения благодарности за обещание предоставить Бирме статут независимого государства. Во время токийских переговоров Тодзё заявил Ба Мо, что долг Бирмы — присоединиться к войне против США и Англии⁴. Этим определялась цена обещания Японии предоставить Бирме «независимость». Правительство Бирмы должно было создать армию и защищать вместе с Японией оккупированные ею страны Восточной Азии. В ответ на заявление Тодзё прояпонские элементы в Бирме подняли вопрос о введении для бирманцев всеобщей воинской повинности. Кроме того, среди молодежи стали насаждаться «общества борьбы за свободу Бирмы». Взамен «Армии независимости», созданной ранее японскими властями в Таиланде, японские интервенты организовали «Армию обороны Бирмы». Руководящее участие в этих мероприятиях принял бывший командующий Квантунской армией генерал Минами Дзиро.

¹ *R. Bersihand, Histoire du Japon des origines a nos jours, Paris, 1959, p. 405.*

² *Хаттори Такусиро, Дайтоа сэно дзэнси, т. 4, стр. 93.*

³ Позднее «Индийская национальная армия» принимала участие в наступлении японской армии на Ассам (*F. C. Jones, H. Borton, B. R. Pearn, The Far East 1942—1946. Survey of International Affairs 1939—1946, p. 70*).

⁴ *F. C. Jones, Japan's New Order in East Asia, p. 353—354.*

Чтобы приблизить к себе местные националистские круги бирманской буржуазии, японские власти решили им создавать небольшие заводы и фабрики и открывать банки. Буддийские монахи в Бирме своей проповедью «сопроцветания» народов Восточной Азии также оказывали большую помощь японским империалистам.

В июле 1943 г. полковником Исимура был составлен проект декларации о «независимости» Бирмы. Наряду с этим японские власти предложили правительству Бирмы подписать секретное военное соглашение, по которому командующий японскими войсками получил право предпринимать любые меры, необходимые, с его точки зрения, для продолжения военных операций и сотрудничества с правительством Бирмы; в случае несогласия с действиями последнего он имел право по своему усмотрению отменить их¹.

Провозглашение «независимости» Бирмы состоялось в Рангуне 1 августа 1943 г.² Ее признали Германия, Маньчжоу-го, Таиланд и Словакия. Взамен исполнительной власти, созданной во главе с Ба Мо, являвшейся в 1937—1939 гг. премьером колониального правительства в Бирме, было создано новое бирманское правительство. Однако оно не получило действительной самостоятельности, поскольку полностью контролировалось японским военным командованием.

Одновременно с формальным провозглашением «независимости» Бирмы глава правительства Ба Мо в знак «благодарности» объявил о вступлении Бирмы в войну на стороне Японии³. В тот же день японский посол в Бирме Савада и Ба Мо подписали японо-бирманский договор о «союзе». Этот договор предусматривал тесное военное, политическое и экономическое сотрудничество между Японией и Бирмой в ведении военных операций на Тихоокеанском театре и в построении «сферы сопроцветания» в Восточной Азии⁴. Подписывая договор, Япония обещала присоединить к Бирме часть оккупированной ею территории, население которой «связано тес-

¹ F. C. Jones, *Japan's New Order in East Asia*, p. 354.

² «Тайхэйё сэно сюкэцурон», стр. 654—655.

³ F. C. Jones, *Japan's New Order in East Asia*, p. 354.

⁴ Там же.

ными узами национального родства с народом Бирмы»¹. Это была попытка заинтересовать «союзную» Бирму в тесных отношениях с Японией, в совместном ведении войны против США и Англии.

В связи с вступлением Бирмы в войну и подписанием «союзного» договора премьер-министр марионеточного правительства Ба Мо заявил, что отныне Бирма будет в союзе с Японией и Германией активно сражаться против общих врагов и что она считает своим «священным долгом» оказывать действительную помощь «дружественной» Японии в достижении победы.

Реорганизации подверглась и бирманская «армия обороны». Отныне в ее обязанность входило вместе с японскими вооруженными силами продолжать войну против США и Англии. Новый командующий японскими войсками в Бирме генерал Кавабэ объявил о формальной ликвидации японской военной администрации.

С явно демагогическими целями японское правительство объявило о безвозмездной передаче правительству Ба Мо недвижимого имущества, принадлежавшего ранее английским и американским подданным.

Однако иллюзорный характер «независимости» Бирмы был очевиден. У Ну в своей книге «Бирма под японским игом», подтверждая призрачный характер «независимости», «дарованной» японскими империалистами, отмечает, что фактически правительство Ба Мо имело ограниченные права и полномочия. Более того, пишет У Ну, «японцы обманули нас, обещая дать независимость, а на деле оставались действительными хозяевами Бирмы»².

Японские интервенты пытались всеми мерами организовать эксплуатацию ресурсов Бирмы. Они поощряли строительство предприятий для переплавки металлолома и производства синтетической нефти. Большое внимание уделялось сельскому хозяйству. В деревнях насаждались сельскохозяйственные «кооперативы», имевшие цель увеличить производство сельскохозяйственных продуктов для снабжения японской армии и вывоза в Японию. Однако урожайность, в особенности риса, непрерывно

¹ «Стенограмма Токійского процесса», стр. 36450, 42009.

² У Ну, Бирма под японским игом. Картины и портреты, М., 1955, стр. 47, 83, 91.

сокращалась, что являлось результатом хищнического хозяйничанья японских оккупантов. Так, урожайность риса в Бирме по сравнению с довоенным уровнем (1940—1941 гг.) уменьшилась: в 1942 г. — на 22% и в 1943 г. — на 15%. Кроме того, оккупанты производили частые реквизиции риса для нужд своей армии. Многие крестьяне забрасывали свои земельные участки и уходили в города. Но японские интервенты с помощью жандармерии возвращали их в деревни и принуждали заниматься сельским хозяйством.

В целях создания политической опоры в помещичье-буржуазных кругах Бирмы японские власти создали тоталитарную партию под названием «Маха Бама Аси Айоун», или «Ассоциация великой Бирмы».

Аналогичную игру в «предоставление независимости» вели японские империалисты и на Филиппинах, где они нашли опору среди части руководителей партии «Националист».

В начале 1943 г. Тодзё на парламентской сессии объявил о намерении Японии в течение ближайшего года предоставить Филиппинам «независимость»¹. Позднее выяснилось, что провозглашение «независимости» оговаривалось рядом условий, в частности обязательством создать филиппинскую армию, которая совместно с японской армией должна была продолжать войну против США и Англии. В марте 3500 филиппинцев дали «клятву верности» японской императорской армии, они-то и должны были составить ядро будущей «союзной» армии Филиппин. В конце апреля японцы создали в Маниле «Лигу бывших солдат» численностью в 6 тыс. человек, которая приняла решение сотрудничать с японской военной администрацией.

После посещения Манилы генералом Тодзё, совершавшим поездку по странам Южных морей, 20 июня 1943 г. был образован подготовительный комитет во главе со старым японским агентом Лаурелем и с участием Варгаса для провозглашения «независимости» и подготовки проекта конституции будущей республики. 26 июня в Токио «Комитет по координации» утвердил программу «независимости» Филиппин, которая преду-

¹ *Касима Мориноскэ*, Тэйкоку-но гайко то дайтоа кёэйкэн, стр. 76.

сматривала создание нового государства на базе японского принципа «восьми углов под одной крышей» («хакко иттю») как звена «сферы сопроцветания» Восточной Азии. В программе говорилось, что в связи с провозглашением «независимости» «новые Филиппины» обязаны будут объявить войну США и Англии и установить тесное сотрудничество с Японией в завершении операций на Тихоокеанском театре. В связи с этим предусматривалось подписание японо-филиппинского союзного договора. «Независимость» намечалось провозгласить в последней декаде сентября 1943 г.¹

Поспешные попытки предоставить Филиппинам «независимость» и тем самым ускорить вступление их в состав подготавливаемого Японией восточноазиатского блока вызывались успехами антияпонской народной армии Хукбалахапа в борьбе против японских оккупантов. В августе 1943 г. эта армия в результате наступления освободила ряд районов Центральной равнины и стала осуществлять контроль над важнейшими коммуникациями японцев на Лусоне. К концу года численность Хукбалахапа увеличилась в сравнении с началом 1943 г. в 1,5 раза².

5 сентября 1943 г. члены подготовительной комиссии по провозглашению «независимости» Филиппин, в числе которых были открытые предатели филиппинского народа — Лаурель, Рохас, Варгас, Ректо, Акино, Агинальдо и др., — провозгласили конституцию «новых Филиппин». Через два дня ее одобрил съезд «Калибапи», незаконно принявший на себя функции учредительного собрания. Как справедливо указывает Абайя, «конституция марионеточной республики Лауреля была пересказом японской конституции». Национальное собрание, созданное на основе новой конституции, 25 сентября послушно «избрало» Лауреля президентом республики Филиппин³.

30 сентября Лаурель, Варгас и Акино вылетели на самолете в Токио. По завершении переговоров с Тодзэ,

¹ *Хаттори Такусиро*, Дайтоа сэно дзэнси, т. 4, стр. 90—91.

² *Г. И. Левинсон*, Филиппины вчера и сегодня, М., 1959, стр. 50, 51. Лаурель, напуганный ростом партизанского движения, не надеясь на силы марионеточных властей, 5 августа 1943 г. заявил, что в случае необходимости «мы попросим японские вооруженные силы оказать нам поддержку в переходный период» (см. *Э. Х. Абайя*, Предательство на Филиппинах, М., 1948, стр. 45).

³ *Э. Х. Абайя*, Предательство на Филиппинах, стр. 45, 47.

14 октября 1943 г., было декларировано образование «республики» Филиппин, утверждение Лауреля ее первым президентом и заключение японо-филиппинского «союзного» договора¹. Варгас получил назначение на пост посла марионеточной республики в Токио, Мурата Сёдзо остался послом Японии в Маниле.

Одновременно с провозглашением «независимости» Филиппин «Калибапи» была реорганизована в политическую партию со следующими задачами: 1) «защищать республику»; 2) «убедить филиппинцев в том, что они обретут безопасность и что их счастье зависит от увековечения независимости»; 3) «участвовать в сфере сотрудничества».

Создание «республики» и реорганизация «Калибапи» отвечали интересам как японских интервентов, так и буржуазно-помещичьих кругов Филиппин. Помогая оккупантам в эксплуатации природных богатств Филиппин (железной руды, меди, хрома, вольфрама), многие коллаборационисты во главе с Лаурелем стали «миллионерами песо»². Они оказывали большую помощь японским империалистам в наборе рабочей силы для промышленности и обеспечивали мобилизацию населения в филиппинскую марионеточную армию.

Согласно «союзному» договору, Япония и Филиппины обязались сохранять дружественные отношения и оказывать взаимопомощь в ведении войны, в развитии экономики и создании «новой Восточной Азии». 14 октября 1943 г. «союзный» договор одобрило так называемое национальное собрание Филиппин. В связи с подписанием и ратификацией этого договора командующий японскими войсками генерал-лейтенант Курода Сигэтоку заявил о ликвидации японской военной администрации и выводе с Филиппин японских экспедиционных сил³. Однако это обещание не было выполнено. Японская пропаганда в свою очередь утверждала, что «союзный» до-

¹ R. Bersihand, Histoire du Japon des origines a nos jours, p. 405; Хаттори Такусиро, Дайтоа сэно дзэнси, т. 4, стр. 91. Текст «союзного договора» между Японией и Филиппинами от 14 октября 1943 г. см. «Тайхэйё сэно сюкэцурон», стр. 655—657. Заявление информбюро правительства Тодзё в связи с заключением договора см. «Contemporary Japan», October 1943, p. 1335—1336.

² P. E. Eckel, The Far East since 1500, p. 713.

³ Хаттори Такусиро, Дайтоа сэно дзэнси, т. 4, стр. 91; «Contemporary Japan», October 1943, p. 1213—1214.

говор носит равноправный характер и якобы открывает «новую эру» в истории Филиппин. «Независимость» Филиппин была признана лишь Германией, Италией, Испанией, Маньчжоу-го, Таиландом, Бирмой и правительством Ван Цзин-вэя.

Дальнейшее ухудшение военного положения Японии заставило ее правящие круги принять дополнительные меры для усиления эксплуатации материальных ресурсов Индокитая и Таиланда.

25 января 1943 г. было подписано новое экономическое соглашение о тарифах, торговле и расчетах между Японией и Индокитаем. Оно, в частности, намечало увеличение поставок риса в Японию на 20% по сравнению с предыдущим годом. Не ограничившись этим, японцы навязали Индокитаю 4 марта того же года новый договор, который предусматривал: аннулирование всяких ограничений для японских капиталистов в приобретении ими земель и различных привилегий; упрощение формальностей в получении виз для въезда японцев в Индокитай; увеличение экспорта в Японию каменного угля и фосфатов. В конце 1943 г. обе страны подписали дополнительное соглашение, которое увеличивало объем ввоза в Японию индокитайского риса. В итоге в течение 1940—1944 гг. Япония вывезла из Индокитая около 3,6 млн. т риса и 255 тыс. т кукурузы¹.

Помимо экономических договоров, Япония заключила с Индокитаем политические и военные соглашения. 17 февраля 1943 г. японские войска «с согласия» марионеточных властей Виши оккупировали арендованную в 1899 г. Францией территорию Гуанчжоувань в южной части провинции Гуандун.

22 апреля Япония и Индокитай опубликовали подписанное Аоки Кадзуо и вице-адмиралом Деку совместное заявление о необходимости усиления сотрудничества между обоими государствами². Оно обязывало Индокитай принять непосредственно участие в войне против США и Англии.

В течение 1943 г. Япония попыталась еще больше укрепить свои отношения с Таиландом и всячески заин-

¹ А. П. Шилтова, В. Ф. Мордвинов, Национально-освободительное движение во Вьетнаме (1858—1945), М., 1958, стр. 127.

² «Contemporary Japan», June 1943.

тересовать его в совместном ведении войны против США и Англии. Именно с этой целью министр по делам Восточной Азии Аоки в апреле месяце посетил Бангкок, где вел переговоры с премьер-министром и министром иностранных дел Таиланда.

Вскоре, 31 мая, на имперской конференции в Токио было принято решение о передаче Таиланду четырех княжеств Малайи (Перлис, Кеда, Келантан и Тренгану) площадью около 15 тыс. кв. миль и двух шаньских княжеств (Кентун и Монгпан) площадью в 12 тыс. кв. миль¹. 26 июня это решение было одобрено «Комитетом по координации»². Во время пребывания в Бангкоке в начале июля Тодзэ сделал официальное заявление о передаче Таиланду упомянутых малайских и шаньских княжеств. В ходе переговоров Тодзэ с Пибунсонграмом была достигнута договоренность о совместных военных действиях против США и Англии. Япония со своей стороны обещала защищать «независимость» и «самостоятельность» Таиланда и оказывать его правительству всестороннюю поддержку³. Позднее, 20 августа, в Бангкоке по этим вопросам был заключен японо-тайландский договор.

Попытки японской буржуазной прессы представить этот договор как «акт взаимопомощи» и «совместной борьбы» против США и Англии не могли скрыть того факта, что Таиланд в военном, политическом и экономическом отношениях оказывался в полном подчинении Японии.

Японские оккупационные власти в Таиланде, исходя из военных целей, предприняли большое железнодорожное строительство. В течение ноября 1942 г. — октября 1943 г. они построили Таиландо-Бирманскую железную дорогу длиной в 415 км. Для этого были использованы японские воинские части, военнопленные (главным образом английские и австралийские солдаты), рабочие-кули. По признанию самих японцев, строительство дороги стоило жизни 10 тыс. японских солдат, 10 тыс.

¹ «Contemporary Japan», September 1943, p. 1210; October 1943, p. 1332; «Стенограмма Токийского процесса», стр. 36458—36459.

² См. Хаттори Такусиро, Дайтоа сэно дзэнси, т. 4, стр. 95.

³ Совместное коммюнике о подписании соглашения между Японией и Таиландом было опубликовано 5 июля 1943 г. («Contemporary Japan», July 1943, p. 937—938).

военнопленных и 30 тыс. рабочих-кули, а по другим данным, общее число погибших достигло 63 тыс.¹

В течение 1943 г. японские империалисты предприняли ряд мер в целях укрепления своих политических позиций и в оккупированном Китае. 9 января 1943 г. японский посол в Нанкине Сигэмицу и Ван Цзин-вэй подписали совместную декларацию относительно «сотрудничества в завершении войны»; она предусматривала объявление нанкинским «правительством» войны США и Англии и оказание им военной, политической и экономической помощи Японии в целях завершения войны². В тот же день правительство Тодзё опубликовало декларацию о возвращении Китаю находившихся на его территории японских концессий и об отказе Японии от экстерриториальных прав, насильственно приобретенных ею в прошлом веке³.

Этот «новый курс» в отношении Китая японские империалисты противопоставили некоторым дипломатическим мероприятиям США и Англии. Еще 10 октября 1942 г., в годовщину основания Китайской республики, правительства США и Англии сделали предварительное заявление об отмене системы экстерриториальности в Китае. В ответ на декларацию Японии от 9 января 1943 г. Соединенные Штаты подписали через два дня договор с правительством Китая (соглашение Хэлл-Вэй Дао-мин) о ликвидации экстерриториальных и специальных прав США в Китае⁴. 11 января подобного рода соглашение заключили между собой Англия и Китай. Контрмеры США и Англии в Китае заставили японских империалистов поспешить с реализацией своих деклараций о передаче марионеточному правительству Ван Цзин-вэй японских концессий и об отказе Японии от экстерриториальных прав. 14 марта 1943 г., через два дня после прибытия в Нанкин японского премьер-министра Тодзё, было подписано японо-китайское соглашение о передаче нанкинскому «правительству» японских концессий, находившихся на оккупированной террито-

¹ F. C. Jones, *Japan's New Order in East Asia*, p. 346—347.

² «Тайхэйё сэно сюкэцурун», стр. 651.

³ «Contemporary Japan», January 1943, p. 155—156.

⁴ Текст договора между США и Китаем от 11 января 1943 г. см. «United States Relations with China», Department of State Publication, New York, 1949, p. 514—517.

рии, и об отказе Японии от экстерриториальных прав в Китае¹. В конце марта информбюро японского кабинета министров объявило о возвращении Китаю острова Гулансу². В апреле 1943 г. нанкинскому «правительству» была передана большая часть предприятий, находившихся под контролем японских оккупационных властей.

Новый японский посол в Нанкине Тани Масаюки приступил к переговорам относительно дальнейшего осуществления «нового курса» в отношении Китая. В течение 23—30 июня 1943 г. между Тани и министром иностранных дел нанкинскому «правительства» Чжу Мин-и велись переговоры о передаче этому правительству международного селтльмента в Шанхае. Они завершились 30 июля подписанием соответствующего соглашения³. Было объявлено также о передаче имущества, захваченного японскими войсками в Ханькоу, Амое, Кантоне. Таким образом, Япония передала нанкинскому «правительству» большое количество предприятий, принадлежавших ранее Англии, США и другим иностранным государствам.

Действия Японии были рассчитаны на обман китайского народа. В действительности они ставили целью подрыв позиций США и Англии в Китае и создание благоприятных условий для установления в этой стране монопольного господства японских империалистов.

Провозглашение «нового курса» Японии в отношении оккупированного Китая, а также заключение соглашения о передаче нанкинскому «правительству» международного селтльмента в Шанхае и большого количества промышленных и торговых предприятий, ранее принадлежавших западным державам, сопровождалось широкой пропагандистской кампанией в японской буржуазной прессе относительно необходимости «полного согласия» для завершения «великой восточноазиатской войны». Одновременно выдвигались и определенные требования к нанкинскому «правительству».

Характерной в этом отношении являлась статья Окура Киммоти в июльском номере журнала «Тихий

¹ «Contemporary Japan», March 1943, p. 377.

² «Contemporary Japan», April 1943, p. 520—521.

³ «Contemporary Japan», July 1943, p. 931—932.

океан» («Тайхэйё»). Автор, выразив притворное удивление по поводу того, что Япония и Китай находятся столь длительное время в состоянии войны, утверждал, что только коренное разрешение спора между этими двумя странами может привести к действительному завершению войны. Окура указал далее, что без полного согласия трех держав — Японии, Маньчжоу-го и Китая — не может быть и речи о создании «сферы сопроцветания» в Восточной Азии. Признав, что разрешение «китайской проблемы» является для Японии крайне неотложным делом, автор выдвинул целую серию требований в отношении Китая. Важнейшими из них были: 1) полное признание важности «сферы сопроцветания великой Восточной Азии» и участие в ней Китая; 2) сотрудничество в осуществлении плана «самообеспечения» трех стран — Японии, Маньчжоу-го и Китая; 3) полное признание «реальных сил» Японии и «доверие в отношении завершения великой восточноазиатской войны»; 4) последовательное проведение «дружеского воспитания» Японии и Китая; 5) полное уничтожение Коммунистической партии (Китай. — Д. Г.) и 6) распространение японо-китайской культуры¹.

Детали реализации «нового курса» Японии в оккупированном Китае определились 18 сентября, после обсуждения вопроса на заседании «Комитета по координации». В решении обосновывалась необходимость пересмотра существующих договорных отношений между Японией и правительством Ван Цзин-вэй в целях «разрешения китайской проблемы», для чего намечалось усиление сотрудничества в завершении войны².

22 сентября 1943 г. Ван Цзин-вэй нанес визит в Токио. Цель его посещения состояла в том, чтобы добиться дальнейшего укрепления союзных отношений, завуалированной декларацией о «координации усилий Японии и Китая». Выступая на пресс-конференции, Ван Цзин-вэй повторил сделанное им еще в декабре 1942 г. заявление, что «Китай готов либо добиться счастья совместно

¹ Окура Киммоти, Синси синсэйсаку то тайки ёбо (Новая политика нового Китая и требования в отношении Китая), «Тайхэйё», июль 1943 г., стр. 2, 6—7.

² Хаттори Такусиро, Дайтоа сэнсо дзэнси, т. 4, стр. 96—97.

с Японией, либо погибнуть вместе с ней». Токийскому визиту Ван Цзин-вэя предшествовало предоставление в начале сентября нанкинскому «правительству» нового японского займа в сумме 320 млн. юаней, имевшего специальную цель — обеспечить закупки вооружения в Японии.

После передачи правительству Ван Цзин-вэя международного септльмента в Шанхае, французской и итальянской концессий в Тяньцзине, а также многочисленных промышленных предприятий японский посол в Нанкине Тани подписал 30 октября 1943 г. новый японо-китайский «союзный договор». Он предусматривал: обязательство Японии и Китая взаимно уважать друг друга и территориальную целостность обоих государств; тесное взаимное сотрудничество в «строительстве» Восточной Азии и ее «стабилизации»; заключение двустороннего экономического союза на основе принципа взаимного благоприятствования. К «союзному договору» прилагался протокол, согласно которому Япония брала на себя обязательство вывести свои экспедиционные войска из Китая после окончания войны и установления всеобщего мира, а также отказывалась от своих специальных прав в Китае, полученных на основе так называемого Боксерского протокола¹.

«Союзный договор» и дополнительный протокол, подписанные 30 октября 1943 г., являлись дальнейшим развитием ранее заключенных Японией и правительством Ван Цзин-вэя неравноправных японо-китайских соглашений. Как и предыдущие, они имели цель использовать военные силы и экономические ресурсы партнера для продолжения военных операций в Китае и на Тихоокеанском театре.

Одной из составных частей «нового курса» Японии в отношении Китая являлся также план слияния нанкинского и чунцинского правительств и создание единого реакционного правительства всего Китая. Стремясь перетянуть на свою сторону правительство Чан Кай-ши, в котором большое влияние имели прояпонские элементы во главе с генералом Хэ Ин-цинем, японские империалисты пытались доказать отсутствие разногласий между

¹ Текст «союзного договора» и дополнительного протокола см. «Contemporary Japan», November 1943, p. 1531—1532.

двумя этими правительствами и, более того, общность их целей.

Появление «нового курса» в отношении Китая и мероприятия, осуществленные японскими империалистами, имели свои причины. Помимо намерения укрепить отношения со своим китайским сателлитом японские империалисты стремились усилить «пятую колонну» — про-японские элементы в правящей партии гоминдан — и с ее помощью взорвать единый национальный антияпонский фронт. Таким путем они хотели добиться наконец капитуляции китайского народа, героическое сопротивление которого под руководством Коммунистической партии Китая препятствовало ведению военных операций на Тихоокеанском театре. Они хотели руками китайцев превратить Китай в японскую колонию, распространить свою власть на всю его территорию.

Не ограничиваясь прямым нажимом и посулами, японские империалисты предприняли в мае 1943 г. новое наступление в западной части провинции Хубэй и в северной части провинции Хунань. Таким образом они хотели оказать давление на клику Чан Кай-ши и заставить ее заключить мирное соглашение на выгодных для Японии условиях.

Однако попытки японских правящих кругов путем новых наступательных операций в Китае добиться передела на Японо-китайском фронте, чтобы поправить свои дела, пошатнувшиеся на Тихоокеанском театре, и восстановить престиж «непобедимой» японской армии, не увенчались успехом. Японские экспедиционные войска оказались не в состоянии преодолеть сопротивление национально-революционных армий, ставших грозной силой для интервентов, и были вынуждены вести операции в ограниченных размерах.

В результате укрепления военной и политической мощи Освобожденных районов, представлявших базу сил китайской демократии и прогресса, национально-революционные армии добились ряда новых успехов. В течение 1943 г. части одной только 8-й армии провели 24 тыс. боев с противником, нанеся ему значительный урон. Количество бойцов 8-й и Новой 4-й армий возросло до 465 тыс. человек¹. Рост численности и боеспособности

¹ «Новая и новейшая история Китая», М., 1950, стр. 235.

национально-революционных армий позволил им перейти в частичное контрнаступление, приведшее к дальнейшему территориальному расширению Освобожденных районов, к укреплению общего фронта сопротивления японским интервентам, к росту политического доверия народных масс к Коммунистической партии Китая. Намечавшееся на лето 1943 г. широкое наступление чанкайшистских войск на Освобожденные районы оказалось сорванным. Оно являлось продолжением антинациональной линии, которую и после Пёрл-Харбора проводила клика Чан Кай-ши, сосредоточившая свои главные силы против вооруженных сил китайской демократии.

Однако коренные изменения, происшедшие на Советско-германском фронте, и укрепление сил китайской демократии заставили китайских реакционеров отсрочить очередной поход против Освобожденных районов. Все эти факторы явились главными причинами краха попыток Японии и реакционной клики Чан Кай-ши заключить капитулянтский японо-китайский мир.

Переход японских вооруженных сил на Тихоокеанском театре к стратегической обороне, превращение войны в затяжную, резкое ухудшение экономического положения Японии заставили ее правящие круги существенно изменить политику и в отношении своих старых колоний — Кореи и Тайваня. Положение на фронтах в Китае и на Тихом океане заставило их пересмотреть вопрос о наборе в армию и в военно-морской флот корейцев и китайцев, проживавших на Тайване и до этого не подлежавших мобилизации.

Наряду с усилением грабежа сельскохозяйственных ресурсов Кореи японские интервенты требовали от корейских рабочих повышения производительности труда и увеличения промышленной продукции. Подобного рода требования содержались в обращениях генерала Коисо, выдвинувшего лозунг создания «послушной Кореи». Японские империалисты стали производить набор корейских рабочих для отправки на работу в Японию, а также усилили вербовку корейцев для переселения в Маньчжоу-го.

С осени 1942 г. они стали уделять серьезное внимание вовлечению корейцев и китайцев с Тайваня в японские вооруженные силы, что вызывалось крупными поте-

рями японских вооруженных сил. Японские власти в Корее ввели систему специального военного обучения корейской молодежи. Эта система являлась составной частью «системы добровольного вступления в армию». Новый порядок обучения предусматривал обязательную военную подготовку юношей в возрасте от 17 до 21 года; мужчины в возрасте до 30 лет обязаны были проходить военное обучение «добровольно»¹. Эти мероприятия фактически означали установление системы всеобщей воинской повинности. В 1943 г. стали создаваться «студенческие военные формирования» и была введена система «добровольного поступления в военно-морской флот»². Генерал-губернатор колонии специальным приказом объявил обязательным военное обучение женщин.

Мобилизационные меры были проведены и на Тайване. Японский генерал-губернатор объявил в конце января 1943 г. мобилизацию мужского населения в японскую армию, причем намечалось призвать 430 тыс. человек. Большое внимание, как и в Корее, уделялось набору в армию молодежи, чем ведал специально созданный штаб. 10 мая 1943 г. правительство Тодзё издало закон о наборе корейцев и китайцев, проживавших на Тайване, в военно-морской флот Японии. Однако осуществлению этих планов препятствовало упорное сопротивление населения оккупированных Кореи и Тайваня.

После предоставления ряду стран «автономии» и «независимости» и подписания «союзных» соглашений с марионеточными правительствами захваченных стран правительство Тодзё решило завершить все эти мероприятия созданием широкого восточноазиатского военно-политического и экономического блока. С этой целью в Токио была созвана «конференция стран Восточной Азии» («Дайтоа кайги»), происходившая 5—6 ноября 1943 г.³ На этой конференции присутствовали: Тодзё и

¹ «Очерки по истории освободительной борьбы корейского народа», М., 1953, стр. 284.

² Там же.

³ Решение о созыве конференции стран Восточной Азии было принято в конце мая 1943 г. «Комитетом по координации» и имперским совещанием, которые в качестве задач конференции определили совместное завершение войны и построение «сферы процветания» («Сюээнсирую», Токио, 1952, стр. 65—66).

Сигэмицу (Япония), Чжан Цзин-хой (Маньчжоу-го), Ван Цзин-вэй, Чжоу Фу-хай и Чжу Мин-и (оккупированный Китай), Лаурель (Филиппины), Ба Мо (Бирма), Субхас Чандра Босс («Свободная Индия») и Вайтхаякон (Таиланд).

В итоге обсуждения задач Японии и ее «союзников» конференция шести стран приняла «Совместную декларацию великой Восточной Азии» («Дайтоа кёдо сэнгэн»), которой было дано претенциозное название «восточноазиатской хартии»¹.

Совместная декларация шести стран Восточной Азии является на редкость демагогическим документом, характерным для японской агрессивной дипломатии периода минувшей войны. В ней говорилось о «взаимном тесном сотрудничестве» и «помощи», о необходимости совместных действий всех стран Восточной Азии для успешного завершения войны и построения «нового порядка». Агрессивные цели восточноазиатского блока прикрывались лицемерными фразами о «братстве наций», «справедливости», «общем процветании и взаимном благополучии», о «прогнесе всего человечества». Японские правящие круги намеревались противопоставить конференцию стран Восточной Азии декларациям и решениям, принятым на Каирской и Тегеранской конференциях.

Значение конференции стран Восточной Азии нередко фальсифицируется различными буржуазными авторами. Касэ в своих мемуарах, например, считает, что она ставила целью дипломатическими средствами добиться прекращения войны. В действительности же созыв конференции был рассчитан на то, чтобы изыскать новые средства для продолжения войны, т. е. для проведения официального внешнеполитического курса правительства Тодзё.

Таким образом, мероприятия японских империалистов, осуществленные ими в 1943 г. на оккупированных территориях Юго-Восточной Азии, стран Южных морей,

¹ Текст совместной декларации конференции шести стран Восточной Азии см.: *Того Сигэнори*, Дзидай-но итимэн. Дайсэн гайко-но сюки (Облик эпохи. Дневник дипломатии великой войны), Токио, 1952, стр. 310—311; *Сигэмицу Мамору*, Сёва-но доран (Потрясения периода Сёва), т. 2, Токио, 1952, стр. 323—324.

а также в оккупированной части Китая и Корею, предусматривали создание под эгидой Японии широкого и прочного восточноазиатского военного, политического и экономического блока. Образование этого блока преследовало определенные цели, тесно связанные с международным и внутренним положением Японии.

Распад фашистского блока усиливал изоляцию Японии на международной арене и заставлял ее правящие круги искать новые средства для ликвидации последствий этой изоляции. Важнейшим из них и считалось образование восточноазиатского блока. Все участвовавшие поражения Японии на Тихоокеанском театре увеличивали опасность потери захваченных на начальном этапе военных действий территорий и ставили под угрозу построение японского «нового порядка», или «сферы процветания», на Дальнем Востоке. Поэтому создание восточноазиатского блока рассматривалось японскими империалистами как важнейшее мероприятие для защиты оккупированных территорий и построения «нового порядка». С этой целью они и осуществляли демагогические планы предоставления оккупированным странам «автономии» и «независимости». Опираясь на компрадорские круги буржуазии этих стран, японские империалисты стремились заставить колониальные народы с оружием в руках защищать империалистические интересы Японии.

Своими мероприятиями в оккупированных странах и лживой пропагандой о «равноправии» восточноазиатских народов японские оккупанты намеревались также ослабить антияпонскую, антиимпериалистическую борьбу колониальных народов, расколоть единый фронт в тех странах, где он был создан, и не допустить его образования там, где он еще формировался.

Японские «дзайбацу» рассматривали восточноазиатский блок как средство, которое могло бы гарантировать получение монопольно высоких прибылей за счет колониальной эксплуатации народов оккупированных стран. Большую выгоду извлекали ведущие японские концерны Мицуи и Мицубиси. Первый из них, в частности, эксплуатировал медные рудники в Лепанто (Филиппины) и судостроительные верфи в Сянгане. Второй стал обладателем залежей фосфатов в Индокитае и судостроительных верфей в Сингапуре.

Однако образование восточноазиатского блока не могло улучшить и действительно не улучшило положения Японии, так как он строился на порочной, империалистической основе и потому не только не устранил противоречий между Японией и оккупированными странами, а, напротив, обострил их. Уже вскоре после оккупации стран Юго-Восточной Азии и Южных морей стало очевидно, что новый режим, установленный японскими интервентами, оказался таким же тяжелым, как и прежний колониальный гнет. «Союзные» договоры заставляли народы захваченных стран принять на себя обязанности по ведению войны против США и Англии. Людские и материальные ресурсы оккупированных стран полностью подчинялись агрессивным целям японских милитаристов, и прежде всего продолжению военных действий на Тихом океане. Даже буржуазным националистическим кругам оккупированных стран стало очевидно, что расистский лозунг «Азия для азиатов» фактически означал «Азия для японцев»¹. Подлинную сущность этого лозунга раскрывали действия оккупационных властей. На захваченной территории, несмотря на существование марионеточных правительств и различных совещательных органов, вся власть находилась в руках оккупантов. Японские гарнизоны размещались во всех важнейших населенных пунктах. Они обеспечивали «дзайбацу» условия для эксплуатации важнейших богатств оккупированных районов. Японские правящие круги навязывали своим «независимым союзникам» экономическую политику, наносившую большой урон их народному хозяйству. К этому следует добавить политику японизации культуры всех захваченных стран.

В силу всех этих факторов восточноазиатский блок, поспешно создававшийся японскими империалистами, таил в себе внутренние неразрешимые противоречия и оказался крайне непрочным. Кроме того, крупные потери военного и в особенности торгового флота, утрата Японией господства на море и в воздухе являлись серьезным препятствием для обеспечения коммуникаций с оккупированными странами, большой преградой для вывоза в Японию награбленных ресурсов этих госу-

¹ Это был вынужден признать и Маки (*J. M. Maki, Japanese Militarism. Its Cause and Cure, New York, 1945, p. 3.*)

дарств и, следовательно, для пополнения запасов сырья и военно-стратегических материалов. Поэтому восточно-азиатский блок не мог иметь реального значения ни в военном, ни в политическом, ни в экономическом отношении.

Внутренняя политика правительства Тодзё

Наряду с мероприятиями на оккупированных территориях правительство Тодзё предприняло ряд внутренних мер экономического и политического характера, чтобы обеспечить продолжение войны против США и Англии и добиться перелома в пользу Японии.

Особое значение имели экономические мероприятия.

Главное внимание по-прежнему направлялось на развитие тяжелой промышленности, на производство всех видов вооружения. Если общий индекс промышленной продукции (1934—1936 гг. = 100) в 1943 г. составил 190,5, то индекс продукции металлургической промышленности равнялся 243,4 и машиностроительной промышленности — 315,3¹. Производство чугуна достигло 4,1 млн. т, выплавка стали равнялась 7,8 млн. т, электроэнергии получено 38,6 млрд. квт-ч. Это был максимум военных лет².

Несмотря на все меры правительства по стимулированию роста промышленности первого подразделения, Япония отставала от США, в особенности по производству вооружения, в котором ощущалась острая нужда. Так, выпуск самолетов в 1943 г. составил в Японии 16 693 машины, а в Соединенных Штатах он достиг 85 898 самолетов³, т. е. был в 5 раз больше, чем в Японии. Производство танков и других боевых машин в том же году составило в Японии 2780 машин, а в Соединенных Штатах производство лишь одних танков достигло 29 497⁴. В Японии были построены и введены в строй

¹ «Нихон токэй нэнкан 1950», стр. 174—175.

² «Экономика капиталистических стран после второй мировой войны. Статистический сборник», М., 1959, стр. 133, 137, 960.

³ «USSBS, The Effects of Strategic Bombing on Japan's War Economy», р. 222; *Мория Фумио*, Нихон сихонсюги хаттацуси, стр. 275.

⁴ *W. H. McNeil, America, Britain and Russia...*, p. 229.

военные суда водоизмещением в 256 тыс. т¹ и торговые суда водоизмещением в 1 067,1 тыс. т². В США же было построено только торговых судов водоизмещением в 19,3 млн. т³. Увеличение производства вооружения сопровождалось, как и в первый год войны, сокращением мирных отраслей промышленности.

Японские «дзайбацу» все больше подчиняли себе государственный аппарат, используя для извлечения монопольно высоких прибылей средства «регулирования» и «контроля» над руководящими экономическими органами и важнейшими отраслями промышленности. В июне 1943 г. в Японии была образована правительственная комиссия по контролю над производством стали и железа. Интенсивно работали правительственные «инспекции», задачей которых являлось увеличение выпуска продукции важнейшими отраслями промышленности.

Тогда же, в июне 1943 г., правительство произвело разделение промышленности на три группы: 1) чугун, сталь, уголь, легкие металлы, судостроение и самолетостроение; 2) текстиль, стекло, керамическое производство; 3) остальные отрасли, которые нельзя было использовать для военных целей⁴. Этот акт явился юридическим оформлением привилегированного положения военных отраслей промышленности (первая группа) в целях преимущественного их развития как за счет их дальнейшего расширения и увеличения производства вооружения, так и за счет свертывания мирных отраслей промышленности.

Особую тревогу у японских империалистов вызвало положение сельского хозяйства и тесно связанная с ним продовольственная проблема. В связи с частыми дополнительными мобилизациями сельское хозяйство в 1943 г. испытывало большие затруднения. В нем не хватало рабочей силы, сильно ощущался недостаток удобрений и

¹ «USSBS, The Effects of Strategic Bombing on Japan's War Economy», p. 27.

² «Сирё Нихонси», т. 2, стр. 234. Потери японского торгового флота в 1943 г. составили 2065,7 тыс. т (там же).

³ W. H. McNeil, America, Britain and Russia., p. 229.

⁴ «World Economic Review 1942/44», League of Nations, Geneva, 1945, p. 49.

семян для посевов. Это осложняло продовольственное положение страны.

Важное значение имели меры и в области финансов. 81-я парламентская сессия, заседавшая с 26 декабря 1942 г. по 26 марта 1943 г., утвердила на 1943/44 г. так называемый «бюджет решительного наступления». Чрезвычайные военные расходы в 1943 г. составили 29,8 млрд. иен, или 78,5% общих государственных расходов¹.

Эта же сессия одобрила законопроекты о контроле над расходованием всех видов ресурсов и над продовольственным снабжением, о налогах, в частности о введении дополнительного налога на различные предметы широкого потребления, об увеличении цен на некоторые продукты и товары на 45—80%, а также ряд финансовых законов, предусматривавших мобилизацию средств населения на ведение войны.

В начале 1943 г. японские империалисты провели ряд организационных мер, имевших целью улучшить военное положение страны и консолидировать его политическое руководство. В дни работы 81-й парламентской сессии были созданы «Консультативный совет кабинета министров» и «Руководящий административный совет», а в марте введена система советников при кабинете министров. Советниками стали семь промышленных и финансовых магнатов, которые совместно с членами правительства образовали «Высший экономический совет», руководящий экономический орган Японии, в котором ведущую роль играли представители «дзайбацу». Вместе с тем значительно расширились права премьер-министра².

Ввиду недостатка рабочей силы в мае 1943 г. была введена в действие «Основная программа реорганизации трудовых патриотических отрядов»³.

Указанные выше меры, ставившие целью «стабилизацию национальной жизни», являлись составной частью «тотальной мобилизации», которая по мере ухудшения положения Японии принимала все более широкие размеры.

¹ *Тояма Сигэки, Имаи Сэйити, Фудзивара Акира, Сёваси*, стр. 242 (данные министерства финансов Японии).

² «Тайхэйэй сэнсоси», т. III, стр. 213.

³ *Мория Фумио, Нихон сихонсюги хаттацуси*, стр. 274.

Обсуждение неотложных мероприятий, которые, по мнению правящих кругов Японии, должны были обеспечить продолжение авантюристической войны, происходило и на последующих сессиях японского парламента.

82-я парламентская сессия (16—19 июня 1943 г.) утвердила в окончательном виде бюджет и сумму выпуска займов на 1943/44 бюджетный год. Правительство внесло на одобрение парламента законопроекты о реорганизации предприятий, о сокращении всех перевозок, не связанных с войной, о пересмотре уголовного кодекса военного времени. На сессии был сделан ряд интерпелляций относительно неотложных мероприятий для ликвидации недостатка продовольствия и реорганизации предприятий. Все правительственные законопроекты, как констатирует в своих «Воспоминаниях» Хатояма Итиро, имели целью не только укрепить положение кабинета, но, главное, еще больше усилить диктаторскую власть Тодзё¹.

Несмотря на предложение правительством ряда срочных мероприятий, руководящие военные и политические деятели в выступлениях на сессии выражали беспокойство по поводу перспектив войны. Так, даже в речи премьер-министра и военного министра генерала Тодзё признавалось, что военная ситуация становится с каждым днем все серьезнее².

Одним из важных организационных мероприятий, которые правительство Тодзё осуществило в порядке реализации решений 82-й сессии, явилось введение с 1 июля 1943 г. нового административного деления страны, согласно которому страна делилась на 9 областей, каждая из которых состояла из нескольких префектур и непосредственно подчинялась правительству³.

Японское правительство решило ввести новую административную структуру страны, руководствуясь определенными причинами, тесно связанными с планами ведения войны. Оно стремилось осуществить большую централизацию управления страной и упростить контроль

¹ *Хатояма Итиро*, Хатояма Итиро кайкорoku (Воспоминания Хатояма Итиро), Токио, 1957, стр. 16—20.

² Речь Тодзё на 82-й парламентской сессии от 16 июня 1943 г. см. «Contemporary Japan», June 1943, p. 788—794.

³ *Т. А. Биссон*, Военная экономика Японии, М., 1949, стр. 186.

над экономикой. Поэтому новое административное деление совпадало с экономическим районированием Японии.

Новая административная структура была рассчитана и на то, чтобы эффективнее осуществлять «тотальную мобилизацию» материальных и людских ресурсов страны для удовлетворения все возрастающих военных нужд. Вместе с тем японское правительство получало возможность принудительно осуществлять объединение и, следовательно, укрупнение различных предприятий, концернов и трестов, еще больше сокращать невоенные отрасли промышленности и под предлогом «нерентабельности» закрывать предприятия либо передавать их военной промышленности.

Все эти мероприятия свидетельствовали о том, что, несмотря на успехи, достигнутые на начальном этапе первого периода военных действий на Тихом океане, японские правящие круги вскоре убедились в провале «молниеносной войны». Выдвигая вначале лозунг: «Бороться и победить во второй год войны», они оказались вынужденными снять его.

Поскольку экономические и политические мероприятия кабинета Тодзё давали незначительный эффект, а военное и экономическое положение Японии продолжало ухудшаться, правительство решило провести ряд новых экстраординарных мер. Их обсуждению посвящалась 83-я чрезвычайная сессия японского парламента (26—29 октября 1943 г.).

Парламентская сессия проходила в крайне неблагоприятной для Японии международной обстановке. Поражения войск гитлеровской Германии означали провал расчетов ее дальневосточного союзника, грозя сорвать широкие империалистические планы Японии и одновременно усиливая ее изоляцию на международной арене.

Японский парламент санкционировал внесенные правительством законопроекты, основной целью которых являлась «тотальная мобилизация» всех сил и ресурсов страны на ведение войны в условиях «критической» и «чрезвычайно тяжелой» обстановки. Они предусматривали дальнейшее расширение военного производства, в особенности самолетостроения и судостроения. По предложению правительства решено было передать в руки правительства управление всеми промышленными ком-

паниями, имевшими отношение к производству вооружения.

В заключение сессия, одобрявшая 14 законопроектов военного времени, приняла специальную резолюцию «о всеобщем подъеме на борьбу миллиардного населения Восточной Азии», в которой содержался призыв ко всем восточноазиатским народам подняться на «священную оборонительную войну».

Японская буржуазная печать широко рекламировала работу 83-й парламентской сессии, называя ее «парламентом кэссэн»¹.

Через несколько дней после окончания сессии, 1 ноября 1943 г., японское правительство осуществило новую важную организационную меру. Оно создало министерство вооружений взамен министерства торговли и промышленности и планового бюро кабинета².

Образование нового министерства, которое по совместительству возглавил Тодзё, диктовалось необходимостью обеспечить максимальную и срочную тотальную мобилизацию материальных ресурсов, в частности усиление военной промышленности.

Таковы мероприятия японских империалистов во внутренней политике, осуществленные в течение 1943 г. и рассчитанные на то, чтобы обеспечить продолжение войны против США и Англии, добиться в конечном счете перелома на Тихоокеанском театре в пользу Японии и сохранить захваченные территории.

Возникновение в правящих кругах Японии политических групп, стоящих за прекращение войны

Решающие поражения, которые нанесли Советские Вооруженные Силы немецко-фашистским войскам под Москвой, на берегах Волги и в районе Курска, создавшие благоприятные условия для коренного перелома и на других театрах второй мировой войны, способствовали возникновению глубокого кризиса в правящих кругах Японии. Они показали наиболее трезвым политическим деятелям страны всю иллюзорность надежд на победоносное завершение большой войны Японии против

¹ «Кэссэн» буквально — развязка, решительное сражение, финал.

² *Тояма Сигэки, Имаи Сэйити, Фудзивара Акира, Сёваси,* стр. 218.

Китая, США и Англии; более того, они предвещали неизбежность гибели японского империалистического государства в случае военного нападения на Советский Союз.

Коренные изменения на главном театре второй мировой войны — на Советско-германском фронте — послужили толчком для появления оппозиционных настроений среди различных социальных слоев японского общества и возникновения в правящих кругах Японии влиятельных оппозиционных политических групп, стоявших за прекращение войны и заключение компромиссного мира. Этому способствовали и поражения японских вооруженных сил на Тихоокеанском театре, серьезные затруднения в реализации планов построения «нового порядка» в оккупированных странах Восточной, Юго-Восточной Азии и в странах Южных морей, а также планов экономического обеспечения затяжной войны.

Первые дипломатические шаги, направленные к достижению мира, относятся еще к началу 1942 г., они исходили от Японии и Англии. В феврале месяце, вскоре после падения Сингапура, Англией в строжайшем секрете были предприняты дипломатические маневры, рассчитанные на заключение сепаратного мира¹. Предполагалось, что Япония вернет Малайю и Сингапур, а Англия в ответ признает господствующее положение Японии в Северном Китае и предпримет шаги к примирению Японии и США². Однако в разгар японских успехов такое предложение, естественно, не могло быть принято.

В июне 1942 г. хранитель императорской печати Кидо в беседе с бывшим послом в Лондоне Ёсида Сигэру обсуждал вопрос о поездке Коноэ в Европу, чтобы «проложить дорогу к заключению мира»³. В течение февраля — мая 1943 г. Кидо вел беседы на эту тему с Коноэ, Мацудайра и Сигэмицу⁴.

С начала 1943 г., несмотря на многочисленные официальные заявления о необходимости продолжения

¹ *Togo Shigenori, The Cause of Japan*, p. 230.

² *A. D'Albas, Death of a Navy. Japanese Sea-power in the Second World War*, London, 1957, p. 60.

³ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 31065.

⁴ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 31068—31069; *Shigemitsu Mamoru, Japan and her Destiny. My Struggle for Peace*, London, 1958, p. 300, 301.

войны, в правящих кругах Японии появились уже политические группы, считавшие, что назрело время искать пути к окончанию войны на приемлемых для Японии условиях. Во главе одной из таких групп находились Коноэ и Кидо. Эти политические и государственные деятели раньше других представителей правящих кругов Японии поняли, какие тяжкие последствия несет дальнейшее продолжение войны с точки зрения интересов японских монополий и сохранения японской колониальной империи. Оценивая перспективы войны как неблагоприятные для Японии и трезво учитывая ограниченные экономические возможности страны в затяжной войне, Коноэ и Кидо пришли к выводу, что в условиях коренного перелома в ходе второй мировой войны не в пользу стран «оси» необходимо, пока не поздно, как можно скорее найти пути к компромиссному миру. Таким путем они намеревались спасти Японию от тяжелых условий капитуляции и сохранить ее как великую державу, которая в дальнейшем смогла бы взять реванш в борьбе против своих тихоокеанских соперников. По этим причинам Коноэ и Кидо возглавили группу, к которой примкнули политические деятели, выступавшие за заключение компромиссного мира на выгодных для Японии условиях.

В этих целях в начале 1943 г. Коноэ часто встречался с бывшими премьер-министрами Вакацуки, Хиранума и Окада, обсуждая военное положение Японии и ее перспективы на будущее¹. Затем он установил контакт с Кидо — ближайшим советником императора. Во время встреч с личным секретарем Кидо, маркизом Мацудайра, Коноэ указывал на необходимость прекращения войны². 30 марта Кидо доложил императору о содержании неоднократных бесед с Коноэ. В своих мемуарах Касэ Тосикадзу передает, что император под свежим впечатлением разгрома немецко-фашистской группировки Паулюса выразил тревогу по поводу положения Германии и будто бы сказал Кидо, что он считает необходимым покончить с войной без всякого промедления³.

Закулисная деятельность Коноэ и Кидо, стремившихся склонить императора на свою сторону, стала

¹ R. J. C. Butow, *Japan's Decision to Surrender*, p. 16.

² «Тайхэйэй сэносси», т. IV, стр. 142; R. J. C. Butow, *Japan's Decision to Surrender*, p. 18.

³ Kase Toshiakazu, *Journey to the «Missouri»*, p. 68.

известна Тодзё, который попытался перехватить инициативу в этом дипломатическом маневрировании. Во второй половине апреля Тодзё провел реорганизацию своего кабинета. В частности, Сигэмицу был отозван с поста посла при марионеточном правительстве Ван Цзин-вэя и назначен министром иностранных дел. Приняв портфель министра, Сигэмицу сразу же развернул кипучую деятельность, намереваясь добиться мира на выгодных для Японии условиях. С этой целью он старался привлечь на свою сторону не только императора, членов правительства и Тайного совета, но и лидеров парламентских партий, банкиров, промышленников, ученых, журналистов и даже офицеров генерального штаба. Сигэмицу начал с провозглашения курса «новой политики» в Китае. Этот «новый курс», рассчитанный на прекращение войны в Китае на японских условиях, Сигэмицу изложил в речи на парламентской сессии в июне 1943 г.

Стремясь осуществить «новый курс» в Китае, японские империалисты упорно намеревались заключить сепаратный мир с правительством Чан Кай-ши и тем самым облегчить ведение операций на Тихоокеанском театре военных действий. С этой целью они использовали изменника китайского народа У Кай-сяня, перебежавшего на сторону японцев в самом начале военных операций на Тихом океане. По поручению своих хозяев У Кай-сянь прибыл в мае 1943 г. в Чунцин для ведения переговоров о «мире» с Китаем. Условия, которые выдвинуло японское правительство для заключения капитулянтского мира с Чан Кай-ши, были следующими:

1. Японские войска отступают из Уханя и Кантона, а войска Чан Кай-ши, действующие в этих районах, переводятся на север для «борьбы с коммунистами».

2. Нанкин и морское побережье «временно» остаются в руках Японии.

3. Северный Китай превращается в «зону совместной борьбы против коммунистов».

4. Что касается вопроса о судьбе Ван Цзин-вэя, останется он или уйдет в отставку, то «решение этого вопроса не составит трудностей»¹.

¹ В. Н. Никифоров, Гоминдановские реакционеры — предатели Китая (1937—1945), М., 1953, стр. 186.

Японские условия «мира» весьма показательны, так как вскрывали принципы, которые предлагались в качестве базы для переговоров и соглашения с китайскими реакционерами. В основе их находилось предложение о совместной борьбе против демократических сил Китая, против его национально-революционных армий и Освобожденных районов, а также против Советского Союза. Характерно, что генерал-майор Кобаяси, направлявший У Кай-сяня по поручению японского правительства в Чунцин для переговоров, просил передать Чан Кай-ши, что соглашение может быть достигнуто лишь на антикоммунистической основе.

Параллельно с переговорами У Кай-сяня чанкайшистская разведка во главе с генералом Дай Ли секретно установила контакт с японской разведкой и пыталась уточнить пункт японских условий «мира» относительно судьбы «правительства» Ван Цзин-вэя, тем более что глава японского правительства неоднократно заявлял о поддержке Японией ванцинзвэевского режима. В мае 1943 г. из провинции Гуанси в Чунцин прибыл агент японской разведки Курода, который установил связь с руководителем чанкайшистской охраны Дай Ли и во время пребывания на территории, подвластной Чан Кай-ши, имел возможность поддерживать контакт с японской разведкой и получать новые инструкции¹.

Летом — осенью 1943 г. Япония, учитывая дальнейшее ухудшение своего военно-стратегического положения, вновь попыталась добиться прекращения военных действий в Китае.

Она предприняла несколько новых попыток заключить мир, предлагая даже вывести японские войска из Китая, за исключением Маньчжурии, и отказываясь от своих экономических привилегий в Китае².

Однако переговоры с Чан Кай-ши о сепаратном мире в 1943 г. закончились для Японии провалом. Объяснялось это, во-первых, международной обстановкой и прежде всего победой советских войск под Курском, закрепившей коренной перелом в ходе второй мировой войны в пользу антифашистской коалиции, что создало

¹ W. R. Fischel, A Japanese Peace Maneuvre in 1944, «The Far Eastern Quarterly», August 1949, p. 387—397.

² Там же, стр. 390.

благоприятные условия для активизации военных действий против Японии на Тихоокеанском театре. По этой причине капитулянтские элементы в гоминдане оказались вынужденными из опасения своей политической компрометации временно прекратить свою прояпонскую и антинациональную деятельность до более благоприятного момента. Провал переговоров о капитулянтском мире с Японией объяснялся, во-вторых, героической борьбой демократических сил Китая под руководством Коммунистической партии за свободу и независимость родины.

Таким образом, различные попытки заключения сепаратного мира со стороны Японии в течение 1943 г. свидетельствовали о серьезных колебаниях в правящих кругах страны. Наиболее трезвые деятели опасались дальнейшего продолжения войны на два фронта — в Китае и против США и Англии, — так как оно грозило полным военным и серьезным политическим поражением, а потому прекращение войны на приемлемых для Японии условиях рассматривалось как важная основа для сохранения японской колониальной империи.

Рост антивоенных настроений среди народных масс Японии

1943 год характеризуется ростом антивоенных настроений среди японских народных масс, который объяснялся внешними и внутренними причинами. Коренной перелом на Советско-германском фронте и во всей второй мировой войне в целом в пользу антифашистской коалиции способствовал усилению антивоенных и антифашистских настроений в странах тройственного союза и на оккупированных ими территориях. Таковы были внешние условия, которые благоприятствовали росту антивоенных настроений и в Японии.

Милитаризация экономики, усиленная эксплуатация рабочего класса, обнищание и разорение трудящихся города и деревни, происходившие в условиях военных операций в Китае и на Тихоокеанском театре, создавали условия для развития антивоенного движения среди японского народа. Правительство продолжало полицейские репрессии, стремясь подавить малейшее сопротивление политике войны и реакции. Взамен запрещенных

и распушенных профсоюзов (в 1942—1944 гг. их осталось только 3, а количество членов в них не превышало в среднем в год 150 человек) ¹ всячески насаждались так называемые патриотические профсоюзы, контролируемые правительственными органами. Во главе их находилась «Патриотическая промышленная ассоциация великой Японии» («Дайниппон сангё хококукай», или сокращенно «Сампо»), созданная с целью увеличения выпуска военной продукции и «улучшения» отношений между трудящимися и капиталистами в условиях войны. Благодаря принудительному вовлечению в эту ассоциацию росло количество ее членов: в апреле 1940 г. она насчитывала 3,5 млн. человек, в 1941 г. — 5,3 млн., в июне 1943 г. — 5,8 млн. человек ².

Насаждая филиалы «Патриотической промышленной ассоциации» на фабриках, заводах и в учреждениях, правящие круги Японии старались дезорганизовать ряды японского рабочего класса, отвлечь его от политической борьбы против буржуазно-помещичьего строя и агрессивной войны в Китае и на Тихоокеанском театре и под предлогом завершения «священной войны» поставить рабочих и всех трудящихся в бесправные условия военнокаторжного труда. Они пытались также изолировать рабочих от коммунистов, немногочисленные группы которых продолжали мужественную борьбу в условиях глубокого подполья.

Тяготы войны, всецело лежавшие на плечах трудящихся, вызвали все большее недовольство политикой правительства. Уже в первую годовщину войны против США и Англии Тодзё высказывал опасения относительно «внутреннего врага», который препятствовал созданию «единства народа».

Японские империалисты, стремясь уничтожить «внутреннего врага», не ограничивались мерами, рассчитанными на отравление сознания трудящихся ядом шовинизма и милитаризма, чему на первых порах способствовали победы японской армии. С изменением обстановки и прежде всего с поражениями японских вооруженных сил эти методы становились все менее эффективными.

¹ *J. B. Cohen, Japan's Economy in War and Reconstruction, London, 1949, p. 283; «Japan Year Book 1949—52», p. 605.*

² *M. S. Farley, Aspects of Japan's Labor Problems, New York, 1950, p. 9.*

Поэтому правящие круги Японии стали чаще прибегать к методу прямого полицейского террора, с помощью которого они пытались подавить малейшее проявление антивоенных выступлений трудящихся и полностью ликвидировать коммунистическое движение в Японии.

Несмотря на усилившиеся полицейские репрессии и тяжелые условия глубокого подполья, коммунисты продолжали возглавлять антивоенное движение и руководить борьбой народных масс против войны, реакции и голода. «Японские коммунисты, — говорил Носака Сандзо, имея в виду годы второй мировой войны, — ни на один день не прекратили своей деятельности»¹.

Одной из форм стачечного движения японских трудящихся в условиях жестоких полицейских репрессий являлись организованные прогулы рабочих. По данным японского экономического журнала «Дайямондо», в 1943 г. около 10% всех рабочих Японии не являлись на работу без уважительных причин².

Даже официальные круги Японии и полицейские органы вынуждены были признать, что деятельность коммунистов и бывших руководителей запрещенных профсоюзов не прекращалась во время войны и оказывала серьезное влияние на распространение антивоенных настроений среди народных масс.

В январе 1943 г. правительство направило полицейским властям директиву, озаглавленную «Некоторые экономические вопросы, касающиеся рабочих, крестьян и т. п.» Директива предлагала производить внимательную проверку этих категорий населения «ввиду усиливающегося недовольства народа в связи с его повседневными экономическими нуждами». В директиве специально отмечалась необходимость предотвращать конфликты, могущие возникнуть между рабочими и капиталистами, и строго наблюдать за поведением бывших руководителей и членов рабочих и крестьянских организаций³.

Министр внутренних дел Японии, выступая в феврале 1943 г. на парламентской сессии, сделал следующее знаменательное признание: «Вызывает сожаление то обстоятельство, что хотя коммунистическое движение

¹ «Цзэфан жибао», 29 мая 1945 г.

² Хани Горо, История японского народа, стр. 208.

³ «USSBS, The Effects of Strategic Bombing on Japanese Morale», p. 234.

постепенно уменьшилось..., оно до сих пор полностью не уничтожено»¹.

Правящие круги Японии стремились обвинить коммунистов в «национальной измене», ввести в заблуждение трудящихся относительно подлинных целей коммунистов и создать таким образом условия для их полного физического уничтожения.

Распространение оппозиционных и антивоенных настроений в стране приняло столь значительный размах, что явилось предметом обсуждения на конференциях губернаторов префектур. На одной из них, состоявшейся в апреле 1943 г., начальник одного из департаментов военного министерства генерал-майор Насу потребовал принять решительные меры против каких-либо планов, имеющих целью распространение идей, «разъединяющих армию и народ и приводящих к внутреннему разложению армии»².

Премьер-министр Тодзё в ряде своих выступлений, имея в виду протесты рабочих и митинги трудящихся, также настойчиво требовал принятия решительных мер против лиц, «подрывающих солидарность в рядах нации». На конференции губернаторов префектур, состоявшейся летом 1943 г., он признал наличие антивоенных настроений в стране, указав, что «народ не должен выражать нетерпения и недовольства» и что антиправительственные политические митинги должны немедленно разгоняться³.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ НА ВТОРОМ ЭТАПЕ ВТОРОГО ПЕРИОДА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ (январь — июль 1944 г.)

**Влияние поражений японских вооруженных сил
на обострение политической борьбы в Японии.
Отставка правительства Тодзё**

Второй этап второго периода военных действий на Тихом океане (январь — июль 1944 г.) занимает важное место в изменении соотношения сил, в закреплении пе-

¹ *A. Roth, Dilemma in Japan*, p. 228.

² Там же, стр. 157.

³ Там же.

релома в войне в пользу США и Англии. Важнейшие события на Советско-германском фронте и обусловленное ими положение на Европейском театре позволили англо-американским союзникам форсировать наступательные операции против японских вооруженных сил с целью прорыва «внешней оборонительной линии» Японии в юго-западном районе Тихого океана и вторжения в его центральную часть. Основные операции ставили целью обеспечить захват Маршалловых и Марианских островов, в частности Сайпана, Гуама и Тиниана, подготовку вторжения на Филиппины (первое Филиппинское сражение), завершение оккупации Новой Гвинеи и активизацию военных действий на Индо-бирманском фронте. В итоге японские вооруженные силы лишились Маршалловых и Марианских островов, имеющих большое стратегическое значение, понесли тяжелый урон в юго-западной части Тихого океана и на Индо-бирманском фронте: они оказались вытесненными с территории Индии и потерпели решающее поражение в Бирме, предпринявшее полное изгнание оккупантов с ее территории. В распоряжение англо-американских сил перешли важные плацдармы, значительно укрепившие их стратегические позиции для последующих операций в борьбе за захват Филиппин и приближение к территории собственно Японии.

Поражения японских вооруженных сил на Тихоокеанском театре в течение первой половины 1944 г., в особенности потеря ими Маршалловых и Марианских островов, имели большое значение не только для осуществления стратегического плана союзников на этом театре второй мировой войны. Они оказали огромное воздействие на обострение политической борьбы в стране, нанесли сильный удар по престижу правительства Тодзё, развязавшего войну против США и Англии, и предпринявшего его отставку.

Стремясь обеспечить сопротивление наступавшим союзным силам и продолжение авантюристической войны, японское правительство разработало ряд новых чрезвычайных мероприятий, рассчитанных на дальнейшее проведение «тотальной мобилизации материальных и людских ресурсов». Обсуждением этих мероприятий занималась 84-я парламентская сессия, открывшаяся 26 декабря 1943 г. Руководящие государственные и военные

деятели Японии (Тодзё, Симада) в своих выступлениях на сессии признали неутешительные итоги военных операций на Тихоокеанском театре и потребовали санкции парламента на новые законопроекты и ассигнования на военные нужды и укрепление «обороны» собственно Японии.

В числе принятых решений важное значение имело решение об усилении противовоздушной обороны и рассредоточении населения городов и промышленных предприятий, необходимость которых вызывалась все учащавшимися воздушными налетами союзной авиации на Японию. В принятой парламентом резолюции «О готовности сражаться до полной победы» признавалось, что военная обстановка продолжает осложняться и настал момент, когда должна решиться судьба страны. Резолюция призывала «весь стомиллионный японский народ» встать на защиту страны и мобилизовать все силы для разгрома США и Англии.

Дальнейшее ухудшение военно-стратегического и экономического положения Японии, недостаточная эффективность «тотальной мобилизации» в условиях все возрастающих потребностей войны крайне обострили внутривнутриполитическое положение, усилили борьбу в правящем лагере по внешнеполитическим вопросам.

19 февраля 1944 г. в составе японского кабинета министров были произведены замены. За ними последовали более существенные перемены, коснувшиеся командования вооруженных сил: премьер-министр генерал Тодзё, занимавший по совместительству пост военного министра и министра вооружений (одно время он занимал пост министра иностранных дел и даже министра просвещения), 21 февраля был назначен на пост начальника генерального штаба армии, который занимал маршал Сугияма; пост заместителя начальника генерального штаба занял генерал Усироку. Перемещения произошли и в морском генеральном штабе: военно-морской министр адмирал Симада стал по совместительству начальником морского генерального штаба.

Реорганизации кабинета Тодзё находились в тесной связи не только с внутривнутриполитическим и военным положением Японии, но и с состоянием блока фашистских агрессоров, в частности с выпадением из него Италии и ухудшением положения Германии. Тодзё, учитывая

подрыв престижа своего правительства, стремился избавиться от «сильно скомпрометированных поклонников фашистской Германии и включить в его состав новых лиц, не менее тесно связанных с монополиями»¹.

Частичная реорганизация правительства и смена военного руководства свидетельствовали об усилении борьбы в правящих кругах Японии. Некоторые политические группировки все еще возлагали надежды на Тодзё и предполагали, что концентрация политического и военного руководства страной в руках этого ставленника монополий сможет привести наконец к улучшению военного и экономического положения Японии. Это был акт отчаяния, так как наступление союзных сил на море и в воздухе непрерывно развивалось и все больше нарастала угроза высадки на территории собственно Японии.

Воспользовавшись падением Сайпана (16 июля), часть бывших премьер-министров — «дзюсин» (Коноэ, Окада, Вакацуки и Хиранума), особые совещания которых пришли на смену системе «гэнро»², попыталась ускорить падение кабинета Тодзё. На другой день, собравшись в резиденции Хиранума, они приняли резолюцию, требовавшую образования «сильного национального правительства»³.

Развернувшиеся сражения в центральной части Тихого океана и усиление оппозиции правительству заставили Тодзё принять срочные меры к сохранению своей власти.

17 июля он освободил адмирала Симада от поста военно-морского министра, заменив его бывшим морским атташе в Берлине адмиралом Номура Наокуни. Тодзё лично составил проект коммюнике, который затем был

¹ Е. М. Жуков, Япония. «Новейшая история», часть II (1939—1959), М., 1959, стр. 602; см. также «Очерки новейшей истории Японии», М., 1957, стр. 251.

² «Гэнро» — старейшие государственные деятели Японии — участники незавершенной буржуазной революции 1867—1868 гг., являвшиеся пожизненными советниками императора, в частности по вопросу о выдвижении кандидатуры премьер-министра во время правительственного кризиса. Со смертью последнего «гэнро» — Сайондзи в 1940 г. этот институт прекратил свое существование и был заменен совещанием бывших премьер-министров («дзюсин»), созываемым для обсуждения важнейших вопросов государственной политики.

³ R. J. C. Butow, Japan's Decision to Surrender, p. 28.

вручен правительству военным министерством, обвинявшим в антиправительственном заговоре группу бывших премьер-министров. Одновременно усилились репрессии и слежка за политическими деятелями, в частности за Коноэ и Окада.

18 июля Тодзё решил сделать еще одну уступку: он отказался от поста начальника генерального штаба, назначив на него генерала Умэдзу, отозванного из Квантунской армии. Наряду с этим он старался во что бы то ни стало сохранить за собой посты главы правительства и военного министра. Однако сделать это ему не удалось. В тот же день весь состав правительства подал в отставку. Вручая императору прошение об отставке, Тодзё оказался вынужденным признать, что за 2 года 8 месяцев деятельности его кабинета японская империя оказалась перед лицом такой серьезной опасности, какая не угрожала ей еще никогда на всем протяжении ее истории.

Таким образом, летние операции 1944 г. еще больше накалили внутривластную обстановку в Японии и ускорили правительственный кризис. Скрывать дальше поражение японских вооруженных сил или выдавать поражения за победы правящие круги Японии уже не могли. Союзники прорвали линию японской обороны в районе Мандатных островов и неудержимо приближались к территории собственно Японии. Разгром японского гарнизона на Сайпане послужил лишь поводом для смены кабинета, а не являлся причиной правительственного кризиса¹. Действительными причинами отставки кабинета Тодзё явились: непрерывные поражения фашистских войск на Советско-германском фронте, которые все явственнее приближали крах тройственного союза; значительное ухудшение военного положения Японии в связи с усилением наступления американо-английских сил на Тихом океане; резкое падение авторитета правительства Тодзё, оказавшегося неспособным справиться со все возрастающими трудностями военного и экономического характера; рост оппозицион-

¹ Ричард Сторри, например, считает единственной причиной падения кабинета Тодзё потерю Сайпана и катастрофу на Ассамо-бирманском фронте (*R. Storry, A History of Modern Japan, London and Colchester, 1960, p. 223*).

ных настроений среди различных слоев японского народа и усиление недовольства военно-фашистским режимом.

Японские правящие круги рассчитывали, что новое правительство окажется способным вывести страну из тупика, в который завела ее политика Тодзё, и с помощью внешнеполитического маневрирования сохранить чрезмерно разбухшую японскую колониальную империю.

Отставка правительства Тодзё не являлась обычной, очередной сменой кабинета, что в истории политической жизни случалось довольно часто. Она являлась *показателем нарастания кризиса внутри империалистической Японии*, кризиса внутренней и внешней политики ее правящих кругов и вскрыла авантюристический характер военной и политической стратегии японских империалистов.

Разгром японского гарнизона на Сайпане и почти одновременно последовавшая отставка кабинета Тодзё, а также очищение от японских войск Индии знаменовали конец второго этапа второго периода военных действий на Тихом океане.

Продолжение деятельности политических групп, стремившихся добиться компромиссного мира

В течение первой половины 1944 г. в Японии продолжалась деятельность политических групп, стремившихся добиться заключения компромиссного мира на приемлемых для нее условиях. Эта деятельность развертывалась в условиях новых побед Советской Армии на Советско-германском фронте, заставивших ряд государственных деятелей Японии подойти более трезво к оценке все нарастающей мощи Советского государства, перспективы второй мировой войны в целом и, в частности, военных действий на ее Тихоокеанском театре. Тенденции к прекращению войны против США и Англии на втором этапе второго периода военных действий на Тихом океане усилились в связи с новыми серьезными поражениями японских вооруженных сил, в особенности после падения Сайпана, а также в связи с затяжным характером войны в Китае, недостаточной эффективностью внутренних мероприятий правительства Тодзё и

большими трудностями на пути построения «нового порядка» во временно оккупированных странах.

Таким образом, налицо были условия для тайной деятельности политических групп в Японии, считавших необходимым, пока не поздно, начать переговоры о прекращении войны и заключить мир на максимально выгодных условиях.

Однако руководители японских вооруженных сил относились отрицательно к попыткам начать мирные переговоры. Они настаивали на продолжении войны любыми средствами. Верховное командование систематически опубликовывало сводки о ходе военных операций, искажавшие действительное положение на фронте. По его требованию вслед за решением «Комитета по координации действий», 30 сентября, имперское совещание приняло «Основную программу руководства войной»¹. Границы «последней линии обороны» были определены следующим образом: от Курильских островов на севере до Маршалловых островов на юге, затем линия поворачивала к западной части Новой Гвинеи, к Яве, Суматре и Андаманским островам, подходя к Бирме². Хотя руководители японских вооруженных сил и не хотели расставаться с территориями, захваченными на начальном этапе первого периода военных действий на Тихом океане, тем не менее поражения Японии заставляли их искать дипломатические средства выхода из тупика. Даже в рядах верховного командования возникла тенденция в большей мере положиться на дипломатию и поддержать попытки «мирного маневрирования».

В начале 1944 г. в Японии была создана секретная организация «Ицуюкай» («Общество 1945 г.»), активное участие в которой принимал Коноэ Фумимаро. Главной ее целью являлось прекращение войны в 1945 г. В движении за прекращение войны на приемлемых для Японии условиях помимо Коноэ активное участие приняли бывшие премьер-министры Окада, Хиранума и Вакацуки³.

¹ Такаги Сокути, Тайхэйё кайсэнси, стр. 217—218.

² Kase Toshiakazu, Journey to the «Missouri», p. 71—72.

³ Кояма Хиротакэ и Асада Мицутэру, Нихон тэйкокусюгисси, т. 3, стр. 221, 222, 224, 225; W. A. Fischel, A Japanese Peace Manoeuvre in 1944, p. 387, 391.

Один из наиболее влиятельных представителей политической группы сторонников прекращения войны, хранитель императорской печати Кидо, тесно связанный с Коноэ, 6 января 1944 г. сформулировал условия, на базе которых он считал возможным начать мирные переговоры с США и Англией. Они состояли из следующих пунктов: 1) Тихоокеанская проблема должна быть урегулирована главными государствами, находящимися в бассейне Тихого океана; 2) должна быть создана смешанная комиссия в составе Японии, Советского Союза, Китая, США и Англии; 3) районы, оккупированные Японией, и острова Тихого океана должны быть превращены в демилитаризованные зоны; 4) независимые государства, находящиеся в этом районе (за исключением Маньчжоу-го), должны постоянно соблюдать нейтралитет, как Швейцария; другие оккупированные районы должны управляться смешанной комиссией вышеупомянутых главных держав; 5) экономическая политика в этих районах должна основываться на принципе взаимного благоприятствования и равных возможностей¹.

Комментируя эти предложения, Кидо писал в своем дневнике о возможности поисков путей к прекращению войны, если Германия потерпит поражение. Автор дневника затрагивал вопрос, будет ли Япония искать путей к окончанию войны одновременно с безоговорочной капитуляцией германского партнера или до нее. Весьма характерно, что Кидо, предлагая свои пять условий как базу для мирного соглашения, вместе с тем указывал, что Япония должна действовать исходя из своих интересов. Склоняясь к тому, что условия мира должны быть предложены одновременно с капитуляцией Германии, Кидо считал необходимым представить их Соединенным Штатам и Англии до начала наступления всех их вооруженных сил и наряду с этим просить Советский Союз о посредничестве².

Проект мирного соглашения Кидо показывал стремление определенных кругов японской монополистической буржуазии в условиях резкого ухудшения международного и внутреннего положения Японии добиться *ком-*

¹ «Кидо никкисё. Токио сайбан» (Извлечения из дневника Кидо. Токийский процесс), Токио, 1948, стр. 313—314.

² *Kase Toshikazu, Journey to the «Missouri»*, p. 130—131.

промиссного мира на основе империалистической сделки со своими главными конкурентами. Он свидетельствовал о согласии определенных групп правящих кругов Японии пойти на серьезные уступки ради заключения «почетного» компромиссного мира.

Однако реакционные круги в Японии не сочли возможным принять предложение Кидо. Они намеревались любыми средствами отстоять оккупированные районы и продолжать войну. Тем не менее и они считали нужным тайно выяснить условия прекращения войны в будущем, когда ведение ее окажется невозможным.

Весной 1944 г. министерство иностранных дел Японии установило с послом Швеции в Токио Багге контакт по вопросу о прекращении войны. После беседы, состоявшейся в конце марта, Багге выехал в Стокгольм, где имел несколько встреч с японским послом Окамото¹.

Эти попытки по дипломатическим каналам с помощью нейтральных государств выяснить условия заключения компромиссного мира находились в тесной связи с военными поражениями, которые терпели японские вооруженные силы на Тихоокеанском театре и которые весьма удручающе действовали на японское население. Это было признано в докладе информационной секции департамента токийской полиции, составленном 22 апреля 1944 г. В нем указывалось, что имеется немало людей, которые «искренне изумлены быстрой и могущественной стратегией противников и боятся угрозы вторжения на территорию собственно Японии», критикуют военную стратегию и считают, что исход войны уже предрешен. Наряду с этим встречаются и такие лица, которые устали от войны, охвачены пораженческими настроениями, а потому хотят скорейшего окончания войны².

Подобного рода полицейские сводки говорили о наличии значительного количества лиц и даже оппозиционных групп, которые считали нужным искать пути к окончанию войны до поражения Японии. Все участвовавшие случаи оппозиционных выступлений против внешней политики правительства побудили Тодзэ еще в на-

¹ *Kase Toshikazu, Journey to the «Missouri», p. 220—221.*

² «USSBS, The Effects of Strategic Bombing on Japanese Morale», p. 17—18.

чале 1944 г. На совещании судей и прокуроров сделать заявление о необходимости принятия «решительных мер» в отношении лиц, «которые разрушают солидарность нации»¹.

Однако число оппозиционных выступлений увеличилось даже среди военных и военно-морских кругов. Один из видных сотрудников морского генерального штаба, контр-адмирал Такаги Сокичи, подвергнув изучению итоги военных операций в период между сентябрем 1943 г. и февралем 1944 г., пришел к выводу, что Япония не может победить, и в марте месяце представил свои заключения адмиралу Ёнаи Мицумаса и вице-адмиралу Иноуэ Сэйби. Этот свой вывод он базировал на анализе данных о потерях авиации, военно-морского и торгового флота. Считая необходимыми поиски путей к компромиссному миру, Такаги предлагал в качестве одного из «мирных условий» вывести японские войска из Китая и даже из Кореи².

Аналогичные настроения разделялись и некоторыми сотрудниками армейского генерального штаба, пытавшимися объединиться с офицерами морского генерального штаба на общей платформе.

Весной 1944 г. начальник армейского отдела генерального штаба полковник Мацутани организовал группу, в которую вошли полковники Хаттори, Нисиура и Ниномия, а также четыре капитана 1-го ранга: Фудзии, Омаэ, Ямамото и Ябуки. В дальнейшем к ним присоединился еще ряд офицеров. Группа поставила своей задачей сформулировать политику в отношении войны и с этой целью разработала секретный документ, озаглавленный «Мероприятия по прекращению великой восточноазиатской войны», который был распространен среди высших чиновников военного и военно-морского министерств³.

Чтобы побудить правительство заняться разработкой плана «восстановления мира», Мацутани решил добиться встречи с Тодзё и лично изложить ему все доводы. Такая встреча состоялась 2 июля. Однако закон-

¹ E. H. Lattimore, *Labor Unions in the Far East*, New York, 1945, p. 54.

² «USSBS, *Japan's Struggle to End the War*», p. 3; W. A. Fischel, *A Japanese Peace Maneuvre in 1944*, p. 389.

³ R. J. C. Butow, *Japan's Decision to Surrender*, p. 26—27.

чилась она для ее инициатора печально. Выслушав Мацутани, Тодзё немедленно отдал приказ о переводе его на Китайский фронт.

26 июня Кидо во время встречи с Сигэмицу задал ему вопрос, может ли он разработать план прекращения войны дипломатическим путем. В итоге оба собеседника пришли к выводу, что, пока продолжаются военные действия, шансы на успех «мирных шагов» ничтожны. Наряду с этим Кидо и Сигэмицу признали необходимым добиваться отставки Тодзё, которая должна была явиться предварительным условием «прекращения войны»¹.

Отставки Тодзё и начала мирных переговоров с Соединенными Штатами требовало также «Исследовательское общество Сёва» («Сёва кэнкюкай»), действовавшее под руководством Коноэ².

В дни отставки кабинета Тодзё и формирования нового правительства развивавший наиболее активную деятельность Коноэ высказал опасения по поводу возможности серьезных политических потрясений в Японии. В частности, речь шла о возникновении в Японии «коммунистической революции» в случае продолжения войны. Эти высказывания Коноэ отражали исключительную напряженность политического положения в Японии, рост пораженческих настроений среди части правящих кругов страны. Они отражали также косвенное влияние антивоенных идей среди народных масс на оппозиционные политические группы.

Таким образом, победы Советской Армии на Советско-германском фронте и поражения японских вооруженных сил на Тихоокеанском театре военных действий послужили толчком для продолжения деятельности политической группы Коноэ — Кидо, стремившейся заключить компромиссный, «почетный» мир с Англией и США на приемлемых для Японии условиях. Однако *основным курсом* правящих кругов Японии *оставалось продолжение войны до победы* и установления господства японского империализма в так называемой сфере процветания Восточной Азии и районе Южных морей, хотя официальные и неофициальные представители прави-

¹ Kase Toshikazu, Journey to the «Missouri», p. 75—76.

² W. R. Fischel, A Japanese Peace Manoeuvre in 1944, p. 389.

тельства занимались закулисным дипломатическим маневрированием, имея в виду выяснение условий компромиссного мира.

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ
НА ТРЕТЬЕМ ЭТАПЕ ВТОРОГО ПЕРИОДА
ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ
(июль — декабрь 1944 г.)**

Вторая Квебекская конференция

Положение, создавшееся на Тихоокеанском театре к осени 1944 г., явилось предметом обсуждения Рузвельта и Черчилля на второй Квебекской конференции, состоявшейся 10—16 сентября 1944 г. (ее условное обозначение «Октагон») ¹.

Вторая Квебекская конференция проходила в условиях победоносного наступления Советских Вооруженных Сил на Советско-германском фронте. Страх перед последствиями этого наступления, боязнь того, что война окончится ранее предполагаемых сроков и с меньшими выгодами для США и Англии, побудили эти страны пересмотреть планы ведения войны и принять решения об ускорении боевых операций как в Европе, так и на Тихом океане, в частности о переброске на Тихоокеанский театр новых подкреплений военно-морских сил. Участники конференции обсудили также вопрос о проведении операции по захвату Филиппин и приняли решение приступить к ее осуществлению 20 октября.

В заключительном заявлении участников конференции указывалось, что были всесторонне обсуждены все вопросы, связанные с войной против Японии и Германии, и стороны пришли к согласию «относительно разгрома варваров на Тихом океане». Однако при этом отмечалось, что самая большая трудность, с которой столкнулась конференция в Квебеке, заключалась в том, «чтобы найти способ и возможность применения против Японии огромных сил, которые каждая из заинтересованных стран в отдельности и все они вместе стремятся использовать против врага» ².

¹ Дж. Эрман, Большая стратегия. Август 1943 — сентябрь 1944, М., 1958, стр. 498.

² «Дипломатический словарь», т. I, М., 1948, стр. 764.

Конференция в Квебеке и, в частности, заключительное коммюнике Рузвельта и Черчилля весьма показательны. Они говорят о том, что правящие круги США и Англии исходили из неизбежности длительной войны за отвоевание позиций, захваченных Японией в начальной стадии операций на Тихоокеанском театре.

Стремление правящих кругов США и Англии не форсировать окончание войны с Японией объяснялось прежде всего интересами бизнеса, извлечением американскими и английскими монополиями высоких прибылей. Прибыли американских корпораций после уплаты налогов составляли: в 1942 г. — 9,4 млрд. долларов, в 1943 г. — около 10,4 млрд. и в 1944 г. — 9,9 млрд. долларов¹. Продление сроков войны давало американским монополиям возможность не только не сокращать производство вооружения, но и всемерно расширять его и, следовательно, увеличивать в еще большей мере свои доходы.

Замедленные темпы военных операций против Японии объяснялись и отсутствием действительной координации действий между американскими, английскими и чанкайшистскими силами, что нашло отражение в «кризисе Стилуэлла» и в особенности в поражении войск Чан Кай-ши осенью 1944 г. Одной из глубоких причин отсутствия координации военных действий против Японии являлись противоречивые интересы участников войны. Англия стремилась возратить потерянные ею владения на Тихом океане и вновь укрепить свои позиции в Китае, используя для этого в меньшей степени свои вооруженные силы и в большей мере войска Чан Кай-ши, имея в виду воспользоваться результатами операций своего американского партнера. Соединенные Штаты стремились максимально использовать в своих интересах реакционную клику Чан Кай-ши, намереваясь вытеснить Англию из Китая и из ее колоний на Тихом океане и установить здесь свое неограниченное господство. Китайские реакционеры, получавшие оружие и деньги из Соединенных Штатов и отчасти из Англии, считали, что их главной задачей является не война против Японии, а война против «внутреннего врага», и поэтому блоки-

¹ L. M. Hacker and H. S. Zahler, *The United States in the 20-th Century*, New York, 1952, p. 513.

ровали Освобожденные районы, вели провокационные боевые операции против национально-революционных армий и накапливали вооружение для предстоящего широкого развертывания гражданской войны в Китае в целях подавления сил демократии и распространения с помощью США антинародного реакционного режима на всю территорию страны.

Итоги военных действий на Тихоокеанском театре во второй половине 1944 г.

Вслед за изменениями на Европейском и Тихоокеанском театрах войны в июне — июле 1944 г. важное значение приобрели военные операции второй половины этого года, открывшие третий этап второго периода военных действий на Тихом океане.

Этот этап характеризуется новыми поражениями японских вооруженных сил на Тихоокеанском театре, проведением союзниками крупных по своему значению военных операций, рассчитанных на прорыв «внутренней оборонительной линии» японской империи и завязывание боев на подступах к собственно Японии.

Важнейшим военным событием явилась операция по овладению Филиппинами, начавшаяся 20 октября 1944 г.¹, в которой потерпел крах авантюрный план Японии, получивший зашифрованное название «Сё» («Победа»), и в результате которой американские силы в течение октября — декабря 1944 г. захватили острова Лейте и Миндоро. Союзные войска овладели большей частью Северной Бирмы, перерезали важную железнодорожную магистраль, идущую с севера на юг в направлении на Рангун, а также Бирмано-китайскую дорогу. В ходе боев во второй половине 1944 г. значитель-

¹ Поводом к началу операции, рассчитанной на полное овладение Филиппинами, послужило объявление 23 сентября 1944 г. «независимыми» Филиппинами войны США и Англии. «Президент» Лаурель в специальной декларации лицемерно мотивировал этот акт, явившийся компенсацией за предоставление фиктивной независимости Филиппинам, тем, что США и Англия бомбардировками с воздуха «нарушили территориальную целостность республики», а потому Филиппины, объявляя войну этим странам в соответствии с «союзным пактом», заключенным с Японией, ставят целью «обезопасить свою независимость» («Contemporary Japan» No. 10—12, 1943, p. 1071—1072).

ные потери понесли японский военно-морской флот, авиация и торговый флот; этих потерь не могло предотвратить применение специальных штурмовых отрядов летчиков-смертников («камикадзэ»). Вследствие этого создались благоприятные условия для усиления бомбардировок важнейших промышленных центров Японии, нанесших им значительный урон. Президент информбюро японского правительства Симомура в своих мемуарах признавал, что тяжелые поражения японских вооруженных сил на Тихоокеанском театре и большое отставание от потребностей войны самолетостроительной промышленности привели к тому, что Япония была отрезана от азиатского континента и в воздушных сражениях оказалась бессильной¹.

Лишь на одном участке фронта — в Китае — японским империалистам удалось осенью 1944 г. вторгнуться в провинции Гуанси и Гуйчжоу, соединить северный, центральный и южный фронты, захватить 45 городов и вывести из строя 100 правительственных дивизий численностью в 600—700 тыс. солдат и офицеров. Это поражение явилось следствием реакционной предательской политики клики Чан Кай-ши. Существо ее неизменно заключалось в том, что борьба против японских интервентов рассматривалась как второстепенная задача, а война против коммунистов и сил китайской демократии — как главная задача. Однако, как ни значительны были результаты японского наступления в Китае, исхода войны против китайского народа они не решали. Даже милитарист Маки вынужден был сделать весьма знаменательное признание по поводу тщетности попыток японских империалистов добиться капитуляции китайского народа. Он писал, что «Япония выигрывала сражения, но не войну»².

Частичные военные успехи в Китае не могли компенсировать неудач на Тихоокеанском театре, где Япония в 1944 г. терпела поражения.

Фактором, облегчавшим союзникам ведение войны против Японии, являлась освободительная борьба народов оккупированных ею стран (Индокитай, Бирма,

¹ Симомура Кайнан (*Хироси*), Сюэнки (Записки об окончании войны), Токио, 1949, стр. 52.

² J. M. Maki, *Japanese Militarism. Its Cause and Cure*, p. 208.

Филиппины, Индонезия, Малайя и Таиланд) против японского «нового порядка»¹. Характерными чертами этой борьбы являлись все возрастающая в ряде стран роль коммунистов в ней и создание антияпонского демократического фронта и антияпонских вооруженных сил, боровшихся за свободу и независимость.

Военные, экономические и политические мероприятия правительства Коисо

После отставки кабинета Тодзё, 20 июля 1944 г., император поручил Коисо и Ёнаи сформировать новое правительство. В тот же день такое коалиционное правительство было сформировано. Во главе его стал Коисо, принадлежавший к той же реакционной Квантунской группировке, что и его предшественник, а Ёнаи стал его заместителем и военно-морским министром; пост военного министра занял маршал Сугияма Гэн.

В целях образования кабинета «национального единства» и консолидации сил различных группировок в правящих кругах в кабинет вошли непосредственные представители «дзайбацу» и бывших «самораспустившихся» политических партий («Сэйюкай» и «Минсэйто»). Крупный фабрикант Фудзивара Гиндзиро получил назначение на пост министра вооружения с широкими полномочиями контроля над промышленностью. Министром финансов остался Исиватари, также известный своими обширными связями в промышленно-банковских кругах.

Отставка правительства Тодзё и включение в состав нового кабинета Коисо представителей промышленно-банковских кругов и бывших лидеров буржуазно-помещичьих парламентских партий свидетельствовали о том, что «дзайбацу», а не военщина продолжали оказывать

¹ Подробно по этому вопросу см.: У Ну, Бирма под японским игом, стр. 105; Сукарно, Индонезия обвиняет. Сборник статей и речей, М., 1956, стр. 269; В. Ф. Васильев, Путь к независимости, стр. 62—112; К. Гошал, Народ в колониях, стр. 234; М. Крус, Филиппины в борьбе за свободу, стр. 23, 78—79; «Современный Таиланд», стр. 112—113; Н. В. Ребрикова, Очерки новейшей истории Таиланда (1918—1959), М., 1960, стр. 101—105; «Viet-Nam's Fight against Fascism (1940—1945)», p. 17; P. E. Eckel, The Far East Since 1500, p. 706, 707; R. E. Ward, Asia for the Asiatics, Chicago, 1945, p. 194—195; F. C. Jones, Japan's New Order in East Asia, p. 350; C. Recto, Three Years of Enemy Occupation, Manila, 1946, p. 36.

главное воздействие на решение всех важнейших вопросов внутренней и внешней политики Японии.

В день формирования кабинета, 22 июля, Коисо сделал официальное заявление о программе своей деятельности. Он признал военное положение страны «чрезвычайно грозным» и объявил главной целью правительства решительное продолжение войны до победы.

Для осуществления этой цели кабинет Коисо приступил к срочной разработке серии мероприятий, которые, по его мнению, должны были значительно улучшить военно-стратегическое и экономическое положение Японии. Одной из новых мер явилось создание в начале августа 1944 г. «Высшего совета по руководству войной» («Сайко сэно сидо кайги») ¹ в составе премьер-министра, министра иностранных дел, военного и морского министров и начальников армейского и морского генеральных штабов (два их заместителя имели совещательный голос). Как было объявлено, в задачу «Высшего совета» входило «формулировать основную политику для руководства войной и улучшить сочетание (гармонию) комбинированной стратегии политики и войны» ².

Создавая «Высший совет по руководству войной», Коисо намеревался сосредоточить в руках нового органа всю полноту военной и гражданской власти в ущерб наиболее близкому к императору «дзюсин» и взять под свой контроль действия руководителей вооруженных сил. Естественно, что это мероприятие вызвало у руководителей армии и флота сильное недовольство, поскольку они стремились ограничить пределы вмешательства Коисо в вопросы ведения войны, а потому возражали против его возвращения на действительную военную службу (Коисо находился в отставке).

Разработав мероприятия, могущие удовлетворить те группы монополистов, которые стояли на позициях продолжения войны, кабинет Коисо внес их на утверждение 85-й чрезвычайной парламентской сессии, проходившей 7—12 сентября 1944 г.

Руководящие государственные, а также политические деятели Японии тщательно готовились к парламентской

¹ «Сирё Нихонси», т. 2, стр. 236.

² «USSBS, Japan's Struggle to End the War», p. 4.

сессии, намереваясь продемонстрировать «национальное единство» перед лицом непрерывно увеличивавшихся трудностей и возрастания опасности вторжения англо-американских сил. Особую активность проявляли представители «Политического общества содействия трону», стремившиеся помочь правительству провести сессию как можно лучше, в частности не допустить какой-либо критики и оппозиции.

Чтобы заранее застраховать себя и кабинет или по меньшей мере смягчить предполагавшуюся критику программы и результатов деятельности кабинета, Коисо в своей программной речи не жалел красок для оценки тяжелого положения Японии, вокруг которой все теснее смыкалось кольцо союзных сил. В качестве выхода из этого тупика он предложил ряд мер, в том числе: «всеобщую мобилизацию нации»; увеличение военного производства; мобилизацию научных сил страны; укрепление морального духа населения Японии. Правительство придавало этим мерам большое значение, полагая, что если они и не смогут спасти Японию от неминуемого поражения, то по крайней мере смогут отдалить угрозу вторжения на острова собственно Японии и, может быть, дадут возможность добиться, наконец, перелома в войне.

Прежде всего кабинет Коисо объявил на сессии своей главной задачей «совершенствование» программы «тотальной мобилизации», разработанной правительствами Коноэ и Тодзё.

Правительственные мероприятия не ограничивались мобилизацией рабочей силы, необходимой для увеличения производства военной промышленности. Большое внимание уделялось усилению мобилизации материальных ресурсов страны, необходимых для бесперебойной работы военных заводов. Правительство приняло также меры, направленные на увеличение военного производства, в особенности самолетостроения.

Значительное внимание кабинет Коисо уделил проблеме военного и торгового судостроения.

Недостаток торговых судов¹, необходимых для импорта продовольствия, обострил и без того напряженное продовольственное положение Японии. Не будучи и

¹ Потери торгового флота Японии в 1944 г. составили 4115,1 тыс. т («Сирё Нихонси», т. 2, стр. 234).

ранее в состоянии удовлетворять население страны необходимыми продуктами питания без импорта, Япония очутилась в тяжелом положении.

Кабинет Коисо оказался не в состоянии предложить какие-либо эффективные меры, которые могли бы как-то облегчить продовольственное положение. Подобно своему предшественнику генералу Тодзё, Коисо призывал применять различные эрзацы и резко сократить потребление продуктов питания, в особенности риса.

Огромные усилия прилагало правительство для увеличения производства военной промышленности. Так, если общий индекс промышленной продукции составил в 1944 г. 208,8 (1934—1936 гг. = 100), то индекс производства машиностроительной промышленности достиг 463,3¹. Однако производство вооружения в Японии, в особенности самолетов, значительно отставало от выпуска самолетов в Соединенных Штатах. В Японии в 1944 г. производство самолетов, по различным данным, составило 26 364—28 180 машин², а в Соединенных Штатах было выпущено 96 318 машин, т. е. в 3,7 раза больше, чем в Японии³.

В условиях форсированного развития военного производства происходили структурные изменения в составе японского рабочего класса, о чем свидетельствуют следующие данные⁴ (в тыс. человек и в % к общему числу рабочих):

Отрасли промышленности	Конец 1936 г.		Февраль 1944 г.	
	количество рабочих	%	количество рабочих	%
Тяжелая промышленность	977	37,6	5 841	70,6
Легкая промышленность . .	1 615	62,4	2 421	29,4
Итого . . .	2 592	100,0	8 262	100,0

¹ «Хомпо кэйдзай токэй 1952», стр. 211—212.

² Н. Ouchi, Financial and Monetary Situation in Postwar Japan, Токуо, 1948, р. 4; Тояма Сигэки, Имаи Сэйити, Фудзивара Акира, Сёваси, стр. 188.

³ Дои Акэо, Бэйсо сэн то Нихон, стр. 108.

⁴ Иноуэ Кэйси, Судзуки Сёси, Нихон киндайси, стр. 434.

Усиливался и процесс относительного и абсолютного обнищания рабочего класса. Непрерывно сокращалось потребление трудящимися продуктов питания. Значительное сокращение сбора важнейших сельскохозяйственных культур и увеличение потребностей многомиллионной армии имели следствием еще большее ограничение в рационаровании предметов широкого потребления. С начала 1944 г. лица от 11 до 60 лет стали получать по 330 граммов риса в день; мужчины, занятые на тяжелой работе, — 390 граммов, женщины — 350 граммов, тогда как потребление риса на душу в мирное время составляло 438 граммов в день. Каждый гражданин получал в месяц 360 граммов сахара и 675 граммов мисо¹.

Недостаток рабочей силы на промышленных предприятиях японское правительство пыталось восполнить за счет рабочих, набираемых за пределами страны, в частности в Корее. В 1944 г. в Корее было законтрактовано свыше 280 тыс. рабочих (против 112 тыс. в 1942 г., примерно 122 тыс. рабочих в 1943 г.)².

Ухудшалось и положение сельского хозяйства. Производство риса в собственно Японии уменьшилось с 66,8 млн. коку в 1942 г. до 58,6 млн. коку в 1944 г.³, а посевная площадь, занятая рисом, соответственно — с 3 164 тыс. тё до 2 979 тыс. тё⁴.

Усиленная эксплуатация рабочих и разорение трудящихся города и деревни, происходившие в условиях форсированной милитаризации, а также ограбление оккупированных стран являлись источниками обогащения японских «дзайбацу»: в 1944 г. сумма полученных ими прибылей достигла 7,1 млрд. иен — почти в 1,5 раза больше, чем в 1941 г.⁵

Финансовая политика правительства в 1944 г. также подчинялась целям обеспечения войны: в 1944/45 бюджетном году чрезвычайные военные расходы составили

¹ «World Economic Review 1942/44», р. 141. Мисо — густая масса из соевых бобов с различными специями; из мисо приготавливают суп и используют как приправу к мясу.

² «Тайхэйё сэнсоси», т. IV, стр. 62.

³ *Тояма Сигэки, Имаи Сэйити, Фудзивара Акира, Сёваси.* стр. 223.

⁴ *Иноуэ Кэйси, Судзуки Сёси, Нихон киндайси,* стр. 409.

⁵ Там же, стр. 436; «Тайхэйё сэнсоси», т. IV, стр. 88.

38 млрд. иен, или 75% общих государственных расходов¹.

Новое правительство генерала Коисо придерживалось той же внешней политики, что и кабинет Тодзё. Но сохранение прежнего внешнеполитического курса оказалось нелегкой задачей, так как в ходе второй мировой войны произошли существенные изменения. К моменту формирования кабинета Коисо Италия как член фашистского блока вышла из войны. В результате побед советских войск из войны вышли Румыния, Болгария, Финляндия и Венгрия. Советская Армия продолжала свое победоносное шествие, освобождая поработанные народы Восточной и Юго-Восточной Европы и приближаясь к границам гитлеровской Германии.

Японские империалисты с тревогой наблюдали за ходом войны на Европейском театре. Они понимали, что поражение Германии и ее европейских сателлитов, каждая новая победа Советских Вооруженных Сил не только способствуют изоляции Японии, но и приближают час ее поражения. Перспектива очутиться изолированной, лицом к лицу с объединенными силами союзников предвещала Японии полный разгром.

Вследствие указанных причин Япония искала в новой, неблагоприятной для нее обстановке выхода из положения на случай поражения Германии и полного распада блока фашистских агрессоров.

Закулисная деятельность сторонников прекращения войны и заключения компромиссного мира

После прихода к власти кабинета Коисо в Японии усилилась закулисная деятельность политических групп, стремившихся найти выход из тупика в условиях новых поражений японских вооруженных сил на Филиппинах и в Бирме, прекратить войну и заключить компромиссный «почетный» мир.

Отличительной чертой этой деятельности являлось то, что она проводилась не только лидерами верхушечной оппозиции, не входившими в состав правительства, но и официальными представителями нового кабинета, которые тайно поддерживали ее.

¹ *Хаттори Такусиро*, Дайтоа сэно дзэнси, т. 8, стр. 235.

Несмотря на то что Коисо заявил в программной правительственной декларации о решительном продолжении войны до окончательной победы, члены его кабинета, конечно, не без ведома премьер-министра, стали вести закулисную деятельность, направленную на достижение компромиссного мира. В начале сентября 1944 г. вице-премьер и по совместительству военно-морской министр Ёнаи предложил контр-адмиралу Такаги Сокиги в строжайшем секрете продолжить изучение вопроса о прекращении Японией войны. Работая совместно с военно-морским вице-министром Иноуэ Сэйби, Такаги выдвинул следующие вопросы, подлежащие рассмотрению и разрешению: 1) как добиться согласия армии на окончание войны; 2) каковы могут быть мирные условия союзников и требования (репарации и т. п.) после прекращения войны; 3) каково будет общественное мнение и моральное состояние народа в случае заключения мира; 4) как добиться аудиенции у императора и убедить его в необходимости прекращения войны¹.

Секретная деятельность Такаги и Иноуэ оказалась тайной полишинеля. С результатами изучения поставленных ими вопросов знакомились на частных совещаниях Коноэ, Кидо, министр императорского двора Мацудайра, Окада, адмиралы Оикава и Одзава. Весьма показательны, что некоторые участники этих совещаний во время обмена мнениями предлагали выдвинуть в качестве мирных условий даже отказ Японии от оккупированных территорий. Другие, соглашаясь с этим в принципе, предлагали сохранить лишь Корею и Тайвань, как необходимые базы обеспечения Японии продовольствием. Такого рода уступки, означавшие отказ от территорий, захваченных Японией, являлись ярким показателем *кризиса военной и внешнеполитической стратегии японских империалистов*. Коренные изменения на Советско-германском фронте, успехи союзных сил в Европе и Атлантике, начавшийся распад фашистской коалиции и поражения японских вооруженных сил на Тихоокеанском театре — все это явилось причиной колебаний не только в политических кругах и в правительстве Японии, но даже и среди руководителей японских вооруженных сил.

¹ «USSBS, Japan's Struggle to End the War», p. 4; R. J. C. Butow, Japan's Decision to Surrender, p. 38.

Некоторые представители императорского двора, руководители правительства, армии и военно-морского флота втайне искали дипломатических средств для заключения «почетного» компромиссного мира. Хигасикуни в своих мемуарах сообщает, что в сентябре 1944 г. в целях «прекращения японо-американской войны» он предлагал обратиться к посредничеству Советского Союза¹.

Наибольшую активность проявляла группа политических деятелей Японии, возглавлявшаяся Коноэ. В сентябре 1944 г. один из директоров газетного объединения «Асахи» — Судзуки Бунсиро установил связь с послом Швеции в Токио Багге. Он заявил ему, что действует по поручению Коноэ, который возглавляет группу, готовую возвратить захваченные Японией территории и, возможно, даже Маньчжурию для того, чтобы прекратить войну. Судзуки передал просьбу Коноэ довести японские условия до сведения правительства Швеции и при его посредничестве сообщить о них английскому правительству; он мотивировал свое обращение тем, что в Лондоне окажется легче найти взаимопонимание, чем в Вашингтоне. Багге передал просьбу Коноэ в Стокгольм и в течение нескольких месяцев поддерживал контакт с Судзуки².

Закулисная деятельность сторонников заключения компромиссного мира коснулась и Китая.

Поскольку тяжелое поражение чанкайшистских войск осенью 1944 г. не приблизило капитуляцию Китая ввиду упорного сопротивления китайского народа и его национально-революционных армий, в Японии вновь усилились тайные попытки заключения мира с Китаем.

В середине октября 1944 г. младший брат Коноэ, барон Миягава Тадамаро, прибыл в Шанхай якобы по делам ЮМЖД, а фактически как представитель тайной организации «Ицуюкай» («Общество 1945 года»), ставившей целью достижение мира в 1945 г. По прибытии он установил контакт с секретными агентами этой организации, служащими шанхайского отделения ЮМЖД, Куримото Хироси и Хаями Тикасигэ, а также с японским посольством в Шанхае³.

¹ Хигасикуни *Нарухико*, Ватакусиро кироку (Мои воспоминания), Токио, 1947, стр. 68.

² «Сюээнсироку», стр. 238.

³ W. R. Fischel, A Japanese Peace Maneuvre in 1944, p. 387.

Незадолго до прибытия Миягава в Шанхай реакционная клика Чан Кай-ши также занялась разработкой условий мирного соглашения с Японией. Эти условия она сформулировала 12 августа 1944 г. Среди них были: назначение Хигасикуни премьер-министром Японии; наказание всех японских военных преступников, совершивших преступления в Китае с 1931 г.; прекращение Японией всех военных операций; ведение японо-китайских переговоров на базе Каирской декларации¹.

Выдвижение правительством Чан Кай-ши последних трех условий объяснялось последовательной борьбой сил китайской демократии во главе с КПК, постоянно разоблачавших предательские маневры клики скрытых капитулянтов, а также стремлением реакционеров завоевать доверие народа, потерянное вследствие антинародной политики Чан Кай-ши. Китайские реакционеры вовсе не имели в виду действительный мир, они предпочитали маневрировать, чтобы выторговать условия соглашения, наиболее выгодные для «четырех семейств», фактически правивших неоккупированной частью Китая.

По прибытии Миягава в Шанхай ему были вручены предложения Чан Кай-ши. Неофициальные переговоры продолжались почти до середины октября 1944 г. Заявив, что выдвинутые условия могут быть приняты для обсуждения, Миягава сообщил, что по возвращении в Японию он доложит о них правительству. Он заявил также о необходимости вручения ему официального документа и проведения подготовительных мероприятий для открытия японо-китайских переговоров². Однако никакого официального обращения не было сделано, и попытка Миягава закончилась неудачей. Объяснялось это, по-видимому, тем, что условия, сформулированные 12 августа 1944 г. кликой Чан Кай-ши, вызвали разногласия среди других реакционных группировок в Китае, считавших, что на этой базе соглашение с Японией невозможно.

Несмотря на закулисную деятельность, имевшую цель определить условия достижения компромиссного мира, кабинет Коисо, опасаясь внутренних осложнений, решил отложить заключение его до наступления более

¹ F. C. Jones, *Japan's New Order in East Asia*, p. 429—430.

² W. R. Fischel, *A Japanese Peace Manoeuvre in 1944*, p. 386, 394.

благоприятной обстановки и принять все меры для продолжения войны.

Продолжение войны любыми средствами и до победного конца, а следовательно, и изыскание средств для достижения этой цели — таков был *ведущий внешнеполитический курс*, официально проводившийся правительством Коисо. Об этом, в частности, свидетельствуют решения о продолжении войны, вынесенные в августе — сентябре 1944 г. «Комитетом по координации» и имперским совещанием руководящих государственных деятелей Японии¹.

Недовольство политикой правительства и усиление антивоенных настроений в Японии

Политика правительства Коисо, направленная на продолжение войны, и расширение «тотальной мобилизации» материальных и людских ресурсов страны вызвали усиление недовольства среди различных слоев японского народа и распространение антивоенных настроений в Японии. Летом 1944 г. были закрыты общественно-политические журналы «Кайдзо» и «Тюокорон». Министерство внутренних дел мотивировало свое распоряжение тем, что эти журналы являлись опорными пунктами антимилитаризма и пацифизма². Это оказались вынужденными признать и руководящие японские деятели. Так, Коисо, выступая на 85-й чрезвычайной парламентской сессии (7—12 сентября 1944 г.), призывал «улучшить моральное состояние народа», заявляя, что это один из важнейших моментов в ликвидации критического положения страны. Отвечая на вопросы в бюджетной комиссии парламента, глава японского правительства признал, что «народ недостаточно осознает особенности нынешней обстановки и поэтому руководители ограничены в своих возможностях». Что же касается должностных лиц, то они, по его мнению, вообще «недостаточно осознают свою ответственность»³.

Агентство Домэй сообщало, что палата пэров на своем заседании детально рассмотрела вопрос о настроениях

¹ *Хаттори Такусиро*, Дайтоа сэно дзэнси, т. 6, стр. 50—51.

² *Сайгуса Сигэо*, Гэнрон сэваси. Данъацу то гэйко, Токио, 1958, стр. 163; «Тайхэйё сэносси», т. IV, стр. 96.

³ «Майнити», 20 сентября 1944 г.

народа в военное время и приняла решение о создании «Комитета исследования идей», призванного бороться с «непатриотическими» идеями среди японского населения. Директор бюро полиции министерства внутренних дел, выступая 9 сентября в нижней палате, заявил, что правительство подготавливает введение строгого контроля над выступлениями, которые «угрожают единству страны».

Все эти заявления являлись, по существу, признанием бессилия правительства ликвидировать недовольство народа реакционной внутренней и внешней политикой японских империалистов.

Усиливались антивоенные настроения и в японской армии. Как пишет Кидо Коити в своем «Дневнике», Коноэ Фумимаро в 1944 г. на конференции старейших государственных деятелей сделал заявление о том, что в течение последних лет в армии не только распространялась левая идеология, но даже готовилась «левая революция». «Это — бóльшая опасность, чем поражение в войне. Я лично, — сказал Коноэ, — боюсь левой революции даже больше, чем поражения»¹.

Спротивление рабочих режиму войны и реакции, как и в 1943 г., находило выражение в организованных прогулах рабочих. В 1944 г. 15% рабочих, занятых на 761 заводе, под различными предлогами уклонились от явки на работу. По заявлению специалистов-экономистов, на некоторых заводах процент прогулов достигал 40². Организованные прогулы большей частью охватывали предприятия военной промышленности, что свидетельствовало о распространении антивоенных настроений среди японских рабочих, несмотря на преследования полицейских органов. На некоторых авиационных заводах г. Нагоя, крупного самолетостроительного центра страны, в 1944 г. на работу не являлось в среднем 26% рабочих; на таких же предприятиях в префектуре Айти простой составляли в среднем 65% рабочего

¹ «Кидо никки», стр. 128. Ранее, в начале февраля 1943 г., во время встреч с Кидо и Мацудайра, необходимость прекращения войны Коноэ обосновывал нараставшей «угрозой» распространения «красной опасности» и нарушения «социальной стабильности» в стране («Тайхэйё сэнсоси», т. IV, стр. 142; R. J. C. Butow, Japan's Decision to Surrender, p. 18).

² Хани Горо, История японского народа, стр. 208.

времени¹. По признанию представителя штаба военно-воздушных сил Японии, генерал-майора Мори Масамицу (июль 1944 г.), 10% самолетов, построенных на самолетостроительных заводах страны, при испытательных полетах оказывались негодными².

Усиление полицейских репрессий не могло приостановить забастовочного движения японских рабочих и крестьян-арендаторов. В 1944 г. возникло 296 трудовых конфликтов с участием 10 026 человек и 2160 арендных конфликтов с участием 8213 человек³.

Сопrotивление рабочих и крестьян являлось показателем роста недовольства политикой правительства Коисо и усиления антивоенных настроений среди народных масс Японии на третьем этапе второго периода военных действий на Тихом океане.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ НА ПОСЛЕДНЕМ ЭТАПЕ ВТОРОГО ПЕРИОДА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ (январь — май 1945 г.)

Значение военных действий на Тихоокеанском театре

Военные действия союзных американско-английских сил в течение четвертого, последнего, этапа второго периода войны против Японии развивались в весьма благоприятных для них условиях. На Советско-германском фронте Вооруженные Силы СССР в феврале — апреле 1945 г. полностью заняли Восточную Пруссию, Восточную Померанию, Силезию и завязали бои за Берлин, окончательно очистили территорию Венгрии, изгнали немецких оккупантов со значительной части Чехословакии, вступили в Австрию и заняли ее столицу — Вену.

Успешно развивалось и наступление союзников в Западной Германии и Северной Италии.

В таких неблагоприятных для Японии условиях развивались военные операции на Тихоокеанском театре в течение января — мая 1945 г. Все еще надеюсь добиться

¹ «Тайхэйё сэносси», т. IV, стр. 82.

² A. Roth, Dilemma in Japan, p. 230.

³ Иноуэ Киёси, Судзуки Сёси, Нихон киндайси, стр. 410; Аоки Кэйитиро, Нихон номин ундоси, т. 4, стр. 470.

перелома, японские империалисты предпринимали различные меры. В январе 1945 г. «Высший совет по руководству войной» принял «Программу чрезвычайных мер для завершения войны»¹. Однако ни о каком «завершении войны» в пользу Японии не могло быть и речи. В развернувшихся сражениях на Филиппинах (Лусон, Панай, Негрос), в боях за острова Иводзима и Окинава и в Бирме японские вооруженные силы потерпели новые тяжелые поражения.

Значение Филиппинской операции состояло в том, что военные действия, имевшие целью возврат важнейших в стратегическом отношении островов, позволили прервать морские коммуникации собственно Японии с оккупированными странами Южных морей, в особенности с Индонезией; более того, потеря Филиппин имела следствием полную изоляцию Японии и от стран Юго-Восточной Азии.

Захват американскими войсками острова Иводзима еще более улучшил стратегическое положение союзников. Отныне они приобрели новую базу для истребителей, сопровождавших бомбардировщики Б-29 при налетах на промышленные центры собственно Японии.

Большое значение имела операция по захвату острова Окинава. После успешных десантных операций на Филиппинах и Иводзима англо-американские войска, используя достигнутое ими господство на море и в воздухе, вторглись на территорию островов Рюкю. В их распоряжение перешла важная промежуточная база, находящаяся между южным островом Японии Кюсю и Тайванем. Коммуникациям Японии со странами Южных морей был нанесен новый серьезный удар. Полукольцо союзных сил с востока все более приближалось к островам собственно Японии. Захват Окинавы создавал благоприятные условия для подготовки операций против японской метрополии, для вторжения на ее территорию. Наконец, оккупация острова Окинавы имела цель не только создать важную базу против Японии, но и обеспечить в будущем при благоприятных условиях осуществление далеко идущих агрессивных планов

¹ «Сюзэнспроку» (Документы об окончании войны), МИД Японии, Токио, 1952, стр. 194—195.

американского империализма, направленных против Китая и Советского Союза¹.

Следовательно, важнейшим итогом военных действий на море, в воздухе и на суше явилось то, что линия «фронта», проходившая осенью 1942 г. у подступов к Австралии, к маю 1945 г. переместилась к берегам собственно Японии. Это означало, что союзные силы успешно прорвали «внешний оборонительный пояс» и вторглись во «внутреннюю линию обороны» Японии. Начав блокаду Японии с моря и воздуха, союзники добились изоляции ее от оккупированных территорий района Южных морей, часть которых они вновь захватили.

Новые крупные поражения японских вооруженных сил на Тихоокеанском фронте в январе — мае 1945 г. сопровождались усилением национально-освободительного движения в оккупированных Японией странах Южных морей, в частности в Индокитае, Бирме, Малайе и на Филиппинах². В результате успешных действий народных армий и консолидации сил единого антияпонского фронта удалось освободить часть оккупированной японцами территории (Вьетнам, Бирма) и создать освобожденные демократические районы (Вьетнам, Малайя).

**Новые военные, экономические и политические мероприятия правительства. Отставка кабинета Коисо.
Сформирование правительства Судзуки**

Очувтившись перед лицом непрерывных поражений японских вооруженных сил и нараставшей угрозы вторжения американско-английских сил на территорию собственно Японии, кабинет Коисо попытался осуществить

¹ Николс и Шоу в своей книге пишут, что послевоенная судьба Окинавы заключается в том, чтобы «служить западным бастионом обороны Соединенных Штатов Америки» (*Ч. Николс, Г. Шоу, Захват Окинавы*, стр. 308).

² О национально-освободительном движении в оккупированных Японией странах Южных морей в январе — мае 1945 г. см.: *Хо Ши Мин*, Избранные статьи и речи, М., 1959, стр. 163; *А. П. Шилгова* и *В. Ф. Мордвинов*, Национально-освободительное движение во Вьетнаме, стр. 150, 157; *К. Гошал*, Народ в колониях, стр. 230, 234; *В. Ф. Васильев*, Путь к независимости, стр. 100; *В. С. Руднев*, Очерки новейшей истории Малайи, стр. 42, 48; *М. Крус*, Филиппины в борьбе за свободу, стр. 78; «*Viet-Nam's Fight against Fascism (1940—1945)*», р. 14.

ряд новых чрезвычайных мер военного, экономического и политического характера.

Располагая еще достаточно сильной в количественном и техническом отношении армией, японские империалисты прежде всего увеличили численность и улучшили техническую оснащенность своей группировки в районе Южных морей, который был для них одним из труднейших фронтов, где японские войска терпели поражение за поражением.

20 марта 1945 г. была принята новая программа подготовки к решающим сражениям. Эта программа предусматривала три этапа оборонительных операций: с апреля по июль, с августа по сентябрь и с октября 1945 г. Всего намечалось семь операций: район Хоккайдо, Южного Сахалина и Курильских островов (№ 1), район Тохоку (№ 2), район Канто (№ 3), район Токай (№ 4), район Кинаи, Тюгоку и Сикоку (№ 5), район Кюсю (№ 6) и район Кореи (№ 7) ¹.

Помимо этих мер, кабинет Коисо продолжал уделять особое внимание развитию движения «смертников» в японских вооруженных силах: не только в авиации, военно-морском флоте, но и в сухопутной армии. Кроме этого, правительство распространило движение «смертников» и на гражданское население страны. С конца 1944—начала 1945 г. среди японского населения была развернута интенсивная пропаганда за создание «особых штурмовых отрядов», в функцию которых входила оборона собственно Японии на случай вторжения сил противника.

Наряду с военно-мобилизационными мерами и развертыванием движения «смертников» в армии и среди гражданского населения правительство предприняло и ряд экономических мер, чтобы, в частности, ликвидировать отставание выпуска продукции военной промышленности. Все решения 86-й сессии японского парламента, заседавшей с 26 декабря 1944 г. по 26 марта 1945 г., в особенности решения по экономическим вопросам, подчинялись целям обеспечения армии в предстоящих сражениях. В центре внимания парламентской сессии находилось преодоление отставания металлургической

¹ Хаттори Такусиро, Дайтоа сэно дзэнси, т. 7, стр. 89.

промышленности и производства вооружения от все возрастающих потребностей войны.

Одной из неотложных мер, предпринятых правительством в связи с усилением наступательных операций союзников и приближением угрозы к метрополии, явилась также эвакуация заводов из важнейших промышленных районов (Токио — Йокогама, Осака — Кобэ и Нагоя) в более безопасные места страны, а также в Северный Китай и Маньчжурию. Эта мера, одобренная парламентской сессией, вызывалась большой эффективностью бомбардировок важнейших промышленных центров Японии. Принят был и законопроект о всеобщей мобилизации людских резервов, необходимых для комплектования отрядов «смертников» в армии и среди гражданского населения.

Однако мероприятия правительства Коисо не смогли устранить такого серьезного препятствия на пути успешного продолжения войны, как значительное отставание японской военной промышленности от нужд войны и от уровня производства вооружения в Соединенных Штатах. Интенсивные налеты американской авиации нанесли японской промышленности значительный урон, тогда как американская промышленность находилась в полной безопасности от воздушных налетов, будучи недосягаемой для авиации противника.

Японские империалисты с лихорадочной поспешностью стремились изыскать эффективные средства и в политической области, чтобы найти выход из тупика и предотвратить поражение. Одной из мер правящих классов, имевших цель обеспечить продолжение войны, являлось движение за создание новой политической партии в Японии. В этом движении активное участие приняли «Ассоциация помощи трону» и в особенности «Политическое общество содействия трону», тесно связанные с правительством.

По мере ухудшения положения на Тихоокеанском театре правительство стремилось использовать указанные организации для укрепления тыла, для обеспечения «национального единства». Таким путем оно хотело создать впечатление общности и единства целей правительства и народа. Особенно прочные позиции имело правительство в «Ассоциации помощи трону»; ее председателем по-прежнему являлся премьер-министр, а

практическое руководство осуществляли вице-председатель, генеральный секретарь и начальник департамента общих дел.

Необходимость создания «национального единства», как одного из важных внутренних мероприятий обеспечения тыла для продолжения войны, диктовала сближение «Ассоциации помощи трону» с «Политическим обществом содействия трону». Этим сближением предполагалось подготовить условия для создания новой политической организации, в которой объединились бы лидеры прежних парламентских политических партий.

Придавая большое значение планам создания «национального единства», японское правительство обратило особое внимание на деятельность «Политического общества содействия трону». Оно оказывало этому обществу всемерную помощь и привлекало его руководящих деятелей в состав правительства в качестве министров или советников.

Движение за создание новой политической партии в Японии, развернувшееся под руководством «Политического общества содействия трону» и при помощи правительства, стало принимать организованный характер с конца декабря 1944 г. В январе 1945 г. был сформирован специальный «Комитет по укреплению внутреннего положения страны», занимавшийся подготовкой к созданию новой партии.

Организация новой политической партии, получившей название «Политического общества великой Японии» («Дайниппон сэйдзикай»), завершилась 30 марта на ее учредительном съезде¹. Руководителем партии стал бывший военный министр и командующий Квантунской армией генерал Минами Дзиро. Съезд принял манифест, в котором указывалось, что партия образована в критический момент, когда усилились попытки противника вторгнуться на территорию Японии. Далее в нем подчеркивалось, что Общество считает своей задачей обеспечить сотрудничество всех кругов населения «в преодолении национального кризиса».

Главная цель новой политической партии заключалась в том, чтобы добиться поддержки народа в усло-

¹ *Тояма Сигэки, Ямадзаки Сёити и Ои Масаси (сост.)*, Киндай Нихон сисо нэмпё, Токио, 1957, стр. 137.

виях реальной перспективы вторжения союзников на японские острова. Организуя «Политическое общество великой Японии», правящие круги страны пытались создать хотя бы видимость возврата к прежним политическим формам и вовлечь население в ряды новой партии, которая, по замыслу ее инициаторов, должна была заменить все прежние политические организации и объединить возможно большее количество японского населения. Одновременно правящие круги намеревались отвлечь внимание народных масс от серьезных военных поражений, которые непрерывно терпела Япония.

Новая политическая партия ставила перед собой задачу поддержать все военные и политические мероприятия правительства. Реализация ее возлагалась на «штаб по руководству движением за освобождение родины».

Создание новой политической партии в Японии отражало ухудшение военного и экономического положения страны, исключительную остроту внутривнутриполитической обстановки.

Японские империалисты, убедившись в невозможности в новых условиях войны использовать армии своих сателлитов — оккупированных стран Южных морей — и учитывая реальную опасность утраты захваченных территорий, сосредоточили свое внимание на консолидации так называемой внутренней японской империи (Японии, Кореи, Тайваня), т. е. на сохранении Кореи и Тайваня, захваченных до первой мировой войны. С этой целью правительство Коисо внесло на одобрение 86-й парламентской сессии соответствующие мероприятия в отношении Кореи и Тайваня. Было принято беспрецедентное в политической истории Японии решение о включении представителей этих колоний в японский парламент, до тех пор однородный по национальному составу. Корею предоставлялось 7 мест в верхней палате и 23 места в нижней, Тайваню — 3 места в верхней и 5 мест в нижней палате. Но выборы предполагалось провести лишь 28 сентября 1946 г., что свидетельствовало о демагогическом характере обещаний правительства предоставить корейцам и китайцам, проживавшим на Тайване, равные с японцами права в парламенте Японии.

Этот маневр правительства Коисо, рекламировавшийся реакционной прессой и министрами кабинета как «новый курс» в отношении Кореи и Тайваня, был рас-

считан на укрепление так называемого восточноазиатского блока в условиях непрерывных поражений японских вооруженных сил. Однако он не облегчил положения Японии.

Угроза вторжения американско-английских сил на территорию собственно Японии, усилившаяся в связи с непрерывными поражениями японских вооруженных сил, а также слабая эффективность военных, экономических и политических мероприятий правительства углубляли недовольство и разочарование деятельностью кабинета Коисо. Японская буржуазная печать все чаще и смелее подвергала его критике.

Показателем обострения внутривластной борьбы, приближавшей правительственный кризис, явились частые реорганизации кабинета и резкая критика деятельности правительства Коисо в парламенте, особенно усилившаяся с февраля 1945 г.

Несмотря на все чрезвычайные меры, кабинет Коисо оказался бессильным справиться с создавшимся положением и был вынужден уйти в отставку¹.

Вопрос о рекомендации императору новой кандидатуры на пост премьер-министра обсуждался на совещании старейших государственных деятелей (дзюсин). Было выдвинуто три кандидатуры: адмирала Судзуки, Коноэ и генерала Хата. В ходе заседания Тодзё угрожал, что в случае избрания на пост премьер-министра гражданского лица «армия может решить по-иному»² этот вопрос; в результате совещание рекомендовало кандидатуру Судзуки.

7 апреля 1945 г. к власти пришел кабинет Судзуки. Руководящие посты в нем заняли: премьер-министра — адмирал Судзуки Кантаро; министра иностранных дел и министра по делам Восточной Азии — Того Сигэнори; военного министра — генерал Анами Корэтика; военноморского министра — адмирал Ёнаи Мицумаса; министра

¹ Ф. Уайт в своей работе признает, что причинами отставки кабинета Коисо являлись: денонсация Советским Союзом пакта о нейтралитете; «неожиданные поражения» Германии и успешный нажим союзных вооруженных сил на внешнем кольце тихоокеанской обороны Японии (F. White, *Rise and Fall of Japan*, London, 1945, p. 25—26).

² «Стенограмма Токийского процесса», стр. 31136.

вооружений — адмирал Тоёда Тэйдзиро; министра финансов — Хиросэ Тоёсаку.

Судзуки был близок к дворцовым кругам. Наряду с этим он представлял интересы и морской военщины, искавшей пути к изменению положения на Тихоокеанском театре. Его кандидатура оказалась приемлемой для японских монополистов. В новом правительстве их интересы непосредственно выражал адмирал Тоёда, тесно связанный с концернами Огура и Сумитомо.

Кабинет Судзуки был сформирован в целях изыскания чрезвычайных средств для *продолжения войны* против США и Англии до победного конца, для сохранения в крайнем случае хотя бы наиболее важных военных завоеваний, в особенности Маньчжурии и Кореи, для упорной обороны до последнего японца территории собственно Японии и, следовательно, не являлся кабинетом окончания войны.

Учитывая эти цели, в день прихода к власти правительства Судзуки были сформированы 1-я и 2-я объединенные армии и объединенная авиационная армия для обороны метрополии. Во всех префектурах разместились дополнительные жандармские части для подавления возможных революционных выступлений народных масс. На следующий день императорская ставка утвердила план подготовки операций по обороне собственно Японии¹.

Новое правительство в развитие прежних решений кабинета Коисо приняло специальный закон о создании «народного добровольческого корпуса» («кокумин гюутай») и о руководстве им.

В своем выступлении на открывшейся 7 апреля 1945 г. парламентской сессии Судзуки признал, что империя находится перед лицом величайшего со времени ее основания кризиса. Премьер-министр изложил и намечавшиеся правительством мероприятия, направленные на продолжение войны до победы. Наряду с туманными пунктами об «усовершенствовании национальной структуры» и проведении административных мероприятий в качестве спасительной меры выдвигалось использование «народного добровольческого корпуса», с помощью которого предполагалось усилить «оборонительную струк-

¹ Такаги Сокичи, Тайхэйё кайсэнси, стр. 236—239.

туру». Судзуки высказался также за необходимость укрепления «боевого духа народа». В заключение своей речи он призвал весь народ «самоотверженно защищать родину» и все усилия концентрировать на одном: любыми средствами выиграть войну¹.

Этой главной цели нового правительства подчинялись и мероприятия в отношении оккупированных стран. В апреле оно созвало совещание представителей марионеточных правительств стран Восточной Азии. По предложению министра иностранных дел Того совещание приняло «совместное заявление», в котором говорилось о «равных началах» как принципе развития всех стран Восточной Азии. Таким путем японские империалисты пытались сохранить восточноазиатский блок, с большим трудом созданный в ноябре 1943 г., и привлечь его участников к непосредственным военным операциям для защиты японской колониальной империи и территории собственно Японии.

Таким образом, новое правительство декларировало продолжение войны, чему и были подчинены все его мероприятия.

Отставка кабинета Коисо и формирование кабинета Судзуки являлись новой попыткой правящих кругов Японии найти выход из военного и политического тупика, в котором находилась страна.

Дипломатическое маневрирование японских империалистов накануне безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии

С приходом к власти правительства Судзуки в правящих кругах Японии обострилась борьба по вопросу прекращения войны и заключения мира на определенных приемлемых условиях. Попытки добиться мира с Китаем, а также с США и Англией, нашедшие выражение в скрытом маневрировании японской дипломатии, стали в это время еще более настойчивыми.

Если на предыдущих этапах зондирование почвы для заключения компромиссного мира с США, Англией и Китаем проводилось главным образом политическими деятелями, не входившими в состав правительства, то

¹ Kase Toshikazu, *Journey to the «Missouri»*, p. 151—152.

теперь все чаще скрытые попытки установить контакт с правительствами упомянутых стран стали предпринимать официальные представители правительства.

Такие попытки были сделаны на 86-й парламентской сессии, на которой обсуждался вопрос о внешнеполитическом курсе Японии в новых условиях¹. Министр иностранных дел Сигэмицу в речи, произнесенной 21 января 1945 г., счел нужным прежде всего призвать к сохранению японо-германского союза, несмотря на то что судьба гитлеровского режима была уже предreshена. Он заявил, что «...связи империи (японской — Д. Г.) с союзниками станут все более и более крепкими. Мы с нашими союзниками будем успешно вести эту войну до конца любой ценой»². Вместе с тем Сигэмицу лицемерно утверждал, что внешняя политика Японии ставит целью «построение мира без агрессии и насилия». Он пытался доказать, что принципами японской внешней политики якобы являются: добрососедские отношения и дружба между всеми странами; полное национальное равноправие всех народов; уважение независимости других государств и невмешательство в их внутренние дела; оказание взаимного содействия в развитии экономических ресурсов; развитие культуры всех стран. Это была явная попытка ввести в заблуждение японский народ относительно истинных целей правящих кругов страны. Вместе с тем декларация Сигэмицу о внешнеполитических целях Японии являлась своеобразным «пробным шаром» японских империалистов, которые пытались выяснить отношение американско-английских союзников к возможности мирных переговоров, стремились запросить предполагаемые условия заключения компромиссного мира.

Победы Вооруженных Сил Советского Союза над немецко-фашистскими войсками, а также развитие насту-

¹ Незадолго до открытия 86-й сессии японского парламента, в декабре 1944 г., как сообщает сотрудник военно-морской разведки США Ладислав Фараго, в руки американской разведки (из нейтральных источников) попало донесение из Токио, в котором сообщалось, что император Хирохито вступил в контакт с «партией мира» в Японии и принимает активное участие в разработке условий возможного прекращения войны (*Л. Фараго, Война умов. Анализ шпионажа и разведки, М., 1956, стр. 83—84*).

² «Стенограмма Токийского процесса», стр. 41639.

пательных операций союзников на Тихоокеанском фронте вынудили японских империалистов вновь заговорить о «мирных» намерениях и желании прекратить войну.

Выступление Сигэмицу, а также другие попытки официальных лиц выяснить возможные условия мира с США, Англией и Китаем послужили толчком для активизации закулисной деятельности ряда политических лиц и группировок, стоявших на позициях прекращения войны.

В начале 1945 г. интенсивную деятельность вновь развил Коноэ, который по-прежнему являлся лидером политической группировки сторонников заключения «почетного» компромиссного мира с США и Англией, лидером верхушечной оппозиции. Вместе со своими соратниками из группы «дзюсин» (Окада, Вакацуки) он изыскивал средства для прекращения войны и сохранения системы монархии и буржуазно-помещичьего режима. В феврале Коноэ обратился к императору с меморандумом, в котором обосновывал свою точку зрения. Документ этот весьма показателен для характеристики состояния политической борьбы различных групп японской монополистической буржуазии накануне капитуляции Германии.

Коноэ начал свой меморандум с признания того, что не может быть больше никакого сомнения в неизбежности поражения Японии. Хотя поражение и явится позорным пятном в истории страны, с ним можно примириться, если только удастся сохранить систему монархии. Автор меморандума вновь повторил ранее сделанное им весьма знаменательное признание, что с точки зрения «сохранения национального государственного строя наибольшую тревогу должно вызывать не столько само поражение в войне, сколько коммунистическая революция, которая может возникнуть вслед за поражением»¹. Поэтому, по его мнению, главная задача Японии заключается в «спасении от коммунистической революции»². Коноэ далее указывал, что фактором, ускоряющим ее наступление, является быстрое снижение жизненного уровня народа и растущее недовольство рабочих,

¹ «Сюээнсироку», стр. 196; *Хаттори Такусиро*, Дайтоа сэно дзэнси, т. 8, стр. 21—22; *Мория Фумио*, Нихон сихонсюги хаттацуси, стр. 300.

² «Сюээнсироку», стр. 198.

неизбежность усиления которого совершенно очевидна в случае продолжения войны¹.

Следовательно, основным лейтмотивом меморандума Коноэ было не столько опасение правящих классов Японии за поражение ее в войне, сколько их *панический страх перед народными массами, перед революцией*, которая могла бы возникнуть в случае затягивания войны, неизбежно нанести удар по социально-экономическим устоям страны и открыть путь к ее демократическому переустройству. Поэтому Коноэ считал военное поражение Японии меньшим злом и свою задачу видел в достижении «почетного» компромиссного мира при минимальном ущербе для японской колониальной империи и при непременно сохранении монархического строя.

Крупным препятствием на пути к заключению мира Коноэ считал группу военных экстремистов, т. е. наиболее авантюристических элементов из руководства японскими вооруженными силами. Они, по его мнению, потеряв всякую надежду на победоносное завершение войны, настаивали на ее продолжении лишь для спасения собственной репутации. Коноэ предостерегал, однако, что военные экстремисты вместе с левыми и правыми группами могут пойти на все, «даже на кровавое внутреннее восстание». В заключение автор меморандума сформулировал необходимые условия прекращения войны, дальнейшее продолжение которой он считал невозможным: уничтожение влияния этих опасных элементов и проведение реорганизации армии и флота. Коноэ обращался с просьбой к императору принять окончательное решение по затронутому им вопросу².

Однако по меморандуму Коноэ не было принято решения. Правящие круги Японии еще опасались открытой постановки вопроса о мире, а потому упрямо продолжали авантюристическую войну. В конце января 1945 г., когда развернулись ожесточенные сражения на Лусоне, верховное командование представило правительству «план увеличения боевой мощи в предстоящих решающих операциях». Он предусматривал ежегодное производство 40 тыс. самолетов, 5 млн. т стали и спуск

¹ «Сюээнсироку», стр. 198.

² Текст меморандума Коноэ на имя императора от 14 февраля 1945 г. см.: «Сюээнсироку», стр. 195—198.

на воду торговых судов водоизмещением в 1,8 млн. т, что было явно нереально (всего в течение 1944 г. было построено 28 180 боевых самолетов, выплавлено 2 652 тыс. т стали и спущено на воду торговых судов водоизмещением около 1,6 млн. т) ¹.

Незадолго до отставки, в конце марта 1945 г., правительство Коисо сделало новую попытку добиться посредничества нейтральных держав — Швеции и Финляндии для заключения мира. Во время встречи с Багге министр иностранных дел Сигэмицу заявил, что японская дипломатия, разделяя «мирные чувства» императора, стремится вывести страну из войны. Он просил шведского посла сделать все необходимое, чтобы Япония смогла путем переговоров приобрести мир. Багге обещал предпринять соответствующие шаги, что и было сделано им по возвращении в Стокгольм в апреле 1945 г. ²

Наряду с закулисными переговорами через посредство Швеции и Финляндии все больше внимания уделялось переговорам с правительством Чан Кай-ши, чтобы добиться завершения войны в Китае на выгодных для Японии условиях. С этой целью министр без портфеля Огата Такэтора с санкции премьер-министра Коисо пригласил в Токио Мяо Пэй-чэна — гоминдановца, являвшегося с 1936 г. комиссаром района Хунань-Хубэй и одним из руководителей контрольного юаня (палаты) ³, в прошлом близкого к Чан Кай-ши. Мяо Пэй-чэн, обосновавшись в Шанхае, установил связь с нанкинским правительством и стал его видным чиновником. Одновременно он поддерживал тесный контакт со своими друзьями в Чунцине, в частности с генералом Дай Ли — начальником секретной полиции Чан Кай-ши ⁴.

¹ *Kase Toshikazu*, *Journey to the «Missouri»*, p. 101; *J. B. Cohen*, *Japan's Economy in War and Reconstruction*, London, 1949, p. 210, 226, 228, 267.

² См. «Стенограмма Токійского процесса», стр. 34561—34564, 35455—35457; «Сюээнсироку», стр. 238—247; «Тайхэйё сэно сьюкэцу-рон», стр. 469—507; *R. J. C. Butow*, *Japan's Decision to Surrender*, p. 54—57; *Shigemitsu Mamoru*, *Japan and Her Destiny*, p. 339.

³ Впервые Мяо Пэй-чэн имел встречи с Коисо в 1939 г. (*R. J. C. Butow*, *Japan's Decision to Surrender*, p. 52).

⁴ *Shigemitsu Mamoru*, *Japan and Her Destiny*, p. 332.

Учитывая эти связи, Коисо и решил использовать Мяо Пэй-чэна для переговоров о прекращении войны в Китае¹.

В марте 1945 г. Мяо Пэй-чэн прибыл в Токио, заявив, что он сможет вести переговоры лишь с представителем императорского дома, поскольку «в Японии нельзя никому верить, кроме императора»². Это условие было принято, и 17 марта начались переговоры с принцем Хигасикуни, предварительно получившим поддержку членов совещания бывших премьер-министров (дзюсин) и министерства иностранных дел. При этом весьма характерны некоторые детали разговора, который велся между ними. На вопрос Хигасикуни, почему Чунцин стремится к миру с Японией, Мяо Пэй-чэн ответил, что правительство Чан Кай-ши не хочет, чтобы Япония была «полностью разрушена, поскольку самосохранение Китая зависит от продолжающегося существования Японии», которая якобы является своеобразным гарантом для Китая. Выражая антисоветские тенденции китайской реакционной клики, Мяо Пэй-чэн заявил, что немедленное заключение мира позволит также предупредить... «вторжение» Советского Союза в Китай.

Хигасикуни, заявив о своем благожелательном отношении к Чан Кай-ши, выразил надежду, что миссия Мяо Пэй-чэна будет успешной и повлечет за собой не только мир с Китаем, но и мир с Соединенными Штатами, а за ним и всеобщий мир.

В течение последующих двух недель Мяо Пэй-чэн продолжал переговоры с Коисо. От имени правительства Чан Кай-ши он сформулировал следующие условия японо-китайского мира: прекращение военных действий в Китае и вывод из этой страны всех японских войск; роспуск нанкинского марионеточного правительства и передача Чан Кай-ши полного контроля над всем Китаем с центром в Нанкине; начало сепаратных переговоров по вопросу о Маньчжурии; заключение мира с США и Англией³. В качестве компенсации за эти мирные условия Мяо Пэй-чэн дал обещание, что Чан Кай-ши будет всячески препятствовать любым попыткам аме-

¹ О переговорах Мяо Пэй-чэна см. *W. R. Fischer, A Japanese Peace Maneuvre in 1944*, p. 390—391.

² *R. J. C. Butow, Japan's Decision to Surrender*, p. 53.

³ Там же, стр. 53—54.

риканцев закрепиться в Китае и готов сотрудничать с Японией в борьбе против «коммунистической опасности»¹.

Попытка Коисо вести сепаратные переговоры с правительством Чан Кай-ши и в особенности условия, предложенные Японии, вызвали резко отрицательную реакцию милитаристских кругов, в частности «Высшего совета по руководству войной». Миссия Мяо Пэй-чэна потерпела неудачу, что не только подорвало непрочные позиции правительства Коисо, но и ускорило его отставку.

Вопрос о продолжении или прекращении войны подвергся новому обсуждению на совещании старейших государственных деятелей накануне отставки Коисо. В ходе обсуждения этого вопроса участники совещания высказали свое мнение относительно главного направления политики нового правительства. Ёнаи, Сугияма, Окада и Вакацуки предложили как можно скорее прекратить войну. В то же время руководители сухопутной армии категорически настаивали на продолжении войны любыми средствами и до победного конца.

В такой сложной обстановке внутривнутриполитической борьбы в правящих кругах Японии по важнейшему внешнеполитическому вопросу начал свою деятельность новый кабинет Судзуки.

С первых дней деятельности кабинета Судзуки началась сложная двойная игра, которая продолжалась до самой капитуляции Японии. В официальных заявлениях премьер-министра и министра иностранных дел неизменно декларировалась решимость правительства продолжать войну «до победного конца». Вместе с тем правящие круги Японии считали положение страны крайне напряженным и чреватым даже революционными потрясениями. Официальное агентство Домэй цусин вскоре после образования кабинета Судзуки сообщало о возможности крупных революционных событий. Давая 10 апреля 1945 г. оценку состояния «национальной морали», оно указывало, что представители высших классов подавлены пессимизмом².

¹ F. C. Jones, *Japan's New Order in East Asia*, p. 430.

² «USSBS, *The Effects of Strategic Bombing on Japanese Morale*», p. 60.

Судзуки вскоре после назначения его главой правительства заявил: «В то время, когда я сделался премьер-министром, я не получил какого-либо прямого указания от императора, но ясно понимал, что император должен был бы сказать в то время...»¹ Он указал, что «молчаливым желанием» императора было скорейшее окончание войны, а потому считал для себя директивой приложить все усилия к исполнению этого желания. На Токийском процессе Судзуки утверждал, что он согласился возглавить правительство лишь в целях скорейшего завершения войны. «Я, — показал Судзуки, — с самого начала считал, что война против Америки и Англии не может быть успешной, и, когда меня выбрали на пост премьер-министра, я понимал, что моим долгом было попытаться закончить как можно скорее эту войну»². Об этой двойственной политической игре Судзуки сообщал после окончания войны бывший посол Японии в США Номура Китисабуро. Он писал, что Судзуки, с одной стороны, намеревался продолжать войну, а с другой — настойчиво искал путей к достижению мира³.

Американские империалисты наряду с усилением наступательных действий и воздушных бомбардировок уделяли значительное внимание пропаганде, направленной на Японию. Целью этой пропаганды было поощрение деятельности группировок, стремившихся окончить войну до полного поражения, чтобы сохранить японскую колониальную империю, следовательно, добиться наиболее приемлемого мирного соглашения и тем самым создать условия для подготовки войны-реванша. Не скупясь на обещания удовлетворить требования Японии, американские империалисты имели в виду обеспечить одностороннюю оккупацию этой страны и привилегии своих монополий в послевоенной Японии.

Начальник разведывательного управления военно-морского флота США Захариас в своей книге приводит тексты 14 радиопередач для Японии, которые он представил 19 марта 1945 г. военно-морскому министру Фор-

¹ «USSBS, The Effects of Strategic Bombing on Japanese Morale», p. 143.

² «Стенограмма Токийского процесса», стр. 35590—35591, 47957—47958.

³ *Nomura Kichisaburo*, *Stepping-Stones to War*, «United States Naval Institute Proceedings» No. 9, 1951, p. 931.

рестолу и адмиралу Кингу. Первая радиопередача состоялась 8 мая 1945 г. и была адресована «ответственным и мыслящим японцам», в частности второму брату императора — принцу Такамацу¹.

Во время воздушных налетов на Японию, как правило, разбрасывались и листовки типа «обращений к народу»².

В это же время правительство Судзуки вело сложную игру по вопросу условий заключения мира, для чего японские дипломаты зондировали почву о посредничестве третьих стран. Одновременно эти попытки имели цель расколоть антифашистскую коалицию.

Внешнеполитическое маневрирование Японии особенно усилилось незадолго до капитуляции Германии. 11 апреля 1945 г. министра иностранных дел Того посетил Сакая Тадаси, японский посланник в Финляндии, в то время находившийся в Токио. Он сообщил Того о попытке заручиться обещанием шведского правительства (через посла Швеции в Токио Багге) выяснить мирные предложения Соединенных Штатов. Среди предлагаемых условий мирного соглашения назывались непременное сохранение «государственного строя» и объявление Маньчжурии нейтральной зоной³, которое имело целью в случае прекращения войны увековечить отрыв ее от Китая и в будущем вновь присоединить к японской колониальной империи. Того приветствовал предложение Багге относительно посредничества в заключении мира и просил Сакая передать ему, что японское правительство ожидает реализации плана, предложенного шведским правительством⁴. Это была явная попытка выяснить условия прекращения войны. Багге по возвращении в Стокгольм в апреле 1945 г. вступил в контакт с посланником США в Швеции Джонсоном и вручил ему японские мирные условия, среди которых было сохранение Кореи и Тайваня в качестве колоний Японии. Однако эти переговоры и посредничество Швеции

¹ E. M. Zacharias, *Secret Missions. The Story of an Intelligence Officer*, p. 336—340, 399—424.

² *Kase Toshikazu, Journey to the «Missouri»*, p. 206.

³ F. C. Jones, *Manchuria since 1931*, London, 1949, p. 223; *Асида Хитоси*, Дайнидзи сэкай тайсэн гайкоси, стр. 619—621.

⁴ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 34559, 35455—35457, 35780, 47960.

не дали положительных результатов, поскольку США рассчитывали на максимальные уступки со стороны Японии.

Другая попытка сепаратных переговоров была предпринята в Швейцарии. Японский военно-морской атташе в Берне Фудзимур и директор европейского отделения Осацкой пароходной компании Цуяма через посредство немца Гака в апреле установили связь со швейцарским отделом Управления стратегических служб и директором этого Управления Алленом Даллесом. Активизация деятельности Фудзимур в этом направлении отмечалась также и после капитуляции гитлеровской Германии.

Все проводившиеся Японией поиски посредников для заключения «почетного» компромиссного мира с США и Англией тщательно скрывались, поскольку официальным курсом правительства Судзуки по-прежнему провозглашалось продолжение войны до победного конца.

ЯПОНО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПЕРИОД ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ

В течение всех военных действий на Тихоокеанском театре и в особенности во втором их периоде японские империалисты проводили откровенный прогерманский внешнеполитический курс, всемерно укрепляя отношения с гитлеровской Германией. Они рассчитывали, что лишь путем сохранения тройственного союза, выполнения обязательств сторон, его подписавших, и оказания друг другу всемерной помощи будет одержана победа над СССР, США и Англией.

С конца 1942 — начала 1943 г., когда положение на Тихоокеанском театре становилось для Японии все более затруднительным, японские империалисты предприняли шаги к заключению с Германией экономического соглашения, чтобы еще больше укрепить союзные отношения с ней. К этому стремилась также и гитлеровская Германия.

20 января 1943 г. японский посол в Берлине Осима и Риббентроп, а в Риме Касэ и Чиано подписали соглашение об экономическом сотрудничестве и торговле стран фашистской коалиции как в военное время, так и в послевоенный период. Оно являлось дополнением

к тройственному пакту от 27 сентября 1940 г. и имело в виду «объединить мощь двух экономических сфер — Азии и Европы». Соглашение предусматривало оказание взаимопомощи «всеми имеющимися экономическими мерами», чтобы в ходе войны установить «новый порядок» в Европе и Восточной Азии, а после «победоносного завершения войны» полностью закрепить его. Имея в виду общие цели фашистских агрессоров, стороны согласовали план «интенсивного развития соответствующих экономических сфер» и договорились усилить экономическое сотрудничество. Для этого намечалось увеличение обмена товарами, оказание взаимопомощи в снабжении материалами и установке оборудования, а также тесное техническое сотрудничество (статья 1). Стороны договорились оказывать финансовую взаимопомощь (статья 2), поддерживать тесный контакт «для более эффективного сотрудничества, касающегося будущности их экономической политики», создать специальные комиссии для «постоянного содействия развитию экономических отношений» между ними (статья 3). Необходимые меры для реализации настоящего соглашения поручалось разработать уполномоченным правительствам фашистской коалиции (статья 4) ¹.

Договор об экономическом сотрудничестве от 20 января 1943 г. дополнялся секретным протоколом, подписанным Осима и Риббентропом и провозглашавшим установление господства Японии и Германии над всем миром ².

В тот же день, 20 января 1943 г., было подписано экономическое соглашение между «Йокогама спеди банк» и германским восточноазиатским банком, которые позднее, 8 июня, заключили дополнительное финансовое соглашение.

В течение 1943 г. укреплялись и экономические отношения между марионеточным государством Маньчжоу-го и Германией. В марте правительство Чжан Цзин-хоя подписало торговое соглашение с фирмой Круппа, в октябре было заключено новое экономическое соглашение, подписанное министром иностранных дел

¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 34820; ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 28—30, 305—306; «Contemporary Japan», February 1943, p. 289—290.

² «Стенограмма Токийского процесса», стр. 34246, 34267—34269.

Маньчжоу-го Ли Шао-гэном и германским посланником в Чанчуне Вагнером.

Помимо развития экономических отношений с гитлеровской Германией, японские империалисты в новых условиях международной обстановки уделяли главное внимание укреплению тройственного союза, в особенности упрочению дружественных отношений с Германией. Этим целям, в частности, подчинялось решение «О мерах усиления взаимного сотрудничества трех держав в завершении войны против США и Англии», принятое 26 февраля 1943 г. на совещании трех министров (военного, военно-морского и иностранных дел)¹.

Когда Италия вышла из войны, японская дипломатия предприняла меры, чтобы сохранить ее в тройственном блоке фашистских агрессоров. Новый японский посол в Италии Хидака по прибытии в Рим заявил, что Япония и Италия вместе с Германией и другими странами «оси» будут представлять «единый и крепкий, как сталь, сплав». Он указал, что Япония и Италия связаны между собой «более тесными узами, чем когда-либо раньше».

Однако позиция Италии в отношении войны продолжала беспокоить правящие круги Японии. Японский посол в Германии Осима в связи с событиями в Италии совещался с Гитлером в течение 28—30 июля 1943 г. Во время беседы обсуждению подверглись вопросы: о смене правительства в Италии, о военных действиях в Европе и о дальнейшей политике Германии. После этих совещаний Осима заявил о своей твердой уверенности, что ничто не может помешать решимости Японии и Германии продолжать войну до полной победы и преодолеть все трудности, какие могут возникнуть на пути к ней. Он подчеркнул, что армии обеих союзных стран должны бороться вместе.

15 сентября 1943 г. было опубликовано совместное японо-германское заявление, вновь подтверждавшее союз трех фашистских государств. Оно явилось ответом Японии и Германии на перемирие, неделю ранее заключенное Италией со странами антифашистской коалиции.

Правящие круги Японии и Германии, учитывая итальянские события, стремились использовать различные средства для демонстрации единства и общности

¹ Хаттори Такусиро, Дайтоа сэно дзэнси, т. 3, стр. 235—237.

целей блока держав «оси». В течение второго периода военных действий на Тихом океане, когда угроза полного распада тройственного блока становилась все более реальной, систематически и демонстративно отмечались годовщины подписания тройственных военно-политических соглашений 1936, 1940, 1941 и 1942 гг.

Германия и Япония предпринимали попытки более тесной координации военных усилий против США и Англии. 15 ноября 1943 г. в Токио состоялась конференция представителей Японии и Германии, которая обсудила мероприятия по объединению сил в войне и приняла решения о выработке единой стратегии и тактики японских и немецких вооруженных сил, а также об учреждении специальных информационных органов для осуществления всесторонней взаимной информации и о созыве в будущем подобных конференций поочередно в Токио и Берлине.

Оба союзника — Япония и Германия — не ограничивались обсуждением и принятием решений о выработке совместной политики. Они оказывали друг другу всестороннюю помощь. Япония, в частности, продолжала передавать Германии военную информацию о Советском Союзе, которую старались собирать японские дипломатические представители в Москве.

Свидетель, бывший начальник отдела информации японского генерального штаба генерал-майор Мацумура Томокацу, подтвердил на Токийском процессе, что Япония во время военных операций на Советско-германском фронте передавала гитлеровской Германии сведения об СССР. Он указал, что сведения получал германский военный атташе Кречмер, систематически навещавший японский генеральный штаб. Это были сведения о военном потенциале СССР, о силах Советской Армии, о дислокации ее частей на Дальнем Востоке, об оценке советской печатью положения на Советско-германском фронте. Кречмер систематически получал данные о передислокации советских войск¹.

Другой свидетель, бывший референт прессы японского посольства в Берлине Нохара Комакити, показал, что он постоянно занимался обработкой материалов военной и другой секретной информации, которая переда-

¹ «Правда», 2 июня 1948 г.

валась Германии. Среди обнаруженных у Нохара документов находились секретные данные о численности и дислокации частей Советской Армии, ее вооружении и снабжении, о состоянии военной промышленности Советского Союза и выпускаемой ею продукции, в особенности о самолетах и танках, а также о людских резервах СССР. «Такого характера военные сведения о Советском Союзе, — показал Нохара, — японское посольство в Берлине получало с 1941 по 1945 г. от японских послов в Москве Татэкава и Сато в виде зашифрованных телеграмм, которые затем советник Кавахара и я обрабатывали и переводили на немецкий язык. После этого японское посольство в Берлине передавало эти сведения германскому министерству иностранных дел». Нохара признал, что за период с 1939 по 1945 г. японские послы в Москве передали Германии около 40 документов¹.

Япония и Германия пытались использовать подводные лодки для связи между собой, но из-за дальности расстояния (15 тыс. миль) и опасностей перехода такое средство не могло иметь большого значения. За время войны японские подводные лодки лишь 6 раз совершили рейсы в Германию². Нескольким немецким подводным лодкам удалось прибыть в Сингапур и даже в Японию; некоторые японские подводные лодки прибыли из Сингапура в Брест. В апреле 1943 г. в 400 милях юго-западнее Мадагаскара состоялась встреча японской и немецкой подводных лодок, во время которой японцы приняли на борт Субхас Чандра Босса, который был ими поставлен во главе марионеточного правительства так называемой свободной Индии.

Японские правящие круги прилагали все усилия к укреплению своих отношений с Германией и в 1944 г. Подводя итоги сотрудничества с Германией, Тодзё в новогодней речи демагогически заявил, что Германия и другие союзные с Японией державы якобы успешно ведут свои боевые операции и разгром Англии и США приближается. Выступление Тодзё сознательно вводило в заблуждение общественное мнение страны. Японские империалисты не могли не понимать, что поражения их

¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7994—7996.

² *Хасимото Мотицура*, Потопленные. Японский подводный флот в войне 1941—1945 гг., М., 1956, стр. 202.

европейских союзников неизбежно отразятся на положении Японии и приблизят ее капитуляцию.

Большое значение для укрепления сотрудничества держав «оси» в войне придавалось работе так называемой смешанной комиссии, созданной на основе тройственного пакта. Заседания этой комиссии происходили в течение апреля 1944 г. в Токио. На них рассматривались вопросы, касающиеся совместного ведения войны, координации военных усилий и укрепления взаимоотношений между державами «оси»¹.

В конце мая в Токио открылось новое совещание представителей держав «оси» при активном участии так называемой Лиги народов великой Восточной Азии. В нем приняли участие представители Японии, Германии, Италии, а также — в качестве наблюдателей — Маньчжоу-го, Бирмы и Таиланда. Созыв совещания вызывался крупными потерями авиации Японии и Германии и интенсивностью воздушных бомбардировок территорий этих стран. Совещание обсудило вопрос об усилении военно-воздушных сил стран тройственного пакта и об упрочении японо-германо-итальянской дружбы.

Непрерывные поражения немецко-фашистских войск на Советско-германском фронте вызывали все растущую тревогу в правящих кругах Японии за дальнейшие судьбы военных операций на Тихом океане. Эта тревога еще больше усилилась после открытия летом 1944 г. второго фронта на европейском континенте. Открытие второго фронта побудило Японию и Германию срочно созвать в Токио специальное совещание, на котором обсуждались контрмеры обеих стран, направленные против Англии и США. Гитлеровская клика предпринимала также шаги, чтобы предотвратить неблагоприятное воздействие на Японию, которое оказывали поражения немецко-фашистских войск на Советско-германском фронте. В беседе с Осима, состоявшейся 4 сентября 1944 г., Гитлер пытался доказать, что потеря ранее оккупированных территорий компенсируется улучшением средств связи и снабжения, а временная потеря побережья Атлантики

¹ В смешанной комиссии, созданной на основе тройственного пакта, в то время представляли: Японию — Тодзэ, Сигэмицу и Си-мада, Германию — Штамер, Италию — поверенный в делах Принчиппини. Помимо того, в заседаниях принимало участие большое количество экспертов.

якобы не имеет большого значения для новых немецких подводных лодок¹. Осима со своей стороны заверил Гитлера в том, что Япония будет сражаться на стороне Германии до окончательной победы и что «она использует свои последние войска» для этой цели, так как «для Японии существует только одна дорога, по которой она должна идти до конца»². Заверение Осима вытекало из внешнеполитического курса правительства Коисо, сохранившего прогерманскую ориентацию. Об этом, в частности, свидетельствует заявление Коисо 23 июля 1944 г. о том, что «Япония будет продолжать укреплять свои связи с Германией для достижения общих военных целей»³.

Состояние японо-германских отношений во второй период военных действий на Тихом океане показывает, что дальневосточный партнер «оси» с отчаянием цеплялся за своего германского союзника, опасаясь, как бы под влиянием ударов, наносимых Советской Армией и войсками союзников, он не вышел бы из игры и не оставил Японию наедине с американо-английским блоком. Поэтому японские империалисты прилагали усилия, в особенности после капитуляции Италии и других европейских союзников Германии, к тому, чтобы всеми средствами сохранить японо-германский военно-политический союз и с его помощью продолжать войну против американо-английского блока. Вместе с тем японские империалисты все еще упрямо верили в силы своего германского союзника, а потому продолжали авантюристическую внешнеполитическую стратегию.

Однако на пути дальнейшего сближения Японии и Германии стояли препятствия, мешавшие координации их планов и действий. Это — японо-германские разногласия, в особенности связанные с политикой по отношению к Советскому Союзу, а также японо-германские империалистические противоречия.

Выражением разногласий между Японией и Германией, неоднократно проявлявшихся во второй период военных действий на Тихоокеанском театре, была позиция японского правительства по отношению к настоя-

¹ «Сюээнсироку», стр. 159—160.

² «Стенограмма Токийского процесса», стр. 38519—38520.

³ См. «Очерки новейшей истории Японии», стр. 253.

чивым требованиям гитлеровской клики о вступлении Японии в войну против СССР. Эти требования участились с конца 1942 г., когда развернулось Сталинградское сражение, а затем усилились летом 1943 г., в период Орловско-Курской битвы.

Весьма характерны в этом отношении представления гитлеровской дипломатии и ответные мотивировки японского союзника. Во время беседы с Риббентропом 6 марта 1943 г. японский посол в Берлине Осима заявил, что предложение германского правительства о нападении на СССР детально и исчерпывающим образом обсуждалось на совещании японского правительства с императорской ставкой. В результате оно приняло следующее решение: «Японское правительство полностью сознает опасность, которая исходит от России, и прекрасно понимает желание своего союзника — Германии, чтобы Япония также вступила в войну против России. Однако ввиду сложившейся в настоящее время военной обстановки японское правительство не может вступить в войну. Оно скорее убеждено в том, что в общих интересах не следует начинать в настоящее время войну против России. С другой стороны, японское правительство никогда не будет игнорировать русский вопрос».

Обосновывая это решение, Осима указал, что «с давних пор Япония имела намерение совершить открытое военное нападение на СССР. Но пока она, очевидно, не чувствует себя достаточно сильной, чтобы сделать это. Нападение было бы возможным при оголении фронта на юге и сдаче нескольких островов противнику, с тем чтобы перебросить все силы на север. Однако это означало бы тяжелое поражение на юге. Одновременное продвижение на юг и на север невозможно для Японии».

Риббентроп, не согласившись с доводами Осима, ответил: «В настоящее время Германия ведет войну против общего врага — Англии и Америки — почти одна, в то время как Япония главным образом занимает оборонительные позиции. Однако было бы более правильным, если бы все они (державы «оси». — Д. Г.), объединенные пактом трех держав, сконцентрировали свои силы для нанесения поражения не только Англии и Америке, но также и России. Нехорошо, когда одна держава должна сражаться без помощи других. Нельзя перенапрягать силы Германии. Он (Риббентроп. — Д. Г.) взвол-

нован тем, что некоторые круги в Токио... пропагандируют... идеи, что Германия, несомненно, победит и что поэтому Япония должна еще больше укрепиться перед тем, как предпринять новые усилия...»

Затем Риббентроп снова поднял вопрос о нападении Японии на СССР и заявил, что в конце концов борьба в районе Бирмы и на юге представляет собой военные действия на море и что на всех фронтах, за исключением Китая, занято очень небольшое количество японских сухопутных сил. Поэтому нападение на СССР — это в основном дело армии.

Однако Осима настаивал на прежней позиции. Он ответил: «Решающим для Японии является вопрос о том, имеется ли у нее достаточно сил и возможностей для производства вооружения, чтобы помимо имеющихся противников напасть на Россию и разбить ее без того, чтобы подвергнуть опасности операции на других фронтах. Токио опасается расщепления своих сил... Япония уже давно имеет намерение повернуть против России. Но в настоящий момент она, по всей видимости, чувствует себя недостаточно сильной для этого... Если Япония захочет напасть на Россию, придется перебросить почти все войска с юга в Маньчжурию. Во всяком случае, не имеется достаточно войск, чтобы напасть на Россию с надеждой на скорую победу»¹.

Цитируемые документы характерны как показатель японо-германских разногласий, стремления Японии отсрочить выполнение своих обязательств по тройственному соглашению — напасть на СССР и сосредоточить усилия пока только на ведении войны против США и Англии.

Японо-германские разногласия по вопросу о вступлении Японии в войну против СССР отражали колебания в ее правящих кругах. Эти колебания объяснялись прежде всего положением на Советско-германском фронте, где Вооруженные Силы СССР добились новых внушительных побед, приближавших исход второй мировой войны в пользу антифашистской коалиции. Наиболее трезвые и осторожные представители правящих кругов

¹ Запись беседы Риббентропа с Осима от 6 марта 1943 г. см. «Стенограмма Токийского процесса», стр. 8014, 8018—8019, 49356—49357; «Нюрнбергский процесс», т. I, стр. 412—413. — Курсив наш.

Японии опасались серьезных последствий вступления ее в войну против СССР ввиду явно неблагоприятного для блока фашистских государств соотношения сил, сложившегося на международной арене.

Второй период военных действий на Тихоокеанском театре характеризуется не только усилением японо-германских разногласий по вопросу об открытии «второго фронта» на дальневосточных рубежах СССР, но и обострением японо-германских империалистических противоречий. Это вполне закономерно, так как тройственный союз фашистских агрессоров представлял собой коалицию империалистических хищников. Победы и успехи одного из партнеров далеко не всегда радовали другого, хотя *все они прежде всего были заинтересованы в реализации общих целей объединявшей их коалиции*. Победы Японии в начальной стадии военных действий на Тихом океане, захват ею богатых ресурсов стран Южных морей, в особенности Индонезии, вызывали известные опасения гитлеровского союзника, поскольку эти ресурсы перешли в монопольное обладание Японии, которая под различными предлогами могла отказаться от выполнения своих обязательств поделиться с Германией трофеями.

В ходе войны японо-германские империалистические противоречия проявились и в вопросе о Китае. С целью усиления своего влияния в этой стране немцы развернули большую активность в Шанхае и Нанкине и пытались установить непосредственные отношения с «правительством» Ван Цзин-вэя. Японцы же настаивали на том, что германская политика в Китае должна согласовываться с Японией, а Ван Цзин-вэю были даны указания сноситься с представителями Германии лишь через японских дипломатов.

После нападения Японии на США и Англию центром активности гитлеровской Германии стал Шанхай. Этим центром руководили личный представитель Гитлера Видеман, германский посол в Японии Генрих Штамер и другие.

Видеман потребовал от Японии увеличения количества представителей гитлеровских штурмовых отрядов, созданных в Шанхае, но получил отказ. Неудачно закончилась и его попытка получить разрешение одеть штурмовиков в особую форму.

Одним из выражений японо-германских противоречий являлась шпионско-диверсионная подрывная деятельность гитлеровцев против Японии. Организатором шпионской деятельности неизменно выступал гитлеровский посол в Токио Отт, на смену которому 1 января 1943 г. пришел Штамер.

Японо-германские разногласия и империалистические противоречия не имели, однако, решающего значения во взаимоотношениях Японии и Германии, *главными и определяющими* оставались *общность и единство* их агрессивных внешнеполитических целей: *совместное ведение войны* против стран антифашистской коалиции в целях передела мира и установления под флагом построения «нового порядка» в Европе и Азии своего мирового господства. *Разногласия и противоречия*, возникавшие по ряду важных вопросов, в целом *не поколебали тесных союзнических отношений* двух «антикоминтерновских» партнеров. Вместе с тем существование разногласий и противоречий между Японией и Германией отнюдь не означало, что Япония в отличие от Италии и других союзников Германии являлась якобы наименее «лояльным» участником фашистской коалиции. Было бы ошибкой полагать, что она преследовала только свои империалистические цели, всегда не совпадавшие с интересами всего тройственного блока, в особенности с планами и целями Германии, а потому сумела выдержать в течение 1941—1945 гг. «ужасное давление» Гитлера, требовавшего вступления Японии в войну на стороне держав «оси».

Наличие японо-германских разногласий и империалистических противоречий, существование собственных агрессивных планов и целей Японии, в ряде случаев и на определенных этапах расходившихся с планами и намерениями Германии, означало, что Япония проводила самостоятельную внешнюю политику, как суверенное государство, а не была зависимой от гитлеровской Германии страной, послушно выполнявшей ее диктат. Следовательно, Япония не являлась «Италией Дальнего Востока», т. е. сателлитом гитлеровской Германии.

Главной причиной существования расхождений между Германией и Японией, в особенности по вопросу о политике в отношении СССР, являлась военно-экономическая

и политическая мощь социалистического государства, нашедшая яркое выражение в огромной силе сопротивления Советских Вооруженных Сил, в наращивании их ударов по немецко-фашистским войскам, в осуществлении, а затем и закреплении коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны и второй мировой войны в целом.

Наличие японо-германских разногласий и противоречий, а также собственных агрессивных целей Японии, не всегда совпадавших с намерениями гитлеровской Германии, отнюдь не противоречило тому, что Япония являлась членом блока держав «оси» и в его рамках проводила общую внешнеполитическую линию, в особенности антисоветскую, придерживаясь прогерманской ориентации. *Державы фашистского блока, развязав вторую мировую войну, вели ее вместе против СССР, США, Англии, Китая и других стран антифашистской коалиции.* Япония, являясь активным участником треугольника «Берлин — Рим — Токио», *руководствовалась в своих действиях прежде всего и главным образом интересами фашистского блока в целом.*

Следовательно, наличие японо-германских разногласий и противоречий не может и никоим образом *не должно снимать ответственности Японии за соучастие ее в совместных враждебных действиях против Советского Союза*, а также против его союзников по антифашистской коалиции во второй мировой войне.

ЯПОНО-СОВЕТСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПЕРИОД ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ

Второй период военных действий на Тихоокеанском театре также характеризуется антисоветской политикой, проводившейся всеми правительствами Японии. Несмотря на войну против США, Англии и Китая, японские империалисты по-прежнему придерживались враждебной позиции по отношению к СССР и, оказывая активную поддержку Германии, готовились в благоприятный момент осуществить военное нападение на Советское государство. По этой причине японское командование продолжало концентрировать на границе

с СССР отборную Квантунскую армию, предназначавшуюся для антисоветского похода.

Антисоветская политика правящих кругов Японии находилась в тесной связи с их прогерманской внешнеполитической ориентацией.

Антисоветские военные планы японских империалистов в 1943—1944 гг.

Как в течение первого периода военных действий на Тихоокеанском театре, так и во второй их период японские империалисты *систематически нарушали советско-японский пакт о нейтралитете*, используя его как прикрытие для подготовки антисоветской войны.

Продолжая готовить нападение на Советский Союз, японские правящие круги корректировали прежние и разрабатывали, в зависимости от изменения положения на Советско-германском фронте, новые агрессивные планы. Такого рода проекты по-прежнему готовились штабом Квантунской армии и окончательно утверждались генеральным штабом Японии.

Наличие антисоветских планов войны в 1943 г. подтверждают, в частности, материалы Токийского процесса.

Свидетель защиты генерал-лейтенант Касахара Юкио показал, что план 1942 г. остался в силе и на 1943 г. и своей целью имел наступательную операцию на юге Приморского края, в особенности уничтожение находившихся здесь авиационных баз, которые, по мнению свидетеля, «угрожали» обороне собственно Японии. Касахара признал, что «этот план был планом наступления»¹.

Свидетели генерал-майор Мацумура Томокацу и подполковник Сёдзима Рюдзо, ранее служившие в генеральном штабе, также показали, что в соответствии с разработанными планами намечались пункты сосредоточения японских войск для нанесения главных и второстепенных ударов. Мацумура подтвердил, что Квантунская армия была приведена в 1943 г. в боевую готовность для внезапного начала военных действий против

¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 23192; ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 229, л. 225.

Советской Армии. Он показал, что в августе этого года начальник отдела связи Квантунской армии подполковник Тамура Морио предупредил его и начальника шифровального отдела майора Кобаяси о необходимости быть готовыми к быстрой замене шифров на случай начала военных действий против Советского Союза. Тамура добавил, что командование Квантунской армии по указанию главной ставки *«начнет военные операции против Красной Армии внезапно, чтобы, используя инициативу, сломить ее силу»*¹. Начало японских операций связывалось с итогами битвы под Курском.

Планы войны против Советского Союза в 1943 г. предусматривали также концентрацию в северо-восточной части Китая около 30 дивизий².

Существование планов нападения Японии на Советский Союз в 1943 г. подтвердил генерал-майор Оцубо Кадзима, который в то время занимал пост начальника штаба 23-й японской дивизии, дислоцированной в Маньчжурии. Оцубо показал, что в августе 1943 г. он присутствовал в Хайларе на совещании в штабе 6-й армии по вопросу о ее предстоящих оперативных действиях в войне против СССР. Первые два дня, сказал Оцубо, на совещании обсуждался вопрос об оперативном плане обороны на участке 6-й армии, так как в случае войны с Советским Союзом на первом ее этапе *Квантунская армия должна была наступать на Приморском направлении*, а на участке 6-й армии ожидалась оборонительные бои. На Забайкальском направлении по замыслу командования японские войска обязаны были *«стоять насмерть»* до прибытия новых дивизий для 2-го фронта. На третий день этого совещания рассматривался вопрос о наступательной операции, которая планировалась после того, как фронт и армия получают новые соединения. Тогда 2-й фронт должен был вести наступление на Читу. Замысел командования, по словам Оцубо, был таков: сосредоточить главные силы в районе Хайлара и после этого совершить обходный маневр, атаковать из района южнее озера Далайнор тылы правого фланга Забайкальского фронта. Разбив противника, японские

¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 8173—8174; ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 197, л. 10. — Курсив наш.

² См. там же; ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 482, л. 859.

войска предполагали перерезать все пути его отступления.

Оцубо показал, что для осуществления задачи наступления на Читу требовалось сконцентрировать 20 дивизий, наличных же сил на этом направлении хватило бы только для упорной обороны. Снятие дивизий с других направлений и перегруппировка сил Квантунской армии, по словам Оцубо, могли быть проведены после завершения *первого этапа войны — захвата Советского Приморья*.

Проблемами разработки планов нападения на СССР интенсивно занимался также «Институт тотальной войны». В марте 1943 г. он опубликовал законченную к этому времени работу, озаглавленную «Мероприятия по управлению Сибирью» (включая Монголию). В этой работе отмечалось, что общей целью Японии является подготовка на севере оборонительного района. В ней говорилось, что Северный Сахалин, Приморская область и Камчатка «в перспективе становятся владением (Японии. — Д. Г.) и превращаются в военный опорный район на северных рубежах империи»¹. Кроме этого, в работе указывалось, что после оккупации Сибири все прежние законы будут отменены, а местные жители устранены «от участия в политике». Намечалось также переселение японцев, корейцев и китайцев, проживавших в Маньчжурии, в районы Сибири, а местные жители одновременно подлежали выселению и использованию для принудительных работ, в частности для разработки горных богатств.

Активную роль в разработке планов войны против СССР в 1943 г. и в определении объектов захвата для включения в «сферу процветания» играло общество «Кокусакү кэнкюкай», в деятельности которого принимали участие Того, Кая, Муто и Сато. В «Проекте 10-летнего плана построения «сферы процветания», разработанном Обществом в апреле — мае 1943 г., указывалось, что «в рациональные границы «сферы процветания» должны войти в числе других составных частей районы восточной части СССР, включая озеро Байкал, и Внеш-

¹ «Стенограмма Токийского процесса», ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 87—88.

няя Монголия»¹, т. е. Монгольская Народная Республика.

Наличие антисоветских планов войны и подготовку их осуществления подтверждает также беседа Риббентропа с японским послом в Берлине Осима, состоявшаяся 18 апреля 1943 г. Осима откровенно заявил: «Двадцать лет все планы генерального штаба разрабатывались для наступления на Россию, и все снова направлено на это наступление»². Со своей стороны Риббентроп убеждал своего собеседника в необходимости максимально использовать создавшиеся, по его мнению, благоприятные возможности для реализации японских планов выступления против СССР. В одном из представленных Нюрнбергскому суду документов, который является отрывком из упомянутой записи беседы Риббентропа с Осима, говорится: «...Министр иностранных дел затем вновь подчеркнул, что, несомненно, нынешний год представляет наиболее благоприятные возможности для Японии, если она себя чувствует в достаточной силе и имеет в своем распоряжении достаточное количество противотанкового оружия для нападения на Россию, которая, несомненно, никогда не будет так слаба, как в настоящий момент...» Риббентроп еще раз подчеркнул, что Японии следует обязательно выступить против СССР в этом же году, учитывая, что такая «удобная возможность нападения, быть может, никогда не представится»³.

В упомянутом выше проекте 10-летнего плана построения «сферы сопроцветания», как и прежде, предусматривалась *координация действий Японии и Германии*⁴.

Таким образом, факты убедительно свидетельствуют о том, что правящие круги Японии считали свои антисоветские планы вполне реальными и необходимыми, несмотря на продолжение затяжной войны против Китая, США и Англии, что они продолжали активную подго-

¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7411; ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 74—75.

² «Стенограмма Токийского процесса», стр. 8176—8177; ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 230, л. 25—26.

³ «Нюрнбергский процесс», т. I, стр. 413; «Стенограмма Токийского процесса», стр. 8176; ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 213, л. 11.

⁴ См. «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7406.

товку к нападению на Советский Союз, не ограничиваясь одним лишь планированием его.

Как показали на Токийском процессе Кита Сэйити, Кусаба Тацуми и Сёдзима Рюдзо, конкретные планы войны Японии против Советского Союза продолжали существовать и в 1944 г.¹

Разработка антисоветских планов и планов агрессии против Монгольской Народной Республики и координация их с планами Германии сочетались с попытками японских империалистов усыпить бдительность Советского Союза и таким образом облегчить осуществление их захватнических намерений.

Дальнейшая подготовка маньчжуро-корейского военно-промышленного плацдарма

Подготавливая военное нападение на СССР, а также в связи с резким ухудшением военно-стратегического и экономического положения Японии, японские империалисты придавали большое значение усилению маньчжуро-корейского военно-промышленного потенциала, в частности увеличению выпуска промышленной продукции в северо-восточной части Китая и Кореи. Более того, они намеревались перебазировать сюда важнейшие предприятия собственно Японии, чтобы таким образом обеспечить затягивание войны против американско-английского блока и развертывание в благоприятный момент войны против Советского Союза.

Целям подготовки войны против СССР подчинялась и колонизаторская политика японских интервентов в Маньчжурии. Здесь, как правило, поселялись резервисты, отбывшие срок действительной службы в армии. В течение трех лет переселенцы находились в военизированных лагерях, после чего их размещали в специальных военизированных переселенческих поселках. Так, если в 1941 г. общее количество японских переселенцев в Маньчжурии составляло 610 тыс. человек, то к 1945 г. оно достигло 1 млн. человек, причем взрослая мужская часть использовалась для формирования новых дивизий

¹ См. «Стенограмма Токийского процесса», стр. 8099, 8133, 8144, 8169, 42051.

Квантунской армии¹. Основными районами расселения колонистов неизменно являлись приграничные зоны Северной Маньчжурии и особенно районы, прилегающие к Советскому Приморью.

Своей политикой колонизации японские империалисты накапливали нужные кадры для мобилизационного развертывания Квантунской армии в войне против СССР.

В тех же целях японские империалисты построили в Маньчжурии и на границе с Советским Союзом большое число фортификационных сооружений, составивших мощные укрепленные районы. Если в 1941 г. в Маньчжурии насчитывалось 13 укрепленных районов, занимавших по протяженности 700 км, а число долговременных фортификационных сооружений — более 1200, то к 1945 г. на границе с Советским Союзом находилось уже 17 укрепленных районов протяженностью укрепленной полосы до 800 км и с числом долговременных фортификационных сооружений свыше 4500². Все укрепленные районы воздвигались в полосе операционных направлений, намеченных планом войны против СССР.

Японские империалисты усилили также строительство железных и автомобильных дорог. Общая протяженность сети железных дорог в Маньчжурии за время с 1941 по 1945 г. увеличилась с 10 735 до 13 700 км. К началу 1945 г. протяженность автогужевых дорог составила около 60 тыс. км, а автомобильных дорог — 22 тыс. км.

За период оккупации японцы создали в Маньчжурии густую сеть складов с огромными мобилизационными запасами. Большая часть складов по-прежнему находилась в северной и восточной части Маньчжурии, что свидетельствовало о наличии планов большой войны против Советского Союза. В 1945 г. здесь находилось 370 военных складов (в 4,6 раза больше, чем в 1936 г.), рассчитанных на хранение 300 тыс. т боеприпасов, 12 тыс. т авиабомб и 250 тыс. т горючего³.

Значительно расширился в Маньчжурии и казарменный фонд. Его вместимость составляла в 1941 г.

¹ См. «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7557; ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 105.

² См. там же, стр. 7552—7553.

³ См. «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7548—7549, 7555.

39 пехотных дивизий, а в 1945 г. она возросла до 55—70 дивизий общей численностью 1,5 млн. человек¹. Такое большое увеличение казарменного фонда имело целью обеспечить концентрацию войск для проведения крупных наступательных операций против Советского Дальнего Востока.

Значительное место в планах подготовки к войне против Советского Союза с маньчжурского плацдарма занимало расширение сети аэродромов, авиабаз и посадочных площадок. В течение 1941—1945 гг. их количество увеличилось с 287 до 416, в том числе аэродромов — с 74 до 116².

Готовя войну против Советского Союза, японские империалисты уделяли большое внимание и оборудованию корейского плацдарма.

Численность японских войск в Корее, составлявшая в 1941 г. 45,7 тыс. человек, увеличилась к апрелю 1945 г. до 215 тыс. и к августу 1945 г. до 325 тыс. человек. Количество орудий возросло с 800 в 1941—1942 гг. до 1500 в 1945 г., число самолетов — с 200 до 400, танков — с 30 до 170.

Большое внимание уделялось строительству и переоборудованию железных и автогужевых дорог. Если в 1941 г. в Корее насчитывалось 5,8 тыс. км железных дорог и 53 тыс. км автогужевых, то в 1945 г. они соответственно увеличились до 6,6 тыс. и 60 тыс. км.

Расширялась и сеть аэродромов: в 1941—1942 гг. в Корее насчитывалось 53 аэродрома, в 1945 г. их стало 63, в том числе 5 авиабаз, 25 аэродромов и 33 посадочные площадки³.

Против Советского Союза по-прежнему было направлено строительство укрепленных районов. Созданные в течение 1931—1941 гг. в Корее Расинский, Кэньхынский и Гензанский укрепленные районы в 1941—1945 гг. были дооборудованы и усовершенствованы. За это же время был расширен и казарменный фонд: с 7 до 12 пехотных дивизий с частями усиления⁴.

¹ См. «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7557; ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 103.

² См. там же, док. № 713.

³ См. там же, стр. 37105—37106; док. № 724, 726.

⁴ См. там же, стр. 7594; ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 120.

Несмотря на необходимость сосредоточения значительных вооруженных сил в районе Южных морей и на Китайском театре, японские империалисты продолжали концентрировать на маньчжуро-корейском плацдарме крупные силы. Численность японских войск в Маньчжоуго в 1945 г. (по данным генерального штаба Японии) составляла 787,6 тыс. человек¹. На вооружении Квантунской армии находилось 5 тыс. орудий, 1 тыс. танков и столько же самолетов². Вместе с войсками, дислоцированными на Южном Сахалине, она представляла «цвет японской армии». За все время войны в ней было обучено примерно 2,5 млн. человек³. Следует добавить, что в распоряжении Квантунской армии для военных действий против СССР находилась также армия марионеточного правительства Маньчжоуго, насчитывавшая в 1945 г. 187 тыс. человек, сведенных в 34 бригады, и, кроме того, армия Внутренней Монголии, которая в то время имела 8 дивизий и 4 отдельных полка⁴.

Увеличивалась и общая численность вооруженных сил Японии.

В 1943 г. она составляла 3,8 млн. человек, в 1944 г. — около 5,4 млн. человек, к августу 1945 г. численность армии и флота достигла почти 7,2 млн. человек, в том числе армии — 5,5 млн. человек⁵. На вооружении японской армии в 1945 г. находилось 20 200 орудий, 3000 танков и 5400 самолетов (против 12 270 орудий, 2260 танков и 5000 самолетов на 1 января 1942 г.⁶).

В подготовке войны против СССР и МНР немалую роль играли планы использования белогвардейских эмигрантов в Маньчжурии, разработанные штабом Квантунской армии. Информационный отдел этого штаба подготовил в 1943 г. указания по руководству белогвардейцами и их обучению активной диверсионной деятельности. В документе говорилось: «Белогвардейцы, неза-

¹ См. «Стенограмма Токийского процесса», стр. 23556; ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 230, л. 136.

² См. *Г. В. Кузьмин, И. В. Анисимов*, Великая Отечественная война 1941—1945 гг., М., 1952, стр. 156.

³ См. «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7557, 20441.

⁴ См. там же, ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 99, 100.

⁵ См. «Сирё-ни-ёру Нихон-но аюми», т. 4, стр. 259.

⁶ См. «Стенограмма Токийского процесса», док. № 706, стр. 7531.

висимо от пола и их желания, должны широко привлекаться для войны против СССР, и особенно для тайной войны против Советского Союза»¹. Тот же отдел штаба Квантунской армии подготовил документ, касающийся проведения пропагандистской кампании против МНР. Конечной целью этой кампании объявлялся переход МНР на антисоветские позиции и сотрудничество ее с Японией. Для этого пропагандистская кампания, которая перемежалась с подрывной шпионско-диверсионной деятельностью, подразделялась на три этапа: «1) подрыв общественного доверия к теперешнему правительству; 2) оппозиция военных и гражданского населения теперешнему правительству; 3) отчуждение от Советского Союза (расторжение договора о взаимной помощи. — Д. Г.) и оказание сопротивления Советскому Союзу, то есть сотрудничество с Японией». В итоге третьего этапа ожидалось: «1) многочисленные бунты и восстания; 2) создание под руководством японской армии автономного правительства и 3) война против России»².

Японские империалисты уделяли в Маньчжурии большое внимание идеологической подготовке войны против СССР. Военную и идеологическую подготовку ее населения вела организация «Сехэхой». Она осуществляла военную подготовку молодежи, а также содействовала развитию промышленности в Маньчжурии. Члены этой организации участвовали в строительстве различных военных сооружений. Для действий в военной обстановке создавались специальные боевые группы, носившие название «Сэмподан». Если в августе 1938 г. численность «Сехэхой» составляла 1 млн. человек, то в 1945 г. она достигла 4,5 млн. человек. Ее фактическими руководителями являлись командующий Квантунской армией и начальник ее штаба.

Общество «Сехэхой» оказывало большую помощь в проведении системы трудовой повинности в Маньчжурии. Оно проповедовало идею создания «великой Восточной Азии» и установления японского «нового порядка».

¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7669.

² Там же, стр. 7670—7671.

В течение 1941—1944 гг. непрерывно возрастало количество нарушений Японией государственной границы Советского Союза, о чем свидетельствуют следующие данные¹:

	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.
Количество нарушений государственной границы СССР японскими солдатами и офицерами	136	229	414	—
Количество нарушений государственной границы СССР японскими самолетами	61	82	119	171

Таким образом, все вышеприведенные данные о подготовке маньчжуро-корейского военного плацдарма, об использовании белогвардейских эмигрантов и идеологической кампании в Маньчжурии, а также о нарушениях государственной границы СССР свидетельствовали об *антисоветской направленности внешней политики Японии*, правящие круги которой наряду с ведением войны против Китая, США и Англии в течение всего периода Великой Отечественной войны *тщательно и всесторонне готовили внезапное нападение на Советский Союз*. Все это *противоречило пакту о нейтралитете между СССР и Японией, являлось прямым и грубым его нарушением*. Мероприятия японских империалистов в Маньчжурии показывали, что *антисоветские планы войны носили реальный характер* и что империалисты Японии действительно намеревались в благоприятный момент вторгнуться на территорию Советского Дальнего Востока, захватить его богатства и поработить советских людей.

Причины, побудившие японских империалистов отсрочить нападение на Советский Союз в течение второго периода военных действий на Тихом океане

Каковы же причины, вынудившие японских империалистов, несмотря на всестороннюю и интенсивную подготовку, откладывать сроки нападения на Советский Союз в течение второго периода военных действий на

¹ См. «Стенограмма Токийского процесса», стр. 2975.

Тихоокеанском театре? Чем объяснить, что правящие круги Японии не решились выступить с войной против СССР и реализовать свои и всего блока фашистских агрессоров планы антисоветской войны на Дальнем Востоке?

Главная причина состояла в героическом сопротивлении Советских Вооруженных Сил на Советско-германском фронте, в сокрушительных ударах, нанесенных ими гитлеровской армии в 1943—1945 гг., что предопределило поражение и безоговорочную капитуляцию Германии. Японские империалисты сначала упрямо верили в успех германского «блицкрига» против СССР, а после Сталинградского сражения и Орловско-Курской операции продолжали еще надеяться, что немецко-фашистские войска оправятся от поражений и добьются перелома в войне. В ряде свидетельских показаний на Токийском процессе признавалось, что правящие круги Японии «ожидали решающего сражения между главными силами на Западном фронте»¹. Однако этого «решающего» сражения в пользу Германии японские империалисты так и не дождались.

Победы Советских Вооруженных Сил отчетливо показали преимущества советского общественного и государственного строя, военную и экономическую мощь Советского Союза. Война СССР против немецко-фашистских захватчиков продемонстрировала силы и резервы социалистического государства, вскрыла просчет японских империалистов в оценке военного потенциала СССР и отрезвляюще подействовала на японских агрессоров. В итоге правящие круги Японии оказались вынужденными изменить свою прежнюю оценку мощи Советского Союза и заняться корректировкой антисоветских планов.

Тесно связан с первой и главной причиной и другой просчет японских империалистов. В ходе войны правящие круги Японии рассчитывали, что Советский Союз, вынужденный вести борьбу против гитлеровской Германии один на один, перебросит значительную часть своих дальневосточных войск на Западный фронт и тем самым ослабит оборону Советского Дальнего Востока. Они полагали, что при таких обстоятельствах Квантунская армия сможет неожиданно вступить в войну против

¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 23192—23193.

СССР и легко, «малой кровью» захватить Советский Дальний Восток. Однако и эти расчеты японских империалистов потерпели крах. Несмотря на труднейшее единоборство с немецко-фашистскими войсками, Советский Союз не ослабил своих вооруженных сил на Дальнем Востоке, сохранил здесь боеспособные армии, достаточные для того, чтобы дать отпор любой провокации со стороны японских империалистов.

Ход войны между СССР и Германией в 1944 и в начале 1945 г. еще более убедил правящие круги Японии в рискованности ее военного выступления против Советского Союза в условиях непрерывных поражений на Тихоокеанском фронте и затяжной войны в Китае. Поэтому не случайно среди части руководящих государственных деятелей Японии в августе—ноябре 1944 г. выдвигались различного рода планы заключения мира между Германией и СССР¹, а также «улучшения» японо-советских отношений и «сохранения политики нейтралитета» по отношению к Советскому Союзу; в целях реализации этих планов намечалась посылка в Москву специального посла — бывшего премьер-министра Хирота².

Все эти планы отражали опасение Японии за последствия поражения Германии, а формальные декларации о сохранении политики нейтралитета в отношении СССР ставили целью *замаскировать враждебную антисоветскую политику*, которую по-прежнему проводили правящие круги Японии.

Одной из важнейших причин, вынудивших Японию отсрочить войну против Советского Союза, явилась также последовательная миролюбивая политика социалистического государства. Внешняя политика Советского Союза парализовала попытки японских империалистов искусственно обострить отношения с СССР и вынудить его вести войну на два фронта.

Советский Союз последовательно и точно выполнял условия советско-японского пакта о нейтралитете, призванного обеспечить мир и безопасность на Дальнем Востоке. При решении спорных вопросов СССР всегда

¹ См. *Сигэмицу Мамору*, Сёва-но доран, т. 2, стр. 151—152, 155—156, 181—182.

² См. *Хаттори Такусиро*, Дайтоа сэнсо дзэнси, т. 6, стр. 51—54.

исходил из возможности их мирного разрешения. Благодаря этому были успешно разрешены вопросы о рыболовной конвенции и о японских концессиях на Северном Сахалине. 30 марта 1944 г. в Москве были подписаны советско-японские соглашения о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине и о пролонгации рыболовной конвенции между СССР и Японией с внесенными в нее изменениями, согласованными в ходе японо-советских переговоров¹.

Ход и исход сражений на Советско-германском фронте выявили роковой просчет японских империалистов во внешнеполитической стратегии, заключавшийся в переоценке военного потенциала Германии и недооценке могущества Советского Союза. Этот просчет объяснялся слепой верой в неминуемое крушение Советского Союза. Когда под влиянием мощных ударов Советской Армии хваленая немецкая военная машина дала трещину, правящие круги Японии убедились в беспочвенности своих стратегических расчетов.

Немаловажной причиной, принудившей японских империалистов постоянно откладывать сроки вступления в войну против Советского Союза, явился их просчет в войне против США и Англии. Тяжелые поражения японских вооруженных сил, в особенности в 1943—1945 гг., огромные трудности в комплектовании летного состава, в восполнении потерь военно-морского и торгового флота делали крайне рискованным нападение на СССР. Генерал-лейтенант Касахара признал на Токийском процессе, что «война на Тихом океане стала еще более интенсивной, и стало трудно разрабатывать план операций против СССР»². Не менее категорично выступление другого свидетеля, генерала Кита, который признал, что план нападения Японии на Советский Союз, просуществовавший до середины 1944 г., не удалось осуществить «в силу затруднительного положения, в которое попала Япония на фронтах великой восточноазиатской войны»³.

Даже самые авантюристические представители правящих кругов Японии в 1944 г. считали весьма риско-

¹ См. «Известия», 31 марта 1944 г.

² «Стенограмма Токийского процесса», стр. 23192—23193.

³ Там же, стр. 8133.

ванным нападение на СССР, поскольку это поставило бы Японию перед перспективой ведения войны на три фронта (Китай, Тихий океан, СССР), которая потребовала бы непосильного напряжения материальных и людских ресурсов страны.

Таким образом, японские империалисты оказались вынужденными отложить военное выступление против СССР и в конечном счете воздержаться в течение 1943—1945 гг. от нападения на Советский Дальний Восток, предусмотренного тщательно разработанными антисоветскими планами. Наиболее трезвые и осторожные представители правящих кругов Японии не могли не понимать, что новая антисоветская авантюра может привести к серьезному поражению японского империализма, к краху всей разбухшей японской колониальной империи, положить конец всем планам построения «нового порядка» и, следовательно, завоевания господства над странами Восточной и Юго-Восточной Азии и бассейна Тихого океана.

**Крымское соглашение трех великих держав
по вопросам Дальнего Востока от 11 февраля 1945 г.
Денонсация советско-японского пакта о нейтралитете**

Упорное стремление японских империалистов любыми средствами продолжать войну против США и Англии до окончательной победы и сохранить союзные отношения с гитлеровской Германией представляло большую опасность для всех, кто действительно стремился к миру. Создалась несомненная угроза затягивания и без того длительной мировой войны.

Поэтому было естественным настойчивое желание свободолюбивых народов ускорить ликвидацию очага фашизма и агрессии не только в Европе, но и на Дальнем Востоке.

Важной вехой на пути к ликвидации дальневосточного очага войны явились решения, принятые на Крымской конференции глав трех правительств — СССР, США и Англии — 4—11 февраля 1945 г.

Конференция в Крыму была созвана в благоприятной международной обстановке, когда определились результаты январского наступления Советской Армии на

Советско-германском фронте. Тем самым были подготовлены условия для новых наступательных операций, приближающих окончание войны, которые, однако, требовали согласования усилий стран антифашистской коалиции на различных фронтах второй мировой войны.

Помимо решений по германскому вопросу, о создании Организации Объединенных Наций и ряду других участники конференции подписали специальное соглашение по вопросам Дальнего Востока. Советский Союз, вынесший на своих плечах главную тяжесть войны против гитлеровской Германии, принял на себя обязательство через 2—3 месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе принять участие в войне против Японии с целью ликвидации очага агрессии на Дальнем Востоке. Это обязательство Советский Союз брал на себя при условии сохранения статус-кво Внешней Монголии (МНР), возвращения СССР южной части острова Сахалин и всех прилегающих к ней островов, передачи ему Курильских островов, интернационализации торгового порта Дайрен и восстановления аренды на Порт-Артур, а также совместной с Китаем эксплуатации КВЖД и ЮМЖД¹.

Советский Союз сделал также заявление о готовности подписать советско-китайский договор о дружбе и союзе для оказания помощи Китаю в освобождении от гнета японского империализма.

Крымское соглашение по вопросам Дальнего Востока имело большое международное значение. Оно отражало дальнейший рост авторитета Советского Союза и являлось признанием его как силы, оказывающей решающее воздействие на ход международных событий, на судьбы войны и всего человечества. США и Англия оказались вынужденными обратиться за помощью к СССР для того, чтобы совместными усилиями заставить японские вооруженные силы сложить оружие и капитулировать. Они учитывали при этом большой численный состав сухопутных сил Японии, а также полную боеготовность Квантунской армии, которая могла быть использована не только против СССР, но и для пополнения японских

¹ См. «Внешняя политика СССР». Сборник документов, т. V (июнь 1941 — сентябрь 1945 г.), М., 1947, стр. 537—538.

гарнизонов на островах Тихоокеанского театра и, следовательно, для продолжения войны. Поэтому союзники, в особенности США, были заинтересованы во вступлении СССР в войну против Японии.

Одним из непосредственных результатов Крымского соглашения по вопросам Дальнего Востока, нашедших отражение на Тихоокеанском фронте, явились наступательные операции союзных сил на острова Иводзима и Окинава, усилившие, как было показано выше, угрозу вторжения на острова собственно Японии.

Упорное продолжение правящими кругами Японии антисоветского и прогерманского внешнеполитического курса, а также войны против союзников СССР по антифашистской коалиции — США, Англии и Китая — побудили Советское правительство принять решение о денонсации советско-японского пакта о нейтралитете. 5 апреля 1945 г. Министерство иностранных дел СССР сделало специальное заявление японскому послу в Москве Сато Наотакэ, в котором обосновывалось расторжение договора. В заявлении указывалось, что пакт о нейтралитете был заключен до нападения Германии на СССР и до возникновения войны против США и Англии. «С того времени, — говорилось в нем, — обстановка изменилась в корне. Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза.

При таком положении Пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление этого Пакта стало невозможным»¹.

Заявление правительства СССР от 5 апреля 1945 г. было вызвано всей агрессивной внешней политикой Японии периода минувшей войны и вместе с тем являлось серьезным предупреждением ее правящим кругам, упрямо продолжавшим войну во имя агрессивных целей. Советское правительство, делая вышеуказанное заявление, руководствовалось интересами скорейшего окончания войны. Оно исходило из интересов всех миролюбивых народов и необходимости достижения всеобщего мира.

¹ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, М., 1947, стр. 166; «Правда», 6 апреля 1945 г.

Денонсация правительством СССР пакта о нейтралитете послужила одной из важных причин крайнего обострения политического положения Японии. Она способствовала возникновению нового правительственного кризиса и усилению дипломатического маневрирования правящих кругов Японии, в особенности после безоговорочной капитуляции Германии. Представитель министерства иностранных дел Японии 6 апреля 1945 г. признал, что в сложившейся международной обстановке «особенно отчетливо виден серьезный кризис, перед которым стоит Япония...»¹

¹ См. *Пын Мин*, История китайско-советской дружбы, М., 1959, стр. 225.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ
В ЗАВЕРШАЮЩИЙ ПЕРИОД
ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ
(9 мая — 2 сентября 1945 г.)**

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ
ЗАВЕРШАЮЩЕГО ПЕРИОДА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
НА ТИХООКЕАНСКОМ ТЕАТРЕ
(9 мая — 9 августа 1945 г.)**

**Капитуляция гитлеровской Германии и ее влияние
на ход войны на Дальнем Востоке.
Позиция японского правительства
в отношении капитуляции Германии**

Положение Японии в связи с тяжелыми поражениями гитлеровской Германии катастрофически ухудшалось. Начало мая 1945 г. ознаменовалось величайшим историческим событием. В итоге героической борьбы Вооруженных Сил СССР и всего советского народа, в результате их решающей роли фашистская Германия была побеждена и безоговорочно капитулировала. Серьезный вклад в победу над гитлеровской Германией внесли американский, английский, французский и другие народы. Победоносное завершение войны против германского фашизма привело к уничтожению очага войны в Европе.

Капитуляция Германии — главной силы фашистской коалиции — и окончание военных действий на Европейском театре оказали непосредственное влияние на положение на Дальнем Востоке, обусловив коренные изменения в соотношении сил воюющих сторон. С этих пор американо-английское командование получило возможность сосредоточить на Тихоокеанском театре значительные силы. Помимо этого, Япония вследствие распада фашистского блока очутилась в состоянии полной изоляции на международной арене. Еще в феврале — марте 1945 г. Японии объявили войну следующие латиноамери-

канские республики: Эквадор (2 февраля), Парагвай (7 февраля), Перу (11 февраля), Чили (12 февраля), Венесуэла (14 февраля), Уругвай (22 февраля), Аргентина (27 марта), Бразилия (6 июня)¹.

Все это резко ухудшило положение Японии, которая вступила в полосу острейшего внутривнутриполитического кризиса, корни которого лежали в банкротстве всей внешней и внутренней политики правящих классов страны. Кризис усиливался вследствие авантюристических действий последнего кабинета военного времени — правительства Судзуки.

В новых условиях международной обстановки японские империалисты должны были определить свою позицию в отношении войны на Дальнем Востоке. С этой целью 20 апреля в Токио было созвано заседание «Высшего совета по руководству войной», которое обсудило «Программу мероприятий в случае капитуляции Германии». В принятом решении говорилось, что Япония будет всеми силами стремиться завершить войну победой, если даже Германия капитулирует².

3 мая с речью по радио выступил премьер-министр Судзуки. В соответствии с решением «Высшего совета» он заявил, что изменение ситуации в Европе не имеет никакого отношения к Японии, что вся нация должна укрепить свою решимость продолжать войну любыми средствами. Судзуки объявил, что его правительство готово продолжать войну до успешного ее завершения. Касаясь целей этой войны, он подчеркнул, что Япония якобы имеет намерение обеспечить свое существование, оградить целостность страны и «освободить Восток»³.

В эти критические дни возник вопрос о судьбе японо-германских соглашений, заключенных в 1940—1942 гг. 5 мая граф Шверин фон Крозик — министр иностранных дел в правительстве гросс-адмирала Деница, обосновавшегося во Фленсбурге, направил послу Германии в Токио Штамеру послание для вручения «правительству

¹ См. «Мировое хозяйство и мировая политика» № 8, 1945 г., стр. 87; T. A. Bailey, A Diplomatic History of the American People, New York, 1955, p. 830.

² См. Хаттори Такуси, Дайтоа сэно дзэнси, т. 8, стр. 37—38.

³ «Сюзэнсироку», стр. 317—318.

союзной и дружественной Японии». В нем говорилось о «нерушимой германо-японской дружбе»¹.

Ответом на послание графа Шверина явилось опубликованное 6 мая официальное заявление японского правительства. От его имени министр иностранных дел Того объявил, что Япония считает себя свободной от обязательств, предусмотренных тройственным пактом. Того отметил, что в декларациях Гимmlера и Деница говорилось о капитуляции Германии лишь перед США и Англией, так как они якобы мешали Германии вести войну против Советского Союза. Это была отчаянная попытка фашистской клики внести раскол в антифашистскую коалицию и, используя антисоветские тенденции американских и английских империалистов, создать совместный блок против СССР. Японский министр заявил, что действия Германии едва ли находятся в соответствии с тройственным пактом, который ставил целью ведение войны против США и Англии. «В таких условиях, — подчеркнул японский министр иностранных дел, — было бы естественно для Японии сохранить свободу действий в отношении тройственного пакта и различных других политических соглашений между Японией и Германией». Того добавил, что, «какова бы ни была позиция Германии, она не окажет никакого влияния на решимость Японии вести успешную войну против США и Великобритании»². Авантюристический характер этого заявления, как и всей внешней политики японского правительства, был совершенно очевиден.

9 мая 1945 г. правительство Судзуки опубликовало официальное заявление, которое формулировало внешнеполитическую линию Японии в новых условиях. «Капитуляция Германии, которая приняла на себя обязательство сражаться бок о бок с Японией, — говорилось в заявлении, — действительно достойна сожаления. Наши военные цели основываются на собственном существовании и самообороне». Японское правительство заявило, что быстрое изменение военного положения в Европе не повлечет за собой ни малейшего изменения военных целей Японии и японская империя вместе со своими

¹ «Fuehrer Conferences on Matters Dealing with the German Navy 1939—1945», p. 488—489.

² «Сюзэнсироку», стр. 318—319; *Kase Toshikazu, Journey to the «Missouri»*, p. 127—128.

союзниками по восточноазиатскому блоку будет продолжать сражаться с США и Англией «за стабилизацию Восточной Азии»¹.

10 мая Штамер направил графу Шверину ответ на его послание, переданное Того пять дней назад. Хотя германский посол никого уже не представлял, содержание этого запоздалого и последнего в японо-германских отношениях документа весьма показательно, поскольку оно проливает свет на позицию правительства Судзуки. В нем говорилось о недовольстве последнего капитуляцией Германии без уведомления японского правительства и о желании его прекратить действие тройственного пакта и военного соглашения, подписанного 11 декабря 1941 г.; при этом предлагалось, чтобы инициативу в этом вопросе и ответственность за освобождение Японии от союза с Германией приняло на себя германское правительство. В заключение своего донесения Штамер предлагал предоставить Японии инициативу в расторжении тройственного пакта 1940 г. и военного соглашения 1941 г. и в возможном разрыве дипломатических отношений между обоими государствами. Вместе с тем он сообщал, что позиция японской армии в отношении Германии остается неизменной².

Заявление правительства Судзуки от 9 мая и донесение Штамера свидетельствовали о намерении Японии не складывать оружия, а продолжать войну против США и Англии. Касэ в своих мемуарах, извращая вопрос об истинных мотивах, побудивших японское правительство прийти к такому выводу, утверждает, что «господство милитаристов» (имеются в виду руководители вооруженных сил) явилось единственной причиной, воспрепятствовавшей Японии прекратить борьбу³. Тем самым Касэ пытается снять ответственность с японских монополий за продолжение войны, за ее затягивание, несмотря на коренные изменения, происшедшие в ходе второй

¹ «Сюээнсироку», стр. 320—321. Несмотря на категорическое заявление правительства Японии о продолжении войны после капитуляции Германии, Сигэмицу в своих мемуарах утверждает, что он и Кидо рассматривали крушение Германии как сигнал к прекращению Японией войны (*Shigemitsu Mamoru, Japan and Her Destiny*, p. 336).

² «Fuehrer Conferences on Matters Dealing with the German Navy 1939—1945», p. 489.

³ *Kase Toshikazu, Journey to the «Missouri»*, p. 129.

мировой войны в связи с капитуляцией гитлеровской Германии.

Японская буржуазная печать всячески пропагандировала решение правительства от 9 мая 1945 г. Ряд органов призывал к продолжению войны, другие подчеркивали, что у Японии «нет другого пути»¹. Широкое распространение имел также тезис о том, что союзникам потребуется значительное время для переброски своих вооруженных сил на Тихоокеанский театр, а поэтому фактор времени рассматривался как «союзник» Японии.

15 и 18 мая японское правительство сделало заявление о том, что ввиду безоговорочной капитуляции Германии тройственный пакт от 27 сентября 1940 г., соглашение между Германией, Италией и Японией от 11 декабря 1941 г., а также другие соглашения о сотрудничестве между тремя державами и остальными европейскими союзниками, заключенные в течение 1938—1944 гг., прекращают свое действие². Аналогичное заявление о денонсации указанных соглашений сделало на следующий день и нанкинское «правительство» Китая³.

Стремясь затянуть войну против США и Англии, японское правительство продолжало мобилизовывать материальные и людские ресурсы и подчиняло этой антинародной цели всю свою внутреннюю политику. Судзуки считал главной целью правительства обеспечение упорной обороны в решающих сражениях за японскую метрополию⁴.

В течение весны — начала лета 1945 г. правительство Судзуки занималось формированием «добровольческого гражданского корпуса» — своеобразного японского «фольксштурма», который оно позднее переименовало в «народную армию». В конце апреля кабинет Судзуки образовал «совет гражданского добровольческого корпуса» в составе 35 человек во главе с министром внутренних дел Абэ Гэнки. Выступая 12 мая на первом заседании «совета», Судзуки заявил, что «корпус» в тылу должен сыграть такую же роль, как смертники «ками-

¹ «Майнпшти», 10 мая 1945 г.

² См. «Сюээнспроку», стр. 322—326.

³ F. C. Jones, *Japan's New Order in East Asia*, p. 434.

⁴ См. «Вакацуки Рэйдзиро дзидэн» (Автобиография Вакацуки Рэйдзиро), Токио, 1950, стр. 447, 448; *Тояма Сигэки, Имаи Сэйити, Фудзивара Акира*, Сёваси, стр. 234—235.

кадзэ» на фронте, и в недалеком будущем превратиться в боевую единицу. Одновременно правительство разослало инструкции об организации на заводах и фабриках «рабочих команд» и в сельских местностях — «крестьянских корпусов».

Декларация правительства Судзуки в связи с капитуляцией Германии, заявлявшая о продолжении войны любыми средствами, приняла конкретные формы после того, как была разработана «Основная программа руководства войной» («Сэнсо сидо-но кихон дайко»). Эта программа, иногда называемая «основной политикой продолжения войны», была подготовлена военным министерством и генеральным штабом армии, обсуждена и одобрена на имперском совещании 8 июня 1945 г.¹ Она исходила из факта безоговорочной капитуляции Германии и прекращения действия советско-японского пакта о нейтралитете. В ней нашли отражение цели правящих кругов Японии в сложной международной и внутривойсковой обстановке. Ее важнейшей составной частью была оборона собственно Японии, сохранение «национальной структуры» («кокутай») путем «полного и победоносного» завершения войны. В целях реализации этой основной линии предусматривались: концентрация главных сил императорской армии для укрепления обороны метрополии и соответствующее распределение их по отдельным районам, принятие различных мер, обеспечивающих производство вооружения, и снабжение населения продовольствием; особое внимание уделялось организации «народных добровольческих отрядов» в центральной части страны и укреплению сплоченности всего народа; «программа» предусматривала срочную разработку практических мер для осуществления ее².

На этой основе военное командование разработало детальный план «обороны метрополии»³ — план действий японских вооруженных сил в условиях высадки американско-английских десантов на территории собственно Японии, ориентировочно ожидавшейся в августе — сентябре 1945 г. В случае их вторжения на Хонсю пла-

¹ См. «Сюэнсироку», стр. 354—361.

² Текст решения имперского совещания от 8 июня 1945 г. см. «Сюэнсироку», стр. 365.

³ «Сирё Нихонси», т. 2, стр. 236.

ном предусматривались оборонительные действия двух группировок под командованием Сугияма и Хата. Японские войска должны были завязать бои на побережье, имея задачу сбросить десантные части противника в море. В случае неуспеха им вменялось в обязанность организованно отступить в горные районы центральной части Хонсю. Предусматривались действия японских войск и в том случае, если они будут расчленены и их взаимодействие окажется невозможным. Каждому изолированному соединению или части войск предлагалось в таких условиях действовать совершенно независимо, на свой страх и риск, обязательно проводя при этом «стратегию дождевого червя». Это означало, что они должны были в упорных боях отступать, нанося при этом сильные удары противнику. Наконец, если американо-английским войскам все же удалось бы оттеснить японские армии в глубь страны и произвести высадку превосходящих сил, то план ставил целью эвакуацию императора и правительства в столицу Маньчжоу-го город Чанчунь, чтобы оттуда организовать руководство дальнейшим ведением войны.

Таким образом, «Основная программа руководства войной» представляла собой конкретизацию задач, изложенных правительством Судзуки в заявлении от 9 мая, и по существу являлась программой упорного сопротивления Японии, программой продолжения войны до конца, до последней капли крови последнего японца.

**Решения 87-й чрезвычайной сессии
японского парламента
(9—13 июня 1945 г.)**

9—13 июня 1945 г. проходила 87-я чрезвычайная сессия японского парламента. Она была созвана в связи с капитуляцией Германии, чтобы обсудить меры, необходимые для дальнейшего продолжения войны.

Одним из важнейших решений сессии явилось принятие закона «О чрезвычайных мерах военного времени» и закона «О добровольной военной службе населения». Получили одобрение мероприятия правительства по укреплению созданного в апреле этого года «добровольческого гражданского корпуса» («кокумин гиутай»). Правительству предоставлялись полномочия, разрешаю-

шне «в случае необходимости» превратить этот корпус в боевое военное формирование и призвать любого гражданина — мужчин от 15 до 60 лет и женщин от 17 до 40 лет — в армию¹. Использование его намечалось в первую очередь в районах, которые окажутся под угрозой вторжения сил противника. Для того чтобы предотвратить или по крайней мере отсрочить поражение Японии, сессия утвердила закон о предоставлении правительству права без одобрения парламента осуществлять любые меры военного характера и издавать декреты, имеющие силу закона². Правительству разрешалось создавать новые промышленные предприятия и прекращать работу действовавших предприятий, производить, как и при Тодзэ и Коисо, регулирование труда, расходования материалов и электроэнергии, а также осуществлять контроль над ценами и заработной платой. Ему предоставлялось неограниченное право толковать существующие законы. Тем самым кабинет Судзуки получал диктаторские полномочия.

Выступления руководителей правительства на парламентской сессии отражали исключительно тяжелое военное положение Японии. Премьер-министр Судзуки откровенно признал, что империя стоит перед лицом такой серьезной опасности, какой она не испытывала со дня своего создания. Выступая 9 июня на сессии, глава правительства вновь отверг предложения о безоговорочной капитуляции, утверждая, что она приведет к «разрушению» национального образа правления и к «гибели» японской нации. По этой причине он заявил, что у Японии остается лишь один путь — «сражаться до самого конца»³.

Военный министр Анами, находясь, как и Судзуки, под свежим впечатлением высадки союзников на острове Окинава, оказался вынужденным признать, что создавшаяся военная ситуация представляет собой «небывалый в национальной истории кризис». Резкое ухудшение международного положения Японии признал в

¹ См. *Симомура Кайнан (Хиросу)*, Сюсэнки, стр. 53; *Kase Toshikazu, Journey to the «Missouri»*, p. 175.

² *Kase Toshikazu, Journey to the «Missouri»*, p. 174.

³ «Асахи симбун», 10 июня 1945 г.

своём выступлении на закрытом заседании сессии и министр иностранных дел Того¹.

Решения 87-й чрезвычайной сессии японского парламента и выступления руководящих политических и военных деятелей Японии являлись новым подтверждением стремления правительства любыми средствами продолжать авантюристическую войну.

Оказавшись изолированной на международной арене, империалистическая Япония стремилась найти и внешнеполитические средства для укрепления своих позиций в войне. Поскольку война с Китаем по-прежнему препятствовала концентрации достаточных сил против США и Англии, японское правительство предприняло новое «превентивное» наступление в Китае, выходящее по своему значению за пределы Дальневосточного театра войны. Цель его заключалась в том, чтобы добиться капитуляции Китая до того, как США и Англия смогут перебросить свои силы на Дальний Восток и высадиться на побережье оккупированного Китая.

Предвидя неизбежные изменения в соотношении сил на Дальнем Востоке и на международной арене в целом, японские империалисты упрямо стремились затянуть военные действия на Тихом океане и в Китае. Таким путем они хотели сохранить свои главные силы для спасения японской империи.

**«Мирное» маневрирование правительства Судзуки
(от капитуляции Германии до Потсдамской декларации)**

Декларация японского правительства, выступления Судзуки, Того, Анами и Ёнаи, а также решения 87-й чрезвычайной парламентской сессии не смогли скрыть острой внутривнутриполитической борьбы различных групп в правящих кругах Японии по вопросам войны и мира, перспектив дальнейшего ведения войны против США и Англии. Характерно, что и сам Судзуки проводил двучленную политику с первых же дней своей деятельности на посту премьер-министра.

Вскоре после образования своего кабинета Судзуки предложил генеральному секретарю правительства Сакомидзу Хисацунэ специально изучить вопрос о возмож-

¹ См. «Сюээнсироку», стр. 383—387.

ностях Японии продолжать войну. Поручение было выполнено в мае 1945 г. уже после капитуляции Германии. Сакомидзу пришел к заключению, что Япония больше не в состоянии продолжать войну, и мотивировал свой вывод недостаточным производством самолетов, крупными потерями торгового флота, а также антивоенными настроениями народа¹. Как сообщала «Комиссия стратегических бомбардировок авиации США», Судзуки согласился с выводами Сакомидзу и затем представил их императору.

11, 12 и 14 мая «Высший совет по руководству войной» обсуждал вопрос о методах и средствах, которые могли бы привести к окончанию войны, конечно, на приемлемых для Японии условиях². В итоге обсуждения было принято решение о скорейшем окончании войны³, для реализации которого стали предприниматься различные меры.

В течение мая месяца (как и в апреле) японский император с целью заключения мира предпринял зондирование почвы в Ватикане⁴, который передавал сведения об этом в Вашингтон. Для установления связи с папой император использовал архиепископа Токио — брата бывшего министра иностранных дел Мацуока, который умолял папу «что-нибудь предпринять»⁵. Поскольку никаких конкретных предложений об условиях мира со стороны Японии не последовало, единственным результатом посредничества Ватикана явилась информация, направленная им правительству США, о попытках императора прекратить войну.

Кроме того, через другие каналы был сделан новый неофициальный шаг к выяснению возможности переговоров по поводу мира⁶.

Через несколько дней после капитуляции гитлеровской Германии ряд близких к дворцовым кругам

¹ «USSBS, Japan's Struggle to End the War», p. 6.

² См. «Нихон сирё сюэй», стр. 599.

³ См. «Стенограмма Токийского процесса», стр. 35592, 35782, 36605.

⁴ См. А. Мэнхэттен, Ватикан. Католическая церковь — оплот мировой реакции, М., 1948, стр. 379—381; R. Bersihand, Histoire du Japon des origines a nos jours, p. 405.

⁵ E. M. Zacharias, Secret Missions. The Story of an Intelligence Officer, p. 364.

⁶ См. «Тайхэйё сэно сюкэцурон», стр. 97 и далее.

политических деятелей во главе с Кидо обратились к императору с предложением выяснить с помощью нейтральных стран возможности начала мирных переговоров. Большую активность проявили и крупнейшие японские концерны. Так, представители Японии в Базельском банке международных расчетов Ёсимура и Китамура получили от правлений пяти главных концернов Японии неофициальное задание — выяснить возможности начать предварительные переговоры с представителями деловых кругов Соединенных Штатов. Весьма характерно, что действиями Ёсимура и Китамура руководили японский военно-морской атташе в Швейцарии Фудзимура Ёсиро и военный атташе генерал-лейтенант Окамото Сэйго. Последний действовал по прямым указаниям начальника генерального штаба генерала Умэдзу. В соответствии с планами, разработанными совместно с Окамото, Китамура обратился за содействием к шведскому советнику упомянутого Банка банкиру Джекобсону, находившемуся в близких отношениях с членами американского консульства в Базеле. Китамура и Ёсимура сообщили Джекобсону желательные для Японии условия мира: сохранение и неприкосновенность монархии, отказ от пересмотра японской конституции, интернационализация Маньчжурии, сохранение за Японией Кореи и острова Тайвань. Эти условия были доведены до сведения государственного департамента США¹.

По согласованию с государственным департаментом в закулисных переговорах с японскими представителями принял активное участие руководитель «Управления стратегических служб» (ОСС) США Аллен Даллес, находившийся в то время в Швейцарии². Как сообщает Того в своих мемуарах, Аллен Даллес, действуя через Китамура, предложил Японии безоговорочно капитулировать. Однако Того передал ответ, в котором говорилось, что Япония не может рассматривать предложение о капитуляции без выдвижения определенных условий³.

В итоге попытки Китамура и Ёсимура остались безрезультатными, по-видимому, потому что японские условия относительно Маньчжурии и сознательное умолча-

¹ R. J. C. Butow, *Japan's Decision to Surrender*, p. 110.

² См. «Тайхэйё сэисо сюкэцурон», стр. 509—571.

³ *Togo Shigenori, The Cause of Japan*, p. 300.

ние о захваченных территориях в районе Южных морей не удовлетворили правящие круги США, добивавшиеся максимальных уступок со стороны Японии.

Новое японское «мирное наступление» свидетельствовало о стремлении Японии добиться империалистической сделки, компромиссного мира. Выдвигая свое предложение, японские правящие круги ожидали встретить сочувствие «мюнхенских миротворцев» — американских монополистов, тесно связанных с японскими «дзайбацу».

Японские империалисты рассчитывали использовать разногласия в антифашистской коалиции, которые, по их мнению, должны были возрасти после капитуляции Германии и могли бы облегчить Японии «почетный» выход из войны. Более того, японские империалисты делали ставку даже на раскол антифашистской коалиции.

В случае отказа союзников принять японские условия соглашения правительство Судзуки намеревалось проводить курс на затяжную войну, обеспечить которую должны были маньчжуро-корейский и китайский плацдармы. Целью затягивания войны являлось стремление вынудить союзников пойти на предлагавшийся компромисс, который позволил бы Японии выйти из войны с минимальными потерями и сохранить максимум захваченных территорий.

Поскольку попытки добиться перемирия не дали результатов, японское правительство решило обратиться к Советскому Союзу за посредничеством в заключении мира с США и Англией. В середине мая «Высший совет» принял решение направить в Москву в качестве уполномоченного Хирота — бывшего посла в СССР и премьер-министра. Это решение имело в виду просить Советское правительство способствовать восстановлению мира между Японией, с одной стороны, и США и Англией — с другой¹. Одновременно, как утверждает Р. Сторри, правительство Судзуки намеревалось добиться восстановления пакта о нейтралитете с СССР и даже выражало готовность отказаться от Южного Сахалина, северной части Курильских островов и северной Маньчжурии².

¹ См. «Стенограмма Токийского процесса», стр. 35782; *Kase Toshikazu, Journey to the «Missouri»*, p. 170.

² *R. Storry, A History of Modern Japan*, p. 226.

Тем временем продолжались споры между двумя политическими группировками: сторонниками продолжения войны любыми средствами и приверженцами заключения компромиссного мира.

8 июня 1945 г. Кидо, хранитель императорской печати и один из сторонников заключения компромиссного мира, представил императору секретный меморандум, в котором говорилось:

«1. Окинава, кажется, обречен, его падение неизбежно.

2. Доклад на тему: «Современное положение материальных ресурсов», который был представлен на рассмотрение имперской конференции, ясно показывает, что во второй половине года наша страна (Япония) в действительности потеряет всякую способность продолжать войну.

3. Врагу легко пройти по всем нашим городам и селам, лишая страну продуктов питания, одежды и крова. Лишение всех этих необходимых средств существования, несомненно, вызовет недовольство широких масс народа, которые с наступлением зимы впадут в неслыханную нищету. Опасаются, что если положение останется без изменений, его будет трудно улучшить. Поэтому особенно важно предпринять смелый шаг в этих критических условиях с тем, чтобы прекратить военные действия без промедления.

4. Так как ясно, что главная цель вражеских стран состоит в том, чтобы вызвать падение военной клики, желательно, чтобы армия запросила мира и чтобы правительство соответственно имело возможность начать дипломатические переговоры. Но также ясно, что при существующих условиях это абсолютно исключается. Однако, если мы, не предпринимая никаких действий, будем ожидать, что возможность наступит сама по себе, будет слишком поздно, и сохранение императорского дома и нашей национальной структуры станет совершенно невозможным. Следовательно, мы должны просить трон взять на себя инициативу с целью быстрого прекращения войны.

5. Поэтому я смиренно предлагаю представить следующее на рассмотрение августейшего монарха:

А. В Москву должна быть направлена миссия с личным посланием от императора. Поскольку никаких

прямых переговоров с США, Великобританией еще не предвидится, будет лучше просить Советское правительство взять на себя миссию доброй воли в качестве посредника.

Б. Императорское послание включит заветное желание его величества установить мир в интересах человечества в самом широком смысле слова. Как ни тяжело нам просить о мире, все же это необходимо сделать, чтобы спасти человечество от несчастий затянувшейся войны.

В. Мы должны согласиться с условиями мира, если они совместимы с достоинством нации. Если Тихий океан может быть действительно тихим соответственно своему названию, мы будем удовлетворены такими условиями, которые обеспечат независимость нашей нации. Следовательно:

1) Мы готовы отказаться от созданных сфер влияния в оккупированных районах.

2) Мы добровольно отзовем наши экспедиционные силы, находящиеся за границей.

3) Мы удовлетворимся минимумом вооружения, достаточным для национальной обороны»¹.

В секретном меморандуме Кидо давалась пессимистическая оценка способности Японии вести войну с точки зрения материальных, в частности продовольственных, ресурсов и указывалось на неизбежное усиление нищеты народных масс.

Оценка состояния Японии, данная в меморандуме Кидо, нашла подтверждение и в других документах, составленных правительством или по его поручению. Так, в докладе генерального секретаря кабинета Сакомидзу, озаглавленном «Обзор национальных ресурсов на 1—10 июня 1945 г.», говорилось, что неблагоприятное для Японии развитие военных операций, и в особенности увеличившееся число воздушных налетов, является серьезным препятствием для производства важнейших видов вооружения, для коммуникаций как на суше, так и на море. Поэтому становится все труднее удовлетворить запросы «тотальной войны». Сакомидзу констатировал ухудшение физического состояния населения и понижение рождаемости. Особое место в «Обзоре» занимал во-

¹ «Нихон сирё сюэй», стр. 509.

прос о трудностях обеспечения населения продовольствием. Сакомидзу писал о таком ухудшении снабжения продуктами питания, в результате которого определенной части населения грозит голод и к концу года неизбежно наступит кризис. Резкое возрастание цен, по мнению Сакомидзу, вызовет увеличение инфляции, которая «серьезно подорвет военную экономику»¹.

14 июня, в условиях продолжавшегося ухудшения военного положения Японии, вновь собрался «Высший совет по руководству войной». Как показал на Токийском процессе Того, «после длительных обсуждений было решено, что ввиду военной обстановки и событий за рубежом Япония должна осуществить быстрейшее окончание войны»².

Собравшись 18 июня на новое заседание, «Высший совет» принял совершенно секретное решение. В нем говорилось: «Хотя у нас нет никакого другого выбора, кроме как продолжать войну, поскольку противник настаивает на безоговорочной капитуляции, нам кажется разумным, пока мы еще располагаем значительной силой сопротивления, предложить мир через нейтральные державы, особенно через Советский Союз, и добиться условий, которые по крайней мере гарантируют сохранение нашей монархии.

Имея это в виду, мы поручаем министру иностранных дел выяснить позицию Советского Союза к началу июля...»³

Решение «Высшего совета» от 18 июня свидетельствовало о том, что японские правящие круги не изменили своих планов продолжать войну, не соглашаться на безоговорочную капитуляцию и одновременно попытаться путем посредничества Советского Союза заключить мир, который, однако, не затрагивал бы прерогатив императора. Это означало, что просьба о посредничестве СССР имела целью закончить войну миром, обязательно исключавшим безоговорочную капитуляцию.

¹ «USSBS, The Effect of Strategic Bombing on Japanese Morale», p. 137.

² «Стенограмма Токийского процесса», стр. 35592, 35605, 35606, 36782, 47961.

³ *Kase Toshikazu*, Journey to the «Missouri», p. 184; *Togo Shigenori*, The Cause of Japan, p. 296. — Курсив наш.

План японского правительства предусматривал под предлогом сохранения прежней власти императора, считавшегося главой государства и вооруженных сил Японии, не допустить каких-либо изменений в положении японских монополий — фактических хозяев страны.

Обращение Японии к СССР с просьбой принять на себя миссию посредничества игнорировало враждебную антисоветскую политику ее правящих кругов в годы войны. «План правящих кругов использовать Советский Союз в своих попытках заключить мир, — справедливо пишут прогрессивные японские историки, — был наглой затеей людей, забывших свои многочисленные предательские действия по отношению к Советскому Союзу»¹. Просьба Японии о посредничестве СССР являлась дипломатическим маневром, который ставил целью многое спасти и выторговать при переходе от войны к миру, сохранить максимум захваченных территорий и реакционный социально-экономический строй, создать условия для возрождения японского милитаризма и подготовки новой реваншистской войны.

Однако предложение Японии о посредничестве СССР не могло быть принято, поскольку японские вооруженные силы продолжили военные действия, а японское правительство не сформулировало и не предложило своих условий прекращения войны; оно было совершенно нереальным потому, что цели посредничества находились в полном противоречии с миролюбивыми целями Советского Союза.

Тем не менее Япония упорно искала путей к получению согласия СССР на посредничество и пыталась выяснить условия прекращения войны.

Выполняя упомянутое решение «Высшего совета», Того 19 июля тайно нанес визит Хирота и попросил его выяснить условия мира, которые, однако, исключали бы безоговорочную капитуляцию².

На следующий день император созвал шесть членов «Высшего совета», которым предложил разработать план прекращения войны, направить в СССР специального посла и в случае необходимости подготовить план обороны Японских островов³.

¹ «Тайхэй сэнсоси», т. IV, стр. 144.

² *Kase Toshikazu, Journey to the «Missouri»*, p. 185.

³ «USSBS, Japan's Struggle to End the War», p. 7.

Тем временем военное положение Японии продолжало ухудшаться. С завершением оккупации Окинавы внутрисполитическая борьба в правящих кругах принимала все более острый характер. Правительство Судзуки всячески пыталось умалить значение военных успехов англо-американских сил и создать у населения впечатление эффективности контрмер Японии.

26 июня правительство опубликовало «инструкцию для нации», которую Судзуки изложил в речи по радио. В «инструкции» говорилось, что... «воздушные налеты будут в дальнейшем усилены, и мы также должны ожидать вторжения на территорию собственно Японии. Теперь действительно настало время решить вопрос о подъеме или падении нашей империи, так как наша страна столкнулась с самым тяжелым кризисом со времени монгольского вторжения...

Но наши стратегические операции уже разработаны, и мероприятия с целью повышения нашей боевой мощи с организацией народного добровольческого корпуса усиливаются с каждым днем»¹.

Инструкция для населения являлась предупреждением относительно реальной опасности вторжения противника на территории собственно Японии и вместе с тем призывом к населению совместно с вооруженными силами устранить эту опасность и не допустить крушения японской колониальной империи.

В связи с появлением сообщений о предстоящем открытии Потсдамской конференции император Хирохито созвал 8 июля имперское совещание с участием бывших премьер-министров. На нем было принято решение продолжать войну до последнего солдата². Признавалось также необходимым направить в Москву специального эмиссара с личным посланием императора, что в свете принятого решения о продолжении войны могло явиться и действительно явилось маневром, рассчитанным на заключение компромиссного мира с минимальными для Японии потерями.

На заседании «Высшего совета по руководству войной», созванном Судзуки 10 июля, в качестве эмиссара для посылки в Москву была выдвинута кандидатура

¹ *Kase Toshikazu, Journey to the «Missouri», p. 186.*

² См. «Стенограмма Токийского процесса», стр. 31146, 41942.

Коноэ, которому император и предложил выполнить его поручение¹.

Наряду с неофициальными демаршами Хирота и решением вопроса о кандидатуре специального эмиссара для посылки в Москву японскому послу в Москве Сато Наотакэ также были даны соответствующие инструкции получить согласие на принятие миссии Коноэ и на ведение соответствующих переговоров². В телеграмме Того послу в Москве говорилось: «Не получив никакого сообщения..., я чувствую себя так, как будто выступаю со своими войсками без достаточной разведки. Однако считается необходимым передать Советскому Союзу до начала работы конференции трех держав (Потсдамской.— Д. Г.) желание императора окончить войну. Я надеюсь, что Вы представите следующее объяснение: его величество император Японии, обеспокоенный тем, что война причиняет все большие бедствия и разрушения воюющим странам, желает быстрого окончания войны. Тем не менее Великобритания и Соединенные Штаты продолжают настаивать на своем требовании безоговорочной капитуляции Японии в великой восточноазиатской войне; для Японии нет иного выбора, как вести войну за честь и существование страны, несмотря на всю опасность этого. Мы не желаем, чтобы воюющие государства проливали больше крови. Во имя счастья человечества его величество император надеется установить мир по возможности скорее.

...Император намерен направить князя Коноэ Фумимаро в качестве специального представителя в Советский Союз со своим личным посланием.

Вам надлежит... передать это... и добиться от Советского правительства разрешения на въезд в страну специального представителя и лиц, его сопровождающих (список будет передан по телеграфу позднее). Далее,

¹ См. «Стенограмма Токийского процесса», стр. 47964; *Kato Masuo, The Lost War. A Japanese Reporter's Inside Story*, New York, 1946, p. 232.

² Роберт Юнг в своей книге сообщает, что Вашингтон давно уже знал обо всех японских «мирных» маневрах, так как американская разведка умела расшифровывать японский секретный код. Все инструкции, направлявшиеся в середине июля 1945 г. японским правительством послу Сато в Москву, так же как и ответы посла, становились известными правительству США (см. *Р. Юнг, Ярче тысячи солнц. Повествование об ученых-атомниках*, М., 1961, стр. 177).

хотя и невозможно, чтобы специальный представитель прибыл в Москву до отъезда русских властей на конференцию трех держав, необходимо устроить так, чтобы специальный представитель мог встретиться с ними сразу же по их возвращении в Москву»¹.

Правящие круги Японии, таким образом, хотели с помощью Советского Союза предотвратить безоговорочную капитуляцию Японии и заключить мир с США и Англией на приемлемых условиях, с сохранением как можно большей части захваченных территорий.

В середине июля специальное послание японского императора было передано Советскому правительству японским послом в Москве.

25 июля, за день до открытия Потсдамской конференции, Того направил Сато срочную телеграмму, поручив ему вновь просить посредничества СССР в восстановлении мира между Японией и США². К этому времени Того совместно с Касэ закончили составление проекта нового императорского послания, которое Коноэ должен был повезти в Москву.

Своим обращением к Советскому Союзу правящие круги Японии намеревались шантажировать США и Англию возможностью выхода СССР из антифашистской коалиции, имея в виду использовать обращение к СССР как средство давления на западные державы. Намечавшаяся поездка Коноэ в Москву рассматривалась как *миссия спасения Японии от разгрома и капитуляции* на условиях победителей, как ловкий дипломатический ход, рассчитанный на подписание «почетного» компромиссного мира с США и Англией. Имея в виду путем переговоров выиграть время для перегруппировки своих вооруженных сил, японские империалисты намеревались также, шантажируя угрозой продолжения упорного сопротивления «до последнего японца», добиться приемлемых условий этого мира.

Обращение Японии к Советскому Союзу за посредничеством в заключении мира по существу означало крах антисоветской политики японских империалистов, политики отказа от добрососедских отношений с СССР

¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 23591—23592; ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 230, л. 156—157.

² *Kase Toshikazu, Journey to the «Missouri»*, p. 219.

и от соблюдения советско-японского пакта о нейтралитете. Их запоздалое «миролюбие» ставило целью завуалировать антисоветский внешнеполитический курс правящих кругов Японии. Вместе с тем оно являлось средством осуществления коварного плана японских империалистов, преследовавшего цель избежать неминуемых последствий враждебной в отношении СССР политики Японии накануне и в годы Великой Отечественной войны.

Однако сложная игра японских империалистов была обречена на провал. Ход войны, в особенности после капитуляции Германии, показывал, что Япония могла приобрести мир только на условиях безоговорочной капитуляции, на которую японские правящие круги пока не хотели пойти, хотя и соглашались на серьезные, но все еще частичные уступки.

Правительство Советского Союза, верное своим союзническим обязательствам, на Потсдамской конференции информировало Трумэна, Черчилля и Эттли о японском предложении по поводу посредничества СССР в заключении мира с США и Англией¹.

Таким образом, период после окончания военных действий на Европейском театре и накануне Потсдамской конференции характеризуется интенсивным «мирным» маневрированием правящих кругов Японии, скрывавшим коварные цели японских империалистов.

Осуществляя внешнеполитическое маневрирование, японские империалисты стремились главным образом не допустить поражения Японии, избежать судьбы гитлеровской Германии, а также затянуть войну и выиграть время. К этому в особенности стремилась группа Анами, сторонников продолжения войны любыми средствами, отражавшая интересы крайне авантюристических группировок японских монополистов. Она рассчитывала на использование противоречий в антифашистской коалиции, в частности антисоветских тенденций в правящих кругах США и Англии, на установление контакта с американскими монополиями и, более того, ставила целью даже расколоть антифашистскую коалицию. Она возлагала большие надежды на сохранение Квантунской армии и маньчжуро-корейской военно-промыш-

¹ См. «Правда», 9 августа 1945 г.; W. S. Churchill, *The Second World War*, vol. VI, p. 555.

ленной базы. В критический момент войны, решающий судьбы империалистической Японии, группа Анами намеревалась бросить на чашу весов Квантунскую армию. С помощью этой наиболее подготовленной армии японские империалисты хотели сохранить маньчжуро-корейский плацдарм — главную опору длительного сопротивления Японии, к чему настойчиво стремились реакционные круги японских монополистов.

Японские империалисты намеревались воспрепятствовать победителям закрепить изменения, происшедшие в ходе второй мировой войны. Проигрывая войну, они хотели путем дипломатического «мирного» маневрирования и под предлогом сохранения «национальной структуры» (монархии и неограниченных прав императора) добиться такого мирного договора, который победу союзников учитывал бы в минимальной степени. Они намеревались в максимальной степени отстоять захваченные территории, укрепить военно-промышленный потенциал Японии и обеспечить благоприятные условия для сохранения власти реакционных сил.

Дальнейшее усиление антивоенных настроений среди народных масс Японии

Завершение войны против гитлеровской Германии способствовало еще большему усилению антивоенных и пораженческих настроений среди народных масс Японии. Окончательно изолированная на международной арене и потерпевшая крах в своей антисоветской, прогерманской внешнеполитической ориентации, Япония очутилась перед лицом непрерывно возрастающих трудностей продолжения военных операций на Тихом океане. Поражения на Окинаве, в Бирме и на других участках Тихоокеанского театра создавали условия для более широкого распространения антивоенных настроений среди японского народа. Это подтверждается рядом официальных документов.

В упоминавшемся выше докладе генерального секретаря кабинета Сакомидзу (май 1945 г.) отмечалось, что одной из важных причин невозможности продолжения Японией войны являлись антивоенные настроения народа¹.

¹ «USSBS, Japan's Struggle to End the War», p. 6.

В другом докладе Сакомидзу, озаглавленном «Обзор национальных ресурсов на 1—10 июня 1945 г.», говорилось, что в связи с резким ухудшением положения с продовольствием и угрозой голода необходимо обращать особое внимание на настроение народа, тем более что «наблюдается недовольство существующим режимом». В обзоре констатировалось, что критика правительства и военных кругов усиливается, «появились зловещие признаки упадка морального духа населения»¹.

Аналогичные оценки часто встречались и в донесениях полицейских органов, продолжавших отмечать усиление недовольства политикой правительства и затянувшейся войной. Так, в докладе специальной высшей полиции (июль 1945 г.) говорилось об усилившемся недовольстве народа правящими классами, которые ответственны за воздушные налеты, недостаток питания и инфляцию, т. е. «за все, что сделало жизнь людей трудной». Это недовольство находило выражение в критике военной стратегии и различных мероприятий правительства. Сторонники такой критики, указывалось в докладе, стоят целиком на враждебной, антиправительственной позиции².

По мере увеличения числа поражений японских вооруженных сил среди населения Японии росло неверие в возможность победы над США и Англией. Об этом свидетельствуют следующие данные учета «скептически настроенных», приведенные в одном из обзоров американской «Комиссии стратегических бомбардировок» (в % ко всему населению)³:

Декабрь 1941 г.	Декабрь 1942 г.	Декабрь 1943 г.	Июнь 1944 г.	Декабрь 1944 г.	Июнь 1945 г.	Сентябрь 1945 г.
3	5	7—8	17	32	55	93

Итоги обследования красноречиво говорят об усилении с конца 1944 г. пораженческих настроений.

¹ «USSBS, The Effects of Strategic Bombing on Japanese Morale», p. 137.

² См. там же, стр. 113.

³ Там же, стр. 19.

Правящие классы Японии не смогли приостановить развития антивоенного движения японского народа. Несмотря на значительное обновление рабочего класса, им не удалось в полной мере превратить «новых рабочих», мобилизованных на основе трудовой повинности, в бессловесных рабов и заставить их терпеливо нести бремя войны.

Передовые, наиболее сознательные рабочие продолжали вести борьбу против войны и реакции. Основной формой борьбы рабочих были стачки, о которых за 1941—1945 гг. не имеется почти никаких подробных сведений. Согласно официальным и явно преуменьшенным данным, в Японии произошло в 1944 г. 296 и в 1945 г. — 256 трудовых конфликтов; в них соответственно участвовало 10 026 и 164 585 человек¹. (Рост числа участников трудовых конфликтов в 1945 г. приходится главным образом на последние месяцы этого года, после капитуляции Японии.) Японская буржуазная печать еще летом 1944 г. признавала, что недовольство рабочих выражалось в саботаже, в приведении в негодность машин и станков. Об этом свидетельствуют следующие данные²:

	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.
Количество случаев саботажа	158	166	279	216
Число участников	8 562	9 029	9 418	6 627

Одной из форм протеста рабочих по-прежнему являлись организованные прогулы. Рабочие стремились под различными предлогами не выходить на работу, пытаясь найти другие, побочные пути обеспечения прожиточного минимума. По признанию представителей правительственных органов, ведавших вопросами труда, на ряде предприятий число прогуливавших рабочих доходило до 40%³. Несмотря на все меры правительства,

¹ См. *Касуга Сёити*, Родо кумиан кова (Лекции о профсоюзах), Токио, 1948, стр. 90.

² См. *Суэхиро Идзутаро*, Нихон родо кумиан ундоси (История профсоюзного движения в Японии), Токио, 1954, стр. 93, 97.

³ *A. Roth*, Dilemma in Japan, p. 228—229.

прогулы распространялись и на предприятия военной промышленности. Если на предприятиях, производивших вооружение, процент не вышедших на работу в июле 1944 г. составлял 18, в судостроительных доках — 24 и на авиазаводах — 21, то в июле 1945 г. процент соответственно повысился до 40,52 и 51¹.

Антивоенные настроения, распространявшиеся среди передовых слоев японских трудящихся, по признанию правительства и полицейских органов, не удалось подавить ни в первые, ни в последние годы военных действий на Тихом океане.

В последний период войны усилилось антивоенное движение и в японской оккупационной армии в Китае; в этом движении активную роль играли японские коммунисты во главе с Носака Сандзо. Под его руководством консолидировались силы в борьбе за построение демократической Японии².

Величайшая заслуга коммунистов Японии состоит также в том, что в последний период второй мировой войны они выступили с программой борьбы за миролюбивую, демократическую и независимую Японию.

Главные черты этой программы сформулированы в докладе, составленном Окано Сусуму (Носака Сандзо) в апреле — мае 1945 г., основное содержание которого он изложил в речи на VII съезде Коммунистической партии Китая³.

В речи Носака подводились итоги антивоенного движения и борьбы народных масс страны, приводились многочисленные факты о нарастании антивоенного движения и намечались перспективы борьбы в новых условиях, когда поражение Японии приближалось. В ней содержалась оценка деятельности японских коммунистов, постоянно разоблачавших грабительский характер войны, которую вели японские милитаристы. Коммунисты, говорил Носака, прилагают усилия для расширения и укрепления своих позиций, для сохранения своих кад-

¹ «USSBS, The Japanese War Production Industries», Washington, 1946, p. 11.

² См. *Ямамото Кацуноскэ и Арита Мицухо*, *Нихон кёсансюги ундоси* (История коммунистического движения в Японии), Токио, 1950, стр. 456.

³ См. *Носака Сандзо (Окано Сусуму)*, *Минсю-тэки Нихон-но кэнсэцу* (Строительство демократической Японии), Кирю, 1946.

ров, подготавливая их к нанесению решающего удара японскому империализму.

Носака изложил практические мероприятия по переустройству политической системы Японии на демократических основах (освобождение политических заключенных, гарантия свободы слова, собраний, печати, восстановление рабочих и крестьянских организаций, коммунистической партии и всех ранее распущенных политических партий, расширение избирательных прав населения и др.). В числе важнейших реформ намечалась подлинно демократическая аграрная реформа, полная ликвидация военной промышленности, уничтожение власти монополистов и крупных помещиков.

Выступление Носака Сандзо вооружало антивоенные и демократические силы программой борьбы за мирную, демократическую и независимую Японию.

Антивоенные выступления в Японии и в японской оккупационной армии в Китае в последний период военных действий на Тихом океане сопровождались также усилением освободительной борьбы народов оккупированных Японией стран Южных морей. Наибольшую активность проявляли народы Вьетнама, Филиппин, Малайи, Индонезии и Бирмы. Во Вьетнаме под руководством коммунистической партии и Лиги Вьет-Минь происходила консолидация освобожденных районов и продолжалась подготовка вооруженного восстания в целях освобождения страны от японских интервентов и колониального гнета, завершившаяся победой и провозглашением демократической республики¹. «Демократический союз» на Филиппинах, руководящей силой которого являлись коммунисты, выдвинул требование образования независимой демократической республики, осуществления коренной аграрной реформы и индустриализации страны². В Малайе успешные действия антияпонской армии позволили изгнать врага из некоторых новых частей страны и на территории освобожденных

¹ О подготовке вооруженного восстания и августовской революции во Вьетнаме см. *Труонг Шин*, Августовская революция во Вьетнаме, М., 1954; С. А. Мхитарьян, Борьба вьетнамского народа за национальную независимость, демократию и мир (1945—1955 гг.), АН СССР, М., 1957, стр. 41—43.

² См. А. Дубинский, Международные отношения и внешняя политика СССР на Дальнем Востоке в годы второй мировой войны (1939—1945 гг.), М., 1953, стр. 41.

районов приступить к образованию демократических органов власти — народных комитетов¹. Полезную деятельность развил в Индонезии «Национальный комитет действия», объединивший под руководством национальной буржуазии различные социальные слои населения, подготовлявший захват власти и провозглашение республики. Антияпонская борьба развивалась в различных формах и с нарастающей силой. «В период японской оккупации, — пишет генеральный секретарь Коммунистической партии Индонезии Д. Н. Айдит, — индонезийский народ не прекращал своей революционной борьбы. Устраивались акты саботажа на предприятиях, пускались под откос эшелоны с японскими войсками, взрывались имеющие важное значение сооружения, в стране поднимались крестьянские восстания (например, в Сингапарна, Индрамаю, в районе Каро), вспыхивали мятежи в войсках (в частности, в Блитаре), происходили многочисленные выступления интеллигенции, студентов, молодежи, учащихся»².

Вооруженные силы — «Бирманская армия независимости», действовавшая под руководством «Антифашистской лиги освобождения», — оказали немалую помощь союзным войскам в освобождении основных районов страны. «В годы второй мировой войны, — говорил Н. С. Хрущев на митинге в Рангуне, — бирманскому народу пришлось вести тяжелую борьбу против японских империалистов, которая завершилась изгнанием интервентов»³.

**Подписание Потсдамской декларации относительно
Японии (26 июля 1945 г.).**

**Борьба в правящих кругах Японии по вопросу
о принятии Потсдамской декларации**

Поскольку правительство Судзуки упорно продолжало вести войну, вопрос о перспективах войны против Японии был подвергнут тщательному обсуждению на Потсдамской (Берлинской) конференции, состоявшейся в конце июля — начале августа 1945 г. В результате

¹ См. В. С. Руднев, Очерки новейшей истории Малайи 1918—1957, М., 1959, стр. 49.

² Д. Н. Айдит, Индонезийское общество и индонезийская революция, М., 1958, стр. 44.

³ «Правда», 7 декабря 1955 г.

была выработана декларация относительно Японии, которая 26 июля 1945 г. была подписана Соединенными Штатами, Англией и Китаем¹.

Потсдамская декларация призывала Японию немедленно заявить о безоговорочной капитуляции. В противном случае три державы, подписавшие декларацию, оставляли за собой право полностью использовать всю свою военную мощь против Японии, что «будет означать неизбежное и окончательное уничтожение японских вооруженных сил, столь же неизбежное полное опустошение японской метрополии».

Декларация предусматривала военное разоружение Японии и ликвидацию экономической базы японского милитаризма. В ней указывалось, что Японии будет разрешено иметь такую промышленность, которая позволит поддержать ее хозяйство и взыскать с нее справедливые репарации натурой. В декларации говорилось, что военное разоружение и экономическая демилитаризация Японии имеют целью не допустить возрождения агрессии. В статье 6 указывалось: «Навсегда должны быть устранены власть и влияние тех, которые обманули и ввели в заблуждение народ Японии, заставив его идти по пути всемирных завоеваний, ибо мы твердо считаем, что новый порядок мира, безопасности и справедливости будет невозможен до тех пор, пока безответственный милитаризм не будет изгнан из мира». Что касается военных преступников, то они должны понести суровое наказание за совершенные ими преступления и зверства.

Потсдамская декларация предусматривала лишение Японии всех захваченных ею с последней четверти XIX столетия колоний. В ней заявлялось: «Условия Кайрской Декларации будут выполнены, и японский суверенитет будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми менее крупными островами, которые мы укажем».

В отношении послевоенного развития Японии статья 10 гласила, что «японское правительство должно устранить все препятствия к возрождению и укреплению демократических тенденций среди японского народа...».

¹ См. «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами», вып. XI, стр. 104—106.

Для полной ликвидации грабительского «нового порядка» на оккупированных Японией территориях и установления союзного контроля над выполнением указанных целей Потсдамская декларация имела в виду оккупацию Японии союзными войсками до тех пор, пока не будут осуществлены мероприятия, указанные в Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г.

После опубликования Потсдамской декларации борьба различных политических группировок в правящих кругах Японии приняла еще более острый характер. Часть членов кабинета (Судзуки, Того) считала, что декларация должна быть принята в качестве окончательных условий мира. Другие (Анами, начальник армейского генерального штаба Умэдзу и начальник морского генерального штаба Тоёда) считали выдвинутые в Потсдамской декларации условия «слишком бесчестными». Центральными вопросами, вокруг которых развернулась дискуссия, были: будущее положение императора, проблема военных преступников и будущая форма «национального правления» японского государства¹.

Между тем и после опубликования Потсдамской декларации японское правительство продолжало маневрировать.

Стремясь извратить подлинные цели этого маневрирования правительства Судзуки, некоторые японские политические деятели пытались доказывать, что Япония якобы не намеревалась отвергнуть Потсдамскую декларацию и что ее правительство проводило лишь политику «мокусацу», т. е. отвечало на нее молчанием, пыталось ее замалчивать, отказывалось ее комментировать².

В действительности, несмотря на серьезные предупреждения, японское правительство отказалось принять Потсдамскую декларацию и, следовательно, капитулировать без всяких условий. Это явствовало из официального сообщения агентства Домэй цусин, опубликованного 27 июля. В нем говорилось, что «Япония оставит без внимания совместное обращение Черчилля, Тру-

¹ См. «Сюээнсироку», стр. 647.

² *Kawai Kazuo, Mokusatsu. Japan's Response to the Potsdam Declaration, «Pacific Historical Review», November 1950, p. 409, 410, 412, 414.*

мэна и Чан Кай-ши, призывающее японцев объявить о безоговорочной капитуляции»¹. Об отказе японского правительства принять Потсдамскую декларацию свидетельствует и выступление Судзуки по радио 28 июля, в котором он дал следующую оценку этой декларации: «Я думаю, что она представляет не более как переработку декларации Каирской конференции. Я не думаю, что она имеет какое-либо значение для японского правительства. Мы будем ее лишь игнорировать. Мы решительно пойдем вперед по пути полного завершения войны»². Глава японского правительства утверждал также, что Потсдамская декларация является лишь «пропагандой»³.

Еще более категоричным было мнение военного командования. Представитель командования сухопутных сил вызывающе заявил, что опубликование Потсдамской декларации свидетельствует не о силе, а о слабости союзных держав, которые «устали от войны». А военный министр Анами выступил с еще более наглой декларацией о том, что «рассчитывать на капитуляцию Японии — значит предаваться фантазии», если же союзные державы стремятся закончить войну, «то пусть они капитулируют перед Японией»⁴.

Позиция Судзуки и военного командования Японии в вопросе об отношении к Потсдамской декларации показывала, что крайне авантюристические группы правящих кругов Японии намеревались продолжать бессмысленную кровопролитную войну, что тем самым они не хотели считаться с интересами японского народа, обрекая его на новые лишения и страдания. Она показала, что японские империалисты не желали отказаться от агрессивных планов установления своего господства на Дальнем Востоке и в Тихоокеанском бассейне, в частности от планов создания восточноазиатской «сферы процветания». Проводя курс на затягивание войны, правящие круги Японии рассчитывали на заключение

¹ «Правда», 29 июля 1945 г.

² *Хаттори Такусиро*, Дайтоа сэно дзэнси, т. 8, стр. 93; «Тайхэй сэносси», т. IV, стр. 154; *L. Morton*, Japanese Policy and Strategy in Mid-War, p. 26.

³ *M. Harris*, The United States in the Second World War, New York, 1946, p. 69.

⁴ *Пын Мин*, История китайско-советской дружбы, стр. 230.

компромиссной сделки с реакционными кругами США и Англии, которые были заинтересованы в сохранении на Дальнем Востоке силы, враждебной Советскому Союзу.

6 августа 1945 г. американцы совершили варварский акт — сбросили первую атомную бомбу на город Хиросима. На следующий день императорская ставка опубликовала коммюнике, в котором сообщалось, что противник применил новый тип бомбы, сила разрушения которой исследуется. Одновременно Судзуки и Того заявили императору о том, что настало время принять Потсдамскую декларацию. Однако большая часть правительства и в особенности руководители вооруженных сил, как и прежде, высказались за продолжение войны¹.

После отказа Японии объявить безоговорочную капитуляцию правительства США, Англии и Китая обратились к Советскому правительству с предложением присоединиться к Потсдамской декларации и вступить в войну против Японии.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ НА ВТОРОМ ЭТАПЕ ЗАВЕРШАЮЩЕГО ПЕРИОДА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ

(9 августа — 2 сентября 1945 г.)

Начало войны Советского Союза против империалистической Японии. Итоги наступления Советских Вооруженных Сил (9—14 августа 1945 г.)

В ответ на обращение правительств трех держав правительство Советского Союза в соответствии с Крымским соглашением от 11 февраля 1945 г. присоединилось к Потсдамской декларации и объявило о состоянии войны с Японией. Принимая это решение, СССР руководствовался принципами своей миролюбивой внешней политики и интересами свободлюбивых народов. Необходимо было как можно скорее ликвидировать очаг агрессии на Дальнем Востоке и тем самым создать усло-

¹ «USSBS, Japan's Struggle to End the War», p. 8; *Kase Toshikazu, Journey to the «Missouri»*, p. 212.

вия для избавления всех народов, в том числе и японского, от ужасов разрушения, для сокращения жертв войны, для полного и скорейшего обеспечения мира.

8 августа 1945 г. министр иностранных дел СССР принял японского посла Сато и вручил ему заявление Советского правительства для передачи правительству Японии. В заявлении указывалось, что Япония остается единственной великой державой, продолжающей войну, и, поскольку она отклонила Потсдамскую декларацию, обращение к Советскому Союзу о посредничестве по поводу заключения мира на Дальнем Востоке теряет всякую почву. Правительство СССР доводило до сведения Японии свое решение присоединиться к Потсдамской декларации и вступить с 9 августа в войну против Японии. Принимая это решение, СССР учитывал отказ японского правительства капитулировать и исходил из того, что его участие в войне против Японии поможет скорее восстановить всеобщий мир¹.

Вступление Советского Союза в войну против Японии диктовалось настойчивым стремлением ускорить окончание второй мировой войны и переход к мирной, созидательной жизни. Оно вызывалось также необходимостью прекратить страдания народов оккупированных Японией стран и самого японского народа, спасти его от разрушительных последствий изнурительной войны и опустошений территории Японии.

Правительство Судзуки считало реальной возможностью вступление Советского Союза в войну против Японии. Об этом свидетельствует весьма знаменательная запись японского посла в Москве Сато по поводу встречи в Министерстве иностранных дел СССР. Посол признал, что правительство Судзуки считало свое обращение к Советскому правительству с просьбой о посредничестве бесперспективным и вступление Советского Союза в войну против Японии неминуемым². Это признание свидетельствовало о глубокой противоречивости внешнеполитической линии Японии, правящие круги которой запутались в так называемом «мирном» дипломатическом маневрировании.

¹ См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 362—363.

² *Kase Toshikazu, Journey to the «Missouri», p. 223—224.*

Батоу, исследователь внешней политики Японии последнего периода войны, также утверждает, что вступление СССР в войну не было для Японии полной неожиданностью. Он отмечает, что настроения в правительстве и в верховном военном командовании выражались словами: «Что должно было наступить, наступило»¹.

Подобного рода высказывания японских дипломатов и историков имели целью доказать «агрессивность» внешней политики Советского Союза и якобы отсутствие желания у Советского правительства поддерживать с Японией добрососедские и мирные отношения. В действительности Советский Союз, вступая в войну против Японии, как указывал Н. С. Хрущев, учитывал всю предыдущую историю взаимоотношений Японии и СССР, историю агрессии Японии против СССР, МНР и Китая, а также союзнические отношения Советского Союза с Соединенными Штатами и Англией и участие Японии в фашистском агрессивном блоке с Германией и Италией во время второй мировой войны².

После разгрома гитлеровской Германии «Советский Союз выполнил свой союзнический долг, выступив против милитаристской Японии»³. Принимая это решение, СССР учитывал отказ Японии капитулировать и руководствовался при этом стремлением как можно скорее ликвидировать последний очаг фашизма и военной агрессии и тем самым приблизить наступление всеобщего мира⁴. Советский Союз имел в виду обеспечить свои государственные интересы и безопасность на Дальнем Востоке, вновь открыть для себя морские выходы из Охотского моря в Тихий океан.

Наряду с этим Советский Союз стремился также способствовать освобождению народов Восточной, Юго-Восточной Азии и стран тихоокеанского бассейна, попавших под гнет японских империалистов, открыть им путь к свободе и независимости, обеспечить мир и безопасность в этой части земного шара. Вступление СССР

¹ R. J. C. Butow, *Japan's Decision to Surrender*, p. 158.

² См. Н. С. Хрущев, *За прочный мир и мирное сосуществование*, стр. 97—99.

³ Там же, стр. 99—100.

⁴ См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 362—363.

в войну против Японии имело особое значение для китайского народа и встретило его горячее одобрение.

Вступление Советского Союза в войну против Японии знаменовало переход второй мировой войны в заключительный этап. Отныне должны были сократиться сроки ее завершения.

В ночь на 9 августа 1945 г. Советские Вооруженные Силы начали военные действия против империалистической Японии.

Военные операции советских войск против Японии проходили в чрезвычайно трудных условиях, которые определялись: трудным горно-лесистым характером театра боевых операций; крайне неблагоприятными климатическими особенностями Маньчжурии; хорошо оборудованными укрепленными районами, созданными за 14 лет ее оккупации вдоль границ СССР; наличием мощной военно-экономической базы в Маньчжурии и Корее, рассчитанной на обеспечение затяжной войны в случае высадки союзных американско-английских сил на территории собственно Японии¹. Кроме того, советским войскам предстояло преодолеть сопротивление Квантунской армии, представлявшей главную ударную силу для войны против Советского Союза, поддержанную японским флотом в северокорейских портах Сэйсин (Чхончжин), Расин (Начжин) и Юки (Унгы) и в базах на Ляодунском полуострове, а также Сунгарийской военно-речной флотилией.

В течение 9—14 августа, согласно плану Ставки Верховного Главнокомандования, Советские Вооруженные Силы (Забайкальский, 1-й и 2-й Дальневосточный фронты), поддержанные Тихоокеанским флотом и Амурской военной флотилией, развернули стремительное наступление против японской армии.

В итоге первых шести дней боев войска Забайкальского фронта, развив наступление в глубину на 250—400 км, сломили сопротивление основных сил Квантунской армии, расчленили ее и изолировали отдельные группировки. Войска 1-го Дальневосточного фронта,

¹ Даллес в своей книге «Война или мир» подтверждает, что японцы «скопили в Маньчжурии большое количество военных материалов», имея в виду продолжение войны на азиатском материке, «если острова (собственно Японии. — Д. Г.) будут ими потеряны» (*J. Dulles, War or Peace, New York, 1950, p. 274*).

продвинувшись в глубь Маньчжурии на 120—150 км, отрезали Квантунскую армию от Кореи и развернули наступление в направлении Центральной Маньчжурской равнины. Войска 2-го Дальневосточного фронта, продвинувшись за шесть дней на 50—200 км, вышли на подступы к Центральной Маньчжурии. 14 августа войска фронта прорвали глубоко эшелонированную систему долговременных сооружений на границе с Южным Сахалином и развернули успешное наступление в глубь острова.

Стремительные действия советских войск на трех направлениях, приведшие к расчленению Квантунской армии, дезорганизовали ее оборону. Попытки японцев перейти в течение 12—14 августа на ряде участков фронта в контрнаступление были быстро ликвидированы. Уже первые шесть дней боевых операций Советских Вооруженных Сил открыли перспективу полного разгрома Квантунской армии, без которой, как и без маньчжурокорейского плацдарма, Япония не могла продолжать войну против СССР, Китая, США и Англии.

Вступление Советского Союза в войну против Японии и неожиданный для ее правящих кругов и военных руководителей успех наступательных операций Советских Вооруженных Сил способствовали резкому обострению внутривнутриполитической обстановки в Японии.

Новое обострение борьбы политических группировок в правящих кругах Японии по вопросу о войне и мире

С момента вступления Советского Союза в войну против Японии еще более усилилась острая политическая борьба двух основных группировок: сторонников продолжения войны «до победного конца» и так называемых «миротворцев», стоявших на позиции заключения компромиссного мира на определенных, приемлемых для Японии условиях. Обе они отражали интересы различных групп японских «дзайбацу».

9 августа, после совещания императора с главой японского правительства Судзуки, было созвано заседание «Высшего совета по руководству войной». Главным предметом обсуждения явился вопрос о Потсдамской декларации. Участники совещания исходили из того, что в сложившейся обстановке вопрос о принятии или не-

принятии условий Потсдамской декларации является основным и решающим судьбы Японии. Оценивая значение вступления СССР в войну с Японией, Судзуки в своей речи заявил: «Мы получили огромное потрясение от атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму. *Вступление сегодня утром в войну Советского Союза* ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны. Не следует ли нам немедленно принять условия Потсдамской декларации?»¹

В ходе обсуждения вопроса, продолжать или прекратить войну, определились два противоположных мнения. Одна группа (Того и Ёнаи) предлагала принять Потсдамскую декларацию при условии, что она не изменит «законного положения» императора. Эта группа стремилась прекратить войну, опасаясь тяжелых социальных и экономических последствий, которые должны были неизбежно сопутствовать дальнейшему продолжению войны, и пыталась добиться наиболее приемлемых условий мира. Вторая группа (Анами, Умэдзу и Тоёда) считала возможным принять декларацию со следующими четырьмя условиями, если: 1) она не затрагивает императорской фамилии; 2) японские вооруженные силы, находящиеся за пределами страны, демобилизуются после свободного их отвода с занимаемых территорий; 3) военные преступники будут подлежать юрисдикции японского правительства; 4) не будет осуществлена оккупация (Японии. — Д. Г.) в целях гарантии (капитуляции. — Д. Г.)².

Все выдвинутые пункты свидетельствовали о намерении группы Анами — Умэдзу — Тоёда создать условия для максимального сохранения сил японского империализма с целью последующего возрождения японского милитаризма и установления в послевоенное время реакционного режима в стране.

Длительные споры представителей обеих группировок на заседании «Высшего совета по руководству войной» не привели к единому мнению. Все его участники сходились лишь в одном: в признании необходимости

¹ *Иноуэ Кэйси, Ононоги Синдзабуро, Судзуки Сёси*, История современной Японии, М., 1955, стр. 263—264. — Курсив наш.

² См. «Тайхэйё сэносиси», т. IV, стр. 212—213; *Асида Хитоси*, Дайнидзи сэкай тайсэн гайкоси, стр. 675.

любыми средствами сохранить монархию, которая являлась наиболее удобной формой правления, обеспечивающей соблюдение интересов японских монополий — подлинных правителей империалистической Японии.

Во время заседания было получено сообщение об атомной бомбардировке Нагасаки. Но «Высший совет по руководству войной» не уделил серьезного внимания атомным бомбардировкам Хиросимы и Нагасаки, которые причинили большой ущерб гражданскому населению, но не поколебали решимости японских империалистов продолжать войну. Центральным вопросом являлось вступление Советского Союза в войну против Японии.

Два упомянутых выше мнения не удалось примирить, так как каждое из предложений собралось лишь по три голоса. Поэтому вечером Судзуки созвал чрезвычайное заседание кабинета министров, которое обсудило положение Японии, создавшееся в связи с вступлением СССР в войну. На заседании вновь развернулись ожесточенные споры: выступили Того, Анами, Ёнаи, Тоёда и другие. Представитель группировки сторонников прекращения войны Ёнаи в своем выступлении заявил, что при создавшихся условиях, принимая во внимание внутреннее положение страны, возможность продолжения войны весьма сомнительна¹. Значительное место в выступлениях министров занял вопрос о перспективах экономического состояния страны. Министр земледелия и торговли Исигуро Тадацу заявил, что урожай в 1945 г. ожидается наихудший за период с 1931 г., а нынешнее продовольственное положение страны настолько трудное, что невозможно предотвратить угрозу голода². Министр путей сообщения и связи Кохияма Наотака выразил большое сомнение в длительном сохранении и обеспечении морских линий связи с Кореей и Маньчжурией. Более того, заявил Кохияма, он не ручается даже за линии связи с Кюсю. На этом основании вывод может быть один: продолжать войну больше нельзя. Того в своем выступлении подчеркнул настоятельную необхо-

¹ См. *Симомура Кайнан (Хиросу)*, Сюээнки, стр. 118; *Kase Toshikazu, Journey to the «Missouri»*, p. 231.

² См. *Симомура Кайнан (Хиросу)*, Сюээнки, стр. 120; *Kase Toshikazu, Journey to the «Missouri»*, p. 232.

димось принятия Потсдамской декларации без дальнейшей отсрочки с одним лишь непременным условием — сохранить «социальную структуру» Японии. Только министр внутренних дел Абэ Гэнки, близкий к военным кругам, заявил, что он не может гарантировать «мир и порядок», если прекращение военных действий будет произведено дипломатическим путем¹.

В итоге длительной дискуссии за безоговорочную капитуляцию с сохранением императорской династии голосовало девять человек, три министра высказались за нее с условием принятия пунктов, названных выше, три участника заседания заняли промежуточную позицию².

Имперское совещание 9—10 августа 1945 г.

Поскольку результаты голосования свидетельствовали о невозможности прийти к единому мнению и примирить точки зрения двух основных группировок, Судзуки решил просить императора созвать заседание высшего органа — имперское совещание руководящих деятелей под его председательством. В критических условиях последней стадии войны роль имперского совещания как верховного органа, определявшего важнейшие вопросы внешней и внутренней политики страны, неизмеримо возросла. Японские монополии считали этот орган наиболее удобным для сохранения и обеспечения своих интересов.

Около полуночи 9 августа в дворцовом бомбоубежище открылось имперское совещание, на котором помимо шести постоянных членов присутствовали начальники генеральных штабов армии и флота, генеральный секретарь кабинета Сакомидзу, директор планового бюро Симомура; среди приглашенных находился и председатель Тайного совета барон Хиранума.

Когда участники имперского совещания собрались, им была вручена копия Потсдамской декларации вместе с условиями, которые предлагали обе группы, определившиеся в составе правительства. В начале совещания был зачитан полный текст Потсдамской декларации. Затем выступил Того, который, отстаивая свою точку

¹ *Kase Toshikazu, Journey to the «Missouri»*, p. 232.

² «USSBS, Japan's Struggle to End the War», p. 8.

зрения, заявил, что нет иного выхода, кроме принятия декларации с единственным условием — сохранить статут императора. Позицию Того полностью поддержал Анами.

В качестве главного оппонента выступил Анами, который в резких тонах доказывал, что Япония еще не потерпела поражения и имеет достаточно сил, чтобы продолжать войну. Поэтому, утверждал он, в целях выполнения долга перед императором «мы должны вести войну до последней возможности», если потребуется, то и на территории собственно Японии, «даже если вся наша нация погибнет»; в противном случае, по его мнению, дело может дойти «до внутренних волнений». В этом высказывании Анами явно сквозил страх перед возникновением революционных выступлений народных масс. Вместе с тем Анами добавил, что он не возражает против прекращения военных действий, если все четыре условия, выдвинутые на утреннем заседании «Высшего совета по руководству войной», будут приняты союзными державами¹.

Два начальника генеральных штабов, Умэдзу и Тоёда, поддержали, как и раньше, Анами, настаивая на продолжении войны².

Поскольку голоса вновь разделились и к единому мнению прийти не удалось, заседание было прервано и затем возобновлено в два часа ночи. Дальнейшая затяжка решения вопроса стала невозможной, и после дебатов, длившихся около часа, Судзуки решил обратиться к императору и просить его высказать свою точку зрения. Император присоединился к предложению Того, заявив, что «настало время вынести невыносимое»³. Вслед за императором вновь взял слово Судзуки, который, резюмируя обсуждение вопроса, констатировал принятие решения о прекращении войны⁴.

Ход имперского совещания в ночь с 9 на 10 августа дает яркую характеристику внутренней борьбы различ-

¹ См. «Тайхэйё сэнсоси», т. IV, стр. 213.

² См. «Тайхэйё сэнсоси», т. IV, стр. 213, 215. Точку зрения группы Анами фактически поддержал Хиранума, заявивший, что принятие условий союзников будет означать «разрушение кокутай», т. е. монархического строя.

³ «Тайхэйё сэнсоси», т. IV, стр. 216.

⁴ «USSBS, Japan's Struggle to End the War», p. 9.

ных политических группировок в правящих кругах Японии по вопросам войны и мира. В результате этой борьбы одержала верх группировка Того, отражавшая интересы более умеренных кругов «дзайбацу», и потерпела поражение группировка Анами — Умэдзу — Тоёда, отражавшая интересы наиболее авантюристических элементов японских монополий — сторонников продолжения войны любыми средствами и до «победного конца». Для того чтобы сделать свое вынужденное решение о прекращении войны безапелляционным, японские «дзайбацу» предпочитали прикрываться постановлениями имперского совещания и выступлениями императора, который выражал их интересы.

**Нота правительства Японии от 10 августа 1945 г.
Ответ правительств четырех держав
от 11 августа 1945 г.**

Непосредственным результатом имперского совещания явилась нота японского правительства союзным державам от 10 августа. Сразу же после закрытия совещания открылось заседание правительства, которое единогласно утвердило решение о принятии Потсдамской декларации, но при условии сохранения прерогатив императора. Это решение было передано по телеграфу в Вашингтон через правительство Швеции 10 августа в 7 часов утра. В тексте ноты японского правительства говорилось: «...Императорское правительство... решило принять условия, выдвинутые в совместной декларации, которая была провозглашена 26 июля в Потсдаме главами правительств трех государств — США, Великобритании и Китая и к которой позднее присоединилось Советское правительство, при условии, что указанная декларация не содержит никаких требований, ущемляющих прерогативы его величества как суверенного правителя...»¹

Аналогичное заявление было сделано Советскому правительству.

Одновременно информбюро кабинета министров Японии опубликовало специальное заявление, в котором

¹ «Нихон мондай бункэнсю» (Сборник документов по японскому вопросу), Токио, 1955, стр. 20—21; «The Axis in Defeat. A Collection of Documents on American Policy toward Germany and Japan», Washington, 1946, p. 29—30.

признавалось, что положение японских войск «стало исключительно тяжелым», и говорилось о готовности правительства «отстоять последние рубежи»; заявление призвало народ защитить «национальный государственный строй»¹.

Нота японского правительства, его заявление правительству СССР и заявление информбюро кабинета министров от 10 августа сознательно извращали действительное положение. Пытаясь замаскировать агрессивные цели своей внешней политики, правительство Японии утверждало, что как раньше, так и теперь оно стремилось «к укреплению мира» и к скорейшему прекращению войны. Однако суть подобных уловок ясна. Стремясь представить свои вынужденные действия как направленные на обеспечение «мира», японское правительство под предлогом сохранения системы монархии стремилось прежде всего не допустить после прекращения войны каких-либо изменений буржуазно-помещичьего строя в Японии.

Заявление японского правительства о принятии Потсдамской декларации, сделанное 10 августа, объяснялось главным образом тем, что вступление СССР в войну против Японии выявило иллюзорность надежд на заключение почетного компромиссного мира, да еще при содействии Советского Союза, оно вызывалось также стремительным наступлением Советских Вооруженных Сил, сломивших оборону Квантунской армии на всем фронте протяжением в 4 тыс. км.

Продвижение Советской Армии в глубь северо-восточной части Китая явилось одним из стимулов нового обострения политической борьбы различных группировок в правящих кругах по вопросам дальнейшей политики Японии, в частности реализации решения имперского совещания.

11 августа состоялось заседание членов императорской фамилии, происходившее у принца Такамацу, на котором было заслушано подробное сообщение Того. В тот же день некоторые офицеры армейского генерального штаба, требовавшие продолжения войны, пытались

¹ Текст заявления информбюро кабинета министров Японии от 10 августа 1945 г. см. «Тайхэйё сэносси», т. IV, стр. 216—217.

привлечь на свою сторону младшего брата императора, принца Микаса¹.

Созыв заседания членов императорской фамилии и действия офицеров армейского генерального штаба свидетельствовали о попытках сторонников продолжения войны противопоставить императору, давшему согласие на прекращение войны, других членов императорского дома и таким путем аннулировать решение имперского совещания от 9—10 августа.

11 августа государственный департамент США от имени правительств Соединенных Штатов Америки, Советского Союза, Великобритании и Китая направил ответ на заявление японского правительства от 10 августа², в частности на условие не затрагивать прерогативы императора как суверенного правителя. Союзные державы заявляли, что власть императора и японского правительства с момента капитуляции будет подчинена Верховному командующему союзных держав. Император должен санкционировать условия капитуляции и дать приказ всем японским вооруженным силам прекратить боевые действия и сдать оружие. В ноте правительств четырех держав сообщалось, что вооруженные силы будут находиться в Японии до полного достижения целей Потсдамской декларации³.

Ожесточенные столкновения в правящих кругах Японии по вопросу об ответе правительствам четырех держав

Ответ государственного департамента США от имени правительств четырех держав сделался предметом новых ожесточенных споров в правящих кругах Японии. Того изложил императору свое мнение, заявив, что ответ союзников удовлетворительный, а потому необходимо принять его безотлагательно. Хиранума и некоторые его сторонники выступили против принятия ответа, настаивая на неприемлемости пункта о статуте императора. Споры вновь разгорелись на совещании, созванном 12 августа. Хиранума предложил настаивать перед Соединенными Штатами на изменении формулировки

¹ *Kase Toshikazu, Journey to the «Missouri»*, p. 240.

² Ответ был передан через правительство Швейцарии.

³ См. «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны», т. III, стр. 378—379.

о прерогативах императора. Анами также возразил против принятия ответа, и его поддержали три других члена кабинета. В то же время два начальника генеральных штабов, Умэдзу и Тоёда, минуя правительство, совместно обратились к императору с предложением отклонить ответ четырех держав.

Поскольку снова обнаружилось разногласие, грозившее помешать выработке официального ответа, 13 августа было созвано заседание «Высшего совета по руководству войной». В центре дискуссии вновь находился вопрос о прерогативах императора, разоружении войск и оккупации собственно Японии. Анами по-прежнему настаивал на отклонении предложения союзных держав, утверждая, что оно не позволяет сохранить «национальную структуру» страны. Он требовал также проведения разоружения японских вооруженных сил лишь под контролем японского правительства. Выступление Анами поддержали министр внутренних дел Абэ и министр юстиции Мацудзака. Того настаивал на немедленном принятии решения, предупредив, что дальнейшая отсрочка может лишь усилить подозрения союзников и, более того, свести к минимуму шансы на мир.

В итоге за безоговорочную капитуляцию, т. е. за принятие ответа четырех держав, голосовало тринадцать министров, в том числе Судзуки, Того и Ёнаи, против высказались трое: Анами, Умэдзу и Тоёда¹. Поскольку военный министр и два начальника генеральных штабов, настойчиво возражавшие против принятия ответа, отказались подписать решение, за которое голосовало большинство, и заявили, что они апеллируют к императору, окончательное решение не было принято.

Упорная позиция группы сторонников продолжения войны любыми средствами накаляла политическую обстановку в стране и способствовала различным сепаратным действиям крайних элементов из числа молодых офицеров. 13 августа в военном министерстве состоялось чрезвычайное заседание офицеров в чине капитанов, майоров и подполковников, обсудившее планы продолжения войны. Участники этого необычного параллельного заседания приняли решение: просить императора объявить о продолжении войны; рекомендовать военному ми-

¹ «USSBS, Japan's Struggle to End the War», p. 9.

нистру отдать приказ всем вооруженным силам сражаться до последнего человека; объявить по всей стране военное положение и военного министра поставить во главе министерства внутренних дел; активно сотрудничать с «военной партией» в военно-морском флоте и сурово подавлять «мирную партию»¹, т. е. сторонников прекращения войны.

Решение офицерского совещания показывало стремление группы Анами — Умэдзу — Тоёда любыми средствами аннулировать прежнее решение императора, заставить его принять новое решение — о продолжении войны и предусматривало даже расправу со сторонниками прекращения войны; условия военного положения сторонники продолжения войны намеревались использовать для любых, с их точки зрения необходимых, действий вплоть до военного переворота. Характерно, что офицеры военного министерства сделали даже попытку помешать министерству иностранных дел вести переговоры о посредничестве в заключении мира с правительствами нейтральных стран (Швейцарии и Швеции), чтобы сорвать принятие Японией безоговорочной капитуляции. Как сообщает Касэ, хорошо информированный о всех политических событиях в Японии в критические августовские дни 1945 г., в начале второй декады августа в Токио был составлен тайный заговор: организовать дворцовый переворот, захватить в плен императора, заключить в тюрьму всех неугодных министров и вслед за этим декларировать продолжение войны².

Сторонники продолжения войны вели себя вызывающе. Они распространяли лозунг: «Долой режим Бадольо — Судзуки — Того — Ёнаи!»³ В резиденцию министерства иностранных дел была брошена бомба. Военный министр Анами издавал приказы, призывавшие японские вооруженные силы сплотиться для последней схватки с врагом. В одном из его обращений, адресован-

¹ *Kase Toshikazu, Journey to the «Missouri»*, p. 245. В японской исторической литературе группа сторонников прекращения войны из числа старейших государственных деятелей — бывших премьер-министров («дзюсин») — незаслуженно обозначается термином «вахэйха» (буквально — «группа мира»). См.: *Р. Шеррод и Накано Горо, Тайхэй сэнсэ*, т. 2, стр. 187.

² *Kase Toshikazu, Journey to the «Missouri»*, p. 248.

³ *Kato Masuo, The Lost War*, p. 241.

ном ко всем офицерам и солдатам армии, говорилось, что «в создавшейся ситуации для нашего народа выход может быть только один: решительное продолжение священной войны в защиту нашей божественной земли». Военный министр призывал всех следовать «патриотическому духу» Кусуноки¹ и «непоколебимому духу» Токимуноэ², «идти только вперед к уничтожению высокомерного врага»³.

Напоминание о деятелях феодального прошлого Японии, которым приписывалось самопожертвование во имя императора и защиты родины, было не случайно. Странники продолжения войны стремились, во-первых, создать впечатление, что правительство якобы не намерено прекращать войну, тем более на условиях капитуляции, и, во-вторых, пытались призвать армию и все население на последний подвиг — на «священную войну» во имя защиты «страны богов».

Имперское совещание 14 августа 1945 г.

Нота правительства Японии от 14 августа 1945 г.

**Подписание советско-китайского договора
о дружбе и союзе, соглашений о Китайской Чанчуньской
железной дороге, о Порт-Артуре и Дальнем**

Тем временем события продолжали развиваться. Советские Вооруженные Силы расчленили Квантунскую армию и готовились к заключительному удару — окружению и уничтожению ее. Поскольку с каждым днем условия капитуляции Японии могли оказаться еще более тяжелыми для нее, правящие круги страны спешили выработать окончательное решение в ответ на ноту правительств четырех держав от 11 августа.

После закулисной борьбы и попыток враждовавших группировок договориться об общей платформе 14 авгу-

¹ Имеется в виду полководец — крупный феодал Кусуноки Масасигэ, который в период феодальной междоусобицы — «войны северной и южной династий» (1336—1392 гг.) — погиб в сражении за императора Годайго. Японские империалисты использовали имя Кусуноки для пропаганды монархического фанатизма и движения «смертников» на фронте и в тылу.

² Ходзэ Токимуноэ — глава сёгунского правительства, руководивший феодальными войсками, защищавшими Японию от вторжения монгольской армии Хубилая в 70—80-х годах XIII столетия.

³ Текст обращения военного министра Японии генерала Анами от 10 августа 1945 г. см. «Тайхэйё сэносси», т. IV, стр. 216.

ста в 10 часов утра было созвано новое имперское совещание, на котором присутствовали все министры, а также Умэдзу, Тоёда, Хиранума и Сакомидзу. Открывая заседание, Судзуки выразил пожелание, чтобы ответ четырех правительств был обсужден в присутствии императора. Он призвал каждого из присутствующих свободно и откровенно выразить свое мнение. Анами, Умэдзу и Тоёда в своих выступлениях вновь настаивали на том, что ответ правительств четырех держав является «недостаточным» для обеспечения «национальной структуры», и предложили уточнить «двусмысленные» пункты, запросив «более конкретный ответ». Если же этого не удастся добиться, то война должна быть продолжена и закончена «на лучших условиях». Все остальные участники совещания высказались за принятие ответа четырех держав от 11 августа. В заключение заседания выступил император, который, присоединившись к точке зрения большинства, предложил правительству подготовить проект императорского рескрипта об окончании войны и опубликовать специальное обращение к народу¹.

После окончания имперского совещания кабинет министров принял формальное решение о безоговорочной капитуляции. 14 августа японское правительство сообщило правительством четырех держав об издании императорского рескрипта, который декларировал принятие Японией условий союзников и готовность императора приказать всем японским вооруженным силам прекратить военные действия и сдать оружие².

Императорский рескрипт — послание к народу — является одним из последних документов Японии периода второй мировой войны. В нем указывались причины принятия Японией Потсдамской декларации: неблагоприятно сложившееся для японских вооруженных сил военное положение и международная обстановка; применение Соединенными Штатами атомной бомбы; стремление предотвратить гибель японской нации и уничтожение всей цивилизации в случае продолжения войны. Характерно, что о вступлении Советского Союза в войну

¹ «USSBS. Japan's Struggle to End the War», p. 10.

² Текст ноты правительства Японии от 14 августа 1945 г. см. «Сюээнсироку», стр. 715.

против Японии, как об одной из важнейших причин, побудивших ее правящие круги сделать заявление о принятии Потсдамской декларации, в императорском рескрипте даже не упоминалось. В рескрипте вновь содержался призыв «вынести невыносимое», направить все усилия «на созидание будущего», на укрепление национального государственного строя. Принятие Японией Потсдамской декларации признавалось вынужденным актом, и вместе с тем подчеркивалась необходимость сохранения и укрепления прежних социально-экономических отношений после капитуляции Японии.

К числу немаловажных причин, заставивших Японию заявить о принятии Потсдамской декларации и способствовавших обострению политической борьбы внутри страны, относится подписание 14 августа 1945 г. советско-китайского договора о дружбе и союзе, соглашений о Китайской Чанчуньской железной дороге, о Порт-Артуре и Дальнем. Обе стороны договорились об укреплении дружественных отношений путем союза и широкого сотрудничества, главной целью которого объявлялось предотвращение возрождения японской агрессии. Предусматривалось оказание друг другу всевозможной помощи и поддержки в войне против Японии. Кроме того, договор имел в виду принятие обеими сторонами необходимых мер, которые сделали бы невозможным повторение агрессии и нарушение мира Японией. Для восстановления и укрепления мира на Дальнем Востоке важное значение имели соглашения о КЧЖД, Порт-Артуре и Дальнем, заключенные, как и договор о дружбе и союзе, на 30 лет.

Подписание советско-китайского договора о дружбе и союзе, соглашений о КЧЖД, Порт-Артуре и Дальнем являлось вынужденным актом со стороны реакционного правительства Чан Кай-ши, которое в ходе второй мировой войны проводило антисоветскую и антинародную политику¹. Учитывая это, Советское правительство должно было принять меры к нейтрализации попыток реакционных кругов в Китае воспрепятствовать действиям, обеспечивающим коллективную безопасность на Дальнем Востоке. Как показали последующие события,

¹ См. М. С. *Каница*, Советско-китайские отношения в 1931—1945 гг., М., 1956, стр. 120—121.

подписание договора и соглашений явилось маневром правительства Чан Кай-ши, которое не собиралось по-серьезному относиться к взятым на себя обязательствам. После капитуляции Японии американские империалисты и китайские реакционеры, фальсифицируя подписанные соглашения, пытались всячески извратить существо обязательств СССР, начали клеветать на советско-китайский договор, пытаясь опорочить политику СССР в отношении Китая¹.

Несмотря на коварные цели реакционной клики Чан Кай-ши, пытавшейся предательски сорвать выполнение Китаем как участником антифашистской коалиции своих обязательств, японские империалисты не могли не учитывать реального значения советско-китайского договора о союзе и дружбе. Не могли они игнорировать и подписанное 14 августа 1945 г. соглашение между главнокомандующим Советскими Вооруженными Силами и китайской администрацией, предусматривавшее совместные с китайскими силами военные действия против Японии после вступления советских войск на территорию Северо-Востока Китая².

Попытки японских империалистов уклониться от капитуляции. Новая нота четырем державам

В ходе острой внутривластной борьбы различных группировок японской монополистической буржуазии по вопросам прекращения войны и капитуляции на наиболее приемлемых для Японии условиях, в процессе маневрирования на внешнеполитической арене японские империалисты пытались затянуть время, чтобы добиться выгодного для них соглашения с четырьмя союзными державами. По этой причине они на словах соглашались капитулировать, а в действительности не прекращали боевых операций ни против Советских Вооруженных Сил, ни на Тихоокеанском фронте, ни в Китае.

Поскольку нота Японии от 14 августа не означала действительной капитуляции, государственный секретарь США Бирнс направил японскому правительству от

¹ См. «Очерки истории Китая в новейшее время», М., 1959, стр. 376.

² См. «Советско-китайские отношения 1917—1957. Сборник документов», М., 1959, стр. 204—205.

имени правительств четырех держав через посланника Швейцарии Грассли следующую ноту:

«Желательно, чтобы Вы провели нижеследующие мероприятия:

1) Отдали приказ о немедленном прекращении японскими вооруженными силами военных действий и сообщили день и час проведения этого прекращения Верховному командующему союзных держав.

2) Подготовили информацию о расположении частей японской армии и командования и немедленно отправили в распоряжение союзных держав специальных представителей, облеченных достаточными полномочиями для проведения по указанию Верховного командующего союзных держав подготовительных мероприятий, которые обеспечили бы возможность прибытия Верховного командующего и находящихся под его командованием частей в пункты, указанные Верховным командующим союзных держав для официального принятия капитуляции.

3) Для принятия капитуляции и ее осуществления Верховным командующим союзных держав назначается генерал армии Дуглас Макартур¹; он уведомит японское правительство о времени, месте и прочих деталях проведения процедуры официальной капитуляции»².

16 августа Верховный командующий союзных держав направил в адрес японского императора, японского правительства и императорской главной ставки телеграмму, в которой вооруженным силам приказывалось немедленно прекратить военные действия и направить полномочного представителя с компетентными советниками в штаб Верховного командующего в Маниле для принятия мер, необходимых для осуществления условий капитуляции³.

В связи с тем что японское правительство дало указание о прекращении сопротивления в Тихоокеанском и Западнотихоокеанском районах военных действий, американским командующим было отдано распоряжение

¹ Назначение генерала Макарута Верховным главнокомандующим союзных армий состоялось после консультации с Советским правительством (см. «Переписка...», т. II, стр. 257—258).

² См. «Сюзэнсироку» (приложения), стр. 11—12.

³ См. там же, стр. 12.

прекратить наступательные операции против японских военных и военно-морских вооруженных сил¹.

Поскольку правительство Японии не отдало аналогичных распоряжений о прекращении сопротивления Советским Вооруженным Силам, боевые операции на главном фронте — против Квантунской армии — продолжались.

**Резкое обострение политической борьбы
в правящих кругах Японии.
Отставка кабинета Судзуки
и сформирование правительства Хигасикуни**

Вопрос о том, следует ли обнародовать императорский рескрипт о готовности объявить безоговорочную капитуляцию, явился предметом ожесточенной борьбы и, более того, поводом для возникновения заговора и совершения дворцового переворота, направленного против решения императора прекратить военные действия и имевшего цель обеспечить продолжение войны «до победного конца».

После того как стало известно, что императорский рескрипт решено передать по радио, группа молодых офицеров во главе с подполковником Хатанака решила в ночь с 14 на 15 августа поднять на восстание императорскую гвардию. Хатанака и майор Кога потребовали от командира императорской дивизии генерала Мори помощи в аннулировании решения императора о прекращении войны. Поскольку Мори отказался это сделать, он был убит. Затем офицеры сфабриковали поддельный приказ императорской гвардейской дивизии о занятии всех ворот дворца и разоружении его охраны, пытаясь прервать связь императора с внешним миром. Путчисты в первую очередь стремились захватить запись с речью императора, намереваясь уничтожить ее и тем самым предотвратить объявление капитуляции по радио.

Путчисты ворвались во дворец и подвергли перекрестному допросу каждого чиновника, находившегося в это время там, пытаясь найти запись речи императора. Однако сделать это им не удалось.

Тем временем события, происходившие в императорском дворце, стали известны командующему восточной зоной армии генералу Танака, который немедленно

¹ См. «Переписка...», т. II, стр. 258.

поспешил во дворец, где обнаружил полк, подготовленный для путча. В течение нескольких часов Танака убеждал офицеров и солдат отказаться от выступления, и в конце концов это ему удалось. Четыре офицера, поднявшие полк на восстание, покончили с собой, остальных инициаторов повесили жандармы.

Однако путчисты продолжали действовать за пределами императорского дворца. Часть войск осадила официальную резиденцию премьер-министра и частные квартиры Судзуки и Хиранума. Другая часть войск захватила радиостанции, в том числе Токийскую. В задачу этой группы войск входило не допустить оглашения записи речи императора и обратиться к нации с призывом продолжать войну. Но выступление по радио могло состояться лишь при условии получения специального разрешения от императорской генеральной штаб-квартиры, которая отказалась его выдать. В итоге и эта группа войск капитулировала перед властями.

Новая вспышка произошла в связи с попытками заменить дворцовую гвардию войсками из близлежащих к Токио районов. Подразделение солдат численностью в 400 человек из префектуры Ибараки восстало в районе Токио. Восставшие поставили под сомнение императорский рескрипт о капитуляции. Однако это выступление закончилось неудачей как ввиду отсутствия руководства, так и ввиду немногочисленности участников.

Таким образом, попытка дворцового и государственного переворота в ночь на 15 августа закончилась поражением¹.

Подготовка переворота, несомненно, совершалась не по инициативе офицеров тех или иных подразделений гвардейской дивизии, которые были лишь послушными исполнителями воли других. Инициатором переворота явилась группа сторонников продолжения войны, не остановившаяся даже перед прямым подлогом и выступлением против императора. Эта группа доказывала, что император был «обманут» дворцовым окружением и государственными деятелями, следовательно, необходимо «спасти» его и нацию от тяжких последствий пре-

¹ О попытках совершения переворота в ночь с 14 на 15 августа 1945 г. в целях создания правительства «твердой руки» и продолжения войны до победного конца см. *Симомура Кайнан (Хироси)*, Сюсэнки, стр. 165—166.

крашения войны. Поэтому целью мятежа объявлялось свержение «капитулянтского» правительства Судзуки и создание нового правительства — правительства «твердой руки» во главе с военным министром генералом Анами, главным организатором путча, направленного против капитуляции¹.

Однако заговор не получил поддержки ни в рядах армии, ни в политических кругах. Вследствие этого оказались вынужденными покончить с собой некоторые офицеры гвардейской дивизии и групп войск, а также сам генерал Анами, принявший на себя ответственность за ночные события 15 августа²; несколько дней спустя его примеру последовал и генерал Танака.

Попытка дворцового и государственного переворота отражала исключительную напряженность политического положения Японии. Ярким выражением ее и явилась острая борьба по вопросу — продолжать войну или заключить мир на условиях безоговорочной капитуляции. Группа сторонников продолжения войны пыталась использовать все средства для реализации своих целей, не останавливаясь даже перед совершением военного переворота. Весьма характерно, что группа Анами сочла возможным даже открытое выступление против явно выраженного на имперском совещании мнения Хирохито, высказавшегося за безусловное принятие Потсдамской декларации; она возражала против императорского рескрипта, маскируя свои подлинные цели и планы необходимостью сохранить статут императора и «национальную структуру».

Резкое обострение внутривнутриполитического положения Японии привело к правительственному кризису. 15 августа, после оглашения императорского рескрипта, кабинет Судзуки в полном составе подал в отставку. Мотивируя свое решение, Судзуки заявил, что отставка его кабинета произошла «вследствие новой ситуации, созданной принятием Японией Потсдамской декларации, которая требует создания нового кабинета со свежими идеями»³. Кидо и Хиранума рекомендовали императору

¹ E. M. Zacharias, *Secret Missions, The Story of an Intelligence Officer*, p. 386.

² Togo Shigenori, *The Cause of Japan*, p. 335.

³ «The New International Year Book 1946», New York and London, 1946, p. 295.

поручить формирование нового кабинета принцу Хигасикуни Нарухико¹, который в течение 16—17 августа закончил составление нового правительства, сохранив за собой пост военного министра. Заместителем премьер-министра и министром без портфеля стал Коноэ, министром иностранных дел и министром по делам Восточной Азии — Сигэмицу, военно-морским министром — Ёнаи. Одобрив состав правительства, император дал новому премьер-министру специальное указание: «Полностью уважайте конституцию и упорно боритесь, чтобы должным образом справиться с создавшимся положением, укрепляя дисциплину в армии и поддерживая закон и порядок во всей стране»². Это указание получило развитие в речи Хигасикуни по радио, произнесенной по поводу сформирования нового правительства. Одновременно император издал обращение к офицерам и солдатам армии, призвав их обеспечить спокойствие в стране.

Указание премьер-министра и обращение императора к армии от 17 августа имели в виду скорейшую ликвидацию последствий путча и сохранение буржуазно-помещичьего строя.

Новые попытки путчей в августе 1945 г.

Однако политическая обстановка в стране продолжала оставаться напряженной. 20 августа несколько раз через определенные промежутки времени (с 6 часов вечера до полуночи) передавалось выступление Хигасикуни, в котором говорилось: «Поскольку сохранение нашей национальной структуры имеет важное значение, я имею реальный и определенный план действий. Поэтому все вы должны вести себя максимально спокойно и хладнокровно»³.

Несмотря на все призывы императора и нового премьер-министра, в Токио возник новый заговор молодых офицеров, распространившийся за пределы столицы. Его участники намеревались захватить императорский

¹ Хигасикуни — принц, родственник императора, генерал, член «Высшего совета по руководству войной». Ему приписывали даже оппозицию политике Тодзё. (*D. H. James, The Rise and Fall of the Japanese Empire, London, 1951, p. 352.*)

² *Kase Toshikazu, Journey to the «Missouri», p. 263.*

³ Там же.

дворец, чтобы воспрепятствовать мероприятиям правительства в связи с приказом союзников об осуществлении условий капитуляции; они хотели также принять меры для сохранения «национальной структуры», нарушенной, по мнению путчистов, Потсдамской декларацией. Сбор участников заговора был назначен в полночь 20 августа на площади перед императорским дворцом. Однако в назначенный час собралась лишь небольшая группа, которая, убедившись в невозможности реализовать задуманный заговор, быстро рассеялась.

Несостоявшийся путч явился запоздалым выступлением молодых офицеров, намеченным единым планом сторонников продолжения войны, одной из последних попыток заговорщиков повернуть историю вспять. Одновременно другие группы офицеров пытались воспрепятствовать высадке американских сил в районе Токио. Это побудило императора направить к ним принца Такамацу, чтобы передать им приказание отказаться от воинственных намерений и подчиниться властям. Тем не менее молодые офицеры, находившиеся во главе подразделений войск, контролировавших аэродромы, призывали продолжать сопротивление, а некоторые из них предлагали даже создать «правительство сопротивления». Лишь вечером 24 августа удалось наконец очистить аэродром в Токио и подготовить его для принятия оккупационных войск¹. Опасаясь дальнейших осложнений, император опубликовал на следующий день новое послание, требовавшее от войск сохранения порядка².

Главной причиной небывалого обострения политической борьбы в правящих кругах Японии в течение 15—24 августа 1945 г., обусловившей выступление путчистов из группы сторонников продолжения войны, являлись боевые успехи Вооруженных Сил Советского Союза, успешно преодолевавших сопротивление отборных войск Квантунской армии. Реакционные силы япон-

¹ 28 августа 1945 г. передовая флотилия союзных держав бросила якорь в бухте Сагами и затем вошла в бухту Токио. (F. H. Brumly, When the Navy Landed in Japan, «United States Naval Institute Proceedings» No. 10, 1953, p. 1121.)

30 августа американские военно-воздушные силы произвели высадку войск на аэродроме Ацуги, близ Токио.

² Kase Toshikazu, Journey to the «Missouri», p. 264.

ских монополистов, возлагавшие большие надежды на силу Квантунской армии, намеревались созданием нового правительства «твердой руки» добиться наконец изменения хода войны в пользу Японии.

Правящие круги Японии отдавали себе отчет в том, что подписание 14 августа 1945 г. советско-китайского договора о дружбе и союзе и других соглашений является сильным ударом по планам затягивания агрессивной войны против Китая, США и Англии, усиливает изоляцию Японии на международной арене и приближает час ее разгрома. Она не могла не понимать, что Китай приобрел могучую поддержку Советского Союза, которая создавала для него возможность нанести врагу эффективные удары.

Важной внутренней причиной путчистских выступлений крайне реакционных кругов Японии в августе 1945 г. явилось резкое ухудшение военного и экономического положения страны, вызванное расширением масштабов непосильной для Японии войны.

Все вышеуказанные внешние и внутренние причины обусловили обострение внутривластной борьбы в Японии и ускорили выступление путчистов. Августовские путчи представляли акт отчаяния зарвавшихся авантюристов, намеревавшихся путем заговора, дворцового путча и создания нового реакционного правительства «твердой руки» обеспечить продолжение бессмысленной войны, «вывести» Японию из тупика и добиться «почетного» компромиссного мира, сохраняющего в максимальной степени японскую колониальную империю. Однако оторванность инициаторов путчей от народа, их антидемократические цели определили неизбежность неудачи выступлений заговорщиков.

Вместе с тем возникновение заговоров против императора свидетельствовало о беспрецедентном острейшем политическом кризисе внутри империалистической Японии. Не случайно в мемуарах Хигасикуни положение, сложившееся в Японии в связи с августовскими событиями, определяется как «величайший кризис сверхчрезвычайного времени»¹.

¹ *Хигасикуни Нарухико*, Ватакуси-но кироку, стр. 119.

**Контрнаступление национально-революционных армий
в Китае. Попытки американских империалистов
использовать войска Японии и Чан Кай-ши
для уничтожения сил китайской демократии**

Вступление Советского Союза в войну против империалистической Японии создало новые благоприятные условия для дальнейшего развития освободительной войны китайского народа. К этому времени значительно окрепли Освобожденные районы и усилились национально-революционные армии, оказавшиеся в состоянии перейти в контрнаступление. В Китае находилось уже 19 больших Освобожденных районов с населением в 95,5 млн. человек, численность национально-революционных армий увеличилась до 910 тыс. человек и народного ополчения — до 2,2 млн. человек. Численность Коммунистической партии Китая, организатора и руководителя побед китайского народа, достигла 1 210 тыс. человек.

Демократические силы китайского народа, руководимые Коммунистической партией, продолжали выносить на своих плечах главную тяжесть войны против Японии. К апрелю 1945 г. из 40 японских дивизий, вторгшихся в Китай и насчитывавших 580 тыс. человек (не считая японских войск в Маньчжурии), фронт Освобожденных районов отражал натиск более 22 дивизий общей численностью в 320 тыс. человек, тогда как на гоминдановском фронте находилось не более 17 дивизий противника, насчитывавших 260 тыс. человек.

Вступление Советского Союза в войну против Японии создало благоприятные условия для успешного завершения освободительной антияпонской борьбы китайского народа. Однако командование чанкайшистских войск, игнорируя обязательства Китая как участника антифашистской коалиции, не приняло участия в боевых операциях по разгрому японских вооруженных сил. Обязательства по их разгрому выполнили национально-революционные армии. «Вступление Советского Союза в войну против Японии ознаменовало начало нового этапа освободительной войны в Китае — начало этапа контрнаступления китайского народа»¹.

10 августа 1945 г. национально-революционные армии получили приказ о генеральном наступлении на

¹ «Новая и новейшая история Китая», стр. 252.

оккупированные врагом районы, японским войскам предлагалось капитулировать. Одновременно с наступлением 8-й национально-революционной армии в Северном Китае части Новой 4-й национально-революционной армии начали боевые операции в Центральном Китае. В результате этих операций были освобождены 153 города¹.

С момента вступления Советского Союза в войну против Японии американские империалисты составили коварный план использования японских империалистов и китайской реакции для уничтожения сил китайской демократии. Они намеревались установить на всей территории Китая, как и во всех странах Азии, антинародный режим, превратить Китай в американскую колонию. Реакционные круги США хотели также не допустить полного разгрома империалистической Японии и стремились лишь ослабить и устранить ее как опасного конкурента на мировом рынке, в особенности на дальневосточном, а после поражения Японии использовать ее в антисоветских целях и как орудие для подавления национально-освободительного движения народов Восточной, Юго-Восточной Азии и стран Тихоокеанского бассейна.

Военные и политические деятели США рассчитывали, что война на Дальнем Востоке и после вступления Советского Союза в войну против Японии будет длительной и изнурительной, что позволит американским империалистам использовать ослабление как СССР, так и Японии в своих корыстных интересах.

Однако первые же дни военных операций Советских Вооруженных Сил против Японии, а также действия национально-революционных армий в Китае вызвали у американских империалистов опасение в возможном срыве их планов в отношении Японии, Китая и всех стран Восточной Азии. Это побудило их принять ряд срочных мер, направленных на обеспечение целей, не имевших ничего общего с задачами антифашистской коалиции во второй мировой войне.

Поводом для подобного рода мер послужили успешные наступательные действия национально-революцион-

¹ См. М. С. Капица, Советско-китайские отношения в 1931—1945 гг., стр. 129.

ных армий, очистивших в короткий срок территорию в 350 тыс. кв. км с населением в 20 млн. человек¹.

Правительство Чан Кай-ши попыталось активно воспрепятствовать операциям национально-революционных армий. Оно намеревалось с помощью американских монополистов быстрым ударом разгромить силы китайской демократии во главе с коммунистической партией и установить на всей территории Китая антинародный, реакционный режим. Весьма показательно для подлинных намерений чанкайшистской клики и то, что она после вступления Советского Союза в войну против Японии не сочла нужным принять какие-либо меры по оказанию помощи Советской Армии не только в самом начале ее боевых действий, но и после заключения 14 августа советско-китайского договора о дружбе и взаимопомощи.

11 августа Чан Кай-ши обратился с призывом к японским войскам «нести ответственность за поддержание порядка на местах»². В речи по радио 15 августа он призывал к «гуманности и милосердию» по отношению к врагу, ставя целью использовать его вооруженные силы для закрепления за своей кликой контролируемых ею районов. В ответ на приказ Чан Кай-ши главнокомандующий японскими войсками в Китае генерал Окамура телеграфировал, что он ожидает прибытия войск Чан Кай-ши для передачи им города Нанкина³.

Контакт между Чан Кай-ши и японским генералом Окамура был установлен с санкции генерала Макартура, стремившегося оказать клике Чан Кай-ши помощь в осуществлении ее антинародных целей. Макартур принял заместителя начальника генерального штаба Японии генерал-лейтенанта Кавабэ Торасиро, которому он вручил подробные секретные указания, как использовать японские вооруженные силы против национально-революционных армий в Китае. Эти указания были доведены до сведения императора и японского правительства и затем облечены в форму приказа, направленного Окамура. Японскому главнокомандующему приказыва-

¹ См. Г. Ефимов, Очерки по новой и новейшей истории Китая, М., 1951, стр. 401.

² «Новая и новейшая история Китая», стр. 253.

³ См. Чэнь Бо-да, Чан Кай-ши — враг китайского народа, М., 1950, стр. 178—179.

лось немедленно заключить секретное соглашение с начальником генерального штаба гоминдановской армии генералом Хэ Ин-цинем. Одновременно командующий армейской группой 1-го направления генерал-лейтенант Сумида получил приказ заключить соглашение с маршалом Ян Си-шанем, который в связи с этим направил своего офицера к генерал-лейтенанту Ямаока — начальнику штаба 1-й армии, входившей в состав армейской группы 1-го направления, — для переговоров о совместных военных операциях против национально-революционных войск в Шаньси.

Оба соглашения — Хэ Ин-цин — Окамура и Ян Си-шань — Сумида — имели в виду сохранить важнейшие районы под контролем гоминдановских войск, ожидавших приказа для перехода в наступление против национально-революционных армий. Весьма характерно, что эти соглашения предусматривали даже использование «в случае необходимости» японских войск в операциях против национально-революционных сил. В то время как Квантунская армия складывала оружие, разоружение японских сил в Китае под всякого рода предложениями и условиями сознательно затягивалось. 23 августа 1945 г. уполномоченный клики Чан Кай-ши и Хэ Ин-цин предъявил представителю японского командования Имаи для передачи Окамура два дополнительных условия капитуляции. В первом из них японским силам предлагалось не сдавать оружия национально-революционным войскам и «вести эффективную оборону» до передачи оружия войскам Чан Кай-ши. Во втором пункте выражалось недовольство бездействием японских войск в момент наступления национально-революционных армий на Кайфын, Тяньцзинь, Чжэнчжоу и другие города, их «позицией невмешательства» в отношении находившихся здесь войск. Гоминдановское военное руководство еще раз потребовало от японцев «вести эффективную оборону» и передавать занимаемые ими районы только войскам правительства Чан Кай-ши¹.

Даже после разоружения японских войск клики Чан Кай-ши вновь вооружала их, формируя из бывших японских солдат так называемую «добровольческую армию». Таким путем китайские реакционеры пытались с по-

¹ См. «Очерки истории Китая в новейшее время», стр. 377.

мощью японских войск под флагом «сохранения порядка» развернуть широкое наступление на Освобожденные районы, разгромить национально-революционные армии и установить свой полный контроль над всей территорией Китая.

Однако китайской реакции и американским империалистам не удалось использовать японские вооруженные силы как орудие для подавления сил китайской демократии, руководимой коммунистической партией.

Разгром Квантунской армии. Официальная декларация императора о безоговорочной капитуляции Японии от 2 сентября 1945 г. Подписание акта о безоговорочной капитуляции Японии

Важным фактором, обусловившим крах американских и японо-чанкайшистских маневров в Китае, явились завершающие операции Советских Вооруженных Сил. Они заставили клику Чан Кай-ши прекратить заигрывание с командованием японских войск в Китае, вынужденных сложить оружие. Скрыли на некоторое время свои подлинные намерения в Китае и американские империалисты.

Благодаря успешным действиям Советской Армии прекратилось сопротивление японских вооруженных сил на всех фронтах: в Китае и на Тихом океане. Создались, таким образом, условия для официального оформления безоговорочной капитуляции Японии.

19 августа по требованию союзных держав в Манилу прибыла японская делегация во главе с генерал-лейтенантом Кавабэ Торасиро для проведения предварительных переговоров относительно конкретных условий оккупации союзными войсками территории Японии и разоружения армии¹. Полномочному представителю Японии вручили текст императорского приказа, текст капитуляции и Общего приказа № 1 по армии и флоту для передачи их правительству, что и было сделано 21 августа, по возвращении японской делегации в Токио².

На следующий день в Японии командование издало приказ о прекращении военных действий, который,

¹ См. «Сюээнсироку», стр. 792—793.

² См. «Тайхэйё сэносси», т. IV, стр. 223.

однако, не касался Маньчжурии, Внутренней Монголии и некоторых районов Северного Китая, а также северной части Кореи и Южного Сахалина. Это была попытка внести раскол в ряды антифашистской коалиции при подведении итогов войны, своеобразный маневр, рассчитанный на сохранение захваченных территорий Китая в составе японской колониальной империи.

30 августа на аэродром Ацуги вблизи Токио прибыли передовые части союзных войск. 1 сентября началась высадка частей 8-й американской армии в порту Йокогама.

Тем временем завершались операции Советских Вооруженных Сил против Квантунской армии. Расчленив ее основные силы и изолировав отдельные группировки, Советская Армия продолжала наступление с целью полного разгрома японских войск, тем более что последние пытались на ряде участков фронта наносить контрудары и не сложили оружия, что было нарушением заявления императора Японии от 14 августа о капитуляции. В итоге последующих наступательных операций японским войскам в Маньчжурии, Корее, на Южном Сахалине и Курильских островах был нанесен сокрушительный удар. Всего советские войска разгромили 22 японских дивизии этой отборной армии, потерявшей свыше 80 тыс. солдат и офицеров убитыми и 594 тыс. пленными¹.

В соответствии с процедурой капитуляции Японии, установленной на совещании в Маниле, император издал ряд документов.

2 сентября 1945 г. им была опубликована официальная декларация, которую вслед за ним подписал весь состав правительства Хигасикуни. В ней говорилось: «Мы повелеваем принять условия, выдвинутые в Декларации, которая была провозглашена в Потсдаме главами Правительств Соединенных Штатов, Великобритании и Китая 26 июля 1945 г. и к которой впоследствии присоединился Советский Союз, и приказываем нашему правительству и Главной ставке подписать от нашего лица текст капитуляции, предложенный Верховным главнокомандующим союзных держав, и на основании указаний Верховного главнокомандующего издать об-

¹ См. «Красная Звезда», 24 августа 1945 г.; «Правда», 12 сентября 1945 г.

щий приказ по армии и флоту. Мы повелеваем нашим подданным немедленно прекратить сопротивление, сложить оружие и добросовестно выполнять все условия капитуляции и Общего приказа, который будет дан правительством и Главной ставкой.

Второй день девятого месяца 20-го года «Сёва»¹.

Накануне император подписал два мандата, уполномочивавших Сигэмицу Мамору и Умэдзу Ёсидзиро подписать от его имени акт о капитуляции.

Окончательное оформление капитуляции было произведено 2 сентября 1945 г. на борту американского линкора «Миссури», где Сигэмицу и Умэдзу в присутствии представителей союзных держав подписали акт о безоговорочной капитуляции².

Подписание акта о безоговорочной капитуляции японских вооружённых сил означало, что война советского народа совместно с китайским, американским, английским и другими народами и их вооружёнными силами против последнего агрессора — японского империализма — победоносно завершена. Более того, это событие имело большое международное значение: оно не только знаменовало окончание войны на Дальнем Востоке, но и завершало вторую мировую войну в целом.

В день подписания акта о капитуляции Японии императорская главная ставка издала «Общий приказ № 1» («Иппан мэйрэй итиго») о безоговорочной капитуляции всех японских сухопутных и военно-морских сил и сил, находившихся под их контролем за пределами Японии. В нем подробно указывался порядок капитуляции и разоружения японских войск по отдельным районам расположения их, порядок представления сведений о сухопутных войсках, военно-морских и военно-воздушных силах, о торговом флоте, о расположении минных полей и других препятствий, о всех военных объектах и расположении лагерей военнопленных. На командование японскими вооружёнными силами и на гражданские власти возлагалась ответственность за сохранность

¹ «Синсо бако». Тайхэйё сэнсо-но сэйдзи, гайко, рикугун, кусэн-но синсо (Правда о политике, дипломатии, сухопутных и военно-морских силах в войне на Тихом океане), Токио, 1946, стр. 72.

² Текст акта о капитуляции Японии от 2 сентября 1945 г. см. «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами», вып. XI, стр. 137—139.

самолетов, военных и торговых кораблей, им вменялось в обязанность принять меры к разминированию минных полей, к восстановлению всех морских портов. Японские военные и гражданские власти обязаны были сохранить в целости и хорошем состоянии оружие, склады военного снаряжения, все средства связи и транспорта, все военные объекты, заводы, фабрики, лаборатории, планы, чертежи и изобретения, связанные с производством орудий войны. Приказ запрещал производство и распределение всякого рода оружия, амуниции и военного снаряжения. Он предусматривал также обеспечение безопасности военнопленных и интернированного гражданского населения, их сосредоточение в определенных местах до момента репатриации и представление Верховному командующему союзных держав полного списка военнопленных и интернированного гражданского населения. Японским и контролируемым ими военным и гражданским властям предлагалось содействовать Объединенным Нациям в осуществлении оккупации Японии и точно выполнять настоящий и последующие приказы Верховного командующего союзными силами¹.

Реализация «Общего приказа № 1», окончательный текст которого был согласован к 2 сентября 1945 г., как и осуществление акта о безоговорочной капитуляции, наталкивалось в первое время на сопротивление отдельных групп, главным образом военных, которые призывали к неповиновению, называя все документы о капитуляции «фальшивыми». В течение первых недель после подписания акта о капитуляции Японии самолеты корпуса специального назначения несколько раз летали над Токио и разбрасывали листовки, в которых говорилось: «Не надо капитулировать. Не верьте императорскому рескрипту. Это — фальшивый документ»².

Однако эти вспышки были ликвидированы, и японские вооруженные силы в соответствии с приказом императорской ставки сложили наконец оружие³. Только на

¹ Текст «Общего приказа № 1» по армии и военно-морскому флоту от 2 сентября 1945 г. см. «Сюээнсироку», стр. 800—804.

² *Kase Toshikazu, Journey to the «Missouri»*, p. 261; *Kato Masuo, The Lost War*, p. 248.

³ К моменту капитуляции Япония имела 169 пехотных, 4 танковых и 15 авиационных дивизий общей численностью 5,5 млн. человек, 9 тыс. самолетов, в том числе 6 тыс. для обороны территории собственно Японии («Сирё Нихонси», т. 2, стр. 238).

территории собственно Японии демобилизовалось около 2 350 000 японских солдат¹.

В течение сентября — октября 1945 г. происходила капитуляция японских вооруженных сил на оккупированной территории стран Южных морей и Китая. 3 сентября на церемонии, состоявшейся в Багио, генерал Ямасита и вице-адмирал Окоти подписали акт о сдаче японских войск, находившихся на Филиппинах. 5 сентября английские и индийские войска высадились в Сингапуре. На другой день в Рабауле состоялось подписание акта о капитуляции японских войск, находившихся в юго-западной части Тихоокеанского бассейна. 8 сентября японские силы сложили оружие в Индонезии. На следующий день в Нанкине командование японских войск подписало акт о капитуляции 1 млн. японских солдат; действие его распространялось на все наземные, морские, воздушные и вспомогательные силы внутри Китая, включая Маньчжурию и Тайвань, и Индокитай севернее 16° северной широты. 12 сентября в Сингапуре адмирал Маунтбэттен принял капитуляцию японских вооруженных сил в Юго-Восточной Азии².

Упадок экономики Японии — один из важнейших факторов, ускоривших ее поражение в войне на Дальнем Востоке

Одним из важнейших факторов, ускоривших военное поражение Японии в минувшей войне, явился упадок японской экономики³.

Экономическая политика правящих кругов Японии исходила из захватнических целей, имевших в виду построение «нового порядка» в Восточной и Юго-Восточной Азии и на Тихом океане. Она преследовала цель установить здесь ничем не ограниченное господство японских монополий. Экономические мероприятия правительства были рассчитаны на максимальное обеспечение все возрастающих масштабов и потребностей затеянной японскими империалистами изнурительной и непо-

¹ См. «Сирё Нихонси», т. 2, стр. 238.

² «Chronology of the Second World War», p. 368.

³ Важнейшие экономические показатели Японии в годы войны см. «Тайхэйё сэнсоси», т. IV, стр. 79; Я. А. Певзнер, Монополистический капитал Японии («дзайбацу») в годы второй мировой войны и после войны, М., 1950, стр. 182—183.

сильной для них агрессивной войны. Большая военно-экономическая мощь противников Японии, в особенности Соединенных Штатов, понуждала японские правящие круги изыскивать чрезвычайные экономические меры для организации сопротивления с целью продолжения затяжной войны против США и Англии, которая велась Японией параллельно с длительной войной в Китае. Путем этих мероприятий японские монополии рассчитывали добиться перелома в войне в свою пользу, удержать захваченные территории и создать условия для наиболее выгодного торга с американо-английскими соперниками по поводу условий компромиссного мира.

Все внимание правящих кругов Японии в последний год войны по-прежнему направлялось на увеличение продукции военной промышленности.

Однако, несмотря на принятые правительством меры, официальный общий индекс промышленной продукции Японии (1932—1936 гг. = 100) составил в 1945 г. лишь 87,1, металлургической — 55,1 и машиностроительной — 147,3¹. В течение января — августа 1945 г. выплавка чугуна составила 0,5 млн. т, продукция стали — 1,1 млн. и производство проката — 0,5 млн. т², что было намного ниже уровня производства 1942 и 1943 гг., а добыча угля за семь месяцев 1945 г. составила 22,3 млн. т против 49,4 млн. т в 1944 г.³

Резкое сокращение продукции металлургической промышленности объяснялось огромными трудностями в обеспечении ее необходимым сырьем, большим недостатком квалифицированной рабочей силы, а также значительным уроном, нанесенным важнейшим промышленным районам собственно Японии бомбардировками американской авиации в течение 1944—1945 гг.

Значительное падение продукции металлургической промышленности определило сокращение производства вооружения. В течение первых семи с половиной месяцев 1945 г. выпуск самолетов составил 11 066 машин (против 37 350 в США)⁴. Такое количество самолетов; уменьшив-

¹ См. «Нихон токэй нэнкан 1950», стр. 174—175.

² См. М. И. Лукьянова, Японские монополии во время второй мировой войны, М., 1953, стр. 90.

³ См. «Тайхэйё сэнсо сюкэцурон», стр. 259, 274, 278—279.

⁴ См. «Сирё-ни-ёру Нихон-но аюми», т. 4, стр. 257.

шееся по сравнению с 1944 г. в 2,5 раза, не могло восполнить крупных потерь японской авиации в воздушных сражениях.

Полное господство военно-морского флота США и Англии на море требовало значительного пополнения японского военно-морского флота. Тем не менее тоннаж введенных в эксплуатацию военных кораблей и торговых судов составил в течение апреля—июня 1945 г. лишь 66,7 тыс. т¹, тогда как в США в последний год войны было построено кораблей и судов общим водоизмещением 3 млн. т².

Огромные трудности испытывала Япония и в производстве танков и боевых машин (артиллерийские тягачи, самоходные пушки, бронемашин). В течение января—августа 1945 г. их было произведено всего лишь 569 единиц (против 2780 в 1943 г. и 2252 в 1944 г.)³.

Резкое падение в течение января—августа 1945 г. военного и торгового судостроения, уменьшение производства самолетов, танков и боевых машин, дезорганизация железнодорожного и автомобильного транспорта тяжело отражались на снабжении вооружением японской армии и флота.

Серьезный урон японским империалистам причинило нарушение в 1944—1945 гг. внешнеторговых связей Японии с ее колониями и в особенности с оккупированными странами Южных морей. Из-за крупных потерь торгового флота и уязвимости его для подводных и воздушных сил союзников оказались нарушенными морские коммуникации, следовательно, было дезорганизовано снабжение Японии и пополнение ее запасов предметами военно-стратегического сырья за счет оккупированных стран. Огромные трудности встретила Япония в обеспечении нефтью военно-морского и торгового флота, а также авиации. Имевшихся в ее распоряжении к началу войны нефтяных запасов, исчислявшихся в 43 млн. баррелей (6 837 тыс. т), могло хватить лишь на один, максимум на полтора года⁴, а пополнение запасов за счет

¹ См. М. И. Лукьянова, Японские монополии во время второй мировой войны, стр. 103.

² «Statistical Abstract of the United States 1948», Washington, 1948, p. 229.

³ Дж. Б. Коэн, Военная экономика Японии, стр. 241.

⁴ См. «Стенограмма Токийского процесса», стр. 10184.

оккупированных территорий по вышеизложенным причинам было крайне затруднено.

Японские монополии использовали одностороннее развитие промышленности, искусственный рост ее военных отраслей в своих интересах. Ведущие концерны (Мицуи, Мицубиси, Сумитомо, Ясуда, Сибусава, Аюкава, Кухара и Накадзима) по-прежнему извлекали пользу из контроля над важнейшими отраслями промышленности, из системы приоритета в развитии военных отраслей промышленности и в размещении военных заказов для своего обогащения, для получения монополично высоких прибылей. Весьма характерно, что из почти 70 тыс. самолетов, выпущенных в Японии в годы войны, свыше 67 тыс. машин, или 96%, произвели частные компании¹. Усиленный в годы войны процесс централизации капитала, сопровождавшийся разорением мелких и средних акционерных компаний, имел своим следствием еще большую концентрацию богатств в руках крупных финансовых магнатов. В 1945 г. число крупнейших компаний с капиталом более 5 млн. иен каждая достигло 800 (1,9% от общего числа компаний), и их капитал составил 27,8 млрд. иен (74,2% общей суммы капитала всех компаний)². За время войны 1941—1945 гг. общая сумма капиталов различных монополистических организаций увеличилась в 5—10 раз³.

В итоге преимущественного развития военной промышленности, несмотря на огромные затруднения в обеспечении нормальной работы ее предприятий, Япония обладала ко времени окончания войны значительным военно-экономическим потенциалом. Но это было достигнуто за счет свертывания и даже разрушения мирных отраслей японской экономики, ценой огромных лишений и жертв подавляющей части населения страны.

Японская текстильная промышленность пришла в полный упадок. Сильное сокращение количества фабрик

¹ См. Дж. Б. Кoen, Военная экономика Японии, стр. 226.

² См. М. И. Лукьянова, Японские монополии во время второй мировой войны, стр. 211; Я. А. Певзнер, Монополистический капитал Японии («дзайбацу») в годы второй мировой войны и после войны, стр. 192—193.

³ См. К. Попов, Послесловие к книге Г. Треварта «Япония. Физическая и экономическая география», М., 1949, стр. 492; «Тайхэй сэносси», т. IV, стр. 86—87.

и производственного оборудования коснулось хлопчатобумажной промышленности, одной из старейших отраслей японской экономики. К концу войны в ней осталось всего лишь 2,7 млн. веретен из существовавших в мирное время 12,2 млн. веретен, т. е. 17,5%¹. Фактически же всего 0,8 млн. веретен находилось в действии. Число номинально действующих механических ткацких станков исчислялось в 22,6 тыс., но фактически действовало менее половины². Положение в текстильной промышленности привело к массовому разорению мелких и средних предпринимателей, владельцев предприятий в указанной отрасли.

Последний год войны характеризовался усиленным процессом деградации японского сельского хозяйства, обнищанием и разорением основной массы крестьянства. Сократилась посевная площадь сельскохозяйственных культур — с 5 868 тыс. тё в 1941 г. до 5 288 тыс. тё в 1945 г.³, в том числе основной продовольственной культуры — риса — с 3 182 тыс. тё до 2 893 тыс. тё, т. е. почти на 10%. Сбор риса уменьшился за 1941—1945 гг. с 55,1 млн. коку до 39,1 млн. коку, т. е. на 29,1%; если же учесть импорт риса, составивший в 1941 г. около 15,7 млн. коку и снизившийся в 1945 г. до 110 тыс. коку, то в распоряжении Японии находилось в 1941 г. около 70,8 млн. коку, а в 1945 г. — около 39,2 млн. коку⁴.

В результате уменьшения продовольственных ресурсов Японии положение трудящихся масс стало крайне тяжелым. Под предлогом покрытия дефицита риса и ликвидации продовольственного кризиса правительство еще более ограничивало потребление предметов питания, что приводило к физическому истощению сил широких масс трудового населения.

Тяжелое бремя длительной и изнурительной войны имело своим следствием усиление эксплуатации рабочего класса, дальнейшее ухудшение его положения. Увеличение продолжительности рабочего дня и рост интенсификации труда, в особенности на военных предприятиях,

¹ S. Nehmer, *The Future of Japanese Textiles*, «Far Eastern Survey», August 28, 1946, p. 261.

² М. И. Лукьянова, Японские монополии во время второй мировой войны, стр. 124.

³ См. «Тайхэйё сэно сюкэцурон», стр. 331.

⁴ См. *Иноуэ Кйёси, Судзюки Сёси*, Нихон киндайси, стр. 409.

принудительная контрактация рабочих на «трудовой фронт»¹ с правом использования их труда на предприятиях любой части страны, широкое применение в годы войны поденных и временных рабочих — все это создавало условия для хищнической эксплуатации рабочего класса, для крайнего физического истощения рабочих.

Острый недостаток предметов потребления, получаемых по карточкам, заставлял трудящихся обращаться к «черному рынку», где цены намного превышали официально установленные².

Важным средством усиления хищнической эксплуатации рабочих и всех трудящихся, становившейся все более невыносимой по мере приближения Японии к военному краху, усиления их обнищания и разорения являлась финансовая политика правящих кругов империалистической Японии.

Финансовая политика правительства в 1945 г. ставила целью любыми средствами за счет народных масс обеспечить продолжение агрессивной войны³. Большая часть национального дохода тратилась на военные нужды. В 1945/46 бюджетном году чрезвычайные военные расходы составили 85 млрд. иен, или 85% всех государственных расходов Японии⁴. Количество бумажных денег, находившихся в обращении в середине августа 1945 г., определялось суммой в 29,3 млрд. иен⁵.

В годы войны неблагоприятным для Японии был и внешнеторговый баланс (за исключением 1942 г.): превышение импорта над экспортом в 1944 г. составило 650 млн. иен, в 1945 г. — 568 млн. иен⁶.

Таким образом, упадок и дезорганизация японской экономики, нашедшие выражение в искусственном, одно-

¹ По данным Мория Фумио, в Японии было мобилизовано на «трудовой фронт» в 1941 г. 260 тыс. человек, в 1942 г. — 310 тыс., в 1943 г. — 700 тыс., в Корею законтрактовано соответственно: 50, 110 и 120 тыс. корейских рабочих (см. *Мория Фумио*, *Нихон сикхонсюги хаттацуси*, стр. 267).

² «USSBS, The Effects of Strategic Bombing on Japan's War Economy», p. 225.

³ В последний год войны большое значение приобрела принудительная мобилизация средств населения в форме «народных сбережений». В 1945 г. она составила сумму в 149,3 млрд. иен против 48,5 млрд. иен в 1944 г. (см. «Сюэнсироку» (приложения), стр. 52).

⁴ См. *Хаттори Такусиро*, *Дайтоа сэно дзэнси*, т. 8, стр. 235.

⁵ См. *Цутя Такао*, *Нихон кэйдзайси-но тисики*, стр. 267.

⁶ См. «Сирё-ни-ёру Нихон-но аюми», т. 4, стр. 114, 260.

боком развитию исключительно военной промышленности, явились важными внутренними факторами, ускорившими военное поражение Японии в минувшей мировой войне. Экономика Японии оказалась в тяжелом состоянии, ее ресурсы приближались к полному исчерпанию. Тем не менее японские вооруженные силы в конце войны располагали запасами оружия и боеприпасов, достаточными для позиционной обороны территории собственно Японии и нанесения потерь противнику¹. Намереваясь использовать сохранившиеся запасы и предполагая опереться на маньчжуро-корейский военно-промышленный плацдарм как на основу длительного сопротивления, правящие круги Японии рассчитывали, что им удастся все же добиться заключения «почетного» компромиссного мира.

¹ В сводном отчете тыла 6-й американской армии, представленном штабу главнокомандующего, указывалось, что на 1 декабря 1945 г. в собственно Японии было захвачено 652 261 винтовка, 18 128 пистолетов, 118 671 пулемет и 77 000 минометов и гранатометов, причем значительная часть имущества осталась необнаруженной (см. *В. Крюгер, От Австралии до Японии, М., 1958, стр. 578*). Согласно заявлению бывшего министра финансов Исибаси, не удалось обнаружить скрытые материалы на сумму в 100 млрд. иен (одна только авиационная компания Накадзима на своих 260 складах припрятала материалов на сумму в 9 млрд. иен). По оценке специального распределительного комитета, стоимость припрятанных материалов достигла 50 млрд. иен. Всего же после капитуляции Японии американские военные власти передали японскому министру внутренних дел 10 млн. т различного военного имущества (см. *Я. А. Певзнер, Монополистический капитал Японии («дзайбацу») в годы второй мировой войны и после войны, стр. 359, 360*).

Г Л А В А П Я Т Я
ПРОТИВ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ ВОЙНЫ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
(1937—1945 гг.)

Фальсификация истории является одним из распространенных средств, которые обычно применяются отживающими классами в целях упрочения своего господства и обмана народов. С давних пор она присуща буржуазии, которая всегда щедро оплачивала лжеученых, дипломатов и публицистов, выполнявших ее социальный заказ, и таким образом добивалась определенных выгод от умышленного искажения исторической правды. Эти качества буржуазии как класса, заинтересованного в фальсификации истории в узкокорыстных интересах, в свое время были подмечены основоположниками марксизма-ленинизма. Энгельс писал: «Буржуазия все превращает в товар, а, следовательно, также и историю. В силу самой ее природы, в силу условий ее существования ей свойственно фальсифицировать всякий товар: фальсифицировала она также и историю. Ведь лучше всего оплачивается то сочинение, в котором фальсификация истории наиболее соответствует интересам буржуазии»¹. Обращение буржуазии к фальсификации истории свидетельствует не о силе, а о слабости капиталистического общества, о стремлении буржуазных идеологов и апологетов защитить отживающий капиталистический строй, скрыть от народных масс неразрешимость противоречий капитализма и неизбежность перехода общества к новому, социалистическому строю; оно сви-

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. X, М., 1948, стр. 104.

детельствует также об их боязни народного возмущения политической войны и реакции.

Сознательное извращение исторической правды приобрело широкое распространение в эпоху империализма, в особенности в период общего кризиса мировой капиталистической системы, когда отчетливо определился ее закат и усилился кризис буржуазной идеологии и исторической мысли, когда наступила новая эра в истории человечества — эра победы коммунистического общества.

Идеологи империалистической буржуазии и воинствующего буржуазного антиисторизма, а также поджигатели войны, выполняя социальный заказ монополистической буржуазии, чаще всего фальсифицируют историю войн, в частности мировых, и в особенности историю второй мировой войны. В непримиримой идеологической борьбе, которая развернулась между двумя противоположными социально-экономическими системами, реакционная историография прибегает к сознательному искажению событий и фактов, к фальсификации истории, как к острейшему оружию идеологической борьбы против марксистско-ленинской теории, против прогрессивных ученых-историков, последовательно отстаивающих правдивое освещение исторических событий на основе глубокого анализа объективных законов развития человеческого общества.

Наибольшую активность проявляют фальсификаторы истории всех направлений после окончания войны, когда обычно подводятся ее военные, экономические и политические итоги. Выполняя волю господствующих классов, не заинтересованных в объективном освещении событий минувшей войны, они сознательно игнорируют социально-экономический анализ причин возникновения войны, ее характера, итогов и последствий.

В. И. Ленин, разоблачая подобного рода фальсификаторские методы, писал, что исследователь при изучении общественных явлений обязан «установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно бы было опираться, с которым можно было бы сопоставлять любое из тех «общих» или «примерных» рассуждений, которыми так безмерно злоупотребляют в некоторых странах в наши дни. Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматри-

ваемому вопросу фактов, *без единого* исключения, ибо иначе неизбежно возникнет подозрение, и вполне законное подозрение, в том, что факты выбраны или подобраны произвольно, что вместо объективной связи и взаимозависимости исторических явлений в их целом преподносится «субъективная» стряпня...»¹

Современные фальсификаторы истории для реабилитации подлинных виновников минувшей мировой войны стремятся представить в искаженном свете все основные вопросы этой войны и послевоенного развития. Поэтому они применяют различные приемы: грубо искажают и подтасовывают факты и документы, освещая их в тенденциозном, субъективистском и идеалистическом духе, замалчивают, утаивают материалы и документы, разоблачающие буржуазные правительства, отдельных государственных и политических деятелей, фабрикуют различные «документы» и «материалы», стремясь ввести в заблуждение народные массы относительно тайны, «в которой война рождается»², и оклеветать внешнюю политику Советского Союза и всех стран социалистического лагеря. Буржуазные лжеученые и идеологи империалистической реакции стремятся использовать фальсификацию истории второй мировой войны как средство идеологической подготовки новой агрессии.

Таким образом, выбор средств целиком предопределяется политическими целями фальсификаторов истории.

Антинаучные концепции, искажение исторической правды и различные фальсификаторские измышления, присущие жрецам реакционной лженауки, как правило, используются для самооправдания или для оправдания соучастников различных преступлений кануна и периода войны, для присвоения себе мнимых заслуг, для неправильного освещения роли союзников в достижении победы над противником и их взаимоотношений, для искажения действительного значения целей и направленности международных соглашений.

В современных условиях, когда буржуазная идеология переживает глубокий кризис, главным идейно-политическим оружием империалистической реакции является антикоммунизм, отражающий крайнюю степень деграда-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 350—351.

² В. И. Ленин, Соч., т. 33, стр. 409.

ции буржуазной идеологии. Его основным содержанием «является клевета на социалистический строй, фальсификация политики и целей коммунистических партий, учения марксизма-ленинизма»¹. Под его прикрытием защитники капиталистического строя стремятся удержать народные массы в духовной кабале, дезорганизовать их ряды, разжечь идеологию крайнего шовинизма и расизма, а в странах, потерпевших поражение во второй мировой войне (Западная Германия, Япония), — идеологию милитаризма и реваншизма.

Задача подлинной исторической науки заключается в том, чтобы на основе марксистско-ленинской теории развенчать фальсификаторов истории и на основе тщательного, объективного и всестороннего анализа фактов и документов разоблачить цели, средства, методы и приемы буржуазных историков, дипломатов, политиков и парламентариев, сознательно извращающих события минувшей войны.

Суть разоблачения буржуазных фальсификаторов истории особенно актуальна в современной международной обстановке, когда все прогрессивные силы мира ведут настойчивую борьбу за прочный мир, за всеобщее и полное разоружение, чтобы «еще до полной победы социализма на земле, при сохранении капитализма в части мира ...исключить мировую войну из жизни общества»².

Накануне войны Японии против США и Англии, на всем протяжении и в особенности после окончания ее в многочисленных трудах историков и мемуарах государственных деятелей фальсифицируются важнейшие вопросы истории этой войны. Чаще всего в них извращаются: причины возникновения, происхождение, цели и характер войны; роль основных государств, участвовавших в ней; подлинное значение военных операций на Тихоокеанском театре, в частности операций вооруженных сил США и атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки; причины капитуляции Японии, в особенности роль Советского Союза в завершении войны на Дальнем

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», М., 1961, стр. 51.

² Н. С. Хрущев, Отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXII съезду партии 17 октября 1961 года, М., 1961, стр. 47.

Востоке; действительный характер японо-советских отношений в годы войны, в частности выполнение Японией обязательств, вытекавших из советско-японского пакта о нейтралитете¹.

**Извращение причин возникновения и целей войны
Японии против США и Англии.
Отрицание исторической закономерности
ее возникновения**

а) *Версия о «вынужденности» военного нападения Японии на США и Англию и о реализации ее «права на самооборону».*

Буржуазные фальсификаторы истории — среди них официальные государственные деятели Японии, подсудимые, японские и американские защитники на Токийском процессе, реакционные историки — сознательно искажают причины возникновения, происхождение, цели и подлинный характер войны Японии против США и Англии. В ноте правительства Японии Соединенным Штатам от 8 декабря 1941 г.² и в императорском эдикте об объявлении Японией войны США и Англии³ в качестве единственной цели внешней политики Японии накануне войны 1941—1945 гг. лживо декларируется сохранение мира в районе Тихого океана и во всем мире и Япония объявляется «стабилизирующей силой» в Восточной Азии, якобы вынужденной поднять оружие против «непримиримых» США, игнорировавших изменения на Дальнем Востоке в течение 1931—1941 гг.

Важное место в оправдании нападения Японии на США и Англию занимает тезис о необходимости ее «самообороны». Правящие круги Японии обвиняли США, Англию, Китай и Голландию («страны ABCD») в осуществлении плана «окружения Японии»⁴, в прове-

¹ В настоящей главе автор ограничивается рассмотрением некоторых, наиболее распространенных искажений войны на Дальнем Востоке, касающихся роли Японии. О роли американских и японских монополий в подготовке и развязывании войны 1941—1945 гг. см. Б. Родов, Роль США и Японии в подготовке и развязывании войны на Тихом океане 1938—1941, М., 1951, стр. 58—79.

² См. *Номура Китисабуро*, Бэйкоку-ни цукайситэ нитибэй косё-но кайко, стр. 213—223 (приложения).

³ См. «Тайхэйё сэнсози», т. III, стр. 280.

⁴ *Хасэгава Сатоси*, Нитибэй кайсэн-но синсо, стр. 110—136; *Касима Мориноскэ*, Тэйкоку-но гайко то дайтоа кэйкэн, стр. 80.

дении экономической блокады. Замораживание японских фондов в западных странах и другие меры экономических репрессий в отношении Японии объявлялись «бесчеловечными» и «враждебными акциями», создающими «угрозу самому существованию нашей нации»¹. Японские буржуазные историки, поддержанные некоторыми военными деятелями в США, доказывают, что экономические рестрикции американского правительства в отношении вывоза в Японию важнейших военно-стратегических материалов, по существу, были равнозначными «вооруженному конфликту», а потому вызвали ее военное выступление. Из этого же они заключают, что Рузвельт «спровоцировал» военное нападение Японии и является ответственным за него, «творцом» и «поджигателем» войны². Некоторые подсудимые (Тодзё) и защитники (Блюэт, Блэки) на Токийском процессе также утверждали, что Япония имела «право на самооборону» и, более того, у нее не было иного выхода, как прибегнуть к войне во имя сохранения ее существования³. Аналогичные выступления о «праве на самооборону» и вынужденности его реализации присущи и послевоенной японской буржуазной исторической литературе⁴.

Подобного рода концепции, как и версии «вынужденности» и, следовательно, «справедливости» нападения Японии на США и Англию, имеют целью оправдать агрессивную политику Японии, в особенности ее нападение на Пёрл-Харбор, доказать, что оно явилось «вынужденным» актом самозащиты в целях обеспечения «безопасности» и «самосохранения» японской империи. Буржуазные фальсификаторы истории, таким образом, пытаются доказать «законность» действий Японии и объявить Соединенные Штаты единственными винов-

¹ «Тайхэйё сэносси», т. III, стр. 278, 280.

² См. *Хасэгава Сатоси*, Нитибэй кайсэн-но синсо, стр. 2, 13,90; *Togo Shigenori*, The Cause of Japan, p. 187; *H. E. Kimmel*, Admiral Kimmel's Story, Chicago, 1955; *R. A. Theobald*, The Final Secret of Pearl Harbor. The Washington Contribution to the Japanese Attack, New York, 1954; *T. B. Kittredge*, The Muddle before Pearl Harbor — Inside Story, «United States News and World Report», December 3, 1954, p. 52—63, 110—135.

³ См. «Стенограмма Токийского процесса», стр. 35705—35706, 36921, 36780, 47275, 47279, 47287, 47298—47299, 47320, 47829; «Тайхэйё сэносси», т. III, стр. 280.

⁴ См. «Тайхэйё сэно гэнъинрон», стр. 13, 489.

никами возникновения военного выступления Японии на Тихом океане.

б) *Версии о «непредумышленном» и «случайном» характере возникновения военных действий на Тихом океане.*

Буржуазные фальсификаторы истории военных действий на Тихоокеанском театре настойчиво стремятся также доказать, что они будто бы не носили «предумышленного характера», а возникли самопроизвольно, в результате «случайного» стечения событий. Эту точку зрения, отрицающую историческую закономерность возникновения войны Японии против США и Англии, отстаивают как дипломированные «ученые», так и политические деятели. На Токийском процессе ее приверженцем являлся американский адвокат Блюэт¹. Японский дипломат Курусу в своих мемуарах также утверждает, что если бы Хэлл вместо последней ноты 26 ноября 1941 г., которую японцы называли «ультиматумом», вручил свое первоначальное предложение, то развитие мировых событий приняло бы другой оборот², т. е. военное нападение Японии против США и Англии можно было бы предотвратить. Следовательно, версия Курусу рассчитана на то, чтобы доказать случайный характер возникновения военных действий на Тихом океане вследствие ошибок и просчетов, допущенных американскими государственными деятелями в стратегическом и политическом руководстве, доказать, что японские империалисты якобы не планировали нападение на США и Англию.

Все эти утверждения буржуазных фальсификаторов истории носят субъективный, антинаучный характер. Они игнорируют классовый, экономический и политический анализ международных отношений и действительных причин, обусловивших возникновение военного конфликта, его закономерность. В. И. Ленин отмечал, что неизбежная в будущем «война между Японией и Америкой... подготовлена десятилетиями, она не случайна»³. Как и другие войны между империалистами, война на Даль-

¹ См. «Стенограмма Токийского процесса», стр. 47383.

² См. *Курусу Сабуро*, Нитибэй гайко хива. Вага гайкоси (Секретные записи о японо-американской дипломатии. История нашей дипломатии), Токио, 1953, стр. 175—176.

³ *В. И. Ленин*, Соч., т. 25, стр. 22.

нем Востоке являлась органическим элементом и формой экономической жизни капиталистических стран и отнюдь не могла быть и не являлась случайностью. Несостоятельны поэтому и версии о том, что война, развязанная Японией, возникла в силу «ошибок», «просчетов» политического и стратегического руководства Коноэ и Тодзё или неправильных действий адмиралов Ямамото и Нагумо, а также других руководящих военных и государственных деятелей Японии в период подготовки войны на Дальнем Востоке.

Антинаучная теория «случайного» и «самопроизвольного» возникновения военных действий на Тихом океане, также рассчитанная на оправдание агрессивной политики Японии, разоблачается неопровержимыми данными о тщательной и длительной подготовке Японии к войне против США и Англии, которая по понятным причинам велась в строжайшем секрете. Об этом свидетельствуют: разработка «Гавайской операции»; подготовка специальных частей сухопутной армии, военно-морского флота, в частности оперативного соединения Нагумо и «сверхмалых подводных лодок», а также авиации; проведение аэрофотосъемок Малайи и других районов, намеченных к оккупации; строительство укреплений и военных баз в наиболее важных стратегических пунктах японских Мандатных островов; заблаговременное напечатание оккупационных бумажных денежных знаков для стран Южных морей (Индонезия, Малайя, Таиланд, Филиппины); разработка оперативных приказов по Объединенному флоту о нападении на американские, английские и голландские владения на Тихом океане; разработка радиосигналов на случай возникновения войны; интенсивная разведывательная работа японской разведки на Гавайских островах, в частности получение сведений о расположении американских военных кораблей в Пёрл-Харборе; интенсивная дипломатическая подготовка нападения Японии на США и Англию, в особенности миссия Курусу, рассчитанная на маскировку последних военных приготовлений для внезапного нападения на американские и английские владения на Тихом океане.

Следовательно, тщательная и длительная подготовка Японии к нападению на США и Англию показывает полную несостоятельность «теорий» буржуазных фаль-

сификаторов истории войны Японии против США и Англии о «случайном» ее возникновении.

«Теории» о «случайном», или «самопроизвольном», возникновении войны Японии против США и Англии свидетельствуют об игнорировании их авторами анализа экономических и политических причин, вызвавших возникновение военного конфликта на Тихом океане. Именно закономерности системы капитализма, в частности обострение японо-американских империалистических противоречий в борьбе за господство над Дальним Востоком и Тихим океаном, породили столкновение Японии с ее тихоокеанскими соперниками.

Фальсификации целей и направленности тройственных военно-политических соглашений Японии, Германии и Италии

Большое место в фальсификациях буржуазных историков и руководящих государственных деятелей Японии занимают важнейшие вопросы, связанные с целями и направленностью военно-политических соглашений фашистских агрессоров. Заведомо неверная оценка этих соглашений находилась в тесной связи с рассмотренными выше целями войны.

Подсудимые (Того) и защитники (Блэрни) на Токийском процессе, пытаясь извратить действительное содержание и направленность «антикоминтерновского пакта» и дополнительного секретного соглашения, утверждали, что японо-германский договор носил «мирный» и «оборонительный» характер¹. Того назвал его «антикоминтерновским оборонительным соглашением», направленным не против Советского Союза, а якобы лишь против Коммунистического Интернационала. Защитник Блэрни также доказывал, что в упомянутом договоре «чрезвычайно трудно найти агрессию», а потому продление его на новый пятилетний срок назвал абсолютно «безвредным»².

Такое же искаженное толкование дают фальсификаторы истории и тройственному пакту от 27 сентября

¹ См. «Стенограмма Токийского процесса», стр. 35645—35646; *Асида Хитоси*, Дайнидзи сэкай тайсэн гайкоси, стр. 62.

² См. «Стенограмма Токийского процесса», стр. 35642.

1940 г. Коноэ, Тодзё, Мацуока и Номура, приписывая этому договору «оборонительные» цели, утверждали, что договаривающиеся стороны стремились будто бы не допустить вовлечения США в войну, воспрепятствовать территориальному расширению второй мировой войны, что пакт трех держав намечался как «инструмент мира», как средство «урегулирования» японо-американских отношений, а отнюдь не как инструмент дипломатической подготовки нападения на США и Англию, что он якобы замышлялся даже как средство урегулирования взаимоотношений Японии и СССР¹.

Американская защита на Токийском процессе, стремясь обелить своих подзащитных, доказывала также, что тройственное соглашение от 11 декабря 1941 г. якобы не являлось свидетельством существования у Японии «каких-либо воинственных планов»².

Все эти фальсификации целей и направленности «антикоминтерновского пакта» и тройственных соглашений были рассчитаны на то, чтобы за «антикоминтерновской» фразеологией и «оборонительным» характером соглашений Японии, Германии и Италии скрыть подлинные агрессивные и антисоветские планы, замаскировать формирование фашистской коалиции, подготовку и развязывание войны против Советского Союза, Китая, Англии и США.

Военно-политический союз фашистских агрессоров создавался на базе *общности и единства империалистических целей — передела мира и установления мирового господства агрессивного блока*; он предусматривал координацию действий его партнеров на международной арене, в частности в построении «нового порядка» в Европе и Азии. Заключение союза трех держав способствовало активизации японской агрессии в южном направлении, оно ускорило военный конфликт на Тихом

¹ См. «Стенограмма Токийского процесса», стр. 36194, 47223, 47224, 47331; «Коноэ Фумимаро ко-но сюки», стр. 33—34, 37, 40—42; F. C. Jones, *Japan's New Order in East Asia*, p. 201; R. A. Smith, *The Triple-Axis Pact and American Reactions*. «The Annals of the American Academy of Political and Social Science», May 1941, p. 130; P. W. Schroeder, *The Axis Alliance and Japanese — American Relations*, p. 125.

² «Стенограмма Токийского процесса», стр. 16610.

океане¹ и, следовательно, еще больше расширило масштабы второй мировой войны и обострило империалистическую борьбу за передел колоний и сфер влияния. «Организаторы военных блоков, — говорится в отчетном докладе ЦК КПСС XX съезду, — уверяют, будто они объединяются для обороны, для защиты от «коммунистической угрозы». Но это — сплошное лицемерие. Из истории известно, что империалистические державы всегда прибегали к сколачиванию военных блоков, когда они замыслили передел мира»².

**Фальсификаторы истории о целях построения
японского «нового порядка» и «сферы процветания»
и об «освободительном» характере войны в Китае
и на Тихоокеанском театре**

Японские фальсификаторы истории накануне и в годы военных действий на Тихом океане доказывали, что целью внешней политики Японии являлись построение «нового порядка в великой Восточной Азии» и установление в этой части земного шара «сферы процветания». Авторами этой формулы были японские дипломаты Арита Хатино, Мацуока Ёскэ, а также бывший премьер-министр Коноэ Фумимаро.

Выступая в июне 1940 г. с разъяснениями по поводу внешнеполитических целей Японии, Арита заявил, что страны Восточной Азии и района Южных морей тесно связаны между собой с географической, исторической, экономической и расовой точки зрения. Он утверждал, что «сама судьба» предназначила им сотрудничать друг с другом, удовлетворять взаимные потребности в целях обеспечения «взаимного благополучия и процветания», чтобы в конечном счете построить «новый порядок» и «сферу процветания» под общим руководством Японии³.

¹ Заключение тройственного пакта в сентябре 1940 г., пишут японские прогрессивные историки Тояма С., Имаи С. и Фудзивара А., «практически означало путь к войне на Тихом океане» (*Тояма Сигэки, Имаи Сэйити и Фудзивара Акира*, Сёваси, стр. 189).

² *Н. С. Хрущев*, Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии 14 февраля 1956 года, Госполитиздат, 1956, стр. 20.

³ *R. J. Kerner*, *The Pacific in the Diplomatic Conflict of the War. «The Southwest Pacific and the War»*, Los Angeles, 1944, p. 114; «Documents on American Foreign Relations July 1939 — June 1940», vol. II, Boston, 1940, p. 287—289.

Установление «нового порядка» и создание «сферы процветания» осталось одной из важнейших составных частей внешнеполитической программы правительства Коноэ, сформированного в июле 1940 г., о чем свидетельствовало заявление министра иностранных дел Мацуока¹. В состав «сферы процветания» включались Индокитай, Индонезия, Таиланд, Малайя, Бирма, Британское Борнео, Филиппины, а в дальнейшем — Индия, Австралия и Новая Зеландия². Те же цели провозглашались в решении японского кабинета министров, озглавленном «Об основных принципах национальной политики» и принятом 1 августа 1940 г. Комментируя это решение, Мацуока лицемерно утверждал, что намеченное Японией построение «нового порядка» в «великой восточноазиатской сфере» якобы предусматривает достижение «общего процветания» восточноазиатских наций, и в первую очередь Японии, Маньчжоу-го и Китая³.

Маскировка подлинных целей внешней политики Японии, ее экспансии в южном направлении продолжалась и после заключения тройственного пакта держав фашистской коалиции. Новая «Программа внешней политики Японии», одобренная правительством Коноэ 28 сентября 1940 г., по-прежнему включала создание «сферы процветания великой Восточной Азии» в составе тех же стран, причем ядром этой «сферы» намечались Япония, Маньчжоу-го и оккупированный Китай⁴.

Провозглашение «нового порядка» и «сферы процветания» как цели японской внешней политики в действительности означало программу установления империалистического господства Японии в Восточной и Юго-Восточной Азии и в странах Тихоокеанского бассейна, основанную на демагогическом лозунге «Азия для азиатов», что в действительности означало «Азия для японцев». Используя буддийский принцип «хакко иттю» («восемь углов под одной крышей»), японские империалисты намеревались превратить Японию в «крышу» для

¹ A. L. Sadler, *A Short History of Japan*, Sydney — London, 1946, p. 306, 308.

² K. Hauserman, *Some Aspects of Japan's Co-prosperity Sphere*, South Melbourne, 1945, p. 3.

³ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 6271, 6307.

⁴ См. там же, стр. 49297.

стран Восточной и Юго-Восточной Азии и Южных морей.

Японские империалисты ставили целью в предстоящей тщательно подготовлявшейся ими войне против США и Англии захватить их владения на Тихом океане и переделить в пользу Японии колонии и сферы влияния в этом районе земного шара. Тем же руководствовались правящие круги Японии и во время японо-американских переговоров в Вашингтоне, маскировавших подготовку насильственного включения в японскую «сферу сопроцветания» стран Восточной и Юго-Восточной Азии и бассейна Тихого океана.

Японские фальсификаторы истории сознательно, в определенных политических целях искажают подлинный характер войны в Китае и на Тихоокеанском театре¹. Основным их тезисом является утверждение, что Япония напала на Китай, США и Англию якобы в целях «освобождения» народов Восточной и Юго-Восточной Азии и Тихоокеанского бассейна от гнета западных империалистов и предоставления этим народам подлинной свободы, равноправия и независимости. Так, бывший министр иностранных дел Того Сигэнори в речи на парламентской сессии 17 декабря 1941 г. пытался доказывать, что «нынешняя война имеет черты освобождения великой Восточной Азии», что страны Восточной Азии понимают «мирные устремления» японской империи и «источник настоящей великой войны»², а потому они должны сотрудничать с Японией в совместной войне против общего врага. Касима Мориноскэ, буржуазный историк и апологет «нового порядка» на оккупированных территориях, называет военные действия Японии против США и Англии «освободительной войной»³.

Грабительский характер и колонизаторское существо «сферы сопроцветания» и «нового порядка», построение

¹ Угаки Кадзунари в своих послевоенных мемуарах, пытаясь опровергнуть оценки войн, спровоцированных Японией, содержащиеся в приговоре Токийского трибунала, утверждал, что ни японо-китайская война 1894—1895 гг., ни русско-японская война 1904—1905 гг., ни «маньчжурский инцидент, ни последующие военные выступления Японии не являлись агрессивными войнами» («Угаки Кадзунари никки» («Дневник Угаки Кадзунари»), Токио, 1954, стр. 401).

² Касима Мориноскэ, Тэйкоку-но гайко то дайтоа кэйкэн, стр. 141.

³ Там же, стр. 161.

которых провозглашалось как цель «великой восточно-азиатской войны», стали еще более очевидны после начала военных действий на Тихоокеанском театре, когда японские оккупанты приступили к реализации своих военных и внешнеполитических целей. Мероприятия оккупационных властей, проводившиеся под лозунгами создания «восточноазиатской сферы процветания», построения «восьми углов под одной крышей», были рассчитаны на мобилизацию материальных ресурсов захваченных стран, использование их в затяжной войне против США и Англии, на максимальное обогащение монополий и расширение границ японской колониальной империи. Этим же объяснялись попытки японских империалистов в течение 1941—1943 гг. создать под своим руководством восточноазиатский военно-политический блок, чему предшествовало провозглашение «самоуправления» и «независимости» ряда оккупированных стран (Бирма, Ява, Филиппины и др.).

Образование такого блока, который должен был заменить разваливавшийся под ударами Советской Армии и англо-американских войск тройственный союз фашистских агрессоров и не допустить изоляции Японии на международной арене, мотивировалось необходимостью создания «совместной оборонительной системы», охватывающей не только Японию, Маньчжоу-го и оккупированный Китай, но и Индонезию, Индокитай, Таиланд, Бирму, Филиппины и другие страны. В задачу этой «оборонительной системы», включающей также сферу экономики и культуры, входило совместное участие народов упомянутых государств в войне против США и Англии, т. е. полное подчинение их ресурсов интересам японских империалистов и защиту руками азиатских народов японской колониальной империи. Этому подчинялись организация «добровольческих» вооруженных сил из местного населения и попытка оккупантов в конце 1943 г. с помощью марионеточных правительств Ба Мо, Субхас Чандра Босса, Лауреля, Пибунсонграма, Ван Цзин-вэя, Чжан Цзин-хоя и других организовать блок шести стран Восточной Азии под эгидой Японии.

Следовательно, реакционные государственные деятели Японии и их апологеты (Тодзё, Коноэ, Того, Мацуока, Касима, Хасэгава и др.), доказывавшие «освободительный» характер войны Японии против Китая, США и

Англии, стремились с помощью этой лживой версии оправдать агрессивную политику японских правящих кругов, обмануть японский народ и народы оккупированных стран, представить несправедливую, захватническую войну во имя построения империалистического «нового порядка» и «сферы процветания» Восточной, Юго-Восточной Азии и стран Тихоокеанского бассейна как «справедливую» войну в интересах азиатских народов.

Мнимая и действительная роль государственных деятелей Японии, военщины (гумбацу) и монополий (дзайбацу) в подготовке и развязывании войны на Дальнем Востоке

В буржуазной исторической литературе и мемуарах государственных деятелей фальсифицируется роль руководящих государственных деятелей Японии в годы подготовки и во время второй мировой войны. Делаются, в частности, попытки обелить Тодзё. Японская и американская защита (Киосэ, Блюэт) на Токийском процессе доказывала, что Тодзё являлся «борцом за мир» и с момента образования его кабинета у него не было преднамеренного стремления к развязыванию войны, что якобы нет даже полноценных доказательств, подтверждающих вину Тодзё в развязывании или ведении агрессивных войн против западных держав; доказывалось также, что политика Японии в Восточной Азии будто бы ставила целью «освобождение угнетенных народов мирными средствами»¹. Имеют хождение также версии о том, что Тодзё только на Токийском процессе будто бы впервые узнал о сосредоточении японских оперативных сил в бухте Хитокаппу (Курильские острова) для последующего нападения на Пёрл-Харбор, что высшее командование не раскрывало своих планов даже ему, занимавшему руководящие посты в государстве².

Искажается также роль Того Сигэнори, министра иностранных дел в кабинетах Тодзё и Судзуки. Фальсификаторы истории пытаются представить его «борцом за

¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 16632, 16634, 47480; *Togo Shigenori, The Cause of Japan*, p. 128.

² *Togo Shigenori, The Cause of Japan*, p. 119, 197.

мир»¹, сторонником применения «принципов дружбы и равенства» со странами Восточной Азии², ярким противником Тодзё и его политики войны, в результате чего произошел «разрыв» между ними. В действительности же так называемый «разрыв» Того с Тодзё объяснялся вовсе не принципиальными разногласиями по поводу целей агрессивной политики Японии; расхождения между ними касались лишь методов ее проведения, т. е. частных вопросов. Так же несостоятельны приписываемые Того «заслуги» в прекращении войны на последнем ее этапе.

«Сторонником мира» называли также хранителя императорской печати Кидо, что мотивировалось участием его в закулисной маневрировании и установлении контакта с так называемой «мирной партией» («вахэй») и Коноэ, который якобы стремился избежать войны³. Целям самооправдания подчинены и утверждения Сигэмицу, который в послевоенных мемуарах пытался показать, как он вел «борьбу за мир»⁴. В действительности же деятельность Кидо, Коноэ и Сигэмицу была продиктована интересами спасения японской колониальной империи путем заключения с США и Англией компромиссного мира.

Попытки государственных деятелей Японии (Тодзё, Коноэ, Кидо, Того) и защитников на Токийском процессе (Киосэ, Блэгни, Блюэт) объявить упомянутых лиц «борцами за мир» или «сторонниками мира» имели целью не только оправдать их, доказав несостоятельность обвинения в подготовке и развязывании ими войны на Дальнем Востоке, но главное — представить агрессивную внешнюю политику Японии как «миролюбивую» и «справедливую».

Немалое распространение имеет неверная оценка миссии Курусу в заключительной стадии японо-американских переговоров. Сам Курусу в своих мемуарах пытается бездоказательно опровергнуть «ошибочное

¹ «The von Hassel Diaries 1938—1944», p. 241.

² См. «Стенограмма Токийского процесса», стр. 16619, 16622, 16628, 35642, 47480, 47930.

³ E. O. Reischauer, *Japan, Past and Present*, New York, 1947, p. 172.

⁴ *Shigemitsu Mamoru, Japan and Her Destiny*, p. 299—302, 334—339.

мнение» о том, что во время переговоров в Вашингтоне он «действовал с предательским намерением... сделать успешным нападение на Пёрл-Харбор»¹. Того в своих мемуарах также отрицает, что миссия Курусу являлась своеобразным «камуфляжем», маскировавшим истинные намерения Японии накануне нападения на США и Англию². Извращает подлинные цели Курусу и буржуазный исследователь Сьюй³.

В действительности же главная цель миссии Курусу, по справедливости названной Уэллесом «миссией обмана»⁴, заключалась в том, чтобы создать у правительства США и мирового общественного мнения впечатление, что переговоры переходят в *заключительную фазу*, во время которой Япония якобы намеревалась разрешить все спорные вопросы заключением мирного соглашения с США. Правящие круги Японии рассматривали миссию Курусу как наиболее удобную маскировку последних военных приготовлений для внезапного нападения на США и Англию, для обеспечения его максимальной эффективности.

Среди различных фальсификаций важнейших вопросов истории минувшей войны имеет широкое распространение антинаучная теория о том, что войну подготовила и развязала японская военщина («гумбацу»), что зачинщиками ее являлись лишь одни милитаристы⁵. Японские и американские буржуазные фальсификаторы истории искусственно противопоставляют военщину монополиям («дзайбацу»). Асида Хитоси, бывший премьер-министр, утверждает, что политическая власть в Японии после возникновения японо-китайской войны в 1937 г. быстро перешла в руки военщины и что второй кабинет Коноэ являлся лишь «роботом», марионеткой армейской военщины⁶. Другой бывший премьер-министр, Вакацуки Рэйдзиро, в своей автобиографии называет правительство Тодзё, начавшее войну против США и Англии, «ка-

¹ *Курусу Сабуро*, Нитибэй гайко хива. Вага гайкоси, стр. 173.

² *Togo Shigenori, The Cause of Japan*, p. 153.

³ *I. C. Y. Hsu, Kurusu's Mission to the United States and the Abortive Modus Vivendy*, «The Journal of Modern History» No. 3. 1952, p. 303, 305.

⁴ *S. Welles, The Time for Decision*, New York, 1944, p. 229.

⁵ См. «Тайхэйё сэносси», т. III, стр. 249.

⁶ См. *Асида Хитоси*, Дайнидзи сэкай гайсэн гайкоси, стр. 158.

бинетом военщины», а правительство Судзуки — последним кабинетом военной клики¹.

Английский исследователь истории современной Японии Р. Сторри также утверждает, что в правящих кругах Японии не было сотрудничества между «гражданскими» и «милитаристскими» элементами², а его соотечественник Аллен доказывает, что милитаристская клика в Японии находилась в «антагонистических» отношениях с «дзайбацу» и, соперничая с ними, якобы даже стремилась ослабить их мощь³. Аналогичная точка зрения присуща американским дипломатам и буржуазным историкам Грю, Моргенштерну, Бирду, Фейсу, Лэнжеру, Глисону и многим другим⁴, объявляющим японские «дзайбацу» не только «пацифистами», но даже противниками войн, а инициаторами войн — одних лишь военных «экстремистов».

Подобного рода фальсификации действительной роли военщины и монополий имеют целью взвалить всю вину за подготовку и развязывание войн на военщину, т. е. на немногочисленную клику руководителей японских вооруженных сил, и оправдать их главных вдохновителей и организаторов — монополистов, доказав их «невиновность» в развязывании Японией агрессивных войн.

Порочность этой антинаучной концепции заключается в том, что извращается важнейшая и коренная черта современного капитализма, скрывается его самая

¹ См. «Вакацуки Рэйдзиро дзидэн» (Автобиография Вакацуки Рэйдзиро), Токио, 1950, стр. 417—418, 446—447.

² R. Storry, *A History of Modern Japan*, p. 219.

³ G. Allen, *Japan's Economic Recovery*, London — New York — Toronto, 1958, p. 14, 130—131. Французский историк Р. Берсиан также пытается доказать, что образование марионеточного государства Маньчжоу-го являлось будто бы лишь «творением армии» и способствовало усилению позиций «военной клики», «крайних ультраимпериалистов, которые не знали более пределов» (R. Bersihand, *Histoire du Japon des origines a nos jours*, p. 366).

⁴ J. C. Grew, *Ten Years in Japan*. New York, 1944; J. C. Grew, *Report from Tokyo*, New York, 1942; J. C. Grew, *Turbulent Era. A Diplomatic Record of Forty Years 1904—1945*, 2 vols., Boston, 1952; G. Morgenstern, *Pearl Harbor. The Story of the Secret War*, New York, 1947; C. A. Beard, *President Roosevelt and the Coming of the War 1941*, New Haven, 1948; H. Feis, *The Road to Pearl Harbor. The Coming of the War between the United States and Japan*, Princeton, 1950; W. L. Langer and S. E. Gleason, *The Undeclared War 1940—1941*, New York, 1953.

глубокая экономическая основа — господство монополий. В. И. Ленин, отвергая взгляды буржуазных историков относительно происхождения первой мировой войны, отмечал: «Обвинять отдельных лиц в начале войны нельзя; ошибочно обвинять королей и царей в создании настоящей бойни, — ее создал капитал»¹. Нападение Японии на США и Англию в декабре 1941 г., как и вторжение в Маньчжурию в сентябре 1931 г. и в Центральный Китай в июле 1937 г., было совершено в интересах всех группировок японских монополистов. Именно японские монополии, а не военщина сыграли главную роль при решении вопроса как о начале военных действий на Тихом океане, так и об их окончании.

Все эти акты агрессии явились следствием межимпериалистических противоречий, в частности японо-американских, таивших неизбежный военный конфликт; они были порождением японского социально-экономического и политического строя, его острых внутренних противоречий.

Как и в других крупных капиталистических странах, монополии являлись подлинными хозяевами Японии, определявшими и направлявшими ее внутреннюю и внешнюю политику. Следовательно, они несут полную ответственность за все войны и военные авантюры, которые начали правительства Вакацуки, Коноэ и Тодзё, отражавшие интересы «дзайбацу». Представители крупнейших монополий — Икэда Сэйхин, Фудзивара Гиндзиро, Мацуока Ёскэ, Сакондзи Сэйдзо, Накадзима Тикухэй, Канэко Кэнтаро, Хара Ёсимити (Мицуи), Тоёда Тэйдзиро, Гоко Киёси, Хатта Ёсиаки (Мицубиси), Коноэ Фумимаро, Огура Масацунэ, Мурата Сёдзо, Фурута Сюнноскэ (Сумитомо), Юки Тоётаро (Ясуда), Сибусава Кэйдзо (Сибусава), Аюкава Гискэ (Аюкава), Кодама Хидэо (Ниссан), Кэцудзё Тоётаро (Нихон гинко), Судзуки Тадахару (Сёва дэнки) — занимали в годы войны посты министров и советников правительства, причем многие из них сосредоточивали в своих руках руководство важнейшими отраслями военной экономики². Представители монополий — Канэко Кэнтаро, Хара Ёси-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 62.

² Kai Miwa and P. B. Yampolsky (compiled), Political Chronology of Japan 1885—1957, New York, 1957, p. 20—27.

мити (Мицуи), Фукаи Эйго (Дайити гинко), Хиро Хатисабуро (Кавасаки) — играли видную роль в Тайном совете¹.

Японские монополии стремились обеспечить свое господство над Восточной, Юго-Восточной Азией и странами Тихоокеанского бассейна. Военные круги явились орудием осуществления их агрессивных планов передела мира и построения «сферы процветания» грабительского «нового порядка». С помощью военщины «дзайбацу» расширяли границы японской колониальной империи и, следовательно, сферу колониального грабежа.

Не последнее место среди фальсификаций истории минувшей войны занимают версии об ответственности японского народа за ее возникновение. Нэдзү Масаси, например, в своей «Истории современной Японии» доказывает «совместную ответственность» народных масс с правящими кругами страны, мотивируя это положение «сотрудничеством» населения с властями и распространением шовинистической и националистической идеологии².

Подобного рода точка зрения лишена всяких оснований и является клеветой на японский народ. Народные массы в Японии были настроены против войны и реакции, хотя определенную часть народа охватили шовинистические настроения. Передовые слои народа вели антивоенную борьбу внутри страны и в рядах японской оккупационной армии. Издание правительством законов военного времени о мобилизации населения в армию и на трудовой фронт отнюдь не превращало народные массы в виновников войны, тем более что она приносила им лишения и разорение; эти мобилизации, носившие принудительный характер, ни в какой мере не означали «сотрудничества» с правительством в совместном ведении агрессивной антинародной войны.

Соединенные Штаты — «невинная» жертва нападения Японии

Среди фальсификаций истории войны Японии против США и Англии, широко распространенных в американской мемуарной и исторической литературе военного и

¹ См. «Тайхэйё сэнсоси», т. IV, стр. 180—181.

² См. *Нэдзү Масаси*, *Нихон гэндайси*, стр. 175.

послевоенного времени, имеет место версия, что единственным виновником подготовки и развязывания войны на Тихоокеанском театре была лишь Япония¹, а Соединенные Штаты оказались «невинной» жертвой своего главного тихоокеанского соперника, первым совершившего нападение на них. В. И. Ленин в свое время высмеивал тех, кто важнейшим критерием виновности в возникновении войны считал государства, первыми напавшие на своего противника. «Как будто суть в том, — писал В. И. Ленин, — кто напал первым, а не в том, каковы причины войны, цели, которые она себе ставит, и классы, которые ее ведут»².

Американские фальсификаторы истории объясняют начало военных действий на Тихоокеанском театре агрессивной политикой только японских империалистов и возлагают на них полную ответственность. Соединенным же Штатам они незаслуженно приписывают «миролюбие», стремление предотвратить возникновение и территориальное распространение войны, а также намерение освободить народы Восточной и Юго-Восточной Азии, подпавшие под гнет японского империализма³. Тем самым маскируется подлинный империалистический, антисоветский и антикитайский характер дальневосточной политики США и, главное, скрывается роль американских монополий, отстаивавших свои узкокорыстные интересы и проводивших экспансионистский курс на Дальнем Востоке.

Ответственность за подготовку и развязывание войны в дальневосточном и тихоокеанском районах земного шара прежде всего несут монополии США, равно как и

¹ Подобного рода утверждения содержались в речи Рузвельта по радио 9 декабря 1941 г. и в его послании к конгрессу от 15 декабря 1941 г. («Peace and War», p. 842—848; «American-Japanese Documents». Message to Congress from the President of the United States, London — New York — Melbourne, 1941, p. 3—12).

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 30, стр. 265.

³ Такого рода фальсификации присущи: 39-томной публикации «Объединенной комиссии конгресса по расследованию событий в Пёрл-Харборе» («Hearings before Joint Committee on the Investigation of the Pearl Harbor Attack», Washington, 1946, 39 vols.), подбор документов в которой сделан с целью доказать виновность одной Японии; мемуарам Хэлла (С. Hull, The Memoirs, vol. 1—2, New York, 1948) и других американских дипломатов (Грю, Уэллес, Кеннан), а также ряду американских историков (Лэнжер, Глисон, Тэнсилл, Биссон, Раух и др.).

монополии Англии. Это не могут не признать и некоторые буржуазные исследователи истории минувшей войны. В. Нейман в своей работе «Происхождение Пёрл-Харбора» пишет, что американское правительство, проводившее программу примирения с Японией, должно нести вместе с ней ответственность за возникновение войны между Японией, с одной стороны, и США и Англией — с другой¹.

Как было показано выше, американская политика «конструктивного примирения» с Японией, маскировавшая политику «умиротворения» дальневосточного агрессора, всемерно способствовала усилению военно-промышленного потенциала Японии, значительному накоплению ею запасов военно-стратегического сырья и материалов, необходимых для большой и в случае необходимости длительной войны. Естественно, что такая позиция правящих кругов США, разделявшаяся правящими кругами Англии, вопреки утверждениям фальсификаторов истории минувшей войны, не могла не содействовать началу войны на Дальнем Востоке². Наоборот, она поощряла агрессора, ускоряла темпы и сроки развязывания войны, тем самым преграждая путь созданию коллективного фронта отпора агрессору и обеспечению мира на Дальнем Востоке и Тихом океане. Поэтому совершенно несостоятельны попытки американских буржуазных фальсификаторов истории, пытающихся представить политику попустительства японской агрессии как политику «обороны» США, защиты и спасения мира, в частности защиты интересов американского, английского, французского и голландского народов, а также народов Азии.

Это сознательное искажение рассчитано на то, чтобы замаскировать коварные планы американских и английских монополий направить агрессию японских империалистов против СССР и заключить с ними компромиссную сделку на антисоветской и антикитайской основе. Неизбежным продолжением такой недалёковидной стратегии могло быть и практически стало усиление наступ-

¹ W. Neumann, The Genesis of Pearl Harbor, p. 50.

² См. Л. Н. Кудашев, В. И. Попов, Как буржуазно-реакционная историография США фальсифицирует историю кануна и начала второй мировой войны, стр. 156.

ления империалистической Японии на позиции ее тихоокеанских соперников и поощрение ее на новые военные авантюры.

Политика американских монополий имела следствием крайнее обострение японо-американских империалистических противоречий. Война Японии против США и Англии явилась порождением агрессивной политики монополистической буржуазии как Японии, так и США. И те и другие рассматривали войну как источник извлечения высоких прибылей, поскольку она создавала благоприятные условия для форсированного развития производства вооружения, орудий истребления людей, а также для захвата и грабежа новых колоний и сфер влияния.

**Преувеличение роли американских вооруженных сил
в завершении войны против Японии.
Несостоятельность теории «поворотных пунктов»
в военных действиях на Тихоокеанском театре
и «особой» войны на Тихом океане**

Большое место в фальсификации истории минувшей войны занимает искажение вопроса о подлинных причинах капитуляции Японии, о действительной роли, которую сыграли вооруженные силы Советского Союза и Соединенных Штатов в завершении войны на Дальнем Востоке и второй мировой войны в целом.

Апологеты империалистической реакции, пытаясь обосновать послевоенный курс агрессивной политики Соединенных Штатов, и в частности политику ремилитаризации Японии, всячески стремятся принизить роль Советского Союза в разгроме фашистских агрессоров — гитлеровской Германии и империалистической Японии. Наряду с этим американские буржуазные историки явно преувеличивают победы вооруженных сил США над японскими гарнизонами, оборонявшими захваченные острова на Тихом океане. Умышленно замалчивая или умаляя значение операций Советских Вооруженных Сил на главном, Советско-германском, фронте второй мировой войны, отрицая их решающую роль в окончании войны в Европе, сознательно преуменьшая роль Советской Армии в разгроме отборных сил японской сухопутной армии в Маньчжурии и Корее, фальсификаторы истории чрезвычайно преувеличивают значимость

военных операций вооруженных сил США на Тихоокеанском театре, в частности военно-морского флота и авиации, в победоносном завершении как войны против Японии, так и всей второй мировой войны в целом¹. Таким образом распространяется легенда о «всесилии» и «всемогуществе» вооруженных сил США.

Все эти и подобные им преднамеренные извращения имеют главную политическую цель — доказать «решающую» роль Соединенных Штатов в разгроме Японии. По этой же причине широко распространяется антинаучная концепция о том, что военные действия на Тихоокеанском театре будто бы явились какой-то «особой», только «американской», войной, не связанной с общей борьбой союзников и не имевшей никакого отношения ко второй мировой войне, в частности к участию Советского Союза в войне против Японии. Имеются также тенденции рассматривать военные действия на Тихом океане как исключительно «морскую» и «воздушную» войну², выигранную якобы лишь военно-морскими и воздушными силами без участия пехоты.

Антинаучный характер концепции «особой» войны очевиден. Ее сторонники сознательно рассматривают вторую мировую войну как разобщенные, не связанные между собой военные события на отдельных фронтах. Они отрицают то обстоятельство, что военные действия на Тихоокеанском театре являлись составной частью второй мировой войны, и рассматривают их в отрыве от боевых операций на других театрах войны, в особенности на главном, Советско-германском фронте. Такое игнорирование взаимосвязи и взаимозависимости отдельных театров войны, а также отрицание решающего влияния Советско-германского фронта на общий ход второй мировой войны и на события Тихоокеанского театра являются очевидным нарушением важнейших условий научного анализа исторических явлений, что характерно для буржуазной исторической науки.

¹ «The War Reports of General Marshall, General Arnold, Admiral King» p. 655; «The Memoires of Harry S. Truman», vol. 1, Year of Decisions 1945, London, 1955, p. 369; см. «Кампании войны на Тихом океане». Материалы Комиссии по изучению стратегических бомбардировок авиации Соединенных Штатов, М., 1956.

² См., например, *G. Odgers, Air War against Japan 1943—1945*, Canberra, 1957.

Фальсификаторская концепция военных действий на Тихоокеанском театре как «особой», лишь «американской», войны и исключительной заслуги американских вооруженных сил обычно используется США в определенных политических целях. Она нужна американским империалистам для того, чтобы утвердить монопольные права и привилегии в послевоенной Японии, которые якобы должны быть предоставлены только Соединенным Штатам.

Средством доказательства «решающей» роли американских вооруженных сил в победе над Японией служит «теория» так называемых «поворотных пунктов» в ходе и завершении военных действий на Тихоокеанском театре и второй мировой войны в целом.

Преувеличивая роль вооруженных сил США, американские буржуазные историки пытаются выдать второстепенные, локальные сражения за «поворотные» и «решающие» пункты войны в целом. К таким «поворотным пунктам» обычно относят сражение в Коралловом море и в особенности сражения за обладание атоллom Мидуэй и островом Гуадалканал.

В американской, английской и японской мемуарной и исторической литературе (Шервуд, Шерман, Захариас, Сторри, Руге, Черчилль, Хаф, Футида, Окумия, Хасимото) явно преувеличивается действительное значение сражения у атолла Мидуэй и Гуадалканала не только для военных действий на Тихоокеанском театре, но и для второй мировой войны в целом¹.

Преувеличение значения сражения у Мидуэя лишено всяких оснований. Оно в действительности явилось лишь *первым* признаком наступления равновесия сил Японии и США на Тихоокеанском театре военных действий. Потеря японцами четырех авианосцев, хотя и составлявших 40% их общего количества в составе военно-морского флота, означала первое серьезное поражение

¹ См. Р. Шервуд, Рузвельт и Гопкинс, Глазами очевидца, т. 2, стр. 205, 301; Ф. С. Шерман, Американские авианосцы в войне на Тихом океане, стр. 48, 137; Е. М. Zacharias, Secret Missions. The Story of Intelligence Officer, p. 132, 281, 430; R. Storry, A History of Modern Japan, p. 220; Ф. Руге, Война на море 1939—1945, стр. 312—314; W. S. Churchill, The Second World War, vol. IV, p. 226; vol. V, p. 3; М. Футида, М. Окумия, Сражения у атолла Мидуэй, стр. 21; М. Хасимото, Потопленные. Японский подводный флот в войне 1941—1945 гг., стр. 77; Ф. О. Хаф, Война на островах, М., 1960, стр. 45.

японских вооруженных сил, она способствовала изменению соотношения сил воюющих сторон и укрепляла моральный дух союзных войск. Однако сражение у атолла Мидуэй не могло быть «поворотным» моментом во второй мировой войне и тем более «концом сопротивления» Японии, поскольку оно имело ограниченные задачи, и Япония в юго-западном районе Тихого океана все еще сохраняла господство в воздухе и на море. Вместе с тем оно знаменовало переход от начального этапа первого периода военных действий на Тихом океане к его второму этапу и являлось первым симптомом назревавшего перелома в войне.

Не выдерживает также никакой критики и переоценка итогов сражения у Гуадалканала. Его значение заключается лишь в том, что попытки японцев изгнать американские войска с их позиций на Соломоновых островах были сорваны и японский военно-морской флот понес новые тяжелые потери, способствовавшие дальнейшему изменению соотношения сил в пользу союзников и постепенному переходу в их руки стратегической инициативы.

Следовательно, основной порок теоретиков «поворотных пунктов» в военных действиях на Тихом океане заключается в том, что они неправильно оценивают действительное значение того или иного сражения на этом театре и преднамеренно отрывают его от общего хода второй мировой войны. Подлинным «поворотным пунктом» в войне может быть лишь то сражение, которое по своим результатам с точки зрения достижения политических и стратегических целей является *решающим* событием, радикально изменяющим всю военно-политическую обстановку и соотношение сил воюющих сторон. Такие решающие события могли иметь место лишь на главных театрах военных действий и на важнейших стратегических направлениях, и только они могли знаменовать подлинный поворот от одного периода войны к другому. Ни сражение в Коралловом море, ни бои за овладение атоллом Мидуэй и островом Гуадалканал такими переломными, поворотными событиями не были, они имели второстепенное значение и отнюдь не определяли переход войны против Японии в новый период.

Как было показано выше, переломными событиями в ходе второй мировой войны явились действительно решающие сражения на главном, Советско-германском, фронте, которые обусловили подлинный перелом и на Тихоокеанском театре, создав американско-английским силам благоприятные возможности для развертывания контраступательных операций против Японии. Этими сражениями были: Московское сражение — первое крупное поражение немецко-фашистских войск во второй мировой войне; Сталинградское сражение, положившее начало коренному перелому не только в Великой Отечественной войне, но и во второй мировой войне в целом; Орловско-Курская операция, которая завершила и закрепила коренной перелом в развитии второй мировой войны.

«Все решающие битвы второй мировой войны, — указывает Н. С. Хрущев, — произошли на Восточном фронте, и если Соединенные Штаты Америки потеряли во второй мировой войне около 300 тысяч человек, а Англия примерно 250 тысяч человек, то на нашем фронте такими цифрами исчислялись потери в отдельных сражениях»¹.

Таким образом, теории «особой», «американской», войны на Тихом океане и так называемых «поворотных пунктов» в военных операциях на этом театре, принижающие роль и значение Советско-германского фронта во второй мировой войне, оказываются несостоятельными, равно как и утверждения о «решающей роли» США в достижении победы над Японией.

**Преувеличение значения атомных бомбардировок
Хиросимы и Нагасаки в окончании войны
против Японии**

Ряд западных буржуазных историков, представителей военщины и реакционных дипломатов настойчиво пытается доказать, что поражение Японии явилось лишь результатом атомной бомбардировки японских городов Хиросимы и Нагасаки, имевших место соответственно 6 и 9 августа 1945 г. Они утверждают, что атомные

¹ Речь Н. С. Хрущева на собрании представителей общественности Москвы в связи с 20-летием начала Великой Отечественной войны, «Правда», 22 июня 1961 г.

бомбы были важнейшей причиной капитуляции Японии, что они решили исход войны против нее¹.

Хотя количество убитых и пропавших без вести составило по Хиросиме и Нагасаки примерно 320 тыс. человек², атомная бомбардировка мирного населения не поколебала решимости японских империалистов продолжать войну и не оказала решающего воздействия на исход войны на Дальнем Востоке. К такому выводу оказались вынужденными прийти даже многие буржуазные деятели, представители военных кругов и дипломаты³. Варварская бомбардировка Хиросимы и Нагасаки, носившая характер преступления, была произведена по прямому указанию Трумэна и приказу Стимсона и Маршалла⁴, хотя она не вызывалась никакой военной необходимостью⁵. Она, по признанию западных исследователей, нанесла лишь явный ущерб репутации США⁶.

Действительно, попытки американских фальсификаторов истории представить атомную бомбардировку Японии как решающий фактор в достижении победы над дальневосточным агрессором совершенно неосновательны. Как ни велики были жертвы гражданского населения Хиросимы и Нагасаки и причиненный материальный

¹ *C. Falls*, *The Second World War. A Short History*, London, 1948, п. 284; *C. A. Buss*, *The Far East. A History of Recent and Contemporary International Relations in East Asia*, New York, 1955, p. 419; *К. Туппельскирх*, *История второй мировой войны*, М., 1956, стр. 568.

² Эти данные (200 тыс. человек в Хиросиме и 120 тыс. человек в Нагасаки) вновь подтверждены «Белой книгой», опубликованной в середине июля 1961 г. большой группой японских ученых. См. «Известия», 16 июля 1961 г.

³ «USSBS, *Japan's Struggle to End the War*», p. 12; *E. M. Zacharias*, *Secret Missions. The Story of Intelligence Officer*, p. 388; *W. S. Churchill*, *The Second World War*, vol. VI, p. 559; *Ф. С. Шепман*, *Американские авианосцы в войне на Тихом океане*, стр. 291, 292; *Kase Toshikazu*, *Journey to the Missouri*, p. 217.

⁴ *H. S. Truman*, *Memoires*, vol. I, p. 350, 419; *L. Morton*, *The Atomic Bomb and the Japanese Surrender*, «*Marine Corps Gazette*» No. 2, 1959, p. 26.

⁵ Мортон с военной точки зрения с полным основанием подвергает сомнению справедливость решения о применении атомной бомбы в Японии (*L. Morton*, *The Atomic Bomb and the Japanese Surrender*, p. 20, 27). В конце декабря 1960 г. генерал Макартур также признал, что не было никакой необходимости в применении атомной бомбы в 1945 г. (см. «Известия», 27 декабря 1960 г.).

⁶ *M. Amrine*, *The Great Decision. The Secret History of the Atomic Bomb*, New York, 1959, p. 225, 233.

ущерб, как ни были подорваны силы Японии, атомные бомбардировки не могли явиться причиной ее капитуляции. Они не повлияли на военный потенциал Японии (Хиросима и Нагасаки не входят в состав важнейших промышленных центров страны) и на сопротивляемость ее вооруженных сил. Как было показано выше, правительство Судзуки после применения атомных бомб неоднократно заявляло о своей решимости продолжать войну и фактически продолжало ее, надеясь, в частности, использовать разногласия в антифашистской коалиции.

Применение Соединенными Штатами атомного оружия накануне и в день вступления Советского Союза в войну против Японии имело определенные политические цели: доказать, что Япония якобы была «нокаутирована» до вступления СССР в войну на Дальнем Востоке, т. е. атомные бомбардировки решили исход войны до вступления в нее Советского Союза. Тем самым США хотели присвоить себе «решающую» роль и исключительные заслуги в достижении победы над Японией со всеми вытекающими для «единственного» победителя последствиями.

Следовательно, решение правительства США о применении атомных бомб в Японии, не вызывавшееся никакой военной необходимостью, не может оправдать жестокого преступления в отношении 320 тыс. мирных граждан.

Обращение к этому варварскому оружию истребления людей не было необходимо и потому, что правительство США хорошо знало, что Советский Союз, всегда верный своим союзническим обязательствам, в полном соответствии с соглашением, достигнутым на Крымской конференции, вступит в войну против Японии 9 августа 1945 г. и что с этой целью после капитуляции Германии на дальневосточной границе производилось сосредоточение Советских Вооруженных Сил, чтобы в случае отказа Японии безоговорочно капитулировать заставить ее силой сложить оружие. По этой причине капитуляция Японии была предрешена, хотя ее правящие круги могли еще затягивать сопротивление. Руководители США и Англии понимали, что вступление СССР в войну против Японии, которого они так долго добивались, с неумолимой неизбежностью заставит Японию быстро прекратить сопротивление.

Учитывая политические цели правящих кругов США, атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки могла иметь только один смысл: преуменьшить значение вступления СССР в войну против Японии и преувеличить заслуги США в разгроме Японии. Более того, американские империалисты рассчитывали использовать монополию на это новейшее разрушительное оружие для оправдания односторонней оккупации Японии и установления полного контроля над ее экономикой и политикой, для обоснования исключительного «права» США на единоличное вмешательство во внутренние дела стран Азии. Не менее важным для правящих кругов США являлось осуществление политики «с позиции силы» и атомного дипломатического шантажа в целях достижения наиболее выгодного им послевоенного мира, для обеспечения стратегического превосходства над СССР и мирового господства в послевоенный период¹.

Бессмысленная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки имела очевидную антисоветскую направленность. Она, пишет У. З. Фостер, «продемонстрировала намерение Уолл-стрита установить, опираясь на новое страшное оружие, свое господство в послевоенном мире. Атомная бомба была в большей степени предназначена для Советского Союза, чем для Японии»². Однако эти планы американских империалистов потерпели крах. На пути их осуществления неодолимым барьером явилась последовательная и настойчивая миролюбивая внешняя политика Советского Союза, поддерживаемая народами всех стран.

**Буржуазные фальсификаторы истории о роли
Советского Союза в разгроме империалистической
Японии и завершении второй мировой войны**

Наряду с «теориями» о «решающей роли» атомной бомбардировки Японии имеют хождение ложные версии о действительной роли Советского Союза и его Воору-

¹ Государственный секретарь США Бирнс заявлял, что применение атомной бомбы позволит Соединенным Штатам «диктовать свои условия в конце войны» (*H. S. Truman, Memoires, vol. 1, p. 87*).

² У. З. Фостер, Очерк политической истории Америки, стр. 453. Бирнс признавал также, что использование атомной бомбы ставило целью «сделать Россию более сговорчивой в Европе» (*L. Morton, The Atomic Bomb and the Japanese Surrender, p. 27*).

женных Сил в разгроме империалистической Японии и окончании второй мировой войны.

Во многих военно-исторических исследованиях, посвященных военным действиям на Тихоокеанском театре, в мемуарах руководящих государственных и военных деятелей США предпринимаются попытки доказать, что капитуляция Японии была якобы уже предрешена до вступления Советского Союза в войну на Дальнем Востоке. Генерал Ведемейер, например, пишет, что Советский Союз вступил в войну против Японии «только после того, как ее поражение стало совершившимся фактом»¹. Многие американские авторы (Пратт, Захариас, Леги, Грю, Уитмер, Холлис и Лизор) стремятся доказать, что Рузвельт совершил на Крымской конференции «ошибку» и, более того, даже «предательство», согласившись на вступление СССР в войну против Японии, оно, по их мнению, не вызывалось необходимостью, поскольку Япония находилась на грани капитуляции ввиду успешных военных действий одних лишь американских вооруженных сил, а потому «нанесло огромный ущерб интересам США»².

Все эти фальсификации рассчитаны на то, чтобы умалить роль Советского Союза в ликвидации дальневосточного очага войны и доказать, что Соединенные Штаты уже решили исход войны без участия СССР. Однако подобная концепция лишена всяких оснований. Хотя силы Японии были в значительной степени надломлены, она еще имела возможность сопротивления союзным силам, и победа над нею в короткий срок без помощи Советского Союза была невозможна. К концу войны (август 1945 г.) Япония имела свыше чем 7-миллионную армию, в том числе 5,5 млн. человек насчитывали сухопутные силы³, из которых около 1 млн. человек составляла отборная Квантунская армия⁴. В распоряжении

¹ A. C. *Wedemeyer*, *Wedemeyer Reports!*, New York, 1958, p. 346.

² J. W. *Pratt*, *A History of United States Foreign Policy*, New York, 1955, p. 688; E. M. *Zacharias*, *Secret Missions, The Story of an Intelligence Officer*, p. 384; W. P. *Leahy*, *I was there*, p. 344; J. C. *Grew*, *Turbulent Era. A Diplomatic Record of Forty Years 1904—1945*, vol. II, p. 1444; F. *Wittmer*, *The Yalta Betrayal*, Caldwell, 1953; L. *Hollis* and J. *Leasor*, *War at the Top*, London, 1959, p. 287.

³ См. «Сирѐ-ни-ѐру Нихон-но аюми», т. 4, стр. 259.

⁴ См. «Стенограмма Токийского процесса», стр. 37105—37106.

Японии находились ресурсы оккупированных районов Китая (до $\frac{1}{3}$ его территории) и стран Южных морей (Индокитай, Малайя), вовсе или почти не затронутые контрнаступлением американо-английских сил. Все это давало Японии возможность для маневрирования и упорного сопротивления, чтобы затянуть войну. В своих мемуарах Черчилль признает, что если бы Советский Союз не выступил против Японии, то «большая японская армия в Маньчжурии могла быть брошена на защиту самой Японии»¹, а в послании Советскому правительству он писал, что «открытие русского военного фронта» (т. е. вступление СССР в войну против Японии после разгрома Германии) «значительно ускорило бы их (японцев. — Д. Г.) поражение»².

По этой же причине Трумэн, Черчилль и Эттли обсуждали на Потсдамской конференции стратегические планы вторжения американо-английских сил на территорию Японии, рассчитывая на длительный период военных действий. Первая операция — «Олимпик» — предусматривала вторжение 6-й американской армии в южную часть острова Кюсю (ноябрь 1945 г.), во второй операции — «Коронет» — десантные операции 8-й и 10-й американских армий намечались в равнине Токио, в восточной части Хонсю (март 1946 г.)³. В обеих операциях должна была быть использована 5-миллионная армия, поддержанная военно-морскими силами 3-го и 5-го флотов⁴.

Разрабатывая упомянутые планы вторжения на территорию Японии, государственные и военные деятели США и Англии (Трумэн, Стеттиниус, Стимсон, Маршалл, Черчилль) учитывали, что территорию собственно Японии сможет оборонять сухопутная армия численностью в 2 350 тыс. человек и 6 тыс. самолетов⁵. Поэтому, учитывая характер крупной морской десантной операции, они ожидали упорного и длительного сопротивления Японии и неизбежных больших потерь, оцениваемых

¹ W. S. Churchill, *The Second World War*, vol. VI, p. 340.

² См. «Переписка...», т. I, стр. 260.

³ Об операциях «Олимпик» и «Коронет» см. «General Marshall Report. The Winning of the War in Europe and the Pacific», p. 84—86.

⁴ Kase Toshiakazu, *Journey to the «Missouri»*, p. 215.

⁵ Hayashi Saburo and A. D. Coox, *Kogun. The Japanese Army in the Pacific War*, «Marine Corps Gazette» № 1, 1959, p. 48.

минимум в 1 млн. жизней¹. Следовательно, завершение войны против Японии без участия СССР считалось возможным только через продолжительный промежуток времени, а именно в 1946 и даже в 1947 году.

Вследствие этого в правящих кругах США и Англии признавалось крайне необходимым участие Советского Союза в завершении войны на Дальнем Востоке. Еще в письме Макартура на имя Рузвельта (май 1942 г.) говорилось, что американо-английские силы «не должны осуществлять вторжения на территорию собственно Японии, пока русская армия не начнет военных действий в Маньчжурии»². Трумэн также признавал, что «вступление русских в войну против Японии в высшей степени важно для нас»³. Черчилль, оценивая возможные потери в случае продолжения войны против Японии без участия СССР, в своих мемуарах пишет, что «помощь русских» сократила бы «тяжелые потери американцев», спасла бы многие их жизни и обеспечила победу⁴. В специальном докладе Объединенного комитета начальников штабов США и Англии, представленном на Крымской конференции Рузвельту и Черчиллю, говорилось: «Мы рекомендуем наметить ориентировочной датой окончания войны с Японией время через 18 месяцев после поражения Германии»⁵. Этот же комитет считал, что «как можно более раннее вступление России (в войну на Дальнем Востоке. — Д. Г.) ...необходимо для обеспечения максимальной поддержки наших тихоокеанских операций»⁶.

Военные действия американо-английских войск во второй период войны против Японии и в течение мая — августа 1945 г., сокращение японского военного производства в 1945 г. в результате военных действий, морской блокады и воздушных бомбардировок важнейших промышленных центров, а также атомная бомбардировка не могли еще решить исхода войны против Японии; достигнутые союзниками успехи на море и в воз-

¹ E. R. Stettinius, *Roosevelt and the Russians*, London, 1950, p. 269.

² «The Forrestal Diaries», New York, 1951, p. 31.

³ «New York Times», October 10, 1955.

⁴ W. S. Churchill, *The Second World War*, vol. VI, p. 340.

⁵ H. Feis, *Churchill, Roosevelt, Stalin*, London, 1957, p. 503.

⁶ «The Conferences at Malta and Yalta», Washington, 1955, p. 396.

душных сражениях оказывались недостаточными для того, чтобы вынудить ее капитулировать. Япония, как отмечалось выше, сохраняла возможности для организации упорного сопротивления и затягивания войны, возлагая главные надежды на свою сухопутную армию, маньчжуро-корейский плацдарм, оккупированные районы в Китае и мирные маневры дипломатии.

Капитуляция Германии определила исключительно благоприятные условия для ускорения сроков окончания войны против Японии. Оказалась разгромленной главная сила коалиции фашистских агрессоров, и Япония, полностью изолированная в последней стадии войны, отныне осталась одна перед лицом объединенных сил союзников. Уничтожение главного очага агрессии в Европе создало необходимые условия для ликвидации и дальневосточного очага войны и агрессии. Однако война на Дальнем Востоке могла быть закончена лишь при условии разгрома японской *сухопутной армии*, в первую очередь отборных войск Квантунской армии, и при условии ликвидации маньчжуро-корейского военно-промышленного плацдарма.

Решить эту задачу могли лишь Советские Вооруженные Силы. Даже Черчилль признал, что благодаря Советскому Союзу, разгромившему Квантунскую армию, запланированные операции «Олимпик» и «Коронет» «оказались ненужными. Мы должны быть благодарны за это»¹.

Советские Вооруженные Силы после капитуляции Германии сосредоточили превосходящие силы на Дальнем Востоке и заставили Квантунскую армию, японские силы в Корее, на Южном Сахалине и Курильских островах капитулировать через 24 дня после начала военных действий. Это означает, что Советский Союз, сыгравший решающую роль в окончании войны в Европе, своим вступлением в войну против Японии, в особенности *разгромом Квантунской армии, решающим образом повлиял на окончательное поражение Японии и, следовательно, на завершение войны на Дальнем Востоке.* «Капитуляция Японии перед США и Англией, — справедливо пишут японские прогрессивные историки, — была предопределена в результате вступления в войну

¹ W. S. Churchill, The Second World War, vol. VI, p. 544.

Советского Союза»¹. Таким образом, действия Советского Союза намного сократили число жертв союзников и самого японского народа и обеспечили успешное завершение второй мировой войны.

Следовательно, никакие фальсификации истории войны на Дальнем Востоке не могут заслонить того бесспорного факта, что Советский Союз, вынесший на своих плечах главную тяжесть войны против гитлеровской Германии, внес крупный вклад в ликвидацию последнего, дальневосточного, очага войны и агрессии. *Правящие круги Японии капитулировали* перед союзными державами лишь *после разгрома Советскими Вооруженными Силами Квантунской армии* и до высадки американских войск на территории собственно Японии. Они признали невозможным дальнейшее сопротивление только после того, как лишились главной и лучшей части своих вооруженных сил — Квантунской армии.

**Фальсификации проблемы японо-советских отношений
в годы войны, в особенности вопроса
о советско-японском пакте о нейтралитете**

В японской буржуазной печати и в выступлениях официальных государственных и политических деятелей Японии в послевоенное время неоднократно предпринимались и предпринимаются настойчивые попытки фальсифицировать вопрос о японо-советских отношениях в годы минувшей войны, в особенности вопрос о советско-японском пакте о нейтралитете. Тем самым продолжается линия, упорно проводившаяся некоторыми членами суда, защитниками и свидетелями защиты на Токийском процессе (Роллинг, Блэки, Блюэт, Такэбэ, Касахара и др.), которые отрицали антисоветский характер внешней политики Японии и называли планы «Оцу» и

¹ «Тайхэйё сэносси», т. IV, стр. 161. Даже японская буржуазная печать признавала, что лишь «вступление Советского Союза заставило капитулировать» Японию, что по результатам действия СССР в отношении Японии «сыграли огромную роль в достижении мира» (см.: «Дзидзи симпо», 9 августа 1950). Японский исследователь истории второй мировой войны Тадзима Масао писал, что решение о капитуляции Японии последовало лишь после того, как Советский Союз вступил в войну на Дальнем Востоке (см. *Тадзима Масао; Микансэй-но дайнидзи тайсэн* (Незаконченная вторая мировая война), Осака, 1956, стр. 6).

«Кантокуэн» «оборонительными», а миролюбивую политику СССР — «агрессивной»¹.

Несмотря на то что Советский Союз проводил последовательную политику, направленную на обеспечение мира и безопасности на Дальнем Востоке и во всем мире, японские и американские воинствующие идеологи антисоветской политики и агрессии часто выступают с обвинениями СССР в агрессивных намерениях и даже в развязывании военных действий на Тихом океане. Арнольд Тойнби, признанный глава современной буржуазной исторической науки, в своей книге утверждает, что Советский Союз якобы стремился столкнуть Японию с Великобританией и Соединенными Штатами².

Особенно часто в послевоенной мемуарной и исторической литературе фальсифицируется вопрос о советско-японском пакте о нейтралитете³. Ярые сторонники японо-американского агрессивного военного союза настойчиво пытаются доказать, что СССР, денонсируя договор с Японией от 13 апреля 1941 г., якобы «поступил вразрез с пактом о нейтралитете», а затем, в заключительной стадии второй мировой войны, совершил «преднамеренное нападение» на Японию, тем самым проявив «вероломство» по отношению к японскому народу⁴. Буржуазный исследователь Шредер в своей книге, отмеченной премией национальной ассоциации историков США, стремится опорочить материалы Токийского процесса и доказать, что Япония якобы не помышляла о нападении на СССР и честно выполняла пакт о нейтралитете в самый тяжелый для него «период великого кризиса», в то время как Советский Союз, поощряемый США и

¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 16649—16654, 23190—23208, 23582, 42048, 42071, 42800—42819, 47359, 47365, 48053, 48072.

² А. *Toynbee*, V. *Toynbee*, *The Initial Triumph of the Axis*, London, 1958, p. 598; G. C. *Tansill*, *Back Door to War*, p. 153.

³ Американский историк Басс утверждает, что Япония будто бы подписала с СССР пакт о нейтралитете, чтобы защититься от «угрозы» советского «нападения с севера» (С. А. *Buss*, *The Far East. A History of Recent and Contemporary International Relations in East Asia*, New York, 1955, p. 338).

⁴ См., например, вопрос главного редактора японской газеты «Асахи симбун» Хироока Томоо, заданный Н. С. Хрущеву. (Н. С. *Хрущев*, *За прочный мир и мирное сосуществование*, стр. 97, 100); Д. *Уэсуги*, *Вторая мировая война в освещении реакционной японской историографии*. Сб. «Проблемы истории второй мировой войны», М., 1959, стр. 385—386.

Англией, выбрал удобный момент, когда Япония терпела поражения, чтобы расторгнуть пакт о нейтралитете и напасть на нее... в интересах завоевания богатств Дальнего Востока¹.

Сигэмицу в своих мемуарах без всяких оснований также утверждает, что «Япония оставалась нейтральной» по отношению к СССР в течение всего периода Великой Отечественной войны, что она предпринимала максимальные усилия к тому, чтобы упрочить отношения с СССР на базе пакта о нейтралитете, что «Япония совершенно не имела каких-либо намерений нарушать договор о нейтралитете»².

Нэдзу Масаси, полемизируя с представителями советского обвинения на Токийском процессе и с японскими прогрессивными историками, пытается доказать, что Советский Союз совершил «грубые», «насильственные» и «агрессивные» действия, расторгнув советско-японский пакт о нейтралитете. Он настойчиво утверждает, что концентрация и передвижения японских войск в Маньчжурии накануне и в годы войны являлись «внутренним делом» Японии и не создавали никакой угрозы Советскому Союзу³.

Все эти утверждения и обвинения, выдвигаемые Тойнби, Шредером, Сигэмицу, Нэдзу и другими фальсификаторами истории, абсолютно беспочвенны. Советский Союз имел полное право денонсировать пакт о нейтралитете с Японией как с формально-юридической точки зрения, так и по существу.

Правомерность акта правительства СССР, заблаговременно предупредившего Японию о расторжении упомянутого договора, вытекала прежде всего из духа и буквы этого договора. Н. С. Хрущев в беседе с главным редактором японской буржуазной газеты «Асахи симбун» Хироока Томоо напомнил, что «пакт о нейтралитете между нашими странами был денонсирован советской стороной в соответствии с положениями, содержащимися в статье третьей этого пакта»⁴. Эта статья, как известно,

¹ P. W. Schroeder, *The Axis Alliance and Japanese — American Relations*, p. 222.

² *Shigemitsu Mamoru, Japan and Her Destiny*, p. 295, 297.

³ См. *Нэдзу Масаси, Нихон гэндайси*, стр. 243—250.

⁴ *Н. С. Хрущев, За прочный мир и мирное сосуществование*, стр. 100.

предоставляла каждой из договаривающихся сторон право денонсировать его до истечения пятилетнего срока, на который был подписан упомянутый договор.

Главной причиной денонсации советско-японского пакта о нейтралитете являлась политика правительства Японии по отношению к Советскому Союзу накануне и в особенности в годы второй мировой войны. Вся предыдущая история взаимоотношений обеих стран (японская интервенция на Советском Дальнем Востоке в 1918—1922 гг.; японская агрессия в районах Хасана и Халхин-Гола, вступление Японии в «антикоминтерновский» и тройственный союз) показывала исключительную враждебность Японии по отношению к Советскому Союзу, еще более усилившуюся после нападения гитлеровской Германии на СССР.

В течение всего периода Великой Отечественной войны Япония лишь внешне проводила политику нейтралитета по отношению к СССР, а отнюдь не «свято соблюдала пакт о нейтралитете на протяжении всего времени, когда он был в силе»¹, как утверждал на Токийском процессе защитник Блюэт. Формальные декларации японских руководящих деятелей о «верности» советско-японскому пакту, о нейтралитете и о его «действенности» представляют собой своеобразный камуфляж, прикрывавший фактическое и умышленное грубое нарушение Японией политики нейтралитета в отношении Советского Союза, ее обязательств, предусмотренных договором от 13 апреля 1941 г. Лицемерием проникнуто выступление бывшего министра иностранных дел Японии Того, который вскоре после начала военных действий на Тихоокеанском театре заявил, что японо-советские отношения были в то время «как луч солнечного света среди проливного дождя» и что его (Того) желания и намерения сводились к тому, чтобы «этот луч осветил весь мир»². Более того, Того в своих послевоенных мемуарах пытался доказать, что своей победой над фашистской Германией Советский Союз якобы в немалой степени обязан политике нейтралитета, которую Япония проводила в течение Великой Отечественной войны³. Эта ложь ставила целью представить

¹ «Стенограмма Токийского процесса», стр. 47363.

² Там же, стр. 35777—35778, 47956.

³ *Togo Shigenori, The Cause of Japan*, p. 281.

враждебную, антисоветскую политику Японии как лояльную и нейтральную.

Агрессивная политика Японии в отношении СССР в течение всего периода второй мировой войны являлась основным источником напряженности на Дальнем Востоке. Япония систематически совершала заведомо враждебные Советскому Союзу действия. Она концентрировала у дальневосточных границ СССР основное ядро своих вооруженных сил — Квантунскую армию, непрерывно увеличивала ее численность и усиливала вооружение, подготавливая ее как авангардную армию для войны против СССР¹, а также проводила другие военномобилизационные мероприятия.

В течение всего периода Великой Отечественной войны японские вооруженные силы (наземные и воздушные) систематически производили провокационные нарушения советско-маньчжурской границы, развернув «малую пограничную войну». На территории Маньчжурии и Кореи Япония непрерывно укрепляла и расширяла военно-промышленный плацдарм. В реакционной печати и по радио в Японии, Маньчжурии и Корее проводилась интенсивная антисоветская пропаганда и непрерывно выдвигались клеветнические обвинения в нарушении Советским Союзом пакта о нейтралитете. Правящие круги Японии постоянно бряцали оружием, шантажировали прямыми угрозами открыть «второй фронт» прогив СССР на Дальнем Востоке, призывая захватить советские территории и включить их в состав японской «сферы сопроцветания».

О враждебной антисоветской политике правящих кругов Японии, в полной мере обесценившей пакт о нейтралитете, свидетельствует, как было показано выше, также детальная разработка различных планов войны против СССР: «Оцу» (1939—1941) и «Кантокуэн» (1941) — генерального стратегического плана антисоветской войны, японского варианта «плана Барбароссы». Подготавливались также оперативные планы координации

¹ Некоторые буржуазные авторы договариваются даже до того, что Квантунская армия постоянно находилась в Маньчжурии, «чтобы защищаться от внезапного нападения русских» (С. *Harcourt-Smith*, *The Fate of Japan*, London, 1945, p. 50).

боевых действий японских войск, находившихся в Маньчжурии, Корее и Внутренней Монголии, в целях развертывания армии вторжения на территории советского Дальнего Востока и Сибири. Разрабатывались также детальные проекты управления советскими территориями, намечавшимися Японией к оккупации после возникновения японо-советской войны.

Важное значение имело укрепление военно-политического союза Японии с Германией и Италией. Как было отмечено выше, японское правительство продлило «ангикоминтерновский пакт» на новый пятилетний срок, еще более усилив его антисоветское острие, и затем в течение 1940—1943 гг. заключило со своими партнерами ряд новых военно-политических соглашений. Между Японией и Германией велись переговоры о расчленении советских территорий, в ходе которых была достигнута «договоренность о том, что японо-германская граница будет проходить по Уралу»¹.

Правящие круги Японии, всемерно укрепляя отношения с гитлеровской Германией, оказывали ей прямую и косвенную помощь. С 1937 г., и в особенности после начала Великой Отечественной войны, между обеими странами производился постоянный обмен разведывательными данными о Советском Союзе².

На основании японо-германского соглашения о сотрудничестве в проведении подрывной деятельности против СССР Япония передавала Германии различные секретные сведения о военно-промышленном потенциале Советского Союза, в особенности о состоянии военной промышленности, о людских резервах СССР, а также о численности и дислокации частей Советской Армии, в частности на Дальнем Востоке³. Как признал бывший помощник военного атташе германского посольства в Токио Петерсдорф, эта ценная информация, доставлявшаяся в Берлин в течение 1941—1945 гг. японскими послами в Москве Татэкава и Сато, «имела большое значение для германской армии и была использована ею в

¹ *Н. С. Хрущев*, За прочный мир и мирное сосуществование, стр. 99.

² См. «Стенограмма Токийского процесса», стр. 6022.

³ См. там же, стр. 7994—7998, 8144.

военных операциях (Германии. — Д. Г.) против Советского Союза»¹.

В последующем Япония снабжала Германию образцами своих воздушных торпед, примененных во время нападения на Пёрл-Харбор. Германия в свою очередь не только передала Японии две подводные лодки, но предоставляла ей новые немецкие бронебойные гранаты. Немецкие офицеры, командированные в Японию, изучали опыт проведения японцами десантных операций².

В течение самого трудного периода Великой Отечественной войны, как и в ходе всей войны, по вине Японии Советский Союз оказался вынужденным держать на границе с Маньчжурией в полной боевой готовности значительные вооруженные силы — до 40 дивизий³. Эти силы могли быть использованы в войне против гитлеровской Германии и ее сателлитов, что позволило бы приблизить сроки победы во второй мировой войне. Постоянная реальная угроза дальневосточному тылу Советского Союза в течение Великой Отечественной войны являлась большой помощью гитлеровской клике. Ярый враг Советского Союза Риббентроп в телеграмме, направленной в Токио, цинично отмечал «полезность» сосредоточения на границе с СССР отборных сил Квантунской армии *в общих интересах фашистского блока*, «поскольку Россия во всяком случае должна держать войска в Восточной Сибири для предупреждения японо-советского конфликта»⁴.

Нарушения Японией своих обязательств о сохранении нейтралитета и враждебная в отношении СССР политика, согласованная с гитлеровской Германией, видны и на примере отношения японских властей к советскому торговому судоходству.

Япония блокировала побережье Советского Дальнего Востока, производила вооруженные пиратские нападения на советские торговые суда, незаконно задерживала их и топила, причиняя большой урон СССР.

¹ См. «Стенограмма Токийского процесса», стр. 38503.

² См. там же, стр. 6676—6677, 34253, 41590; R. Storry, A History of Modern Japan, p. 222.

³ См. «Правда», 11 июня 1951 г.

⁴ См. «Стенограмма Токийского процесса», стр. 7990.

Итоговые данные о количестве задержанных Японией советских торговых судов за период с августа 1941 г. по конец 1944 г. таковы¹:

Направление движения судов	Пролив Лаперуза	Корейский пролив	Курильский пролив	Другие районы	Всего
На пути в США	45	28	3	2	78
На пути из США	63	24	9	4	100
Итого . . .	108	52	12	6	178

Все эти враждебные действия находились в полном противоречии как с основными положениями международного права относительно обязанностей нейтрального государства в войне, так и с пактом о нейтралитете, заключенным между Японией и СССР. Противоречили они также и Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 г., подтвержденному Пекинской конвенцией об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией от 20 января 1925 г. и гласившему (статья IX), что Россия и Япония «взаимно обязуются не принимать никаких военных мер, которые могли бы препятствовать свободному плаванию в проливах Лаперузовом и Татарском»².

Преступные акты японских империалистов, направленные против советского судоходства, оказывали действительную помощь Германии в войне против СССР. Они представляли тщательно разработанную систему агрессивных, враждебных социалистическому государству действий, согласованных с германским правительством и связанных с японо-германским соглашением о нанесении урона советско-американским экономическим отношениям.

Следовательно, Япония, являясь союзницей Германии, использовала пакт о нейтралитете как прикрытие, как ширму для оказания ей реальной помощи в войне против Советского Союза. Ее «нейтралитет» по отноше-

¹ «Стенограмма Токийского процесса», ЦГАОР, ф. 7867, оп. 1, д. 275, л. 302—303; *Нэдзу Масаси*, Нихон гэндайси, стр. 244.

² «Сборник договоров России с другими государствами 1856—1917», М., 1952, стр. 340.

нию к СССР в действительности являлся *формой активного участия в войне против Советского Союза на стороне гитлеровской Германии*. Формальным «нейтралитетом» Япония маскировала свое действительное *соучастие в агрессивной антисоветской войне, которую вела Германия*. Будучи активным партнером враждебного СССР блока фашистских агрессоров, Япония воевала вместе со своими союзниками против антифашистской коалиции в целях построения грабительского «нового порядка» в Европе и Азии, передела мира и установления мирового господства фашистской коалиции. Готовясь в удобный момент вступить в войну против СССР, японские империалисты принимали все меры к тому, чтобы изолировать его на международной арене, внести разлад в антифашистскую коалицию и расколоть ее.

Таким образом, все рассмотренные выше мероприятия, осуществленные правящими кругами Японии в годы Великой Отечественной войны, являлись составными частями отчетливо *враждебной антисоветской политики*. Они свидетельствуют о том, что на различных этапах Великой Отечественной войны менялись лишь формы и методы антисоветской агрессии японских империалистов, но неизменной оставалась главная их цель — захват Японией дальневосточных территорий Советского Союза.

Все это значительно осложнило борьбу СССР против гитлеровской Германии. Советскому народу был причинен большой ущерб, которого можно было избежать, если бы Япония честно выполняла свои обязательства по пакту о нейтралитете. Поэтому Советский Союз имел все основания для денонсации пакта о нейтралитете с Японией.

Вступление Советского Союза в войну против Японии последовало после того, как японское правительство не сочло нужным принять во внимание серьезное предупреждение, содержащееся в ноте правительства СССР о денонсации пакта о нейтралитете с Японией, а также после того, как оно отвергло Потсдамскую декларацию и заявило о том, что будет продолжать войну до победного завершения ее. Объявление Советским Союзом войны Японии ни в какой мере не находилось в противоречии с пактом о нейтралитете и, бесспорно, не было актом «вероломства» по отношению к японскому народу,

который был заинтересован в поражении своего правительства. Оно являлось логическим следствием нарушения Японией политики нейтралитета в отношении СССР. Действия Советского правительства диктовались интересами скорейшей ликвидации дальневосточного очага войны, постоянно угрожавшего границам СССР. Советский Союз исходил из необходимости достижения всеобщего мира, в котором были кровно заинтересованы как японский народ, так и свободолюбивые народы всего земного шара.

Японские фальсификаторы истории, обвиняя Советский Союз в «нарушении» пакта о нейтралитете и даже в «вероломном нападении» на Японию, настойчиво распространяют клеветническую версию «об ударе ножом в спину», якобы нанесенном ей Советским Союзом. Они объясняют «нечестное» поведение Советского Союза и вступление его в войну против Японии наличием у него «агрессивных замыслов»... установления господства в Восточной Азии. Тем же они объясняют и отказ правительства СССР принять на себя миссию посредничества в заключении мира между Японией, с одной стороны, и США и Англией — с другой.

Распространение подобных клеветнических измышлений имеет определенные политические цели — предать забвению враждебную антисоветскую политику правящих кругов Японии в годы минувшей войны, сознательно извратить внешнеполитические принципы СССР, опорочить его миролюбивую политику. Как и прежде, говоря словами В. И. Ленина, «буржуазия клеветает на нас неустанно всем аппаратом своей пропаганды и агитации»¹.

Вместе с тем фальсификаторы истории, применяя присущие им методы замалчивания или голого отрицания неоспоримых фактов, тщетно пытаются доказать, что правящие круги Японии якобы в течение всего периода войны оставались верными принятым на себя обязательствам — строго соблюдать в отношении Советского Союза нейтралитет — и потому не напали на него, несмотря на давление гитлеровской Германии.

Все эти утверждения лишены каких-либо оснований. Япония, как указывал Н. С. Хрущев, «исходила из своих расчетов и не напала на нас только потому, что не

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 339.

дошла очередь до этого, а не потому, что Япония хотела быть верной своим обязательствам»¹.

Проводя враждебную СССР политику и систематически нарушая пакт о нейтралитете, японские империалисты рассчитывали, что «решающий» перелом на Советско-германском фронте в пользу фашистской Германии станет благоприятным моментом для захвата советского Дальнего Востока. Однако Советские Вооруженные Силы, нанеся решающие поражения немецко-фашистским войскам и их сателлитам и развеяв планы установления мирового господства блока агрессоров, сорвали японские планы нападения на СССР. Победы социалистического государства в Великой Отечественной войне предотвратили осуществление антисоветских планов японского империализма. В этих победах и коренится ответ на вопрос, почему так и «не дошла очередь» до вступления Японии в войну против Советского Союза на стороне гитлеровской Германии.

Всякого рода лживые утверждения о якобы «честном» выполнении Японией обязательств по отношению к СССР, о «верности» ее правящих кругов советско-японскому пакту о нейтралитете имеют целью сознательно извратить проблему взаимоотношений Японии и СССР, ввести в заблуждение японский народ и мировое общественное мнение относительно враждебной, антисоветской политики японских империалистов в годы минувшей войны, а также оправдать нынешний проамериканский внешнеполитический курс правящих кругов Японии.

**Фальсификация роли японских коммунистов
в период войны на Дальнем Востоке
(1937—1945 гг.)**

Буржуазная историография пытается извратить и преуменьшить роль японских коммунистов в годы войны. Американские буржуазные авторы стремятся доказать, что коммунисты в те годы в Японии не имели серьезного влияния на массы, что среди коммунистов якобы отсутствовали испытанные руководители и что партия была ослаблена внутренней борьбой, а потому не имела того

¹ Н. С. Хрущев, За прочный мир и мирное сосуществование, стр. 99.

авторитета, которым пользовалась в довоенные годы¹. Согласно их утверждениям, японские коммунисты в годы второй мировой войны никакой активной деятельности, в частности антивоенной, не проводили. Буржуазная пропаганда утверждает, что ни коммунисты, ни члены каких-либо левых организаций не причастны к возникновению волнений и стачек². По словам официального японского ежегодника, рабочее движение в Японии с начала японо-китайской войны и до самой капитуляции будто бы «оставалось пассивным» и характеризовалось «полным прекращением активности рабочих»³. Такого же мнения придерживаются и некоторые буржуазные историки. Нэдзу Масаси, например, полемизируя с прогрессивными историками (Иноуэ К., Тояма С.), обвиняет их в переоценке активности сопротивления рабочих в годы минувшей войны⁴.

Ряд буржуазных исследователей переоценивает эффективность полицейских репрессий против антивоенного движения в Японии и различных мер по подавлению коммунистического движения. Американские буржуазные историки, например, утверждают, что «через 15 лет (с момента мартовских арестов 1928 г. — Д. Г.) тайной полиции удалось приостановить распространение коммунизма в Японии»⁵.

Однако неопровержимые факты свидетельствуют, что японские коммунисты оказались единственной силой, способной, несмотря на тяжелые условия глубокого подполья и свою немногочисленность, с первых дней японо-китайской войны прямо или косвенно возглавить борьбу передовых слоев трудящихся против войны, реакции и голода. Рискуя жизнью, коммунисты вели борьбу против буржуазно-помещичьего строя и монархии, против реакционного правительства Японии. В условиях жестокого полицейского террора и непрерывных провокаций они проявляли исключительную гибкость и изобретательность в выборе средств борьбы. Несмотря на жестокие пресле-

¹ R. Swearingen and P. Langer, *Red Flag in Japan. International Communism in Action 1919—1951*, Cambridge, 1952, p. 69.

² E. S. Colbert, *The Left Wing in Japanese Politics*, New York, 1952, p. 57.

³ «Japan Year Book 1946—1948», p. 434.

⁴ См. Нэдзу Масаси, *Нихон гэндайси*, стр. 215—227.

⁵ R. Swearingen and P. Langer, *Red Flag in Japan*, p. 72.

дования и аресты, коммунисты в течение 1942—1944 гг. организовали целый ряд групп на предприятиях тяжелой промышленности концерна Мицубиси, «Токио дэнки» и в других отраслях¹. В годы войны активную роль играли такие руководители партии, как Касуга Сэити и другие².

Американская «Комиссия стратегических бомбардировок» в одном из своих изданий признала, что имеются документальные свидетельства о существовании в период второй мировой войны организованного коммунистического движения в Японии. В полицейских отчетах периода 1941—1945 гг. нередко сообщалось об активной работе коммунистов и социалистов, действовавших нелегально. О том, что деятельность коммунистов не прекращалась в течение всей войны, свидетельствуют специальные «Сводки о коммунистической активности»³.

Японские коммунисты являлись инициаторами борьбы за развертывание антивоенного и антифашистского народного движения. В годы, предшествовавшие второй мировой войне, они разоблачали антикитайские и антисоветские захватнические планы японских империалистов, находившихся в союзе с гитлеровской Германией и фашистской Италией. Ни террор, ни провокации, ни суды не могли поколебать решимости коммунистов, мужественно боровшихся против войны и реакции. В годы войны коммунисты показали себя подлинными патриотами, последовательными защитниками национальных интересов своей родины.

Коммунисты Японии постоянно разоблачали предательскую роль правосоциалистических руководителей. Эта последовательная линия имела большое значение, так как борьба японских патриотов против войны и реакции чрезвычайно затруднялась антинародной политикой руководства правых социалистов, которые в те годы при

¹ Ямамото Кацуносукэ и Арита Мицухо, Нихон кёсансюги ундоси, стр. 449; Мория Фумио, Нихон сихонсюги хаттацуси, стр. 291; Ватанабэ Есимити и Сэта Сёбэ, Нихон сякай ундоси нэмпё (Хронология истории социалистического движения в Японии), Токио, 1956, стр. 164—165.

² См. Мория Фумио, Нихон сихонсюги хаттацуси, стр. 290—291.

³ «USSBS, The Effects of Strategic Bombing on Japanese Morale», p. 236.

поддержке реакционных правящих кругов Японии тормозили развертывание движения сопротивления внутри страны, всеми мерами препятствовали распространению антивоенного и антифашистского движения.

Коммунисты настойчиво боролись за создание широкого и действенного народного антивоенного фронта, за объединение всех патриотов на фронте и в тылу, всех прогрессивных сил страны на антивоенной платформе. В борьбе против японских империалистов участвовали передовые слои трудового населения страны. Ведущую роль в этой борьбе играли передовые рабочие, руководимые коммунистами. Коммунисты развернули широкую агитацию в подпольной печати, они являлись авторами многочисленных антивоенных листовок, которые распространялись на фронте и в тылу.

Заслугой японских коммунистов является последовательное разоблачение несправедливого, захватнического характера войн против Китая, США и Англии, развязанных японскими империалистами. Они требовали немедленного отзыва японских оккупационных войск из Китая и стран Южных морей и прекращения войны.

Японские коммунисты развернули работу в японской оккупационной армии в Китае. Эта деятельность находила живой отклик среди солдат японской армии. Коммунисты являлись создателями и руководителями различных организаций военнопленных, инициаторами создания их централизованных объединений в масштабе всего Китая, в частности «Лиги освобождения японского народа». Создавая подобные организации, японские коммунисты установили боевой контакт с силами китайской демократии, возглавлявшимися Коммунистической партией Китая, с 8-й и Новой 4-й национально-революционными армиями. В этом нашла свое яркое отражение интернациональная солидарность японского и китайского народов в борьбе против их общего злейшего врага — хищного японского империализма.

Наряду с этим японские коммунисты выступали последовательными борцами за самоопределение народов Китая, Кореи и стран Южных морей, за предоставление им права свободного демократического существования и национальной независимости.

«Коммунистическая партия Японии, — говорится в новой Программе партии, одобренной на ее 8-м съезде, —

боролась за освобождение Кореи и Тайваня, которые были тогда колониями японского империализма, и за полную независимость колониальных и полуколониальных народов Азии»¹.

Важное значение имели забастовки, возникавшие, как правило, на военных заводах и носившие антивоенный характер. По официальным данным, в течение 1937—1945 гг. в Японии произошло 6572 забастовки с участием 669 514 человек². Увеличилось и количество арендных конфликтов в японской деревне: за тот же период их возникло 23 388 с числом участников (1937—1944 гг.) 272 006 человек³. Несмотря на жестокий полицейский террор, «подпольное рабочее движение в период военных действий на Тихом океане находило, — как справедливо пишет А. Рот, — выражение в антимиитаристской активности»⁴.

Антивоенное движение в Японии и в японской оккупационной армии в Китае свидетельствовало о неблагополучии в тылу японских империалистов и о наличии прогрессивных сил, сопротивлявшихся агрессивной внешней и реакционной внутренней политике господствующих классов империалистической Японии. Самоотверженной героической борьбой в период войны 1937—1945 гг. японские коммунисты завоевали уважение и любовь народа, заслуженный политический авторитет в стране. Трудящиеся массы убеждались, что у коммунистов нет иных задач, кроме целей борьбы за народные интересы. «...На протяжении 14 лет грабительской войны и фашистской диктатуры, — указывал Носака Сандзо, — народ собственными глазами видел, что коммунистическая партия всегда выступала против войны и милитаристов и боро-

¹ «Нихон кёсанто корё» («Программа Коммунистической партии Японии»), «Акахата», 6 августа 1961 г.

² См. *Касуга Сёити*, Родо кумнай кова, стр. 90. По данным японского статистического ежегодника, в 1941—1945 гг. в Японии произошло 1597 трудовых конфликтов (в том числе 940 забастовок) с числом участников 222 963 человека (в том числе 82 063 человека участвовали в забастовках). См. «Нихон токэй энкан» (Статистический ежегодник Японии), Токио, 1949, стр. 726.

³ См. *Аоки Кэйитиро*, Нихон номин ундоси, т. 4, стр. 469—470; «Нихон-но ногё хаттакуси» (История развития сельского хозяйства Японии), т. 6, Токио, 1955, стр. 83.

⁴ *A. Roth, Dilemma in Japan*, p. 194.

лась за народные интересы и социальную справедливость»¹.

Японские коммунисты, воспитанные Катаяма Сэн, Ватанабэ Масаноскэ, Итикава Сёити и Токуда Кюити, в годы войны являлись единственной политической силой, стойко защищавшей жизненные интересы японского народа, его свободу и национальную независимость. Жестокое преследование и тяжелая борьба в условиях глубочайшего подполья закалили японских коммунистов и выработали из них волевых борцов за интересы народа.

Член Президиума ЦК КПЯ Хакамада Сатоми отмечает, что со времени своего создания и до окончания второй мировой войны «наша партия., опираясь на марксизм-ленинизм в качестве своей руководящей теории, вела борьбу за пролетарский интернационализм, за освобождение трудящихся масс, прежде всего рабочего класса и крестьян, за свержение императорской власти, против империалистической войны»².

Коммунистическая партия Японии, писал Хакамада накануне открытия XXII съезда КПСС, в годы войны «не склоняла головы перед жесточайшим террором военно-фашистского режима. Она решительно отстаивала чистоту своих рядов и незыблемость своих принципов от всякого рода левых и правых предателей дела рабочего класса»³.

Героическая борьба коммунистов, и в особенности их антивоенная деятельность, явилась известной преградой⁴ для правящих кругов Японии, стремившихся в годы второй мировой войны поработить азиатские народы и готовившихся развязать войну против Советского Союза. Несмотря на то что антивоенное движение в Японии, как и в других странах, не превратилось в общенациональное, антивоенная деятельность японских коммунистов на фронте и в тылу в известной мере сковывала правящие

¹ «Цзэфан жибао», 29 мая 1945 г.

² Хакамада Сатоми, Нихон кёсанто-но сандзю кюнэн-но тосо то дайхаккай то дайкай (39 лет борьбы Коммунистической партии и 8-й съезд партии), «Акахата», 15 июля 1961 г.

³ Хакамада Сатоми, Путь к великой победе человечества, «Известия», 11 октября 1961 г.

⁴ А. Рот пишет, что забастовки, саботаж и другие формы борьбы народных масс оказали известное влияние на поражение Японии (А. Roth, Dilemma in Japan, p. 194).

классы Японии в их войне против китайского народа. Японские империалисты оказались вынужденными считаться не только с непрочностью своего тыла, но и с антивоенным движением в японской оккупационной армии, которое развертывалось при активном участии коммунистов Японии. Боевой контакт японских коммунистов с антияпонской борьбой китайского и корейского народов на базе интернационализма превращал их деятельность в важное средство борьбы против войны, реакции и голода.

За время войны 1937—1945 гг. значительно выросло классовое самосознание японских трудящихся. Они «приобрели опыт и накопили силы для своего грядущего освобождения. Эти силы единым порывом вырвались наружу после поражения Японии»¹.

* *
*

Таковы наиболее распространенные фальсификации основных вопросов истории войны на Дальнем Востоке. Главная их цель заключается в том, чтобы, искажая историю минувшей войны, обосновать монопольное право американских империалистов на вмешательство во внутренние дела Японии и других стран Восточной, Юго-Восточной Азии и Тихоокеанского бассейна, укрепить экономические и политические позиции американских монополий, обеспечить осуществление их агрессивных планов. Их цель заключается также в том, чтобы оправдать проведение правящими кругами Японии антинародной проамериканской политики, создать условия для широкой идеологической кампании против вымышленной «коммунистической угрозы» странам «свободного мира», сохранить напряженность на Дальнем Востоке, чреватую возникновением нового очага войны, обосновать «необходимость» нового «договора безопасности» для укрепления американо-японского военного союза и вовлечь Японию в новые агрессивные блоки.

¹ Хаттори Сисо (ред.), Моногатари Нихон-но родо ундо (Очерки рабочего движения в Японии), Токио, 1953, стр. 150.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В годы минувшей войны наиболее отчетливо проявился хищнический характер японского империализма. Правящие круги Японии намеревались поработить огромный Китай, захватить тихоокеанские владения США и Англии и осуществить агрессивную войну против Советского Союза с целью захвата его дальневосточных территорий. Японские монополисты пытались насильственным путем поделить колонии и сферы влияния. Они ставили целью добиться коренного изменения в соотношении сил на Дальнем Востоке и на Тихом океане в свою пользу.

Несмотря на длительную и всестороннюю подготовку Японии к новой войне за передел колоний и сфер влияния, на мобилизацию всех материальных и людских ресурсов в годы войны, на географическое удобство захвата соседних стран и преимущества инициативы военного нападения, японские империалисты в период второй мировой войны потерпели поражение, небывалое за всю историю страны. Их претензии на господство в районе Дальнего Востока и Тихого океана оказались развеянными в прах.

В итоге второй мировой войны перестала существовать японская колониальная империя: более 3,1 млн. кв. миль территории, захваченной Японией с 70-х годов XIX в., были ею потеряны¹, и она вернулась к границам

¹ *D. H. James, The Rise and Fall of the Japanese Empire*, p. 397 (в подсчеты автора не включены острова южной части Тихого и Индийского океанов).

периода незавершенной буржуазной революции 1867—1868 гг. До основания был разрушен миф о «непобедимости» японских вооруженных сил. Япония потерпела жестокое военное поражение. Ее вооруженные силы потеряли в 1937—1945 гг. 5 млн. убитыми, ранеными и пропавшими без вести¹. За время военных действий на Тихоокеанском театре Япония лишилась 336 военных кораблей, в том числе 12 линейных, 20 авианосцев, 5 эскортных авианосцев, 36 тяжелых и легких крейсеров, 133 эскадренных миноносцев и 130 подводных лодок², а вместе с судами береговой обороны и другими малыми кораблями — 685 единиц³; из 2¹/₄ млн. т водоизмещения, которыми располагал военный флот Японии к началу военных действий на Тихом океане, в августе 1945 г. осталось менее 200 тыс. т⁴; военно-воздушный флот лишился 52 109 самолетов⁵.

Огромные потери понес и торговый флот Японии. В течение 1941—1945 гг. было потоплено торговых судов общим водоизмещением около 8,4 млн. т (85% состава торгового флота Японии)⁶.

В итоге войны национальному богатству Японии был нанесен огромный ущерб, оцениваемый в 64,3 млрд. иен, — свыше 25% национального достояния страны⁷. За время войны в Китае и на Тихоокеанском театре правительство

¹ См. «Тайхэйё сэнсоси», т. IV, стр. 238. В японских и европейских источниках данные о потерях Японии во второй мировой войне значительно расходятся.

² Составлено на основании: «Тайхэйё сэнсоси», т. IV, стр. 240; *Хаттори Такусиро*, Дайгоа сэно дзэнси, т. 8, стр. 236; *Р. Шеррод* и *Накано Горо*, Тайхэйё сэно, т. 2, стр. 219; *М. Хасимото*, Потопленные. Японский подводный флот в войне 1941—1945 гг., стр. 212—217; *E. J. King*, United States Navy at War. Final Official Report to the Secretary of the Navy, «United States Naval Institute Proceedings» № 1, 1946, p. 178—187; *Okumiya Masatake* and *Horikoshi Jiro*, Zero! The Story of the Navy Air Force 1937—1945, London, 1957, p. 138—139; *V. J. Müller*, Major Fleet Units Lost during World War II, «United States Naval Institute Proceedings» № 1, 1960, p. 97—101.

³ См. «Сирё Нихонси», т. 2, стр. 238.

⁴ *R. Storry*, A History of Modern Japan, p. 228.

⁵ *D. H. James*, The Rise and Fall of the Japanese Empire, p. 322. По другим данным — 50 609 самолетов («Сирё Нихонси», т. 2, стр. 238).

⁶ См. *Такаги Сокути*, Тайхэйё кайсэнси, стр. 176.

⁷ См. «Кэйдзай ёран» (Экономический обзор. Статистический справочник), Токио, 1958, стр. 17; «The Trend of Japanese Economy in the Past Ten Years», Tokyo, 1955, p. 14.

израсходовало более 270 млрд. иен¹; к концу войны находилось в обращении бумажных денег на сумму 42,3 млрд. иен — в шесть раз больше, чем в конце 1941 г.²

В результате воздушных бомбардировок 119 городов Японии было разрушено 3,1 млн. домов ($\frac{1}{4}$ жилого фонда) и осталось без крова 8,8 млн. человек³.

Экономическая и финансовая политика японских монополистов в годы минувшей войны вызвала усиление эксплуатации рабочего класса, дальнейший рост его абсолютного и относительного обнищания, ограбление монополистами трудящихся города и деревни, резкое сокращение их платежеспособности. Увеличение продолжительности рабочего дня, усиление интенсификации труда, частые трудовые мобилизации⁴, ухудшение жилищных условий, нехватка предметов первой необходимости, а также усиление репрессий против революционного движения в Японии — все это создавало условия военно-каторжного режима для трудящихся⁵.

Приведенные данные о потерях, материальном ущербе, стоимости войны и положении трудящихся свидетельствуют о тяжелых последствиях политики войны и агрессии, которую проводили правящие классы Японии, для всей нации, в особенности для народных масс.

В годы войны 1937—1945 гг. потерпела крах авантюристическая военная доктрина японских империалистов — стратегия «молниеносной войны». Недооценка сил китайской демократии, возглавлявшихся коммунистической партией, и переоценка временных преимуществ

¹ См. Г. И. Болдырев, *Финансы Японии*, М., 1946, стр. 253, 255. К. К. Kurihara, *Post-War Inflation and Fiscal-Monetary Policy in Japan*, «The American Economic Review», December 1946, p. 844.

² «Japan's Road Back. The Hardless: Starvation and Inflation, Reparations and Reform», «Fortune» № 3, 1946, p. 129.

³ См. Симомура Кайнан (*Хироси*), Сюэнки, стр. 18—19; «USSBS, The Effects of Air Attack on Japanese Urban Economy», Washington, 1947, p. 7.

⁴ С 1937 г. и до конца войны в Японии было мобилизовано в порядке трудовой повинности около 6,6 млн. мужчин и женщины (см. Дж. Б. Коен, *Военная экономика Японии*, стр. 291).

⁵ Прогрессивные японские историки пишут, что период войны 1941—1945 гг. характеризовался принудительным, каторжным трудом рабочих, находившихся на грани голодной смерти (см. «Родо ундоси кэнкюкай, родося кёнку кёкай» (сост.), Нихон родо ундо-но рёкиси (*История рабочего движения в Японии*), Токио, 1960, стр. 214—215).

японских вооруженных сил в начальной стадии военных действий в Китае и на Тихом океане поставили Японию перед неизбежной перспективой изнурительной войны. Они переоценили силы своего военно-морского флота и авиации, в частности значение нападения на Пёрл-Харбор для исхода войны против США и Англии. Несмотря на значительные успехи японских вооруженных сил в первые месяцы военных действий на Тихоокеанском театре и срочные меры, предпринятые правящими кругами Японии внутри страны и на оккупированных территориях с целью достижения «блицкрига», уже весной 1942 г. наступило равновесие сил воюющих сторон, а с конца 1942 — начала 1943 г. американско-английские войска перешли в контрнаступление. Героическая борьба Советских Вооруженных Сил против гитлеровской Германии явилась *главным фактором*, позволившим США и Англии развернуть свой военно-промышленный потенциал, мобилизовать необходимые материальные и людские ресурсы для войны против Японии и нанести ряд серьезных поражений ее вооруженным силам.

Порочность военной стратегии находилась во взаимосвязи с авантюризмом внешнеполитической стратегии и целями японских империалистов, с коварными методами и приемами агрессивной японской дипломатии. Военные цели Японии находились в непримиримом противоречии с реальным соотношением сил на международной арене, в частности двух противостоявших друг другу военно-политических коалиций. В годы войны потерпела банкротство их прогерманская ориентация, их слепая вера в возможность осуществления немецко-фашистской армией «молниеносной войны» против СССР, в возможность построения совместно с Германией и Италией «нового порядка» в Европе и на Дальнем Востоке и в конечном счете — установления мирового господства. Решающим фактором, ускорившим крушение прогерманской внешнеполитической стратегии Японии, явились победы Советских Вооруженных Сил над немецко-фашистскими войсками, увенчавшиеся капитуляцией Германии и окончанием войны на Европейском театре. В итоге империалистическая Япония оказалась окончательно изолированной на международной арене.

Полностью потерпел провал и антисоветский внешнеполитический курс правящих кругов Японии, тесно свя-

занный с их прогерманской ориентацией. В основе его лежали *общность и единство агрессивных внешнеполитических целей Японии и Германии*, в первую очередь антисоветских. Своей главной целью японские империалисты считали войну против СССР для захвата его дальневосточных территорий. Они систематически проводили в отношении нашей страны враждебную политику, грубо нарушая советско-японский пакт о нейтралитете. Они нанесли большой урон Советскому Союзу, значительно осложнив его борьбу против гитлеровской Германии и способствуя затягиванию Отечественной войны. Естественным следствием враждебной антисоветской политики Японии явилась денонсация Советским Союзом пакта о нейтралитете, а затем вступление его в войну против Японии.

Порочность военной и внешнеполитической стратегии Японии нашла также выражение в дипломатическом маневрировании, в попытках ее влиятельных государственных и политических деятелей оппозиционных группировок добиться «почетного» компромиссного мира с США и Англией в целях спасения японской колониальной империи, сохранения монархии и буржуазно-помещичьего строя.

Закулисная деятельность сторонников прекращения войны на приемлемых для Японии условиях, особенно характерная для 1943—1945 гг., дипломатическое маневрирование правительства, острые столкновения основных политических группировок по вопросам войны и мира — все это отражало *глубокий военно-политический кризис*, в частности *острейший кризис внешнеполитической стратегии правящих кругов Японии*.

Несмотря на крупные потери Японии, очевидный крах ее военной и внешнеполитической стратегии и авантюризм ее политических целей, японские вооруженные силы продолжали упорное сопротивление. Хотя Соединенные Штаты причинили Японии значительный урон действиями своего военно-морского флота и авиации, в особенности в последний период военных действий на Тихоокеанском театре, они не смогли нанести Японии окончательного поражения и заставить ее капитулировать, так как нужно было нанести решающее поражение сухопутной армии. Эту задачу успешно решили Советские Вооруженные Силы, разгромившие Квантунскую армию и

лишившие Японию маньчжуро-корейского военно-промышленного плацдарма. Таким образом, вступление Советского Союза в войну против Японии решающим образом повлияло на победоносный исход войны на Дальнем Востоке.

В исторической победе над японским империализмом большую роль сыграл народ Китая. Героизм и самоотверженность китайского народа и его национально-освободительной армии облегчили ликвидацию японской агрессии. Затяжная антияпонская освободительная война, развернувшаяся под руководством Коммунистической партии Китая, сковала значительные силы японской армии и в значительной степени ослабила военную и экономическую мощь Японии. Тем самым китайский народ приблизил капитуляцию Японии. Антияпонская национально-освободительная борьба народов оккупированных Японией стран Южных морей также содействовала завершению войны на Дальнем Востоке.

Историческое значение победы над Японией определяется ее крупнейшими военно-политическими результатами. Оно заключается в ликвидации последнего дальневосточного очага второй мировой войны, в обеспечении безопасности границ СССР на Дальнем Востоке.

Империалистическая Япония перестала быть колониальной империей, она лишилась крупных капиталовложений, инвестированных в промышленность, банки, дороги и средства связи старых колоний и оккупированных стран¹.

Военный разгром японских империалистов, знаменовавший завершение второй мировой войны и наступление всеобщего мира, имел большое международное значение, далеко выходящее за пределы Дальнего Востока. Он явился сильным ударом по всей системе мирового империализма, значительно подорвавшим позиции международной реакции, лишившейся своего антисоветского и антикитайского передового отряда в этом районе земного шара.

¹ Капиталовложения Японии в Корею, на Тайване и в Маньчжурии оценивались в 19 млрд. довоенных иен, из которых 11 млрд. иен было инвестировано в Маньчжурию, 6,5 млрд. иен — в Корею и 1,5 млрд. иен — на Тайване («Japan's Road Back. The Hardless: Starvation and Inflation, Reparations and Reform», «Fortune» No. 3, 1946, p. 131).

Поражение Японии привело к решительному ослаблению империалистического колониального господства: оно содействовало распаду системы колониализма и окончательному крушению господства империалистических держав в колониальных и зависимых странах, в первую очередь в Азии. Оно создало благоприятные предпосылки для могучего подъема национально-освободительного движения народов Юго-Восточной Азии, для победы народной революции в Китае и образования народно-демократических государств в Северной Корее и Северном Вьетнаме.

«Социалистические революции в странах Европы и Азии, — говорится в Программе Коммунистической партии Советского Союза, — нанесли новый мощный удар по позициям империализма. Особенно большое значение имела победа революции в Китае. Революции в странах Европы и Азии — самое крупное событие мировой истории после Октября 1917 года»¹.

Окончание войны на Дальнем Востоке создало благоприятные условия для небывалого подъема демократического движения в Японии, выражением которого являлись: рост количества трудовых конфликтов и их участников (1947 г. — 1035 конфликтов и 4,4 млн. участников, 1948 г. — соответственно 1517 и 6,7 млн. участников²), резкое увеличение числа профсоюзов и их членов (1947 г. — 23 323 профсоюза и около 5,7 млн. членов, 1948 г. — 33 926 профсоюзов и около 6,7 млн. членов³), проведение массовых митингов и демонстраций трудящихся с требованием свержения реакционного правительства, успех Коммунистической партии Японии на парламентских выборах 1946 и 1947 гг., рост численности ее рядов и усиление ее влияния среди трудящихся.

После окончания второй мировой войны Япония подверглась односторонней оккупации Соединенными Штатами. На первом ее этапе (сентябрь 1945—1949 г.)

¹ «Программа Коммунистической партии Советского Союза», М., 1961, стр. 19.

² См. «Нихон родо энкан 1958» (Ежегодник по труду в Японии), Токно, 1957, стр. 289.

³ См. там же, стр. 241; *Yamanaka Tokutarō and Kobayashi Yoshio, The History and Structure of Japan's Small and Medium Industries — with the Specific Surveys, March 1957, Tokyo, p. 56.*

американские империалисты, продолжая рассматривать Японию как своего вчерашнего противника, предприняли ряд мер, чтобы разоружить и ослабить военную и экономическую мощь своего соперника и конкурента на мировом капиталистическом рынке, в частности в странах Восточной и Юго-Восточной Азии и Тихоокеанского бассейна. Установив прямой военно-оккупационный режим, они вместе с тем стремились спасти прогнивший социально-экономический строй Японии, сохранить власть в руках монополий и не допустить перехода страны на демократический путь развития. Свою главную ставку в проведении агрессивной политики на Дальнем Востоке на начальном этапе оккупации Японии американские империалисты делали на чанкайшистскую клику, рассчитывая с ее помощью объединить Китай на реакционной основе и подчинить его интересам американских монополий.

Широкое развитие борьбы прогрессивных сил за демократизацию Японии, происходившее в условиях подъема мирового демократического движения, заставило американских империалистов на первом этапе оккупации Японии согласиться на проведение ряда реформ (издание конституции 1947 г., введение нового трудового законодательства, проведение аграрной реформы, издание «антимонополистических» законов). Хотя эти реформы отличались непоследовательностью, они все же привели к важным переменам в сфере гражданских прав и социального законодательства, к серьезным изменениям классовых отношений в японской деревне.

На втором этапе американской оккупации (октябрь 1949 — сентябрь 1951 г.) США перешли к открытому возрождению военной и экономической мощи Японии под своим контролем. Переход этот был обусловлен крахом расчетов американских империалистов на превращение Китая в важнейший континентальный плацдарм для развертывания экспансии на Дальнем Востоке. Отныне главная ставка в проведении планов агрессии в этом районе земного шара, в проведении здесь «нового курса» американской политики делается уже не на чанкайшистскую клику, поскольку в Китае победила народная революция, а на Японию.

Вопреки Потсдамской декларации и решениям Союзного совета для Японии и Дальневосточной комиссии,

предусматривающим демилитаризацию и демократизацию Японии, американские империалисты стали на путь открытого перевооружения Японии, на путь превращения ее в главный военно-стратегический плацдарм США на Дальнем Востоке. Одновременно японская реакция при непосредственном участии и поддержке США перешла в наступление на демократические права народа, завоеванные в 1946—1949 гг., и усилила репрессии против КПЯ, которая оказалась вынужденной перейти на полулегальное положение летом 1950 г.

8 сентября 1951 г. США подписали в Сан-Франциско сепаратный мирный договор с Японией. Тем самым, как указывает Н. С. Хрущев, США «не посчитались с нами, хотя мы были их союзниками в войне против Японии»¹ и разгромили основное ядро японских вооруженных сил — Квантунскую армию, «хотя мы имели определенные права и обязательства, которые вытекали из факта капитуляции Японии и были оговорены в соответствующих соглашениях...»²

С момента подписания договора в Сан-Франциско начинается третий этап послевоенного развития Японии, характеризующийся значительным расширением ее самостоятельности в рамках японо-американского союза. Этот союз закреплялся неравноправными японо-американскими «договором безопасности» и «административным соглашением», заключенными в 1951—1954 гг. Хотя Сан-Францисский договор вернул Японии значительную часть ее суверенитета, полностью суверенитет Японии восстановлен не был, в стране сохранились остатки оккупации. Япония остается зависимой от американского империализма страной.

Вопреки воле японского народа американские империалисты форсируют ремилитаризацию Японии, превращают ее территорию в ракетно-атомный плацдарм, в передовую базу для агрессии против СССР, КНР, КНДР, ДРВ и национально-освободительного движения в

¹ Н. С. Хрущев, Речь на собрании представителей общественности Москвы в связи с 20-летием начала Великой Отечественной войны, «Правда», 22 июня 1961 г.

² Ответ Н. С. Хрущева на вопрос американского журналиста Дрю Пирсона, «Известия», 29 августа 1961 г.; см. также Заявление Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева на пресс-конференции в Париже 18 мая 1960 г., «Правда», 19 мая 1960 г.

странах Юго-Восточной Азии и Тихоокеанского бассейна. Отражением этой опасной политики, имеющей целью создание нового очага войны на Дальнем Востоке, явились переговоры о пересмотре японо-американского «договора безопасности» (сентябрь 1958 — январь 1960 г.). Эти переговоры завершились заключением нового договора¹, закрепляющего зависимость Японии от США и усиливающего опасность возникновения новых военных авантур на Дальнем Востоке.

«На Дальнем Востоке американские монополии возрождают находящийся в определенной зависимости от них японский милитаризм — другой опасный очаг войны, угрожающий народам Азии, в первую очередь социалистическим государствам»².

Агрессивная политика американо-японской реакции в Японии вызывает законное беспокойство Советского Союза. В ряде нот и памятных записок, направленных правительству Японии в течение 1958—1960 гг., содержатся предостережения по поводу агрессивных действий США, создающих угрозу миру на Дальнем Востоке и существованию японского государства. В дипломатической переписке с правительством Японии Н. С. Хрущев неоднократно отмечал, что действительное обеспечение ее безопасности и независимости возможно лишь при условии следования принципам мирного сосуществования и проведения ею политики нейтралитета³. Советское правительство неоднократно указывало на важность создания на Дальнем Востоке и во всем Тихоокеанском бассейне зоны мира и в первую очередь зоны, свободной от атомного оружия, а также выражало готовность заключить двусторонние пакты о дружбе и нейтралитете со всеми странами Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, равно как и с другими странами мира⁴.

Советский Союз искренне стремится урегулировать отношения с Японией, расчистить путь к дружественным, подлинно добрососедским отношениям в интересах

¹ Текст нового «договора безопасности» см. «Акахата», 12 января 1960 г.

² «Программа Коммунистической партии Советского Союза», стр. 32.

³ См. «Правда», 5 мая и 3 декабря 1959 г.

⁴ Ответы Н. С. Хрущева на вопросы Р. Хонда. *Н. С. Хрущев, Мир без оружия — мир без войн*, т. I, М., 1960, стр. 247, 249.

как советского, так и японского народов, поскольку их объединяет общее стремление к миру и ненависть к войне. «Советский Союз, — говорил Н. С. Хрущев на XXII съезде КПСС, — приложил немало усилий к тому, чтобы улучшить свои отношения с Японией. Однако правительство этой страны, связанное неравноправным военным договором с США, все еще не хочет ликвидировать остатки второй мировой войны. Отсутствие советско-японского мирного договора существенно затрудняет развитие сотрудничества между нашими странами»¹.

Миролюбивые предложения Советского правительства, поддержанные правительством Китайской Народной Республики, наталкиваются на заговор реакционных сил, стремящихся любыми средствами опорочить эти предложения и не допустить осуществления их. Японское правительство заявляет, что предложения правительства СССР якобы означают «вмешательство во внутренние дела Японии» и будто бы создают для нее «опасность ядерной агрессии» и «угрозу коммунистической агрессии»². Такой аргументацией противники политики мирного сосуществования пытаются оправдать перевооружение Японии, в частности заключение нового японо-американского «договора безопасности», и обосновать сохранение агрессивного военного союза с США.

Японский народ реально оценивает опасности, таящиеся в политике ремилитаризации Японии и вовлечения ее в новые военные союзы и конфликты. Он не забыл печальных уроков и пагубных для судеб своей страны последствий внешней политики Японии кануна и периода второй мировой войны, приведшей страну к катастрофе. Поэтому вполне закономерно нарастание сопротивления народных патриотических сил, возглавляемых рабочим классом и его авангардом — коммунистической партией, усиление стачечной борьбы рабочих и служащих, а также борьбы крестьян, все расширяющееся

¹ Н. С. Хрущев, Отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXII съезду партии 17 октября 1961 года, стр. 45—46.

² Камияма Сигэо, Тюрицу-ва докуруцу-э-но мити дэ ару (Нейтралитет — путь к независимости), «Дзэнэй» № 2, 1959, стр. 9; Токи Цуёси, Проблема нейтралитета и борьба политических сил Японии, «Проблемы востоковедения» № 6, 1959 г., стр. 12, 19.

движение сторонников мира за независимую, миролюбивую, демократическую Японию, за прочный мир и международную безопасность. В ожесточенных схватках силы мира заставляют отступать силы реакции. В результате массовых народных выступлений правительство отказалось от введения законопроекта о расширении полномочий полиции и нового избирательного закона, оно оказалось бессильным добиться пересмотра конституции 1947 г. Большой размах приняло всенародное движение за запрещение атомного и водородного оружия: 35 млн. японцев подписались под требованием запретить его применение.

Ярким выражением борьбы патриотических сил за освобождение Японии от иностранной зависимости, за подлинный суверенитет родины является народное движение против пересмотра и ратификации японо-американского «договора безопасности», принявшее широкий размах в течение 1959 — первой половины 1960 г. В этот период в Японии развернулись массовые демонстрации протеста. Только в июне 1960 г. произошло три общенациональные политические забастовки, во время которых 17,4 млн. участников потребовали ликвидации «договора безопасности» и отставки кабинета Киси.

Небывалый подъем политической активности всех слоев японского населения во главе с рабочим классом, их организованность и сплочение отразили возросшую роль народа в политической жизни страны и в международных отношениях и явились закономерным следствием непрерывно крепнущего движения за мир и демократию, за независимость родины.

В итоге массовых выступлений народа против «договора безопасности» и за отставку правительства Киси в Японии наступил острый внутривнутриполитический кризис. Реакционные силы не смогли сдержать сильного напора масс: правительство Киси аннулировало (6 июня) приглашение Эйзенхауэра в Японию и затем (15 июля) оказалось вынужденным уйти в отставку.

Борьба японского народа, отвергающего антинародную внутреннюю политику и проамериканский внешнеполитический курс нового правительства Икэда, отныне перешла в новый этап. Его существо заключается в переходе от борьбы против пересмотра японо-американского «договора безопасности» к борьбе за ликвидацию

самого договора и, следовательно, военного союза с США.

Коммунистическая партия Японии, направляющая борьбу народных масс, призывает самоотверженно бороться за действительную независимость и нейтралитет страны, за мир в Азии и во всем мире, за демократию и повышение жизненного уровня народа, за самостоятельное мирное развитие экономики и социальный прогресс, за демократическое развитие культуры и просвещения¹.

Справедливая борьба трудящихся Японии является составной частью движения народов в защиту мира, которое представляет собою мощный фактор предотвращения войн в современную эпоху, прочную гарантию обеспечения мира на Дальнем Востоке и во всем мире.

¹ См. *Носака Сандзо*, Тью инкай-но сэйдзи хококу. Дайхаккай то дайкай (Политический отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Японии. 8-й съезд партии), «Акахата», 27 июля 1961 г.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Произведения основоположников марксизма-ленинизма

- Маркс К. и Энгельс Ф.* Учредительный манифест международного товарищества рабочих. Соч. Т. XIII. Часть 1, стр. 1—13.
- Маркс К. и Энгельс Ф.* К истории «Союза коммунистов». Соч. Т. XVI. Часть 1, стр. 208—226.
- Ленин В. И.* Социализм и война (Отношение РСДРП к войне). Полн. собр. соч. Т. 26, стр. 307—350.
- Ленин В. И.* Империализм, как высшая стадия капитализма. Соч. Т. 22, стр. 173—290.
- Ленин В. И.* Империализм и раскол социализма. Полн. собр. соч. Т. 30, стр. 163—179.
- Ленин В. И.* Война и революция. Лекция 14 (27) мая 1917 г. Соч. Т. 24, стр. 362—365.
- Ленин В. И.* I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Речь о войне 9 (22) июня (1917 г.). Соч. Т. 25, стр. 15—28.
- Ленин В. И.* Доклад о внешней политике на Объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета 14 мая 1918 г. Соч. Т. 27, стр. 329—345.
- Ленин В. И.* Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г. Соч. Т. 30, стр. 130—141.
- Ленин В. И.* Речь на торжественном заседании Московского Совета, посвященном годовщине III Интернационала, 6 марта 1920 г. Соч. Т. 30, стр. 391—398.
- Ленин В. И.* Речь на собрании секретарей ячеек московской организации РКП(б) 26 ноября 1920 г. Газетный отчет. Соч. Т. 31, стр. 403—405.
- Ленин В. И.* Заметки по вопросу о задачах нашей делегации в Гааге. Соч. Т. 33, стр. 409—413.
- Ленин В. И.* Тетради по империализму. М, 1939.
- Ленин В. И.* Беседа с японским корреспондентом Фусэ Кацудзи, представителем газет «Осака Майнити» и «Токно нити-нити» 4 июня 1920 г. Сб. «Ленин и Восток». М, 1925.

**II. Доклады и речи руководителей КПСС
и Советского правительства, решения съездов
и Программа КПСС**

- Куусинен О. В.* Фашизм, опасность войны и задачи Коммунистических партий. М. 1934.
- Материалы внеочередного XXI съезда КПСС. М. 1959.
- Программа Коммунистической партии Советского Союза. М. 1961.
- Хрущев Н. С.* Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XX съезду партии. М. 1956.
- Хрущев Н. С.* Беседа с главным редактором японской газеты «Асахи-симбун» Томоо Хироока. Сб. «За прочный мир и мирное сосуществование». М. 1958.
- Хрущев Н. С.* Ответы на вопросы Р. Хонда. Сб. «Мир без оружия — мир без войн». Т. 1. М. 1960, стр. 243—249.
- Хрущев Н. С.* Мир без оружия — мир без войн. Т. 1—2. М. 1960.
- Хрущев Н. С.* Речь на собрании представителей общественности Москвы в связи с 20-летием начала Великой Отечественной войны. «Правда», 22 июня 1961 г.
- Хрущев Н. С.* Отчет Центрального Комитета КПСС XXII съезду Коммунистической партии Советского Союза 17 октября 1961 года. М. 1961.
- Хрущев Н. С.* О программе Коммунистической партии Советского Союза. Доклад на XXII съезде Коммунистической партии Советского Союза. «Правда», 19 октября 1961 г.

**III. Доклады, речи, статьи руководителей и программные
документы зарубежных коммунистических партий**

- Айдит Д. Н.* Краткая история Коммунистической партии Индонезии. М. 1956.
- Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий. М. 1957.
- Документы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий. М. 1960.
- Миямото К.* О программной части проекта Хартии Коммунистической партии Японии. Сб. «VII съезд Коммунистической партии Японии». М. 1959, стр. 165—349.
- Миямото К.* Выступление на внеочередном XXI съезде КПСС. «Правда», 2 февраля 1959 г.
- Носака С.* Политический отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Японии VII съезду партии. Сб. «VII съезд Коммунистической партии Японии». М. 1959, стр. 6—149.
- Носака С.* Выступление на XXII съезде КПСС. «Правда», 24 октября 1961 г.
- Сига Е.* Об итогах Московского совещания представителей коммунистических и рабочих партий. Сб. «VII съезд Коммунистической партии Японии». М. 1959, стр. 150—162.
- Токуда К.* На чем основывается новая программа компартии Японии. «За прочный мир, за народную демократию!», 15 февраля 1952 г.
- Торез М.* Избранные произведения. Т. 1 (1930—1944 гг.). М. 1959.

- Фостер У. З.* История трех интернационалов. М. 1959.
Хакамада С. Путь к великой победе человечества. «Известия», 11 октября 1961 г.
Хакамада С. Тридцать девять лет борьбы Коммунистической партии Японии. «Правда», 14 июля 1961 г.

* *
*

- Касуга С. (Сёити)* Родо кумиаи кова (Лекции о профсоюзах). Токио. 1948.
Миямото К. Тюо нинкай-но корё какуан хококу (Доклад о проекте программы Центрального Комитета Коммунистической партии Японии). «Акахата», 28 июля 1961 г.
Нихон кёсанто корё (Программа Коммунистической партии Японии). «Акахата», 6 августа 1961 г.
Нихон кёсанто. Тосэй коё бункэн. Нихон кёсанто сорицу сандзю сюэнэн кинэн (Коммунистическая партия Японии. Сборник материалов о повышении партийности в рядах КПЯ. К 30-летней годовщине КПЯ). Токио. 1952.
Носака С. Минсю-тэки Нихон-но кэнсэцу (Строительство демократической Японии). Кирю (преф. Гумма). 1946.
Носака С. Тюо нинкай-но сэйдзи хококу. Дайхаккай то дайкай (Политический отчет Центрального Комитета Коммунистической партии Японии. 8-й съезд партии). «Акахата», 27 июля 1961 г.
Носака Сандзо сэнсю сэнгохэн (Послевоенные избранные произведения Носака Сандзо, январь 1946 г. — февраль 1961 г.). Токио. 1961.
Сига Е. Коккарон (Теория государства). Токио. 1949.
Токуда К. Вага оmoidэ (Мои воспоминания). Токио. 1949.
Токуда К. Коккай эндзэцусю (Сборник речей в парламенте). Т. 1. Токио. 1949.
Токуда К. и Сига Е. Гокютю дзюхатинэн (18 лет в тюрьме). Токио. 1946.
Хакамада С. Нихон кёсанто-но сандзюкюнэн-но тосо то дайхаккай то дайкай (39 лет борьбы Коммунистической партии Японии и 8-й съезд партии). «Акахата», 15 июля 1961 г.

* *
*

- Okano S.* The Construction of a Democratic Japan. Yenan. Shanshi. China. VIII. 1945.
Pollit H. How to Win the Peace. London. 1944.
Viet-Nam's Fight Against Fascism (1940—1945). Viet-Nam Delegation in France. Information Service. Paris. 1948.

IV. Публикация официальных документов (договоров, дипломатической переписки, заявлений, нот, отчетов, законов)

- Внешняя политика Советского Союза. Документы и материалы. 1945, 1950 гг. М. 1949, 1953.

- Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 1—3. М. 1946—1947.
- Документы о планах японских милитаристов в войне на Дальнем Востоке и на Тихом океане. «Военно-исторический журнал» № 7. 1961 г.
- Кампании войны на Тихом океане. Материалы комиссии по изучению стратегических бомбардировок авиации Соединенных Штатов. М. 1956.
- Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М. 1950.
- Материалы судебного процесса по делу руководителей антисоветских белогвардейских организаций, агентов японской разведки атамана Семенова, Родзаевского и др. «Правда», 29 августа 1946 г.
- Nota правительства СССР правительству США о мирном договоре с Японией. «Правда», 11 июня 1951 г.
- Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. I—II. М. 1955.
- Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. МИД СССР. Выпуск XI (22 июня 1941 г. — 2 сентября 1945 г.). М. 1955.

* *
*

- Госётёкусю (Сборник императорских рескриптов). Токио. 1943.
- Дайтоа сэно токусю. Тэйкоку гикай-ёри дайситидзю сити мадэ такуму гидзи сёроку (Специальный выпуск по истории великой восточноазиатской войны. Подробный отчет о прениях по вопросам колоний с 77-й до 80-й сессии императорского парламента). Токио. 1942.
- Нихон сирё сюэй (Сборник материалов по истории Японии). Токио. 1956.
- Нихон мондай бункэнсю (Сборник документов по японскому вопросу). Токио. 1955.
- Рэнгококу сайко сирэйбу минкан дзёхо кёнку кёку. Синсо бако. Тайхэйё сэно-но сэйдзи, гайко, рикугун кусэн-но синсо (Верховное союзное командование. Правда о политике, дипломатии, сухопутных, морских и воздушных силах в войне на Тихом океане). Токио. 1946.
- Сирё-ни-ёру Нихон-но аюми (Материалы по истории Японии). Т. 4. Токио. 1957.
- Сирё Нихонси (Материалы по истории Японии). Т. 2. Токио. 1958.
- Сюсэнсироку. Гаймусё (Документы об окончании войны. МИД Японии). Токио. 1952.
- Тё Фумицура. Сэнсо сэкинин обоэгаки. Хайсэн хисси (Меморандум об ответственности за войну. Секретная история поражения в войне). Токио. 1946.
- Тодзё Хидэки сюсё эндзэцусю. Дайтоа сэно-ни тёкумэнситэ (Сборник речей премьер-министра Тодзё Хидэки. Перед лицом великой восточноазиатской войны). Токио. 1942.
- Токио сайбан ханкэцу. Кёкуто кокусай гундзи сайбансё ханкэцубун. Майнити симбунса (Приговор Токийского суда. Текст приговора Международного военного трибунала для Дальнего Востока). Токио. 1949.

Токио сайбан. Майнити симбун хо энкися данся (Токийский трибунал. Группа корреспондентов газеты «Майнити»). Т. 1—7. Токио. 1948—1949.

* *
*

- Axis in Defeat. A Collection of Documents on American Policy toward Germany and Japan. Department of State United States of America. Washington. 1946.
- Documents on American Foreign Relations. Vol. I—VIII. January 1938 — December 1946. Boston. 1939—1948.
- Documents on German Foreign Policy 1918—1945. From the Archives of the German Foreign Ministry. Series D (1937—1945), Vol. IV, VI, VIII, X. Washington. 1948—1957.
- Documents pour servir à L'Histoire de la Guerre 1939—1945. Conditions d'internement des français en Indo-Chine. Les crimes japonais après le 9 mars 1945. Saigon. 1949.
- Effects of the Atomic Bombs at Hiroshima and Nagasaki. Report of the British Mission to Japan. London. 1946.
- Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1938—1941. Vol. I, III, IV. The Far East. USA. Department of State. Washington. 1955—1956.
- Full Text of Report to President on Pearl Harbor Investigation. «Army and Navy Journal». January 31, 1942.
- General Marshall's Report, The Winning of the War in Europe and the Pacific. Biennial Report of the Chief of Staff of the United States Army 1943 to 1945 to the Secretary of War. Washington. 1946.
- Hearings Before the Joint Committee on the Investigation of the Pearl Harbor Attack, Congress of United States Seventy Ninth Congress. First Session. Parts 1—39. Washington. 1946.
- Instrument of Surrender of Japanese (Факсимиле документов о капитуляции Японии). Токио. 1945.
- King Ernst J.* United States Navy at War. Final Official Report to the Secretary of the Navy Covering the Period March 1, 1945 to October 1, 1945. «United States Naval Institute Proceedings» No. 1, 1946.
- Missions Accomplished. Interrogations of Japanese Industrial, Military and Civil Leaders of World War II. Prepared by Assistant Chief of Airstaff—Intelligence Headquarters Army Air Forces. U. S. Government Printing Office. Washington. 1946.
- Nazi Conspiracy and Aggression. Office of United States Chief Counsel for Prosecution of Axis Criminality. United States Government Printing Office. Vol. 1—8 and Supplements 1—2. Washington. 1946—1947.
- Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Japan: 1931—1941. Vol. 1—2. United States Government Printing Office. Washington. 1943.
- Parliamentary Debates (Hansard). Fifth Series — vol. 413. House of Commons Official Report. First Session of the Thirty Eighth Parliament. First volume of Session 1945—1946 Comprising Period from 1 August to 24 August, 1945. London. 1945.
- Pearl Harbor Report. «Army and Navy Journal» No. 48. July 27, 1946.
- Political Reorientation of Japan. September 1945 to September 1948. Report of Government Section Supreme Commander for the Allied Powers. Washington. 1948.

- Report of the Joint Committee on the Investigation of the Pearl Harbor Attack. 79-th Congress. 2-d Session. Document No. 224. Washington. 1946.
- Select Documents on Surrender and Control of Japan. Department of External Affairs. Wellington, 1947.
- Surrender of Italy, Germany and Japan World War II. Senate Document No. 93. 79-th Congress. 1-st Session. United States Government Printing Office. Washington. 1946.
- Trial of Japanese War Criminals. United States Government Printing Office. Washington. 1946.
- Trial of Major War Criminals Before the International Military Tribunal. 14 November 1945 — 1 October 1946. Vols. 1—42. Nürnberg. 1947—1949.
- United States Navy at War 1941—1945. Official Reports to the Secretary of the Navy by Fleet Admiral Ernst J. King. U. S. Navy Department. Washington. 1946.
- United States Strategic Bombing Survey (USSBS). The Effects of Air Attack on Japanese Urban Economy Summary Report. Urban Areas Division. Washington. March 1947.
- United States Strategic Bombing Survey (USSBS). The Effects of Atomic Bombs on Hiroshima and Nagasaki. United States Government Printing Office. Washington. 1946.
- United States Strategic Bombing Survey (USSBS). The Effects of Strategic Bombing on Japanese Morale. Morale Division. June 1947. Washington. 1947.
- United States Strategic Bombing Survey (USSBS). The Effects of Strategic Bombing on Japan's War Economy, Over-All Economic Effects Division. Washington. December 1946.
- United States Strategic Bombing Survey (USSBS). Japan's Struggle to End the War. Washington. 1946.
- United States Strategic Bombing Survey (USSBS). The Japanese War Production Industries. Washington. 1946.
- United States Strategic Bombing Survey (USSBS). The Japanese Wartime Standard of Living and Utilization of Manpower, Manpower, Food and Civilian Supplies Division. Washington. January 1947.
- United States Strategic Bombing Survey (USSBS). Summary Report (Pacific War). U. S. Government Printing Office, Washington. July 1, 1946.
- War Against Japan. United States Army in World War II. Office of the Chief of Military History. Department of the Army. Washington. 1952.
- War Reports of General Marshall, General Arnold, Admiral King. New York. 1950.

V. Мемуары, дневники, записки, письма

- Захариас Э. М.* Секретные миссии. Записки офицера разведки. М. 1959.
- Рузвельт Э.* Его глазами. Москва. 1947.
- Сукарно.* Индонезия обвиняет. Сборник статей и речей. М. 1956.
- Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. Т. 1—2. М. 1958.

* *
*

- Арита Х.* Хиранума найкаку кара сэнсо сюкэцу мадэ (От кабинета Хиранума до конца войны). Токио. 1948.
- Вакацуки Рэйдзи*ро дзидэн (Автобиография Вакацуки Рэйдзи). Токио. 1950.
- Икэда С.* Дзайкай кайко (Мемуары о финансовом мире). Токио. 1949.
- Конозэ Фумимаро* ко-но сюки. Усиварэси сэйдзи (Дневник князя Конозэ Фумимаро. Проигранная политика). Токио. 1946.
- Кидо* никки. Кёкуто кокусай гундзи сайбан кэнкюкай (Дневник Кидо. Исследовательское общество по вопросам международного военного трибунала для Дальнего Востока). Токио. 1947.
- Кидо* никкисё. Токио сайбан (Извлечения из дневника Кидо. Токийский процесс) в кн. Токио сайбан. Майнити симбун хо энкиса данся (Токийский трибунал. Группа корреспондентов газеты «Майнити»). Т. II. Токио. 1948.
- Курусу С.* Нитибэй гайко хива. Вага гайкоси (Секретные записи о японо-американской дипломатии. История нашей дипломатии). Токио. 1953.
- Мори С.* Сэмпу нидзюнэн (20 бурных лет). Т. 1. Токио. 1946.
- Номура К.* Бэйкоку-ни цукайснтэ нитибэй косё-но кайко (Воспоминания о японо-американских переговорах во время моей миссии в Америке). Токио. 1946.
- Окада К.* Кайкорoku (Записки о прошлом). Токио. 1950.
- Сигэмицу М.* Сёва-но доран (Потрясения периода Сёва). Т. 1—2. Токио. 1952.
- Симокура Х.* Сюсэнки (Записки об окончании войны). Токио. 1949.
- Танака Р.* Нихон гумбацу антоси (История тайной борьбы японской военщины). Токио. 1947.
- Того С.* Дзидай-но итимэн. Дайсэн гайко-но сюки (Облик эпохи. Дневник дипломатии великой войны), Токио. 1952.
- Угаки Кадзунари* никки (Дневник Угаки Кадзунари). Токио. 1954.
- Утида С.* Фуэцу годзюнэн (Бурные 50 лет). Токио. 1951.
- Фукаси Э.* Сумицун дзюёгидзи обоэгаки (Протоколы обсуждения важнейших вопросов в Тайном совете). Токио. 1949.
- Хатояма И.* Хатояма Итиро кайкорoku (Воспоминания Хатояма Итиро). Токио. 1957.
- Хигасикуни Н.* Ватакуси-но кироку (Мои воспоминания). Токио. 1947.

* *
*

- Ballantine J. M.* Mukden to Pearl Harbor. «Foreign Affairs». July 1949.
- Churchill W. S.* The Second World War. Vols. 1—6. London — Toronto — Melbourne — Sydney — Wellington. 1950—1954.
- Churchill W. S.* War Speeches. 3 Vols. London. 1951—1952.
- Ciano Diaries 1939—1943.* New York. 1946.
- Craigie R.* Behind the Japanese Mask. London. 1946.
- Deane J. R.* The Strange Alliance. New York. 1946.
- Decoux J.* A la barre de l'Indochine. Histoire de mon gouvernement général (1940—1945). Paris. 1949.
- Dirksen H.* von Moscow — Tokyo — London. Twenty Years of German Foreign Policy. Norman. 1952.
- Eichelberger R. L.* Our Jungle Road to Tokyo. New York. 1950.

- Forrestal Diaries*. Ed. by Walter Millis. New York. 1951.
- Fuehrer Conferences on Matters Dealing with the German Navy 1939—1945. «Brassey's Naval Annual 1948». Ed. by Thursday H. G. London — New York. 1948.
- Goebbels Diaries 1942—1943, Edited, translated and with an introduction by Louis P. Lochner. New York. 1948.
- Grew J. C.* Ten Years in Japan. New York. 1944.
- Grew J. C.* Turbulent Era. A Diplomatic Record of Forty Years 1904—1945. Vols. 1—2. Ed. by Walter Johnson. Boston. 1952.
- Hachiya M.* Hiroshima Diary. The Journal of a Japanese Physician. August 6 — September 30. 1945. North Carolina. 1955.
- Hanayama S.* The Way of Deliverance. Three Years with the Condemned Japanese War Criminals. New York. 1950.
- Hoover H.* Memoirs. Vols. 1—2. New York. 1952.
- Hull C.* Memoires. Vols. 1—2. New York. 1948.
- Kase T.* Journey to the «Missouri». A Japanese Diplomat's Story of How His Country Made War and Peace. New Haven. 1950.
- Kimmel H. E.* Admiral Kimmel's Story. Chicago. 1955.
- King E. T.* A Naval Record. London. 1953.
- Kodama Y.* I Was Defeated. Tokyo. 1951.
- Leahy W. D.* I Was There. The Personal Story of the Chief of Staff to Presidents Roosevelt and Truman based on His Notes and Diaries Made at the Time. London. 1950.
- MacArthur D.* Revitalizing a Nation. A Statement of Beliefs, Opinions and Policies Embodied in the Public Pronouncements of General of the Army Douglas MacArthur. New York. 1952.
- Moore F.* With Japanese Leaders. New York. 1944.
- Nomura K.* Stepping-Stones to War. «United States Naval Institute Proceedings» No. 9, 1951.
- Percival A.* The War in Malaya. London. 1949.
- Private Papers of Senator Vandenberg. Ed. by Arthur H. Vandenberg Jr. with the Collaboration of Joe Morris. London. 1953.
- Recto C.* Three Years of Enemy Occupation. Manila. 1946.
- Romulo C. P.* I Saw the Fall of the Philippines. New York. 1944.
- Roosevelt F. D.* FDR., His Personal Letters, (1905—1945). Vol. 1—2. New York, 1950.
- Roosevelt F. D.* The War Messages of Franklin D. Roosevelt. New York. 1943.
- Sakamaki K.* I Attacked Pearl Harbor. New York. 1949.
- Shigemitsu M.* Japan and Her Destiny. My Struggle for Peace. London. 1958.
- Stahmer H. C.* Japans Niederlage — Asien Sieg. Aufstieg eines Groebren Ostasien. Bielfeld. 1952.
- Stettinius E. R.* Roosevelt and the Russians. The Yalta Conference. London. 1950.
- Stimson H. L.* and *Bundy McGeorge*. On Active Service in Peace and War. New York. 1948.
- Taft R.* A Foreign Policy for Americans. New York. 1951.
- Theobald R. A.* The Final Secret of Pearl Harbor. The Washington Contribution to the Japanese Attack. New York. 1954.
- Togo S.* The Cause of Japan. New York. 1956.
- Tolischus O.* Through Japanese Eyes. New York. 1945.
- Truman H. S.* Memoirs. Vols. 1—2. London. 1955—1956.
- Wallace H. A.* Our Job in the Pacific. New York. 1944.

- Wedemeyr A. C.* Wedemeyer Reports. New York. 1958.
Weizsacker E. von. Erinnerungen. München. 1950.
Welles S. The Time for Decision. New York. 1944.
Weymonth A. Journal of the War Years (1939—1945) and one Year
 Latter. Vols. 1—2. Worcester. 1948.
Yokoi T. Thoughts on Japan's Naval Defeat, «United States Naval
 Institute Proceedings» No. 10. 1960.
Zacharias E. M. The Inside Story of Yalta. «United Nations World».
 January 1949.

VI. Справочные издания и статистические сборники

- Внешняя торговля капиталистических стран. Статистический справочник за 1945—1950 гг. в сравнении с довоенным периодом. М. 1952.
 Страны Тихого океана. Государственный институт «Советская энциклопедия». ОГИЗ РСФСР. 1942.
 Экономика капиталистических стран после второй мировой войны. Статистический сборник. М. 1959.

* *
 *

- Асахи кэйдзай нэнси 1945—1946 (Экономический ежегодник «Асахи»). Осака. 1947.
 Асахи нэнкан (Ежегодник «Асахи»). Токио. 1954.
 Дзидзи нэнкан (Ежегодник «Дзидзи») за 1949 и 1951 гг. Токио. 1949—1951.
 Майнити кэйдзай нэнси (Экономический ежегодник газеты «Майнити»). 1944 и 1945—1946 гг. Осака. 1945—1947.
 Нампо нэнкан (Ежегодник стран Южных морей) 1943. Токио. 1943.
 Ниро нэнкан (Японо-русский ежегодник) 1942 г. Токио. 1942.
 Нитибэй сэирёку-но хикаку (Сравнение военного потенциала Японии и США). Сеул. 1942.
 Нихон кэйдзай нэмпо (Экономический ежегодник Японии). Токио 1941—1945.
 Нихон токэй нэнкан (Статистический ежегодник Японии). Токио. 1949—1957.
 Тоа тэсакай. Нампо хококу (Исследовательское общество Восточной Азии. Доклады о странах Южных морей). Токио. 1943.
 Хомпо кэйдзай токэй 1952. Нихон гинко токэйкёку (Экономическая статистика нашей страны 1952 г. Статистическое бюро японского банка). Токио. 1952.

* *
 *

- American Year Book 1942, 1945, 1946. New York, 1943—1947.
 China Handbook 1937—1945. New York. 1947.
 Chronology of the Second World War. Royal Institute of International Affairs. London. 1947.
 Events Leading up to World War II. Chronological History 1931—1945. Washington. 1945.
 International Year Book 1943. New York. 1943.

- Japan's Economy Under War Strain. Washington. 1941.
 Japan Year Book 1940—1952. Tokyo. 1941—1953.
 New International Year Book 1939—1948. New York and London.
 1940—1949.
 Orient Year Book 1942. Tokyo. 1942.
 Statistical Abstract of the United States. U. S. Department of Commerce. Washington. 1941, 1946, 1948.
 Trend of Japanese Economy in the Past Ten Years. Tokyo. 1955.
 World Economic Survey 1941/42. League of Nations, Geneva. 1942;
 1942/44. Geneva. 1945.

VII. Исторические и другие исследования и научные статьи

- Аварин В.* Борьба за Тихий океан. Японо-американские противоречия. М. 1947.
Аояма Х. Особый отряд 731. М. 1958.
Алексеев А. М. Военные финансы капиталистических государств. М. 1949.
Белли В. А. Война на Тихом океане. «Морской сборник» № 4—5 и 7, 1942 г.; № 11—12, 1944 г.; № 1 и 10, 1945 г.
Биссон Т. А. Военная экономика Японии. М. 1949.
Болдырев Г. И. Финансы Японии (Опыт исторического анализа). М. 1947.
Боратынский С. Дипломатия периода второй мировой войны. Международные конференции 1941—1945 годов. М. 1959.
Варга Е. Изменения в экономике капитализма в итоге второй мировой войны. М. 1946.
 Вторая мировая война 1939—1945 гг. Военно-исторический очерк под общей редакцией Платонова С. П., Павленко Н. Г. и Поротькина И. В., М. 1958 г.
Гельфонд Г. М. Советский флот в войне с Японией. М. 1958 г.
Гельфонд Г. М. и *Хорощанская Р. А.* Пирл-Харбор, «Морской сборник» № 8. 1947 г.
Гольдберг Д. И. Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 — декабрь 1941 г.). М. 1959.
Голунский С. Суд над главными японскими военными преступниками. М. 1947.
Губер А. А. Филиппины и война на Тихом океане. М. 1945.
Губер А. А. Вьетнам во время и после второй мировой войны. М. 1950.
Деборин Г. А. Вторая мировая война. Военно-исторический очерк. М. 1958.
Динкевич А. И. Военные финансы Японии (1937—1945). М. 1958.
Дубинский А. Международные отношения и внешняя политика СССР на Дальнем Востоке в годы второй мировой войны (1939—1945 гг.). М. 1953.
Ефимов Г. Очерки по новой и новейшей истории Китая. М. 1951.
Жуков Е. М. Япония 1940—1950 годов. М. 1951.
Жуков Е. М. Япония. Новейшая история. Часть II (1939—1959). М. 1959.
Иванов Л. Н. Очерки международных отношений в период второй мировой войны (1939—1945 гг.). М. 1958.
Ивашин И. Ф. Международные отношения и внешняя политика

- СССР в период второй мировой войны. М. 1954.
- Иноуэ К., Оконоги С., Судзуки С.* История современной Японии. М. 1955.
- Израэлян В. Л.* Дипломатическая история Великой Отечественной войны. М. 1959.
- История Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 1—3. М. 1960—1961.
- История Коммунистической партии Советского Союза. М. 1959.
- Итоги второй мировой войны. Сборник статей. М. 1957.
- Капица М. С.* Советско-китайские отношения в 1931—1945 гг. М. 1956.
- Ковыженко В.* Японские коммунисты готовятся к съезду. «Правда», 26 мая 1961 г.
- Коеи Дж. Б.* Военная экономика Японии. М. 1951.
- Кравченко И.* О фальсификации истории войны на Тихом океане (Обзор переводной военно-исторической литературы). «Военно-исторический журнал» № 7. 1959 г.
- Крюгер В.* От Австралии до Японии. История 6-й американской армии во второй мировой войне. М. 1958.
- Кудашев Л. Н.* Война на Тихом океане в освещении японских историков. «Советское востоковедение» № 6. 1957 г.
- Латышев И. А.* Антияпонское движение в странах Юго-Восточной Азии в годы второй мировой войны. «Труды Московского института Востоковедения». Вып. 6. М. 1951.
- Латышев И. А.* Японский милитаризм и его тенденциозное освещение в американской литературе. «Вопросы истории» № 9. 1954 г.
- Лукьянова М. И.* Японские монополии во время второй мировой войны. М. 1953.
- Лялько С., Волков Н.* Десантные операции вооруженных сил США на Тихом океане во второй мировой войне. «Военно-исторический журнал» № 7. 1961 г.
- Международные отношения на Дальнем Востоке (1870—1949 гг.). Под общей редакцией члена-корреспондента Академии Наук СССР Е. М. Жукова. М. 1956.
- Мировая война. 1939—1945 годы. Сборник статей. М. 1957.
- Нарочницкий А. Л.* Реакционная американская литература о дальневосточной политике США (1938—1945 гг.). «Вопросы истории» № 4. 1954 г.
- Никифоров В. Н.* Гоминдановские реакционеры — предатели Китая. М. 1953.
- Николс Ч., Шоу Г.* Захват Окинавы. М. 1959.
- Очерки истории Китая в новейшее время. Под ред. А. С. Перевертайло. М. 1959.
- Очерки новейшей истории Японии. Под ред. Е. М. Жукова. М. 1957.
- Пантелеев Ю.* Пентагон говорит неправду о войне на Тихом океане. Сб. «Против фальсификаторов истории второй мировой войны». М. 1959.
- Певзнер Я. А.* Монополистический капитал Японии («дзайбацу») в годы второй мировой войны и после войны. М. 1950.
- Пизулевская Е.* Финансовые и административные мероприятия Японии в оккупированных странах. «Мировое хозяйство и мировая политика» № 10. 1942 г.
- Попов К.* Предисловие и послесловие к книге Г. Треварта. Япония. Физическая и экономическая география. М. 1949.

- Против фальсификаторов истории второй мировой войны (сборник статей). М. 1959.
- Рагинский М. Ю.* и *Розенблит С. Я.* Международный процесс главных японских военных преступников. М. 1950.
- Родов Б.* Роль США и Японии в подготовке и развязывании войны на Тихом океане 1938—1941 гг. М. 1951.
- Севостьянов Г. Н.* Из истории подготовки и развязывания войны на Тихом океане. «Вопросы истории» № 11. 1953 г.
- Севостьянов Г. Н.* Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне второй мировой войны. М. 1961.
- Типпельскирх К.* История второй мировой войны. М. 1956.
- Толченов М. П.* Война на Тихом океане. М. 1944.
- Топеха П. П.* Антинародная политика правых лидеров японской социалистической партии. М. 1954.
- Треварта Г.* Япония. Физическая и экономическая география. М. 1949.
- Фуллер Дж. Ф. С.* Вторая мировая война 1939—1945 гг. Стратегический и тактический обзор. М. 1956.
- Хани Г.* История японского народа. М. 1957.
- Хасимото М.* Потопленные. Японский подводный флот в войне 1941—1945 гг. М. 1956.
- Ху Шен.* Агрессия империалистических держав в Китае. М. 1951.
- Шведе Е. Е.* Сведения об иностранных флотах. «Морской сборник» № 11—12. 1945 г.; № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 10. 1946 г.
- Шерман Ф.* Американские авианосцы в войне на Тихом океане. М. 1956.
- Чэнь Бо-да.* Чан Кай-ши — враг китайского народа. М. 1950.
- Эйдус Х. Т.* Очерки новой и новейшей истории Японии. М. 1955.
- Ямабэ М.* Парашютисты японского флота. М. 1959.

* *
*

- Акамацу Т.* Тоа кэйи-но рэкиси (История сферы процветания Восточной Азии). Токио. 1942.
- Анэха С.* Фасидзуму (Фашизм). Токио. 1949.
- Арао Т.* Татакау кунни-но кинро сэнсэн (Трудовой фронт в воюющей стране). Токио. 1944.
- Асида Х.* Дайнидзи сэкай тайсэн гайкоси (Дипломатическая история второй мировой войны). Токио. 1960.
- Дайтоа сэнсэ то Сорэн-но доко (Великая восточноазиатская война и позиция Советского Союза). «Гэккан Россия», март 1942 г.
- Дайтоа сэнсэ то сэкай. Сэкай сэйдзи кэнкюкай (Великая восточноазиатская война и мир. Исследовательское общество мировой политики). Токио. 1944.
- Есида Т.* Кайсэн (Морские сражения в 1941—1945 гг.). Токио. 1956.
- Идзава Х.* Нисо дзэяку-но сэкай ситэки иги (Всемирно-историческое значение японо-советского договора). «Гэккан Россия», июнь 1941 г.
- Иноуэ И.* Дайтоа кэйкэн-но хокубо кэйрин (Управление северным районом сферы процветания великой Восточной Азии). Осака. 1942.
- Иноуэ К.* Нихон-но гункокусюги (Милитаризм в Японии). Т. 1—2. Токио. 1954.

- Касима М.* Тэйкоку-но гайко то дайтоа кёэйкэн (Дипломатия (японской) империи и сфера процветания великой Восточной Азии). Токио. 1943.
- Катаяма С.* Нампо миндзоку ундоси (История национально-освободительного движения в странах Южного района). Токио. 1942.
- Киндай Нихон гайкоси-но кэнкю* (Исследование истории японской дипломатии). Токио. 1956.
- Киносита Х.* Нихон фасидзумуси (История фашизма в Японии). Т. 1. Токио. 1949.
- Кинъэй К.* Индо-Сина то Нихон то-но канкэй (Индокитай и его отношения с Японией). Токио. 1943.
- Кояма Х.* Нихон марукусюгиси (История марксизма в Японии). Токио. 1956.
- Кояма Х. и Асада М.* Нихон тэйкокусюгиси. Дайсанкан Нихон тэйкокусюги-но хокай (История японского империализма. Т. 3. Крах японского империализма). Токио. 1960.
- Куваки Т.* Рикугун годзюнэнси (50-летняя история армии). Токио. 1943.
- Кунимацу Х.* Тоа кёэйкэн-но тири (География сферы процветания Восточной Азии). Токио. 1943.
- Курису С.* Сэнсо то кокумин доин (Война и мобилизация народа). Токио. 1942.
- Мацусита Е.* Сандай хансэн ундоси (Антивоенное движение в Японии в конце XIX в. — 40-х годах XX в.). Токио. 1960.
- Мимасака Т., Фудзита Т. и Ватанабэ К.* Гэнрон-но хайбо. Йокогама дзикэн-но дзидзицу (Подавление свободы слова в Японии. Факты об «инциденте в Йокогама»). Токио. 1959.
- Мицуда И.* Сёва фууроку (Беглые заметки о бурных событиях в период Сёва). Токио. 1959.
- Мория Ф.* Нихон сихонсюги хаттацуси (История развития японского капитализма). Токио. 1958.
- Нагаи Р.* Дайтоа сэнсо (Великая восточноазиатская война). Токио. 1942.
- Нагата К.* Сэнсо кэйдзай то кокумин сэйкацу (Военная экономика и жизнь народа). Токио. 1943.
- Накадзима К.* Сёва дзидай (Период Сёва). Токио. 1959.
- Накакодзи А.* Тайхэйё синрякуси (История агрессии на Тихом океане). Части 1—2. Токио. 1942.
- Накая К.* Тайхэйё сэнсоси (История войны на Тихом океане). Токио. 1942.
- Ниситани Я.* Нихон-но кэйдзай сэнряку (Экономическая стратегия Японии). Токио. 1942.
- Нихон сихонсюги кодза.* Т. 1. Нихон тэйкокусюги-но хокай (Кафедра истории японского капитализма. Т. 1. Крах японского империализма). Токио. 1954.
- Ноёри Х.* Нитибэй кэссэн-но каги-о хираку (Ключ к решающим сражениям между Японией и Америкой). Токио. 1943.
- Нома К.* Дзинко мондай то нансинрон (Проблема народонаселения и продвижения на юг). Токио. 1944.
- Номура М.* Сёваси-но даммен (Закулисная сторона истории периода Сёва). Токио. 1956.
- Ода М.* Кэйдзай кэссэнки (Период решающих экономических сражений). Токио. 1944.

- Оката Т.* Нампо кэйдзай-но санро (Новый экономический курс в странах Южных морей). Токио. 1942.
- Осима К.* Нихон кёкоси (История кризисов в Японии). Т. 1—2. Токио. 1957.
- Рэксигаку кэнкюкай. Тайхэйё сэносси (Исследовательское общество исторической науки. История войны на Тихом океане). Т. 1—5. Токио. 1953—1954.
- Сайгуса С.* Гэнрон сёваси. Данъацу то тэйко (История общественного мнения в период Сёва. Подавление и сопротивление). Токио. 1958.
- Симмё Т.* Сёва сэйдзи хиси. Соно даммэн (Закулисная история политики Японии в период Сёва). Токио. 1961.
- Синобу С.* Киндай Нихон гайкоси (История дипломатии современной Японии). Токио. 1942.
- Сонода Е.* Дайтоа сэносо (Великая восточноазиатская война). Шанхай. 1944.
- Сугавара М.* Кондзи гикай то тайсо мондай (Нынешняя парламентская сессия и вопрос об отношении к Советскому Союзу). «Гэккан Россия», март 1942 г.
- Суэхиро И.* Нихон родо кумиаи ундоси (История профсоюзного движения в Японии). Токио. 1954.
- Сэндзи кинро канри-но сёмондай (Проблемы контроля над трудом в военное время). Токио. 1943.
- Тадзима М.* Микансэй-но даинидзи тайсэн (Незаконченная мировая война). Токио. 1956.
- Тайхэйё сэносо гэнъинрон. Нихон гайко гаккай (Причины войны на Тихом океане. Японское дипломатическое общество). Токио. 1953.
- Тайхэйё сэносо сьюкэцурун (Завершение войны на Тихом океане). Токио. 1958.
- Такаги С.* Тайхэйё кайсэнси (История морских сражений в войне на Тихом океане). Токио. 1957.
- Тамура К.* Дайтоа гайкоси кэнкю (Исследование истории дипломатии великой Восточной Азии). Токио. 1942.
- Танака К.* Дайтоа сэнка-но сина дзихэн сёри (Урегулирование китайского инцидента в условиях великой восточноазиатской войны). «Тайхэйё», июль 1942 г.
- Танака К.* Содо сэносо-но синданкай то Нихон (Новый этап советско-германской войны и Япония). «Кайдзо», ноябрь 1941 г.
- Тосэй хо-но кадай. Тосэй хорэй кэнкюкай сосё (Проблемы законодательства о контроле. Библиотека исследовательского общества по законодательству о контроле). Токио. 1944.
- Тояма С., Имаи С., Фудзивара А.* Сёваси (История периода Сёва). Токио. 1959.
- Уэда Т.* (сост.) Киндай Нихон гайкоси кэнкю (Исследование истории дипломатии современной Японии). Токио. 1956.
- Хасэгава С.* Нитибэй кайсэн-но синсо (Истинное положение с возникновением войны между Японией и США). Токио. 1943.
- Хатано Т.* Тосэй кэйдзай рирон (Теория контрольной экономики). Токио. 1943.
- Хаттори Т.* Дайтоа сэносо дзэнси (Полная история великой восточноазиатской войны). Т. 1—8. Токио. 1956.
- Хиратакэ Д.* Сорэн кёкуто коккё (Дальневосточная граница Советского Союза). Токио. 1941.

- Хоки С.* Сэнсо то сисо донн (Война и идеологическая мобилизация). Токно. 1942.
- Хоризэ Я.* Кисэй Нихон-но кэйдзай сэйсаку (Экономическая политика современной Японии). Токно. 1942.
- Хотта Е., Томинага К., Хасэгава С.* Дайтоа сэнси (История великой восточноазиатской войны). Токно. 1944.
- Цунэгава С.* Рудзувэруту Тоа сэйсакуси (История политики Рузвельта в Восточной Азии). Токно. 1951.
- Цутия Т.* Нихон кэйдзайси-но тисики (Очерк истории японской экономики). Токно. 1954.
- Шеррод Р. и Накано Г.* Тайхэйё сэнсо (Война на Тихом океане). Т. 1—2. Токно. 1956.
- Ямамото К. и Арига М.* Нихон кёсансюги ундоси (История коммунистического движения в Японии). Токно. 1950.
- Яхаги Н.* Сина дзихэн гансуй-но тамэ-ни (За полное завершение «китайского инцидента»). «Тайхэйё», июль 1942 г.

* *
*

- Abend H.* Pacific Charter. Our Destiny in Asia. New York. 1943.
- Amrine M.* The Great Decision. The Secret History of the Atomic Bomb. New York. 1959.
- Ashworth F. L.* Dropping the Atomic Bomb on Nagasaki. «United States Naval Institute Proceedings» No. 1. 1958.
- Aziz M. A.* Japan's Colonialism and Indonesia. Hague. 1955.
- Baldwin H. W.* Great Mistakes of the War. London. 1950.
- Ball M. W.* Japan Enemy or Ally? New York. 1949.
- Barber N.* How Strong is Japan. London. 1942.
- Basch N. F.* Fallen Sun. A Report on Japan. New York. 1948.
- Beard C. A.* President Roosevelt and the Coming of the War 1941. New Haven. 1948.
- Bell J. W.* This War from Pearl Harbor to-morrow. New York. 1943.
- Berreman J. V.* The Japanization of Far Eastern occupied Areas. «Pacific Affairs», June 1944.
- Bersihand R.* Histoire du Japon des origines a nos jours. Paris. 1959.
- Bisson T. A.* America's Far Eastern Policy. New York. 1945.
- Bisson T. A.* Japan's «New Structure». «Foreign Policy Reports». April 15, 1941.
- Bisson T. A.* The Suzuki Cabinet. «Far Eastern Survey». May 9, 1945.
- Blake C.* Pearl Harbor, London, 1942.
- Brumly F. H.* When the Navy Landed in Japan. «United States Naval Institute Proceedings» No. 10. 1953.
- Bruno S.* Japans Kampf gegen den USA — Imperialismus. Ein Abriess der Japanisch — US Amerikanischen Bezeichnungen 1854—1942. Berlin. 1943.
- Bunes W. A.* Survey of Japan's Defeat. «Far Eastern Survey». August 14, 1946.
- Buss C. A.* The Far East. A History of Recent and Contemporary International Relations in East Asia. New York. 1955.
- Butow R. J. C.* Japan's Decision to Surrender. Oxford. 1954.
- Butow R. J. C.* The Surrender of Japan. «United States Naval Institute Proceedings» No. 8. 1955.
- Byas H.* The Japanese Enemy. New York. 1942.

- Bywater H. C.* The Great Pacific War. Boston. 1942.
- Cameron M. E., Mahoney T. H. D., Reynolds C. E.* Mc. China, Japan and the Powers. New York. 1952.
- Cant G.* The Great Pacific Victory. From the Solomons to Tokyo. New York. 1946.
- Cave F. A.* The Origins and Consequences of World War II. New York. 1949.
- Chen J.* Japan and the Pacific Theatre of War. London. 1942.
- Chéroy J.* Où va le Japon. Paris. 1954.
- Chin Ai-li S.* Japanese Rule in China. «Far Eastern Survey». March 14. 1945.
- Chow S. R.* Winning the Peace in the Pacific. New York. 1944.
- Christian J. L. and Ike N.* Thailand in Japan's Foreign Relations. «Pacific Affairs». June 1942.
- Clark B.* Pearl Harbor. London. 1942.
- Clausen W. B.* Blood for the Emperor. A Narrative History of the Human Side of the War in the Pacific. New York — London. 1943.
- Clauss M. W.* Der Weg nach Yalta. Heidelberg. 1952.
- Close U.* Behind the Face of Japan. New York — London. 1942.
- Cohen J. B.* Japan's Economy in War and Reconstruction. London. 1949.
- Colbert E. S.* The Left Wing in Japanese Politics. New York. 1952.
- Commager S. H.* The Story of the Second World War. Boston. 1945.
- Coox A. D.* Kogun. The Japanese Army in the Pacific. «Marine corps gazette» No. 4. 1959.
- Cuffj S. H.* The Face of the War 1931—1942. New York. 1942.
- Dahms H. G.* Roosevelt und der Krieg. Die vorgeschichte von Pearl Harbor. Oldenburg. 1958.
- Dan G.* What Really Happened at Pearl Harbor. New York. 1943.
- Darcy J.* Histoire de la guerre Septembre 1939 — Août 1945. Paris. 1946.
- Denneth T.* A Decade of American Diplomacy in Japan. «Pacific Affairs». September 1944.
- Dennis G. M. A.* World at War. Vols. 1—4. London. 1951.
- Driscoll J. E.* Pacific Victory 1945. New York. 1945.
- Dulles F. R.* Behind the Open Door. The Story of American Far Eastern Relations. New York. 1944.
- Dupays P.* La première bombe atomique. Chronique historique. Capitulation de l'Empire du Mikado Août 1945. Paris. 1949.
- Eckel P. E.* The Far East since 1500. New York. 1950.
- Einzig P.* The Japanese «New Order» in Asia. London. 1943.
- Elsbree W. H.* Japan's Role in Southeast Asian Nationalist Movements 1940 to 1945. Cambridge. 1953.
- Falls C.* The Second World War. A Short History. London. 1948.
- Farley M. S.* Aspects of Japan's Labor Problems. New York. 1950.
- Feis H.* The Road to Pearl Harbor. The Coming of the War Between the United States and Japan. Princeton. 1950.
- Fischel W. R.* A Japanese Peace Manoeuvre in 1944. «The Far Eastern Quarterly». August 1949.
- Fleischer W.* Our Enemy Japan. New York. 1943.
- Fukudome S.* Hawaii Operation. «United States Naval Institute Proceedings» No. 12. 1955.
- Gallis H. G.* Foreign Capital in Southern Asia. New York. 1942.
- Gaudel A.* L'Indochine française en face du Japon. Paris. 1947.

- Godwin G.* Japan's New Order. London. 1942.
- Goethe J.* Japan Fights for Asia. London. 1942.
- Görlits W.* Der Zweite Weltkrieg 1939—1945. Bd. 1. u. 2. Stuttgart, 1951.
- Graebner N. A.* Empire on the Pacific. A Study in American Continental Expansion. New York. 1955.
- Grajdanzew A. J.* Japan Co-Prosperity Sphere. «Pacific Affairs». September 1943.
- Grajdanzew A.* Japan's Economy since Pearl Harbor. «Far Eastern Survey». June 14, 1943.
- Guillain R.* Le peuple japonais et la guerre choses vues 1939—1946. Paris. 1947.
- Gull E. M.* British Economic Interests in the Far East. London. 1943.
- Gunther J.* Inside Asia. New York — London. 1942.
- Haas E.* Frans Indo-China en de Japanse expansie politick 1939—1945. Leiden. 1956.
- Haines G. C.* and *Hoffman R. J. S.* The Origins of the Second World War. London — New York. 1943.
- Hall W. P., Ph. D.* Iron Out of Calvary. An Interpretative History of the Second World War. New York and London. 1946.
- Hammerton J.* The Second Great War. A Standart History. Vols. 1—2. London. 1946.
- Harris M.* The United States in the Second World War. New York. 1946.
- Hart R.* Eclipse of the Rising Sun. New York. 1946.
- Hauserman K.* Some Aspects of Japan's Co-Prosperity Sphere. South Melbourne. 1945.
- Hayashi S.* and *Coox A. D.* Reinforcement of Japanese Homeland. «Marine Corps Gazette» No. 12. 1958.
- Hayashi S.* and *Coox A. D.* The Japanese Army in the Pacific War. «Marine Corps Gazette» No. 1. 1959.
- Hersey J.* Hiroshima. New York. 1946.
- Hollis L.* and *Leasor J.* War at the Top. London. 1959.
- Hopkins J. A. H.* Diary of World Events. A Chronological Record of the Second World War as Reported Day by Day in American and Foreign Newspaper Despatches. 1—10 Vols. Baltimore. 1942.
- Hough F. O.* The United States Marine Corps in the Pacific. New York — Philadelphia. 1947.
- Hubbard G.* British Far Eastern Policy. New York. 1943.
- Hudson G. F.* The Far East in World Politics. A Study in Recent History. London. 1945.
- Hunt F.* MacArthur and the War Against Japan. New York. 1944.
- Hynd A.* Betrayal from the East. The Inside Story of Japanese Spies in America. New York. 1943.
- Isaacs H. R.* New Cycle in Asia. Selected Documents on Major International Development in the Far East. 1943—1947. New York. 1947.
- Itallander R.* Banzai, Japanische Heldengeschichten aus alter und neuer Zeit. Berlin. 1942.
- James D. H.* The Rise and Fall of the Japanese Empire. London. 1951.
- Japan and the Japanese. A Military Power We Must Defeat. A Pacific Problem We Must Solve, by the editors of Fortune. Washington. 1944.
- Japan in Defeat. A Report by a Chatham House Study Group. London. 1945.

- Johnstone W. C.* The United States and Japan's New Order. London — New York — Toronto. 1941.
- Jones F. C.* Japan's New Order in East Asia. Its Rise and Fall 1937—1945. London — New York — Toronto. 1954.
- Jones F. C., Borton H. and Pearn B. R.* The Far East 1942—1946. Survey of International Affairs 1939—1946. London — New York — Toronto. 1955.
- Kato M.* The Lost War. A Japanese Reporter's Inside Story. New York. 1946.
- Kawal K.* Mokusatsu. Japan's Response to the Potsdam Declaration. «Pacific Historical Review». November 1950.
- Kermit E.* The Labor Movement in Japan. «Asia and Americas». September 1946.
- Kerner R. J.* The Pacific in the Diplomatic Conflict of the War. The Southwest Pacific and the War. Los Angeles. 1944.
- Kinnaird C.* This Must Not Happen Again. The Black Book of fascist Horror. New York. 1945.
- Kinoaki M.* How Japan Plans to Win. New York. 1942.
- Kiraley A.* Victory in the Pacific. How We Must Defeat Japan. New York. 1942.
- Koelireutter O.* Die politische Entwicklung Japans. Berlin. 1944.
- Kosoku M.* Genesis of the Pacific War. Tokyo. 1944.
- Lamott W.* Nippon: The Crime and Punishment of Japan. New York. 1944.
- Lori H.* Japan's Military Masters. The Army in Japanese Life. New York. 1943.
- Maki J. M.* Japanese Militarism. Its Cause and Cure. New York. 1945.
- McInnis E.* The War. Vols. 1—6. September 1939 — September 1945. London — Toronto — New York. 1940—1946.
- McNell W. H.* America, Britain and Russia. Their Co-operation and Conflict 1941—1946. London — New York — Toronto. 1953.
- Masson A.* La construction de la Marine Impériale Japonais pendant la guerre de 1941—1945. «La Revue Maritime», July 1954.
- Maxon Y. C.* Control of Japanese Foreign Policy. A Study of Civil — Military Rivalry 1930—1945. Berkeley. 1957.
- Miller F. F.* History of World War II. Philadelphia — Toronto. 1945.
- Mitchell K.* Japan's Industrial Strength. New York. 1942.
- Morgenstern G.* Pearl Harbor. The Story of the Secret War. New York. 1947.
- Morrison I.* This War against Japan. London. 1943.
- Morton L.* The Atomic Bomb and the Japanese Surrender. «Marine Corps Gazette» No. 2. 1959.
- Mossdorf O. von.* Japans Weg zur Grossmacht. München — Berlin. 1943.
- Moulton H. C. and Marlio L.* The Control of Germany and Japan. Washington. 1944.
- Neil H. C.* A Short History of the Second World War and Its Social and Political Significance. London. 1950.
- Neumann W.* The Genesis of Pearl Harbor. Philadelphia. 1945.
- Neumann W. L.* Making the Peace 1941—1945. The Diplomacy of the Wartime Conferences. Washington. 1950.
- Ocean Front. The Story of the War in the Pacific 1941—1944. Issued by the Ministry of Information. London. 1945.
- Odgens G.* Air War against Japan 1943—1945. Canberra. 1957.
- Okumiya M. and Horikoshi J.* Zero!. The Story of the Japanese Navy Air Force 1937—1945. London. 1957.

- Oshima H. T.* Japan's «New Economic Structure». «Pacific Affairs». September 1942.
- Ostwald P.* Der japanische Imperialismus. Berlin — Leipzig. 1946.
- Peffer N.* Pearl Harbor Post-Mortem. «Far Eastern Survey». March 1946.
- Patric J.* Why Japan Was Strong. London. 1944.
- Phillips G. D. R.* Russia, Japan and Mongolia. London. 1942.
- Pratt J.* China and Japan. London. 1944.
- Pratt J.* The Expansion of Europe into the Far East. London. 1947.
- Probleme der Geschichte des Zweiten Weltkrieges. Bd. II, Berlin, 1957.
- Puleston W. D.* The Armed Forces of the Pacific. The Military and Naval Power of the United States and Japan. New Haven. 1941.
- Rauch B.* Roosevelt. From Munich to Pearl Harbor. New York. 1950.
- Reischauer E. O.* Japan Past and Present. New York. 1947.
- Root W.* The Secret History of the War. Vols. 1—2. New York. 1945.
- Rosinger K.* Japan as Economical Power. «Foreign Policy Reports». April 1942.
- Roth A.* Dilemma in Japan. Boston. 1945.
- Sakimura S.* Neuordnung der Japanischen Wirtschaft. Bremen. 1942.
- Schroeder P. W.* The Axis Alliance and Japanese — American Relations 1941. New York. 1958.
- Schumacher E.* Geschichte des zweiten Weltkrieges. Zürich. 1946.
- Smith D.* America and the Axis War. London. 1942.
- Some Issues in Japanese — American Relations. New York. 1952.
- Southwest Pacific and the War. Berkeley — Los Angeles. 1944.
- Spinks N. C.* Tojo Dictator. «Asia and Americas». July 1943.
- Stegemann W.* Der neue Weltkrieg. 6 Bd. Zürich. 1942—1946.
- Storry R.* The Double Patriots. A Study of Japanese Nationalism. London. 1957.
- Storry R. A.* History of Modern Japan. London and Colchester. 1960.
- Straelen S. V. D., H. van.* New Diplomacy in the Far East. A Blueprint for the Training of Future Diplomats. London. 1944.
- Swearingen R.* and *Langer P.* Red Flag in Japan. International Communist in Action 1919—1951. Cambridge. Massachusetts. 1952.
- Takahashi K.* Military Budget and Financial Resources. «Contemporary Japan». March 1944.
- Tansill G. C.* Back Door to War. Roosevelt Foreign Policy 1933—1941. Chicago. 1952.
- Taylor G. E.* America in the New Pacific. New York. 1943.
- Textor R. B.* Failure in Japan. An Inquiry into MacArthur's Conduct of the Occupation. New York. 1951.
- Toynbee A., Toynbee V.* The Initial Triumph of the Axis. London. 1958.
- Ubani B. A., Durrani O. K., Moein M.* Indonesian Struggle for Independence. Aundh. 1946.
- Vinacke H. M.* Implications of Japanese Foreign Policy for the Philippines and Southeastern Asia. «The Annals of the American Academy of Political and Social Science». March 1943.
- War and Peace in the Pacific. London. 1943.
- Ward R.* Asia for the Asiatics. Chicago. 1945.
- Ward R. E.* The Inside Story of the Pearl Harbor Plan. «United States Naval Institute Proceedings» No 12. 1951.
- Wehrmeister R. L.* Divine Wind over Okinawa. «United States Naval Institute Proceedings» No. 6. 1957.

- Werner M.* The Great Offensive. The Strategy of Coalition Warfare. New York. 1943.
- Wesley F. R.* A Japanese Peace Maneuver in 1944. «The Far Eastern Quarterly». August 1949.
- What Really Crushed Japan. «The United States News». July 19, 1948.
- Wheeler S. A.* The Lost Merchant Fleet of Japan. «United States Naval Institute Proceedings» No. 12. 1956.
- White E.* Rise and Fall of Japan. London. 1945.
- Wittmer F.* The Yalta Betrayal. Caldwell. 1953.
- Yarnell H. E.* War in the Western Pacific. «The Annals of the American Academy of Political and Social Science». March 1943.
- Young J.* Behind the Rising Sun. New York. 1942.

VIII. Периодические издания и пресса

А. Журналы

- «Большевик». 1941—1949 гг.
- «Бюллетень иностранной коммерческой информации». 1959—1960 гг.
- «Военно-исторический журнал». 1959—1961 гг.
- «Вопросы истории». 1947—1961 гг.
- «Информационный бюллетень агентства Синьхуа». 1959—1960 гг.
- «Коммунист». 1959—1961 гг.
- «Международная жизнь». 1955—1961 гг.
- «Мировое хозяйство и мировая политика». 1941—1946 гг.
- «Морской сборник». 1942—1956 гг.
- «Новое время». 1950—1961 гг.
- «Проблемы мира и социализма». 1958—1961 гг.

* *
*

- «Атарасии сэкай» («Новый мир»). 1951—1952 гг.
- «Гайко дзихо» («Дипломатический вестник»). 1939—1944 гг.
- «Гайко хёрон» («Дипломатическое обозрение»). 1942—1944 гг.
- «Гэжкан Росия» («Современная Россия»). 1941—1942 гг.
- «Дайтоа кэйдзай» («Экономика великой Восточной Азии»). 1945 г.
- «Дзикёку дзёхо» («Известия о положении дел»). 1942 г.
- «Дзэнэй» («Авангард»). 1947—1961 гг.
- «Кайдзо» («Реконструкция»). 1941—1942 гг.
- «Модан ниппо» («Современный ежедневный вестник»). V. 1942 г.
- «Рикугун гахо» («Иллюстрированный журнал армии»). XI. 1942 г.
- «Тайхэйё» («Тихий океан»). 1942—1943 гг.
- «Хинодэ» («Восход солнца»). 1942—1943 гг.

* *
*

- «Amerasia». 1939—1946.
- «American Economic Review». 1946.
- «Annals of the American Academy of Political and Social Science». 1941—1943.
- «Army and Navy Journal». 1942—1946.
- «Asia». 1941.
- «Asia and Americas». 1943, 1946.

«Bulletin of the State Department». 1943.
«China Weekly». 1946, 1951.
«Contemporary Japan». 1941—1944.
«Current History». 1944, 1946.
«Far Eastern Quarterly». 1949.
«Far Eastern Review». 1942.
«Far Eastern Survey». 1941—1950.
«Foreign Affairs». 1942—1949.
«Foreign Policy Reports». 1942, 1943, 1947.
«Great Britain and East», 1941—1942.
«Infantry Journal». 1944.
«La Revue Maritime». 1954.
«Life». 1944.
«Marine Corps Gazette». 1958—1961.
«New Week». 1944.
«Oriental Economist». 1941—1949.
«Pacific Affairs». 1942—1944.
«Pacific Historical Review». 1950—1953.
«United States Naval Institute Proceedings». 1950—1961.

Б. Г а з е т ы

«За прочный мир, за народную демократию!». 1950 г.
«Известия». 1941—1961 гг.
«Красная звезда». 1945—1946 гг.
«Правда». 1941—1961 гг.

* *
*

«Акахата». 1946—1961 гг.
«Асахи». 1941—1945 гг.
«Ёмнури-хоти». 1942—1945 гг.
«Майнити». 1943—1945 гг.
«Мансю ниппо». 1944 г.
«Мансю нити-нити». 1942 г.
«Осака дзидзи». 1942 г.
«Осака майнити». 1943 г.
«Тайрику симпо» (Шанхай). 1945 г.
«Токио майнити». 1943 г.
«Токио симбун». 1944—1945 гг.
«Токио нити-нити». 1941—1942 гг.
«Харбин нити-нити». 1942 г.

* *
*

«Manchuria Daily News». 1941.
«Manchester Guardian». 1943—1945.
«New York Herald Tribune». 1945.
«New York Times». 1941—1955.
«Nippon Times». 1943—1944.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абайя Э. Х. — 121.
Абэ Гэнки — 225, 257, 262.
Абэ Нобуюки — 48.
Агинальдо — 121.
Айдит Д. Н. — 246.
Акино — 54, 121.
Аллен — 307.
Анами Корэтика — 68, 181, 228,
229, 240, 241, 248, 249, 255,
256, 258, 259, 262—265, 271.
Аоки Кадзуо — 57, 112, 123,
124.
Арита Хатино — 300.
Арнольд — 106.
Асида Хитоси — 306.
Аюкава Гискэ — 308.
- Багге — 156, 170, 187, 191.
Бадольо — 263.
Ба Мо — 54, 117, 119, 132, 303.
Бандзай — 89.
Басс — 325.
Батю — 252.
Берсиан Р. — 307.
Бирд — 307.
Бирнс — 267, 319.
Биссон Т. А. — 310.
Блэки — 295, 298, 305, 324.
Блюэт — 295, 296, 304, 305,
324, 327.
Борман Мартин — 88.
Босс Субхас Чандра — 117,
132, 196, 303.
- Вагнер — 194.
Вайтхаякон — 132.
- Вакацуки Рэйдзио — 142, 151,
154, 185, 189, 306, 308.
Ван Цзин-вэй — 22, 56, 81, 82,
123, 125, 127, 128, 132, 143,
144, 201, 303.
Варгас — 54, 55, 121, 122.
Ватанабэ Масаноскэ — 339.
Ведемейер А. С. — 320.
Вейцекер — 93.
Видеман — 201.
Вэй Дао-мин — 125.
- Гак — 192.
Геббельс — 83.
Гиммлер — 223.
Гитлер А. — 83, 85, 88, 89, 91,
92, 194, 197, 198, 201, 202.
Глсон С. Е. — 307, 310.
Годайго — 264.
Гоку Киёси — 308.
Грассли — 268.
Грю Д. — 16, 307, 310, 320.
- Дай Ли — 144, 187.
Даллес А. — 192, 231.
Даллес Д. Ф. — 253.
Дарси Ж. — 86.
Деку — 33, 123.
Дениц — 222, 223.
Джекобсон — 231.
Джонсон — 191.
Доихара Кэндзи — 83.
- Ёнаи Мицумаса — 157, 163,
169, 181, 189, 229, 255, 256,
258, 262, 263, 272.

- Есида Сигэру — 141.
 Есимура — 231.
- Захариас Е. М. — 83, 97, 190,
 314, 320.
- Икэда Сумихиса — 72.
 Икэда Сэйхин — 308.
 Икэда Хаято — 352.
 Имаи Сэйити — 278, 300.
 Иноуэ Итидзи — 62, 63.
 Иноуэ Киёси — 335.
 Иноуэ Сэйби — 157, 169.
 Иснбаси Тандзан — 289.
 Исивари — 163.
 Исигуро Тадаацу — 256.
 Исимура — 118.
 Итикава Сёити — 339.
- Кавабэ Торасиро — 9, 11, 119,
 277, 279.
 Кавахара — 196.
 Камияма Сигэо — 351.
 Канда Масатанэ — 9.
 Канки Есима — 100.
 Канэко Кэнтаро — 308.
 Касахара Юкио — 66, 204, 216,
 324.
 Касима Мориноскэ — 302, 303.
 Касуга Сёити — 336.
 Касэ Тосикадзу — 132, 142,
 192, 224, 239, 263.
 Катаяма Сэн — 339.
 Кая Окинори — 44, 206.
 Кейтель — 89.
 Кеннан — 310.
 Кидо Коити — 141, 142, 155,
 156, 158, 169, 173, 224, 231,
 233, 234, 271, 305.
 Кинг — 107, 191.
 Киосэ Итиро — 304, 305.
 Киси Нобускэ — 352.
 Кита Сэйити — 65, 67, 208,
 216.
 Китамура — 231.
 Кобаяси — 144, 205.
 Кога — 269.
 Кодама Хидэо — 308.
 Коисо Куниаки — 130, 163—
 166, 168, 169, 171, 172, 174,
 176—178, 180—183, 187—
 189, 198, 228.
 Коноэ Фумимаро — 20, 141,
 142, 151, 152, 154, 155, 158,
 165, 169, 170, 173, 181, 185,
 186, 238, 239, 272, 297, 299—
 301, 303, 305, 306, 308.
- Кохияма Наотакэ — 256.
 Крейги Р. — 16, 31.
 Кречмер — 195.
 Крупп — 193.
 Куримото Хироси — 170.
 Курода — 144.
 Курода Сигэтоку — 122.
 Куроки Сингитиро — 79, 80.
 Курусу Сабуро — 296, 297,
 305, 306.
 Кусаба Тацуми — 21, 208.
 Кусуноки Масасигэ — 264.
 Кэсон — 54.
 Кэцудзэ Тоётаро — 308.
- Лаурель — 54, 120—122, 132,
 161, 303.
- Леги В. Д. — 320.
 Ленин В. И. — 7, 291, 296,
 308, 310, 333.
 Лизор Д. — 320.
 Ли Шао-гэн — 194.
 Лоуренс — 83.
 Лэнжер В. Л. — 47, 307, 310.
- Макартур Д. — 31, 37, 99, 106,
 107, 268, 277, 317, 322.
 Маки Д. М. — 134, 162.
 Маррас — 89.
 Маршалл Д. — 106, 317, 321.
 Маунтбэтгэн — 106, 283.
 Мацудайра Цунёо — 141, 142,
 169, 173.
 Мацудзака Хиромаса — 262.
 Мацумура Томокацу — 65, 66,
 195, 204.
 Мацуока Ескэ — 230, 299—301,
 303, 308.
- Мацутани — 157, 158.
 Маэсиба — 102.
 Микаса — 261.
 Минами Дзиро — 117, 179.
 Миягава Тадамаро — 170, 171.
 Миякэ Мицухару — 9.
 Моргенштерн Г. — 307.
 Мори — 269.
 Мори Масамицу — 174.
 Мортон Л. — 317, 319.
 Мураками Кэйсаку — 65, 71.
 Мурата Сёдзо — 122, 308.
 Муссолини Б. — 83, 84, 109.
 Муто Садаити — 101, 206.
 Мяо Пэй-чэн — 187—189.

- Нагумо — 297.
 Накадзима Тихухэй — 308.
 Наполеон Б. — 79.
 Насу — 148.
 Нейман В. — 311.
 Николс Ч. — 176.
 Нимиц — 37, 107.
 Нимоллер — 94.
 Нипомия — 157.
 Нисиура — 157.
 Номура Китисабуро — 190, 299.
 Номура Наокуни — 89, 151.
 Носака Сандзо (Окано Сусуму) — 147, 244, 245, 338.
 Нохара Комакити — 195, 196.
 Нэдзу Масаси — 309, 326, 331, 335.

 Огата Такэтора — 187.
 Огура Масацунэ — 308.
 Одзава — 169.
 Оикава Косиро — 169.
 Окава Сюмэй — 9.
 Окада Кэйскэ — 142, 151, 152, 154, 169, 185, 189.
 Окамото — 156.
 Окамото Киёфуку — 102.
 Окамото Сэйго — 231.
 Окамура Ясудзи — 277, 278.
 Оконоги Синдзабуро — 255.
 Окоти — 283.
 Окумия М. — 314.
 Окура Киммоти — 70, 126, 127.
 Омаэ — 157.
 Оно Синдзо — 101.
 Отт — 92, 94—96, 202.
 Осима Хироси — 24, 25, 60, 83—86, 89, 92, 93, 95, 96, 192—194, 197—200, 207.
 Оцубо Кадзима — 205, 206.

 Паулюс — 142.
 Петерсдорф — 329.
 Петэн — 34.
 Пибунсонграм — 35, 56, 124, 303.
 Пирсон Дрю — 349.
 Пратт Д. В. — 320.
 Принциппини — 197.
 Пу И — 81.

 Раух — 310.
 Ректо — 54, 121.
 Риббентроп И. — 24, 83—86, 89, 92—96, 192, 193, 199, 200, 207, 330.
 Роллинг — 324.
 Роммель — 97.
 Рот А. — 338, 339.
 Рохас — 121.
 Руге Ф. — 314.
 Рузвельт Ф. — 31, 33, 103—105, 108, 159, 160, 295, 310, 320, 322.

 Савада — 118.
 Сайондзи Киммоти — 151.
 Сакая Тадаси — 191.
 Сакомидзу Хисацунэ — 229, 230, 234, 235, 241, 242, 257, 265.
 Сакондзи Сэйдзо — 308.
 Сато Наотакэ — 196, 206, 219, 238, 239, 251, 329.
 Свиринжен Р. — 47.
 Сёдзима Рюдзо — 65, 204, 208.
 Сиба Сэндзи — 100.
 Сибусава Кэйдзо — 308.
 Сигэмицу Мамору — 88, 125, 132, 141, 143, 158, 184, 185, 187, 197, 224, 272, 281, 305, 326.
 Симата Сигэтаро — 150, 151, 197.
 Симомура Кайнан (Хироси) — 162, 257, 343.
 Сиратори — 83.
 Стеттиниус — 321.
 Стиллуэлл Д. — 106, 160.
 Стимсон Г. — 317, 321.
 Сторри Р. — 152, 232, 307, 314.
 Сугияма Гэн — 150, 163, 189, 227.
 Судзуки Бунсиро — 170.
 Судзуки Гомин — 80.
 Судзуки Кантаро — 111, 176, 181—183, 189—192, 222—230, 232, 237, 246, 248—251, 254—258, 262, 263, 265, 269—271, 304, 307, 318.
 Судзуки Сёси — 255.
 Судзуки Тадахару — 308.
 Сумида — 278.
 Сюй — 306.

- Гадзима Масао — 324.
 Такаги Сокити — 157, 169, 342.
 Такамацу Нобухито — 191, 260, 273.
 Такэбэ Рокудзо — 324.
 Тамура Морно — 66, 205.
 Танака Синъити — 66, 269 — 271.
 Тани Масаюки — 126, 128.
 Татэкава — 196, 329.
 Того Сигэнори — 57, 58, 61, 83, 86, 181, 183, 191, 206, 223, 224, 229, 231, 235, 236, 238, 239, 248, 250, 255—263, 298, 302, 304, 305, 327.
 Тодзё Хидэки — 30, 40, 43, 44, 46—50, 52, 56—58, 60, 62, 64, 68, 71, 72, 75, 88, 91, 96, 102, 111—113, 117, 120, 122, 124, 125, 131, 135, 138—140, 143, 146, 148—153, 156—158, 163, 165, 166, 168, 181, 196, 197, 228, 272, 295, 297, 299, 303—306, 308.
 Тоёда Тэйдзиро — 182, 248, 255, 256, 258, 259, 262, 263, 265, 308.
 Тойнби А. — 325, 326.
 Токи Цуёси — 351.
 Токуда Кюити — 339.
 Тояма Сигэки — 300, 335.
 Трумэн Г. — 240, 248, 317, 321, 322.
 Тэнсилл — 310.
 Тэраути — 35.

 У Кай-сянь — 143, 144.
 Уайт Ф. — 181.
 Угаки Кадзунари — 302.
 Уитмер Ф. — 320.
 Умэдзу Ёсидзиро — 281.
 Умэдзу Кадзунари — 66, 72, 81, 152, 231, 248, 255, 258, 259, 262, 263, 265.
 У Ну — 119.
 Усироку — 150.
 Уэллес С. — 306, 310.

 Фараго Л. — 184.
 Фейс Х. — 307.
 Форрестол — 190—191.
 Фостер У. З. — 319.
 Фудзивара Акира — 179, 300.
 Фудзивара Гиндзиро — 163, 308.
 Фудзимура Ёсиро — 192, 231.
 Фудзии — 157.
 Фукаи Эйго — 309.
 Фурута Сюнноскэ — 308.
 Футида М. — 314.

 Хадзимэ Такэо — 101.
 Хакамада Сатоми — 339.
 Хара Ёсимити — 308—309.
 Харада — 114.
 Хасимото Мотицура — 314, 342.
 Хассель — 38.
 Хасэгава Сатоси — 303.
 Хата — 181, 227.
 Хатанака — 269.
 Хатояма Итиро — 138.
 Хатта Ёснаки — 308.
 Хаттори Сисо (Корэфуса) — 157.
 Хаф Ф. О. — 314.
 Хаями Тикасигэ — 170.
 Хигасикуни Нарухико — 171, 188, 269, 272, 274, 280.
 Хидака — 194.
 Хиранума Кинтиро — 142, 151, 154, 257, 258, 261, 265, 270, 271.
 Хиро Хатисабуро — 309.
 Хироока Томоо — 25, 325, 326.
 Хиросэ Тоёсаку — 182.
 Хирота Коки — 9, 56, 215, 232, 236, 238.
 Хирохито — 184, 237, 271.
 Ходзё Токимунэ — 264.
 Холлис Л. — 320.
 Хонда Р. — 350.
 Хондзё — 59.
 Хосино — 111.
 Хрушев Н. С. — 13, 25, 246, 252, 316, 325, 326, 333, 349—351.
 Хубилай — 264.
 Хэ Ин-цинъ — 128, 278.
 Хэлл К. — 125, 296, 310.

 Цубоками Тэйдзи — 35.
 Цуяма — 192.

 Чап Кай-ши — 32, 106, 108, 128—130, 143, 144, 160, 162, 171, 187—189, 249, 266, 267, 275, 277—279.

Черчилль У. — 33, 103—107,
159, 160, 240, 248, 314,
321—323.

Чжан Цзин-хой — 132, 193, 303.

Чжан Цзо-лин — 8.

Чжоу Фу-хай — 132.

Чжу Мин-и — 126, 132.

Чиано — 83, 86, 192.

Шверин фон Крозик — 222—
224.

Шервуд Р. — 314.

Шерман Ф. С. — 314.

Шеррод Р. — 31, 342.

Шоу Г. — 176.

Шредер П. В. — 23, 325, 326.

Штамер Г. — 197, 201, 202, 222,
224.

Эйзенхауэр Д. — 352.

Энгельс Ф. — 290.

Эттли К. — 240, 321.

Юдзава Митио — 46.

Юки Тоётаро — 308.

Юнг Р. — 238.

Ябуки — 157.

Ямамото — 157.

Ямамото Исороку — 297.

Ямамото Кацуноскэ — 336.

Ямаока — 278.

Ямасита Томоюки — 68, 69, 283.

Ян Си-шань — 278.

Ясуда — 308.

Яцуги Кадзуо — 70.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	3
Глава первая. Подготовка и развязывание Японией войны на Дальнем Востоке. Антисоветская внешнеполитическая стратегия и прогерманская ориентация японских империалистов. Причины выбора Японией «южного» направления войны	5
Агрессивный характер внешней политики Японии — 5.	
Антисоветская политика японских империалистов и роль японо-германского военно-политического блока. Укрепление маньчжуро-корейского военно-промышленного плацдарма — 9.	
Антикитайская и антисоветская направленность политики «дальневосточного Мюнхена». Враждебная политика Японии по отношению к СССР после начала второй мировой войны. Сформирование блока фашистских агрессоров — 15.	
Причины выбора Японией «южного» направления военного удара и отсрочки нападения на Советский Союз — 23.	
Глава вторая. Внешняя политика Японии в первый период военных действий на Тихоокеанском театре второй мировой войны (7 декабря 1941 г. — 19 ноября 1942 г.)	27
Периодизация военных действий на Тихоокеанском театре — 27.	
Нападение Японии на Пёрл-Харбор и другие американские, английские и голландские владения. Объявление Соединенными Штатами и Англией войны Японии. Присоединение новых стран к антифашистской коалиции — 30.	
Соглашение Японии и Индокитая от 9 декабря 1941 г. Капитуляция Таиланда — 33.	
Итоги наступления японских вооруженных сил на начальном этапе первого периода военных действий на Тихом океане (7 декабря 1941 г. — май — июнь 1942 г.) — 36.	
Итоги военных операций на втором этапе первого периода военных действий на Тихоокеанском театре (июнь — ноябрь 1942 г.) — 37.	
Экономические и политические мероприятия Японии в первый период военных действий на Тихоокеанском театре — 40.	
Мероприятия Японии по строительству «нового порядка» на оккупированных территориях в первый период военных действий на Тихоокеанском театре — 51.	

Японо-советские отношения в первый период военных действий на Тихоокеанском театре. Подготовка Японией нападения на СССР 60

Отношение Японии к СССР после нападения на США и Англию — 60.

Пересмотр старых и разработка новых планов антисоветской войны — 63.

Японские империалистические планы управления советскими территориями, намеченными к оккупации — 69.

Оборудование японскими империалистами маньчжуро-корейского военно-промышленного плацдарма — 73.

Провокационные попытки империалистической Японии блокировать СССР. Потопление японскими вооруженными силами советских торговых судов — 75.

Внешнеполитические просчеты японских империалистов в отношении Советского Союза. Вынужденное признание правящими кругами Японии жизнеспособности Советского государства — 77.

Японо-германские отношения в первый период военных действий на Тихоокеанском театре 81

Подготовка и заключение 11 декабря 1941 г. нового тройственного пакта между Японией, Германией и Италией — 81.

Новое тройственное соглашение Японии, Германии и Италии от 18 января 1942 г. — 89.

Японо-германские переговоры о вступлении Японии в войну против Советского Союза — 91.

Авантюристический план соединения вооруженных сил Японии и Германии в районе Персидского залива или Индии — 96.

Глава третья. Внешняя политика Японии во второй период военных действий на Тихом океане (19 ноября 1942 г. — 9 мая 1945 г.) 99

Внешняя политика Японии на начальном этапе второго периода военных действий на Тихоокеанском театре (19 ноября 1942 г. — декабрь 1943 г.) —

Международное значение великой Сталинградской битвы. Оценка в Японии побед Советской Армии. Их влияние на ход военных действий на Тихом океане — 99.

Планы военных операций США и Англии на Тихоокеанском театре (конференция в Касабланке, первая Квебекская, первая Каирская, Тегеранская и вторая Каирская конференции) — 103.

Итоги операций на начальном этапе второго периода военных действий на Тихоокеанском театре — 108.

Японский «новый порядок» во временно оккупированных странах — 110.

Внутренняя политика правительства Тодзэ — 135.

Возникновение в правящих кругах Японии политических групп, стоящих за прекращение войны — 140.

Рост антивоенных настроений среди народных масс Японии — 145.

Внешняя политика Японии на втором этапе второго периода военных действий на Тихом океане (январь — июль 1944 г.) 148

Влияние поражений японских вооруженных сил на обострение политической борьбы в Японии. Отставка правительства Тодзэ — 148.

Продолжение деятельности политических групп, стремившихся добиться компромиссного мира — 153.

Внешняя политика Японии на третьем этапе второго периода военных действий на Тихом океане (июль — декабрь 1944 г.) 159

Вторая Квебекская конференция — 159.

Итоги военных действий на Тихоокеанском театре во второй половине 1944 г. — 161.

Военные, экономические и политические мероприятия правительства Коисо — 163.

Закулисная деятельность сторонников прекращения войны и заключения компромиссного мира — 168.

Недовольство политикой правительства и усиление антивоенных настроений в Японии — 172.

Внешняя политика Японии на последнем этапе второго периода военных действий на Тихом океане (январь — май 1945 г.) 174

Значение военных действий на Тихоокеанском театре — 174.

Новые военные, экономические и политические мероприятия правительства. Отставка кабинета Коисо. Сформирование правительства Судзуки — 176.

Дипломатическое маневрирование японских империалистов накануне безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии — 183.

Японо-германские отношения во второй период военных действий на Тихом океане 192

Японо-советские отношения во второй период военных действий на Тихом океане 203

Антисоветские военные планы японских империалистов в 1943—1944 гг. — 204.

Дальнейшая подготовка маньчжуро-корейского военно-промышленного плацдарма — 206.

Причины, побудившие японских империалистов отсрочить нападение на Советский Союз в течение второго периода военных действий на Тихом океане — 213.

Крымское соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего Востока от 11 февраля 1945 г. Денонсация советско-японского пакта о нейтралитете — 217.

Глава четвертая. Внешняя политика Японии в завершающий период военных действий на Тихом океане (9 мая — 2 сентября 1945 г.) 221

Внешняя политика Японии на первом этапе завершающего периода военных действий на Тихоокеанском театре (9 мая — 9 августа 1945 г.)

Капитуляция гитлеровской Германии и ее влияние на ход войны на Дальнем Востоке. Позиция японского правительства в отношении капитуляции Германии — 221.

Решения 87-й чрезвычайной сессии японского парламента (9—13 июня 1945 г.) — 227.

«Мирное» маневрирование правительства Судзуки (от капитуляции Германии до Потсдамской декларации) — 229.

Дальнейшее усиление антивоенных настроений среди народных масс Японии — 241.

Подписание Потсдамской декларации относительно Японии (26 июля 1945 г.). Борьба в правящих кругах Японии по вопросу о принятии Потсдамской декларации — 246.

Внешняя политика Японии на втором этапе завершающего периода военных действий на Тихом океане (9 августа—2 сентября 1945 г.)

250

Начало войны Советского Союза против империалистической Японии. Итоги наступления Советских Вооруженных Сил (9—14 августа 1945 г.) — 250.

Новое обострение борьбы политических группировок в правящих кругах Японии по вопросу о войне и мире — 254.

Имперское совещание 9—10 августа 1945 г. — 257.

Нота правительства Японии от 10 августа 1945 г. Ответ правительств четырех держав от 11 августа 1945 г. — 259.

Ожесточенные столкновения в правящих кругах Японии по вопросу об ответе правительствам четырех держав — 261.

Имперское совещание 14 августа 1945 г. Нота правительства Японии от 14 августа 1945 г. Подписание советско-китайского договора о дружбе и союзе, соглашений о Китайской Чанчуньской железной дороге, о Порт-Артуре и Дальнем — 264.

Попытки японских империалистов уклониться от капитуляции. Новая нота четырех держав — 267.

Резкое обострение политической борьбы в правящих кругах Японии. Отставка кабинета Судзуки и формирование правительства Хигасикунэ — 269.

Новые попытки путчей в августе 1945 г. — 272.

Контрнаступление национально-революционных армий в Китае. Попытки американских империалистов использовать войска Японии и Чан Кай-ши для уничтожения сил китайской демократии — 275.

Разгром Квантунской армии. Официальная декларация императора о безоговорочной капитуляции Японии от 2 сентября 1945 г. Подписание акта о безоговорочной капитуляции Японии — 279.

Упадок экономики Японии — один из важнейших факторов, ускоривших ее поражение в войне на Дальнем Востоке — 283.

Глава пятая. Против фальсификации истории войны на Дальнем Востоке (1937—1945 гг.)

290

Извращение причин возникновения и целей войны Японии против США и Англии. Отрицание исторической закономерности ее возникновения — 294.

Фальсификации целей и направленности тройственных военно-политических соглашений Японии, Германии и Италии — 298.

Фальсификаторы истории о целях построения японского «нового порядка» и «сферы процветания» и об «освободительном» характере войны в Китае и на Тихоокеанском театре — 300.

Мнимая и действительная роль государственных деятелей Японии, военщины (гумбацу) и монополий (дзайбацу) в подготовке и развязывании войны на Дальнем Востоке — 304.

Соединенные Штаты -- «невинная» жертва нападения Японии — 309.

Преувеличение роли американских вооруженных сил в завершении войны против Японии. Несостоятельность теории «поворотных пунктов» в военных действиях на Тихоокеанском театре и «особой» войны на Тихом океане — 312.

Преувеличение значения атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки в окончании войны против Японии — 316.

Буржуазные фальсификаторы истории о роли Советского Союза в разгроме империалистической Японии и завершении второй мировой войны — 319.

Фальсификации проблемы японо-советских отношений в годы войны, в особенности вопроса о советско-японском пакте о нейтралитете — 324.

Фальсификация роли японских коммунистов в период войны на Дальнем Востоке в 1937—1945 гг. — 334.

З а к л ю ч е н и е	341
И с т о ч н и к и л и т е р а т у р а .	354
У к а з а т е л ь и м е н ,	375

Гольдберг Давид Исаакович

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ В 1941—1945 гг.

Редактор *А. Белявский*

Оформление художника *Б. Шварца*
Художественный редактор *Н. Илларионова*
Технический редактор *Н. Ногина*

Сдано в набор 15 марта 1962 г. Подписано в печать 25 июля 1962 г. Формат бумаги 84 × 108¹/₃₂. Бумажных листов 6. Печатных листов 19,63. Учетно-издательских листов 21,3. Тираж 3000 экз. А-07720. Цена 1 р. 38 к. Заказ № 1384

Издательство социально-экономической литературы.

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ленинградский Совет народного хозяйства. Управление полиграфической промышленности. Типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
9	7 снизу (сноска 2)	1931	1932
75	2 снизу	Тодзё	Тоёда

Зак. 1384. Гольдберг.

1 р. 38 коп.

СОЦЭКГИЗ • 1962

ДИ
ГЛАДБЕРГ

576-176

95

1962

СОЦ
ЭКГИЗ

1962

ПОШТА

БС

ТЕ

У